

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

**ВИЗАНТИЯ
НА ПУТЯХ
В ИНДИЮ**

*ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ
ВИЗАНТИИ С ВОСТОКОМ*

в IV—VI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Введение

I. ВИЗАНТИЯ

Социальная характеристика Византии IV—VI вв. н. э.
„Полное описание мира и народов" и его автор
Торговля в ранней Византийской империи
Организация торговли в ранней Византии
О торговле с восточными странами в IV—V вв. н. э.
Заморские товары в империи

II. ПУТИ В ИНДИЮ

Карта Кастория
„Подорожные" и „Полное описание мира"
Козьма Индикоплов
Армянская география псевдо-Моисея Хоренского
Гавани и товары
Торговля шелком и караванные дороги

III. ПЕРЕПУТЬЕ

Источники по истории Химьяра
„Законы Химьяритов"
Эфиопия и Химьяр в V—VI вв. н. э.
Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э.
Заключение
Приложение

ПРЕДИСЛОВИЕ

В средневековой истории Востока существует ряд проблем, разработка которых помогает разрешить острые вопросы современности. С этой точки зрения социально-экономическая история Ближнего Востока в средние века представляет исключительный интерес для исследователя. Изучение периода разложения рабовладельческих форм эксплуатации и образования новых феодальных форм сталкивается с целым рядом трудностей. Между тем, именно в этот период складываются основные институты феодального порядка, пережитки которых существуют и до настоящего времени в странах зарубежного Востока.

Многогранность и сложность экономических и социальных явлений, разнообразие разрешаемых вопросов требуют от исследователя особого углубления. Настоящая монография посвящена одному из важных вопросов, решение которого имеет существенное значение. Исследование по истории торговли на Ближнем Востоке устанавливает, что в основном натуральное хозяйство Византийской империи в то же время может быть охарактеризовано наличием обмена. Торговля являлась одной из сторон экономической жизни и играла значительную роль на Ближнем Востоке в течение всего средневековья.

Тема эта могла быть разработана лишь на основании большого числа источников на разных языках. Все восточное Средиземноморье писало на греческом, официальном языке им-

перии, а языком законодательства до новелл Юстиниана был латинский. Историю торговли империи раскрывают греческие и латинские источники. Но законченным и полным исследование могло стать только при условии привлечения арабских и сирийских источников, т. е. источников на языках народов, принимавших участие в обмене. История доисламской Аравии и ее торговли дана автором на основании сирийских памятников и южноарабской эпиграфики, изучение которых открывает возможности для нового решения многих вопросов исторического развития Востока.

Для данной темы, как и для других работ, особенно велико было значение сирийских источников. История народов Советского Союза тесно переплетается с историей народов многих сопредельных стран, и потому сирийские хроники позволили автору дать монографию „Сирийские источники по истории народов СССР" (1941).

Сирийский язык был языком значительных масс населения Ближнего Востока и отражал в своих памятниках жизнь широких слоев населения. Поэтому привлечение этих источников наряду с другими материалами в настоящей и предшествующих монографиях („Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э.", 1940; „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.", 1946) дало автору возможность сделать попытку исследования истории трудящихся масс и проследить пути экономического развития общества на Ближнем Востоке в раннее средневековье.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение социальной и экономической истории Востока является одной из самых актуальных задач советских историков-востоковедов.

Многолетней темой работ автора является социальная и экономическая история Ближнего Востока в IV—VII вв. В этот период Восток жил сложной и напряженной жизнью, а две его могущественные державы, Византия и Иран, находились в теснейших сношениях с целым рядом других государств, народов и областей — Кавказом, Закавказьем, Арменией, Грузией и Лазикой. Арабские племена, в том числе гасаниды и лахмиды, находились в ближайшем соседстве, под протекторатом, в союзе или в сношениях с этими более мощными государствами. Города южной Аравии, в свою очередь, имели связи с многочисленными народами Африки и Азии. Товары из Эфиопии и Индии в значительной части переправлялись по караванным дорогам Аравийского полуострова.

В хозяйственной жизни Ближнего Востока в изучаемый период обмен несомненно играл значительную роль. Это особенно ярко чувствуется в документах, трактующих о торговых и дипломатических сношениях государств и народов. Торговые пути рано стали предметом военных притязаний и дипломатических заговоров. Большое значение имела, кроме морского пути в Индию по Красному морю, караванная дорога в Аравии вдоль его побережья. Через Иран шли пути, из которых один приводил в северную Индию, другой вел через Среднюю Азию в Китай. Наконец, местами труднопроходимый путь связывал Византию через Кавказ и северные прикаспийские области со Средней Азией.

Развитие торговых связей и торговли в раннем средневековье ни в какой мере не определяет социальных отношений эпохи. Прежде всего необходимо иметь в виду, что даже при наличии известного развития денежных отношений в ранней Византии, в Иране и Аравии — там господствовало натуральное хозяйство. Доминирующая роль в истории этого переходного периода принадлежит отношениям, связанным с землей, с ее обработкой, с положением непосредственных производителей на земле.

В изучаемый период в восточных областях империи существовало несколько социально-экономических укладов. Рабовладельческие отношения уступали место значительно развитому колонату, и несомненно были в наличии свободные крестьянские общества.

Если в настоящем исследовании специально рассматривается вопрос о торговле и торговых связях Византии, то только как одна из сторон экономической жизни империи, в частности городов, которые сыграли такую важную роль в устойчивости ее государственного устройства. Формы общественных отношений в городах и проявления жестокой классовой борьбы, имевшие место, указывают на то, что города эти, сложившись в рабовладельческий период, в острых формах пережили и разложение рабовладельческой формации. В городах нашлось достаточное количество горючего материала, чтобы ярко вспыхнуть в виде восстания демонов, го-

родских низов, колонов и рабов, стихийно искавших в этих восстаниях выхода.

Только сохраняя в поле зрения характер социального строя Византии, в котором доминирующую роль играло положение непосредственных производителей на земле, отмечая сложные явления классовой борьбы, осложненной борьбой в области идеологии, учитывая господствующее положение натурального хозяйства провинций,—только принимая все это во внимание, можно говорить о положении города, о его экономических связях, о значении торговли и обмена. Только рассматривая в таком аспекте положение городов и торговли, можно создать правильное представление о их истории. Торговля является лишь одним из звеньев экономического развития и хозяйственных отношений, но не может быть ни решающим, ни господствующим фактором в развитии социальных отношений. Экономическая жизнь этого периода подчинена явлениям натурального хозяйства, которое было тогда господствующим. Изучение торговли Ближнего Востока открывает возможность углубления понимания одной из экономических основ его государств.

В V—VI вв. Ближний Восток переживал глубокий кризис рабовладельческой системы, всего античного способа производства. Классовая борьба и социальные движения, в зависимости от конкретных исторических условий, принимали особый характер у каждого государства и народа, и идеологическая окраска народных движений была различна. Маздакитское движение, охватившее Иран в V и VI вв., грозные отзвуки которого слышались в течение веков, было движением, связанным с изменением общественных отношений. Начинаясь феодализация Ирана встретила отпор со стороны родоплеменных свободных общин земледельцев, искавших спасения от закрепощения. Рабы, в свою очередь, стремились к свободе, разрывая цепи ненавистного рабства. Наконец, различные этнические элементы Ирана — как сирийцы-христиане, иудеи, многочисленные, но теснимые господствующим персидским населением, — стали проявлять активность.

В Византии движение демов, сочетавшее элементы политической и религиозной борьбы, стремившееся сохранить остатки городского самоуправления античного полиса, в сущности своей было социальным движением, связанным с изменением общественных отношений. И здесь смена рабовладельческой формации феодальной проходила в острых социальных схватках, в которых участвовали разные слои населения города и деревни. Особую активность проявили массы крупных городских центров — Константинополя, Александрии, Антиохии. В Египте в начале VII в. в восстаниях участвовали земледельцы и „разбойники" — люди, вышедшие из рамок обычной жизни и сбросившие с себя ярмо налогов и ненавистный гнет. Умирять их была послана целая карательная экспедиция. Военные мятежи вспыхивали на азиатской, а особенно часто на северной, славянской границе. Солдаты требовали изменения режима в войсках, смещения того или другого военачальника, оказывали поддержку отдельным претендентам на императорский престол.

Все эти движения в целом были проявлением глубокого кризиса общества, изживавшего свои античные традиции и переходившего к новым формам социальных отношений. И. В. Сталин указал, что „такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых".¹

Аравия, игравшая значительную роль в торговле Ближнего Востока, переживала, в свою очередь, тяжелый кризис, следствием которого явилась „магометанская революция" (Энгельс).

Торговля этого времени дает возможность вскрыть целый ряд экономических и социальных явлений в жизни Ближнего Востока. Для обществ докапиталистического экономического значения торговли велико. По мнению Маркса, торговля подчиняет производство меновой стоимости, она „разлагает старые отношения", „увеличивает денежное обращение".² Такая роль торговли в древности и средневековье обуславливает ее значение и удельный вес в экономической характеристике государства. Отсюда та роль, которую падение торговли и новое направление торговых путей сыграло в завоеваниях арабов и образовании халифата.

В жизни южноарабских государств существенное значение имела транзитная торговля. Об этом говорит весь конкретный исторический материал, приведенный ниже. Повторные походы Абиссинии в южную Аравию, попытки восстановления самостоятельности Химьяра и, наконец, его завоевание персами жестоко ослабили города, привели к падению торговли, разорили население. Эти причины внешнего характера способствовали внутренним изменениям арабского общества, в котором древние рабовладельческие устои городов-государств были препятствием для дальнейшего развития производительных сил. Все процессы, происходив-

шие в жизни арабов, были связаны еще с одним важным явлением, общим для „всех восточных народов", — „оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части".³ Это является особенностью, создающей своеобразие в изменении структуры общества, в построении жизни и взаимных отношениях между городом и пустыней. Забывать этот элемент в движении, связанном с исламом, никак нельзя. Наличие кочевничества придавало своеобразную окраску и изменениям во внутренних условиях общества, где города-государства, возникшие на рабовладельческой основе, должны были неизбежно подчиниться новым формам государственного объединения. Вступая в борьбу с объединительными тенденциями и не имея сил перейти к новым формам общественных отношений, города оказывались жертвами разорений и нападений, которые они не имели сил отразить. Господство эфиопов, короткий период самостоятельности Химьяра, завоевания персов обличают раздробленность, обособленность, слабость как племенных образований, так и городов. Часть земель южной Аравии находилась в руках общин свободных земледельцев, „племен", о которых говорят многочисленные местные надписи. Их участие в строительстве ирригационной системы засвидетельствовано в VI в. Завоевания и разорения затрагивали эти племена, так как нарушение орошения в одном месте приводило к запустению большие пространства земли.

Социальный кризис в Аравии имел корни в различных явлениях, прежде всего в развитии самого общества, в котором назревали новые противоречия. Эти последние создавались обострением отношений между кочевой и оседлой частью арабов. Бедуины в обычной обстановке имели возможность удовлетворять свои нужды путем обмена с городами. Военные действия приводили к разорению не только оседлой части населения. Постоянные разрушения ирригационной системы ставили под удар сельскохозяйственную продукцию, приводили в смятение города, принуждали большинство жителей к тяжелым работам по восстановлению орошения. Такое отягощение населения не всегда могло проходить без последствий, оно вызывало недовольство. Нет сомнения, что эти факты в городах и у населения, занятого сельским трудом, создавали материальные затруднения, которые не могли не отражаться и на арабах-бедуинах. Для последних, в связи с общим недостатком, сокращалась возможность обмена, получения необходимых для них сельскохозяйственных продуктов, изделий ремесла. Это нарушало относительное равновесие, в котором находились оседлая и кочевая части арабского общества.

Разорения, необеспеченность безопасности дорог создали застой в торговле, а затем привели к ее падению. Направление дорог изменилось, они стали обходными. В этом отношении характерно, что, например, для Козьмы Индикоплова торговля южноарабских городов уже не представляется значительной. Веком позднее, в начале VII в., после войн и разорений, принесенных эфиопами и персами, торговля упала в еще большей степени. „Ко времени Магомета торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка ...".⁴

Падение торговли в „Счастливой Аравии" отразилось сильнее всего образом и на состоянии городов Хиджаза, не только Йемена. Экономический и социальный кризис породил условия, в которых оказалось возможным появление новой религии — ислама. Основоположники марксизма с большой глубиной учитывали все особенности эпохи. Маркс писал: „почему история Востока принимает форму истории религии?"⁵ тем самым указывая, что явления идеологического порядка имели глубокие корни в общественной жизни. В создании мусульманства приняли участие разные элементы. Проблема ислама сама по себе настолько значительна, что требует особого углубленного исследования исламоведов-арабистов. Но нельзя не указать на то, что в это новое религиозное учение вошли не только элементы христианства и иудаизма, но и древняя арабская „традиция монотеизма".⁶ И в этом больше всего убеждают те данные, которые известны из древнеарабских надписей. В настоящее время их число настолько велико и они изучены с такой полнотой, что не вызывают никакого сомнения в монотеистических представлениях некоторых из тех, кто их составлял.

„Магометанская революция" была мощным движением, объединившим оседлые и кочевые элементы арабского общества, в консолидации сил которых значительную роль сыграла и новая идеология — ислам.

Затухание торговли побудило арабов искать выхода в пути на север, чтобы овладеть теми торговыми и караванными дорогами, которые находились за пределами Аравийского полуострова и тянулись по Сирии и Месопотамии, наиболее богатым и торговым областям Азии.

В жизни областей Средней Азии торговля также имела большое значение, в ней было немало своих товаров и проходил транзит в Китай и северную Индию. И здесь в раннем средневековье караванная торговля наложила свою печать на ряд явлений. Неслучайно, что хозяева караванных дорог, сменяя друг друга, — гунны, хиониты, эфталиты, тюрки, — сами начинали принимать участие в торговле, подчиняя ей свое хозяйственное развитие.

В экономике прошлого народов Востока торговля играет, несомненно, значительную роль. На колымажках верблюдах, уходивших по древним дорогам песков и пустынь в далекие страны, на легких парусных и тяжелых весельных кораблях пестрые товары перевозились из страны в страну. Но значение и роль торговли во всем ее объеме могут быть оценены лишь при целостном изучении экономических и социальных явлений, в связи с классовой борьбой, с характером общественных отношений эпохи, с глубокими изменениями, которые в них происходили. Только такое изучение может дать результаты, которые отвечали бы требованиям советской исторической науки.

И ВИЗАНТИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИЗАНТИИ IV—VI вв. н. э.

11 мая 330 г. было торжественно отпраздновано открытие новой столицы Римской империи—Константинополя. Древняя мегарская колония, имевшая исключительно счастливое географическое положение, став политическим центром, начала быстро расти, пополняться населением и отстраиваться со всевозможной пышностью. Однако Константинополь не сразу занял положение первостепенного экономического центра, которое сохранил за собой до XV в. В жизни Средиземноморья в течение веков выдающуюся роль играли города, возникшие в древности и в эллинистический период. Среди них особенно видное положение занимали Антиохия в приморской Сирии, Александрия в Египте, города Малой Азии, Междуречья, Пелопонеса. В памятнике 350 г. „Полное описание мира и народов" ¹ дана живая и наивная характеристика Александрии как крупнейшего центра морской и сухопутной торговли, куда стягивалась вся, предназначенная к вывозу, сельскохозяйственная продукция Египта, — величайшего культурного центра, где процветали философские школы всех видов, наука, в частности медицина, языческая религия. Описание Александрии и других городов и областей восточной части империи и их экономических особенностей воссоздает картину, полную жизни. Автор — торговец, объездивший эти области, — оставил сведения о том, какими природными ресурсами, сельскохозяйственными продуктами богата та или другая из них, где развито скотоводство и имеются табуны лошадей, стада мелкого и крупного рогатого скота, в каких городах ремесленники ткут, окрашивают и изготавливают лучшие одежды из шерсти и льна. Восточные области империи могут быть охарактеризованы как области, в которых хозяйство было натуральным, но где широкий обмен поддерживал и развивал денежные отношения. Для периода IV—VI вв. эти особенности экономики в основном объясняют сопротивляемость и стойкость восточных областей империи, вышедших из тяжелого кризиса рабовладельческой системы.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Смена общественных отношений рабовладельческого характера общественными отношениями нового типа, феодального, протекала на западе Римской империи в бурных формах. Восстания рабов, с одной стороны, и настойчивые германские завоевания, с другой, подорвали и разрушили Римскую империю на западе. Обе эти силы, сыгравшие первостепенную роль в разложении рабовладельческого общества и в создании новых форм общественных отношений, несомненно действовали и на востоке империи. Но в восточной части империи было много своеобразия, особенностей, которые неизбежно должны были породить своеобразие и особенности в развитии и создании феодальных форм отношений. Вопрос о том, какие силы действовали, задерживая процесс разложения рабовладельческого общества, и какие силы создавали новое феодальное общество в Восточно-Римской империи, решается на основании рассмотрения целого ряда сложных явлений.

В аграрных отношениях обращает на себя внимание тот факт, что население, занятое

сельскохозяйственным трудом, не представляло собою однородной массы. Законодательством засвидетельствовано большое число рабов и колонов, трудившихся на полях, в виноградниках и садах, — об этом говорят как правовые сборники, так и частновладельческие, юридические документы. Большой удельный вес следует признать за колонами. Наиболее благоприятные условия были у свободных колонов (*coloni liberi*), которые юридически были ближе к свободному состоянию, пользовались правом перехода и имели собственность.

Большая часть населения находилась, однако, в положении колонов приписных, их состояние определялось термином „*ascriptitius*” (т. е. приписанный или записанный за владельцем, на земле которого он сидит). Колон приписной не имел права покинуть свой участок. Вместе с землей, которую он обрабатывал, он учитывался государством как нечто единое и с ней попадал в цензовый список для исчисления податей, который, однако, составлялся на имя землевладельца. Участок приписного колона числился, следовательно, за собственником и сам он становился в положение, близкое рабам, занятым земледельческим трудом (*servi rustici*).

К числу рабов принадлежали и так называемые *originaii* — уроженцы, т. е. рабы потомственные, родившиеся рабами и наследственно сидящие на данном участке земли владельца.²

Государство всячески старалось привязать земледельца к участку. Аренду, длящуюся свыше 30 лет, закон Анастасия делал обязательной для обеих сторон. Колон не мог оставить своего участка земли, так же как землевладелец не мог отказать ему в этой аренде. Независимый или полузависимый человек, связанный лишь арендой, на основании этого закона терял свободу передвижения, прикреплялся к тяглу.³

Следует отметить и другое явление, — наличие в V и VI вв. сидящих на монастырской, церковной или епископской земле париков. Этот термин хорошо известен в более поздних документах и монастырских актах; для этого раннего времени он встречается в сирийских хрониках как сирийский эквивалент термина „парики”, *lārokoī* — *tautbe* (от корня *iteb* „сидеть”). Вербовались в число париков наиболее бедные представители непосредственных производителей и жили на монастырской земле в положении крепостных.⁴

Формы зависимости были различны, различна была и степень зависимости, как и экономическое и правовое положение населения, занятого сельскохозяйственным трудом. В течение долгого времени не привлекали к себе должного внимания свидетельства источников о свободных крестьянах в ранней Византии и их общинах, живших самостоятельной, более или менее независимой жизнью.

В азиатских провинциях существование деревень, объединявших свободных крестьян, не связанных с каким-либо собственником, удостоверяется сирийским Законником, памятником доюстиниановского права. В селении *krīta*, по закону, вскрытие завещания, если вещи, подлежащие наследованию, „малые и бедные”, — должно происходить в присутствии местных клириков (*kašīše ve mešamšane*) и „старцев, которые управляют селением”. *Saba* обозначает старого человека, но может значить и староста. Деревенские старосты известны по данным агрологической литературы, о них имеются сведения в папирологических памятниках. Старосты, или „старцы”, ведали сбором податей, учетом и распределением повинностей и представляли свое селение перед властями. Селение было, таким образом, центром свободных крестьян, живших общиной.

Тот же сирийский Законник упоминает об общих пастбищах, полях, которыми владели сообща, подтверждая, таким образом, наличие свободных крестьянских общин в ранней Византии.⁵

Различные памятники свидетельствуют о скоплении обширных имений и земель в руках собственников, которые принадлежали к сенаторской верхушке, пользовавшейся привилегиями и стремившейся их увеличить.⁶ В числе крупных земельных собственников был сам император, имевший обширные угодья, управлявшиеся специальной канцелярией во главе с комитом.

Наряду с частным землевладением существовали большие поместья, принадлежавшие епископам и монастырям.⁷ Земли этих собственников обычно делились на участки, которые обрабатывали рабы и колоны, находившиеся в разной степени зависимости от своего господина.⁸ Практиковалась также сдача в аренду отдельных участков, о чем свидетельствуют частные документы, известные на основании папирологического материала, сохранившегося в Египте.⁹

Все непосредственные производители на земле были обязаны податью государству, выплачиваемой главным образом натурой. Статья сирийского Законника дает наиболее полное

представление о том, как взималась эта подать. Размер ее устанавливался в зависимости от качества насаждений и плодородности земли. Производимая оценка, в ряде случаев с дополнительным учетом количества непосредственных производителей, сидевших на участке, и рабочего скота, записывалась; это были кадастровые записи, на основании которых составлялась общая роспись кадастра для данной провинции.

В основу измерения пространства в этой статье Законника положена филетеровская система, по которой миля = 1000 шагам, составляющим 500 тростей (тростников, сирийское *kanja*); одна трость = 8 локтям; 100 кв. тростей = 1 плетру; плетр = 1260 кв. м. Возможность перевести меры и сопоставить их с современными имеет большое значение.

Законник говорит, что „земли были измерены в дни императора Диоклетиана“, и, следовательно, был утвержден кадастр. Составленный путем записи кадастр действовал в течение 15 лет. Латинский термин *jugum*, имеющий смысл податной единицы, транскрибирован в сирийском с греческого *ιουγόν, ζυγόν* и объяснен как „иго“ или „тягло“ (*pediona*). Смысл постановления заключается в том, что по своим качествам земля разделяется на 1-й, 2-й и 3-й сорта, или разряды, соответственно чему определяется количество земли, отвечающей одному податному тяглу, с которого должны поступать анноны. *Jugum* есть тягло, с которого подать составляет определенную сумму (в деньгах или в продукции, или в том и другом вместе), но тягло само по себе может охватывать большее или меньшее количество земли, в зависимости от ее качества.

Меры, приведенные в сирийском Законнике, могут быть сопоставлены с современными: посевная земля 1-го сорта в 20 югеров=40 плетрам=50.400 кв. м; посевная земля 2-го сорта в 40 югеров=80 плетрам=100.800 кв. м; посевная земля 3-го сорта в 60 югеров = 120 плетрам = 151.200 кв. м.

С указанного количества земли каждого сорта взимались анноны одного тягла. Самая подать с тягла, включавшая денежные и натуральные отчисления, была постоянной величиной, но она взималась в этом размере с большего или меньшего количества земли, в зависимости от ее плодородности. Такие же подразделения существовали и для оливковых деревьев. 225 деревьев 1-го сорта давали анноны одного тягла. Оливы 2-го сорта составляли одну податную единицу в количестве 450 деревьев. Занятая под виноградником земля, в размере 12.600 кв. м = 10 плетрам, давала анноны одного тягла.

Горные земли по своеобразию условий требовали особого учета. Государственные чиновники, занимавшиеся установлением кадастра, чтобы не было пристрастия, вызывали крестьян из других нагорных областей, которые, по своим соображениям, устанавливали, с какого пространства земли на горе мог быть собран модий пшеницы или ячменя. Расчет не мог быть сделан людьми, не знакомыми с местными условиями. Общему учету подлежали также земли незасеянные, служившие пастбищем скоту. Они облагались определенной денежной суммой, которая вносилась в казну (*ταμίειον*) раз в год. Это был общий выгон, с которого деревня платила в год 1 динарий, 2, 3 и более. Подать, оплачивающая пастбища, названа *συντέλεια* (в точном переводе — общая повинность или общая подать, обозначавшая в V, VI вв. денежные взносы). Кадастр, составленный путем такой записи, действовал в течение 15 лет, что послужило к счету индиктионами.¹⁰

Система податного обложения земли в том виде, как она дана в Законнике, или в несколько измененном, сохранилась и была действенной в азиатских византийских провинциях в IV, V и VI вв.

О способе взимания налогов, которые производились как продуктами, так и деньгами, сообщают также новеллы.¹¹ Сохранились также расписки арендаторов, которые вносили, кроме аренды продуктами, и государственную подать с арендованной ими земли.¹²

Какое значение придавали в Константинополе систематической доставке хлеба из Египта, который был его житницей, можно судить на основании новеллы 128, в которой подробно изложено, как и когда именно должен следовать хлебный караван. Наблюдение за ним поручалось августалию — правителю Египта. Так, артабы пшеницы, вносимые и отчисляемые в качестве государственного налога — аннон, — сливались вместе, образуя огромное количество зерна, которое предназначалось для прокормления столицы. Прекращение доставки зерна ставило ее под угрозу голода.¹³

Государство, стремясь обеспечить бесперебойное поступление податей, стремилось прикрепить крестьян к земле. В то же время желание сохранить в непосредственной зависимости от себя мелкое землевладение побуждало государство препятствовать широко распростра-

ненному явлению — патронату. Экономически сильные и пользовавшиеся привилегиями владельцы принимали под свое покровительство маломощных собственников, обеспечивая им безопасность от притеснений и вымогательств государственных чиновников. Патрон, путем фиктивно заключенной сделки, получал в собственность землю, которую тут же передавал ее фактическому владельцу. Сделка обеспечивала последнему распространение привилегий патрона на его землю, но всецело передавала его в руки последнего и закрепощала его. Византийский государственный аппарат умел виртуозно вымогать различные подати, налагать обязательства, требовать налоги, жестоко карая за невзнос. Помимо того, население было обязано целым рядом дополнительных работ, литургий, поставкой материала для строительства, например при возведении стен и крепостей в городе или починке дорог, или выпечкой хлеба и сушкой сухарей для армии. Наконец, особенно тяжелым был постой солдат, который разорял как городское, так и сельское население.¹⁴ На плечи непосредственных производителей падал двойной гнет податей и натуральных повинностей не только государству, но и землевладельцу.

Приниженное и бесправное положение крестьянства было таково, что недовольство, восстания и волнения были весьма частыми явлениями. Податной гнет особенно усилился в царствование Юстиниана, аграрное законодательство которого носило реакционный характер. Один из его ближайших преемников, Тиверий, вынужден был снять с крестьян не только недоимки, но и четвертую часть ежегодной подати. Следует указать и на возникавшие стихийные бедствия — недород, засуху, налеты саранчи. В Египте были годы, когда разлив Нила не покрывал земельных участков и урожай бывал плохим. В VI в. чума несколько раз посетила области Передней Азии и доходила до самого Константинополя, выкашивая целые области. В результате всех этих обстоятельств положение крестьянства было тяжелым, порой становилось невыносимым и, при всей его приниженности, вызывало активный протест и восстания. Составленная в первых годах VI в. сирийская хроника Иешу Стилита дает яркое описание жестокого голода и чумы, постигших азиатские провинции Византии. Автор сам пережил эти события и сохранил в погодных записях сведения о последовательном росте цен на хлеб и другие продукты, о массовой смертности, после которой деревни и города оставались пустыми.¹⁵

Стихийные бедствия и тяжелые налоги приводили к тому, что непосредственные производители частью вымирали, частью покидали насиженные места и, убегая, пополняли ряды нищих и бродяг. Землевладельцы не могли выплачивать податей с таких обезлюдевших участков и также покидали их. Таким путем умножалось число *agri deserti*, „пустых земель“, покинутых и господином, и крестьянами. Но византийское правительство стремилось восстановить возможность получения податей и стало широко применять „прикидку“ или „надбавку“, *επιβολή*. Экономически более крепкому соседу добавляли такие покинутые земли, предоставляя ему право их использовать и обрабатывать, возлагая на него, вместе с тем, обязанность выплачивать с этой „прикинутой земли“ подать государству. О применении этих мер, известных еще в римском Египте, сохранились законодательные акты и, что не менее ценно, рассказ Прокония Кесарийского о том, как тяжела и разорительна была надбавка для землевладельцев.¹⁶

Распространенным явлением были долгосрочные аренды *εμφοτεύσις*, которые передавались по наследству прямым наследникам — детям и внукам. Государство ограничивало возможность передачи такого рода аренды другим наследникам, так как *эмфитевт* платил на $\frac{1}{6}$ долю меньше установленной нормы платы. Сведения о „каноне“ должны были быть тщательно собраны и снижение устанавливалось в зависимости от оценки производительности данной земли за 20 лет.¹⁷

Таким образом аграрные отношения в Византии IV—VI вв. характеризуются наличием крупного землевладения, состоявшего из императорских доменов, светских и церковных земель. Непосредственные производители в массе своей были прикреплены к земле, но степень их зависимости от господина и юридические права имели много различий. Посаженные на землю рабы (*servi rustici*), рабы — уроженцы данного участка земли (*originarii*), приписанные колонны (*censiti, adscriptitii*), свободные колонны — все были прикреплены к земле, а круговая повинность тяжело связывала свободные крестьянские общины деревень и селений. Тяжесть государственного налога и арендных взносов землевладельцам побуждала все категории этого сельского населения бросать насиженные места и уходить. Государство боролось с этим, распространяя прикрепление на все большие группы и делая его все строже. Такой характер носила, в сущности, реакционная политика эпохи Юстиниана. Сельское население находилось в тяжелом положении.

Экономический гнет и юридическое бесправие рождали внутреннее возмущение и про-

тест, которые поддерживались в области идеологии многочисленными ересями и толками. Так, в Египте и Сирии укоренилось в V—VII вв. монофизитство как особое „восточное" вероисповедание. Оно удовлетворяло в этих провинциях сепаратистским тенденциям, которые были свойственны верхам как светским, так и духовным. Последние были недовольны своим второстепенным положением и стремились занять наиболее высокие посты клерикального управления. Все это вместе создавало для непосредственных производителей на земле византийских провинций особенно тяжелое положение. Отторгнутые на некоторое время персидским, а затем потерянные для Византии в арабском завоевании, эти области испытали известное облегчение. Податное бремя, в первые десятилетия захвата их арабами, было несколько смягчено, прекратились и вероисповедные гонения. Но и провинции, оставшиеся в составе Византии, перенесли глубокие внутренние изменения, формы эксплуатации изменились, податная система и способы обложения приняли другой вид. Рабство и колонат уступали свое место крепостной форме эксплуатации, совершался переход к феодальной формации.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Наличие больших городов с ремесленным и торговым населением на востоке империи имело известное значение в ее судьбе. Восточная часть Римской империи, экономически более сильная, благодаря целому ряду причин, в том числе своим торговым оборотам и широким торговым связям, могла с большим успехом противостоять кризису. В Египте — хлеб, ткани, папирус, в Сирии — изделия ткацких мастерских и предметы из цветного стекла — были продуктами потребления местного населения и увозились далеко за пределы этих областей. Обмен этими и многими другими товарами создавал несравненно более живой хозяйственный оборот, чем в западных областях.¹⁸ Городские торговцы и ремесленники были объединены в корпорации, деятельность которых регламентировалась и контролировалась епархом, судьей или эгоном города. Государственные и царские мастерские, а таких было немало, зачастую обслуживались рабским трудом. Разорительная внешняя политика, многочисленные сооружения, строительство, роскошь двора привели к опустошению казны, и потому финансовая политика VI в. ставила себе целью всеми возможными средствами добиться повышения податей, налогов и всякого рода поступлений в казну — отсюда вмешательство и регламентация государством торговли и ремесла.

Городское население, зарабатывавшее свой хлеб разными видами ремесла и тяжелым физическим трудом, облагалось государственным налогом. В некоторых провинциях можно отметить еще в IV в. взимание подушной или поголовной подати, сохранившейся от римского времени, которую постепенно отменяли сначала в крупнейших центрах, а затем она и вообще была снята с городского населения. Но особенно много жалоб вызывала денежная подать, известная как хрисаргир — „золотосеребряная", т. е. выплачиваемая деньгами, золотом или серебром. Хрисаргиром облагалось всякое ремесло, всякая торговля, его взимали с единственной собственности перевозчика грузов — осла, его платили блудницы. Всю тяготу этой подати и тот восторг, который охватил городское население, когда ненавистный налог был снят, живо описал историк VI в. Евагрий.¹⁹ Об этом сообщают и сирийские источники, устанавливая точную дату его уничтожения — 498 г.²⁰

Возлагая непомерную тяжесть налогов, государство одновременно стремилось привязать человека к его профессии, запрещая в ряде случаев покидать ее тем, которые ею занимались. Таково было положение занятых чеканкой монеты, ткачей царских мастерских и обрабатывающих руду. Последним даже ставили клеймо на руках, как это полагалось и рекрутам.

Стремление императора, а иногда и правителей областей, к собственному обогащению приводило к тому, что они использовали всякие возможности, чтобы обогатиться куплей и продажей каких-нибудь товаров. Следствием спекуляций и принудительных мер было разорение ремесленников и мелких торговцев. Примером этого могут служить осложнения в изготовлении и торговле шелком.²¹ Для городских низов крайне обременительными были непосильное обложение, вызывавшее изнурительное недоедание, сменявшееся голодом; множество различных обязанностей. Не раз нарушала равновесие и приводила в волнение города тяжелейшая из повинностей — постой солдат. Такое выступление имело, например, место в Эдессе в 505 г., когда ожесточившееся население поднялось, требуя вывода из города войск, которых не снимали с границы ввиду переговоров о мире с Ираном. „Смельчаки" из горожан вывесили на самых людных местах города „хартии", в которых выражали свое неудовольствие и возмущение военачальником и правителями.²²

Византийские города, особенно Константинополь и древние столицы эллинистических

государств, как Александрия, Антиохия, Афины, Коринф, Эдесса, жили традициями эллинистических городов, которым остался верен и римский провинциальный город. Вся структура города, его план, памятники материальной культуры находились в неразрывной связи с их историческим наследием. Тот же план города с главной улицей, деление на кварталы, расселение в соответствии с занятиями и ремеслом, связь прихода со своим храмом, а потом с церковью — все это имело старые корни. Памятники материальной культуры еще в большей степени связывали прошлое с настоящим. В управлении города, в его общественных учреждениях эта традиция была еще сильнее. Роль префекта претория, чиновников фиска, традиции жизни города с его рынком, шумными площадями и улицами, управлявшимся ночным епархом, — все это уходило в античное прошлое городов. С этой традицией тесно связываются зрелища — цирк и ристалище, столь прославленные в Риме.

Второй Рим — Константинополь оказался во власти тех же явлений рабовладельческого мира, хотя и несколько модифицированных. И здесь, на Востоке, рабовладельческая форма эксплуатации уступала свое господствующее положение новым формам эксплуатации. И здесь смена общественных отношений прошла при резком обострении классовой борьбы. Наиболее сильными ее вспышками были восстание Ника 532 г. и длительные волнения в начале VII в. Своеобразие этого общественного движения было связано с участием в нем городских организаций, известных под общим названием демов.

От представления о демах как спортивных организациях исследователи пришли к выводу, что они играли роль в политической жизни государства, и, наконец, нельзя сомневаться в социальном характере движений, в которых принимали участие демы.

От наивного представления о демах как организациях спортивного характера наука освободилась благодаря статье Ф. И. Успенского, впервые указавшего на то, что демы являются народной организацией.²³ А. П. Дьяконов пришел к выводу, что „дем“ обозначал „территориальную общину“, организация которой покоилась на квартале — гейтении. Демос — организованный народ — должен быть противопоставлен неорганизованной толпе. У демов были гражданские права, которые они осуществляли, принимая, например, участие в избрании императора. Они пользовались правом ношения оружия и имели военные функции. Наряду с демами существовали организации спортивные — факции,²⁴ которые возникли на ипподроме.

Кварталы-гейтении факции голубых находились в старом городе и его предместьях и были заняты аристократами и их „клиентами“. Кварталы зеленых находились за стеной старого города, в городе Константина, там преобладали „купцы и рабочие“.²⁵

Демы родились в рабовладельческом городе и были организацией свободных граждан города — демосом. Факции были цирковыми партиями, связанными с ристаниями, с жизнью цирка. Длительные волнения и восстания в городах были по своему характеру не столько борьбой политических партий, сколько классовой борьбой различных социальных групп.²⁶ Враждебные друг другу верхи демов вели постоянную борьбу — голубые, к которым принадлежали аристократические слои, собственники пригородных имений и вилл, приверженные православию, составляли одну группу; зеленые, преимущественно объединявшие кварталы торговцев и ремесленников, противопоставляли себя им. В эту борьбу втягивались и низшие слои населения, со стороны голубых — колонны и приписные загородных вилл, со стороны зеленых — мелкие торговцы, ремесленники. Часть этого простонародья и не составляла демов, не входила в состав организованного в демы населения, а лишь принимала участие в борьбе, примыкая к той или другой факции.

Деление на зеленых и голубых следует рассматривать как два направления, две различные группы общества, которые вступали в борьбу, имея разные причины и поводы для проявления вражды. Но неизмеримо большее значение имеет рассмотрение роли масс, которые примыкали к ним. В острые моменты низы объединялись, независимо от того — примыкали ли они к зеленым или голубым, и вступали в борьбу с правительством.

Массы не имели общих интересов с богатой верхушкой демов. Моряки, работники доков, грузчики, мелкие торговцы и ремесленники, арендаторы, колонны и приписные пригородных имений, наконец, бродячий, нищий, без определенных занятий люд — составляли массу, низы. К ним примыкали и рабы или лица, положение которых мало отличалось от положения рабов. Эти массы, низы населения, и составляли главную силу движения, они стихийно объединялись и общими усилиями громили правительство и верхи.

Движение демов возникло в рабовладельческом обществе, а его активизация была связана с разложением этого общества. Демы протестовали или выражали свое недовольство по

поводу управления города, осуществлявшегося епархом или префектом. Это было последним проблеском, воспоминанием о самоуправлении эллинистического города. Но силу, мощь этому движению придавали городские низы, которые приходили в волнение в связи с экономическими затруднениями — недостатком продуктов, хлеба.

На востоке рабовладение не приняло таких чудовищных размеров, как на западе, но и здесь рабовладельческие формы эксплуатации и их переходная форма — колонат — перестали соответствовать росту производительных сил, тормозили их.

Городские центры стали проявлять величайшую активность. Движение демов и городских низов шло навстречу и сливалось с повторными восстаниями армий, угрожавшими спокойствию империи. Источники сообщают о движении сельского населения в Египте, Палестине, близ Антиохии.

Восстание в Египте в начале VII в. связано с низшими слоями населения. Мощным элементом этого восстания были „разбойники“, т. е. люди, вышедшие из обычных рамок жизни, сбросившие с себя бремя непосильной эксплуатации. Участников движения хроника объединяют под общим названием „рабы и варвары“, „разбойники“. К восставшему городскому и сельскому населению присоединялись бродяги, нищие, беглые, которые во множестве бродили по провинциям и городам Византии. Народные движения, бунты солдат, волнения демов, — все эти явления знаменовали кризис рабовладельческого общества.

Как и на западе, на востоке старые общественные отношения разлагались и другой силой — завоеваниями и иммиграцией варваров. Сила эта в то же время была созидательной, творящей, образующей, делающей все более интенсивными процессы феодализации. Наиболее сильно и длительно было воздействие славян, глубоко проникавших на территорию империи. Известная роль принадлежала арабским племенам, находившимся под протекторатом или в соседстве с империей, которые расшатывали, в свою очередь, обветшалое здание рабовладельческого государства. Завоевания „варварами“ в VII в. части европейских, африканских и азиатских провинций были встречены населением как приход „избавителей“ (Ф. Энгельс). Славяне и арабы овладели значительными территориями империи.

В истории Ближнего Востока IV—VII века н. э. являются переломным периодом, в течение которого произошел ряд изменений, характерных для смены одной общественной формации другой. Кризис рабовладельческой системы эксплуатации в восточных областях империи был вскрыт и оценен во всей своей значимости лишь советскими исследованиями, которые путем критического пересмотра материала, его детального анализа и переосмысления дали новую оценку жестокой классовой борьбе поработенных и угнетенных масс в этот период. Для восточных областей Византийской империи социальные движения в V—VII веках были знаменательны.

В трудах И. В. Сталина дано в завершенном, выкристаллизованном виде учение об общественно-экономических формациях. „Истории известно пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический“. ²⁷ Анализируя типы общественных отношений, И. В. Сталин указывает на то, что „переход от старых производственных отношений к новым... происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых“. ²⁸

Так, „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами“. ²⁹

В тяжелых схватках классовой борьбы начала VII в. рабовладельческая система эксплуатации в Византии была разрушена, хотя рабовладельческий уклад надолго пережил эту систему.

Славяне и арабы, вливаясь в империю, также меняли ее общественный строй и способствовали развитию новых отношений. Строившаяся на основе новых форм и отношений Византия становилась уже своеобразным феодальным государством, где наличие свободных крестьянских общин, развитие ремесла и торговли и ряд других особенностей создали ей устойчивость, благодаря которой она существовала много столетий.

Экономическая характеристика поздней империи Рима и времени возникновения нового центра ее на востоке неоднократно давалась различными исследователями. Характеристика эта, как правило, получала заголовок „падение" или „закат" империи и далее состояла из данных, указывающих на ее плачевное положение, разложение, разорение, данных, почерпнутых из многоречивых жалоб разорявшихся собственников латифундий — рабовладельцев. Эти жалобы исходили от римских сенаторов, от крупных владельцев недвижимой собственности африканских областей, принадлежавших Риму.

Для того же периода имеются материалы, на основании которых можно говорить об экономической стойкости восточной части империи. К числу такого рода сведений следует причислить законодательные данные, богатый нумизматический материал и сообщения хроник, свидетельствующие о богатстве, военной и экономической мощи восточных областей империи в IV—VI вв. Перенесение центра империи на восток особенно благоприятно отозвалось на торговле, которая стала развиваться со все возрастающим успехом. Значение Константинополя — Византии как „золотого моста" между востоком и западом лишь начинало им приобретаться, когда этот город стал политической столицей. Господствующее положение в качестве экономических, культурных и научных центров в IV в. еще попрежнему занимали Антиохия в приморской Сирии и Александрия — в Египте. Свое значение они не потеряли и в последующие века, когда Константинополь приобрел положение мирового рынка, центра, куда сходились пути материков и морей. Оживленные торговые сношения и экономическое процветание восточной части империи подтверждаются памятником IV в., подлинность которого и дата не подвергаются сомнению.

Трактат „Полное описание мира и народов" (*Expositio totius mundi et gentium*) сохранился в двух вариантах. Старейший из них (А) был опубликован еще в 1628 г. комментатором кодекса Феодосия Яковом Готфридом. Вторая версия, позднейшая (В), дошла в двух рукописях. Оба варианта напечатаны параллельно в серии „Малые греческие географы",¹ где первое место заняла позднейшая версия и второе — старейшая.

Сравнение обоих латинских вариантов „Описания" привело исследователей к выводу, что первый, старейший текст составлен автором, плохо владевшим латинским языком. Второй, позднейший вариант является лишь переложением первого текста на более корректный латинский. Комментарий и исследования „Описания" с точки зрения подыскания параллельных оборотов, литературного и лингвистического анализа сводились к тому, чтобы как-то разъяснить неправильности языка, его вульгаризмы. В первую очередь их объясняли тем, что памятник в целом считали переводом с греческого.² Затем эта точка зрения была поколеблена³ и были высказаны предположения, что родиной автора была Сирия или Египет.⁴ Но к окончательному мнению о языке „Описания" не пришли.

Вопрос об авторе и времени составления трактата может быть решен на основании данных самого памятника. Трактат содержит 67 параграфов в первой версии (А) и 68 во второй (В), из этого числа одиннадцать (§§ 23—33) относятся к Сирии, а четыре больших, подробных параграфа сообщают о Египте. Автор дает политическое деление Сирии, ему известны названия 20 ее городов. Исходя из ее географического положения, автор „Описания" располагает и другие области, как, например, Египет, Аравию. Несомненно, он был уроженцем и жителем Сирии, подданным империи, и по своему происхождению принадлежал, вероятно, к сироязычному населению. Он освоил как греческий, так и латинский языки, но знания эти были ограничены, он слабо владел этими языками, допускал много ошибок, что и заставляет думать, что он принадлежал к „семитическому населению" Сирии.⁵ Автор трактата много путешествовал по своим торговым делам, в том числе несколько раз посетил Александрию. В экономике многих областей и городов особенно Сирии и Александрии, он превосходно осведомлен, и сведения, сообщенные им, почерпнуты из личного опыта. Писал он свой труд, вероятно, на родине, после путешествий. Эти данные о нем роднят его с писавшим двумя веками позднее Козьмой Индикопловом. Автор трактата исходил из практических интересов, желания дать кратко необходимые сведения о городах и товарах „мира", которым был для него Средиземноморский бассейн.

Трактат может быть точно датирован на основании того, что в нем упоминается землетрясение в Диррахуме, бывшее в 346 г. (§ 53), и постройка Константином гавани в Селевкии (Сирия), которая была завершена в 347 г. (§ 28). Кроме этих *termini post quos*, имеются данные, позволяющие еще более точно установить дату трактата. Названный в 28-м параграфе император Констанций царствовал один только после января 350 г., когда было совершено убийство

его соправителя Констанса. В сентябре 350 г. Констанций посетил Нисибин и ряд других городов на востоке, а в декабре того же года он находился на Балканах в городе Нише (Наиссе). В 349 г. и также между январем и сентябрем 350 г. он был в Антиохии. „Описание мира" было составлено именно в то время, когда Констанций находился в столице Сирии — Антиохии, так как к ней относятся слова „где и живет владыка мира" (*ubi et dominus orbis terrarum sedet*, — §§ 23, 32). Таким образом, единственно возможной датой составления „Описания" может быть 350 г. Два места в трактате вызвали некоторые сомнения в их толковании, ввиду неправильности и неточности латинского текста, тем не менее объяснения им уже даны. Так, в § 44 говорится о двух императорских резиденциях, одной — на западе, другой — на востоке. Это хорошо известный факт, который просто упомянут автором „Описания", и делать из этого упоминания какие-нибудь выводы для датировки никак нельзя. Что касается спорного § 58, то его следует понимать следующим образом: „После Паннонии следует провинция Галлия, будучи большой, она всегда требовала отдельного императора и имела его для себя" (*Post Pannoniam Galliarum provincia; quaecum maxima sit et imperatorem semper eget, hunc ex habet*).⁶ Таким образом и это место ни в какой мере не может стоять в противоречии с тем, чтобы временем составления трактата считать 350 г., дату, на которой сошлись многие исследователи.⁷

Первая часть „Описания", §§ 1—20, содержит сообщения о различных странах и народах Востока, которым чрезвычайно близок по содержанию греческий текст так называемых „Подорожных от Эдема".⁸ Большого внимания заслуживает тот факт, что этот текст известен и в древнем грузинском переводе по рукописи монастыря св. Екатерины, „что на горе Синай".⁹ Таким образом, вводная часть „Описания" (§§ 1—20) имеет греческую параллель, известную и в грузинском переводе.

Однако следует отметить, что если эта первая часть и восходит к греческому оригиналу, то никак нельзя считать весь трактат переводом с греческого, так как вторая его часть является совершенно независимой и написанной самостоятельно. Первая старейшая латинская версия, изданная Готфридом, обозначаемая буквой „А" (в издании Мюллера дана вторым текстом и названа „В"), составлена еще в IV в.¹⁰ Этот текст написан лицом, недостаточно знакомым с греческим и с латинским языками.

Что касается второй латинской версии, изложенной более чистым латинским языком, то совершенно ясно, что она является лишь переработкой первой версии. Она только перефразирует известный материал и ничего нового не дает. Но в ряде случаев вторая версия может быть привлечена как дающая лучшие варианты чтения, так как ею был использован старейший текст с меньшим числом ошибок и недочетов, чем в той единственной рукописи первоначального текста, которая сохранилась.

Предположение, высказанное предшествующими исследователями, что автор трактата принадлежал к населению Сирии, может быть подтверждено целым рядом указаний. Так, исходя из географического положения Сирии, он располагает и все остальные страны и города, включая и Александрию египетскую, о которой автор подробно рассказывает.¹¹ Свое перечисление имперских земель автор начинает с востока. „После них наша земля. Следует, итак, Месопотамия и Осроена" (*Post hos nostra terra est. Sequitur enim Mesopotamia et Osroena*), или в более позднем латинском тексте (В): „После них следует начало наших земель. Итак, имеешь, во-первых, Месопотамию и Осроену" (*Post hos terrarum nostrarum sequuntur initia. Habes ergo in primis Mesopotamiam et Osroenam*). „Наша земля", — конечно, империя, подданным которой был автор трактата. Он особенно восхваляет города Месопотамии и Осроены — Эдессу и Нисибин. Приморскую Сирию он подразделяет на три административные единицы: Финикию, Палестину и Целе-Сирию, и перечисляет их города — Тир, Беритис (Бейрут), Кесарию, Антиохию, Селевкию, Газу, Аскалон и т. д.¹² Тут его осведомленность превосходна и не оставляет сомнения в том, что он сам видел, бывал и, вероятно, торговал в этих городах. Несмотря на большие и подробные параграфы, посвященные Египту и Александрии,¹³ сведения автора преимущественно сосредоточены на последней, хорошо ему знакомой. Но, дав ряд исторических справок о великом торговом городе Египта, автор ничего не смог сообщить о других его городах и областях, так как их не знал. Составитель трактата беспомощен в латинском и греческом языках. Он думал, говорил и писал на широко распространенном сирийском языке. Высказанная Т. Синко точка зрения, что нельзя предполагать греческое происхождение трактата,¹⁴ была, как будто, поколеблена тем фактом, что опубликованный Клотцем греческий текст отвечал вводной части „Описания", как это было указано выше. Но вводная часть „Описания" настолько отличается от его главной части, начиная с § 21, что совершенно очевидно использование

для этой первой части письменного источника. Во второй — дано непосредственное живое описание из личного опыта и устной традиции. Справедливо, что автор плохо владел латинским языком и едва ли был силен в греческом, но все же он смог использовать текст 'Обоиторία и перевести его на латинский. Автор непосредственно писал и последующие параграфы на латинском языке, но он мыслил, а быть может, и использовал первоначальные записи на родном языке, языке сирийских провинций империи. Справедливо изумлялись поистине „грандиозному аппарату из параллелей", составленному из греческих и византийских авторов Лумброзо,¹⁵ труд, который в значительной степени является напрасным. Для автора трактата сирийский был его родным и лучше всего ему известным языком. „Полное описание мира и народов" было составлено на наиболее употребительном в империи и официально признанном латинском языке, но оно сохранило ряд черт, свидетельствующих о том, что его составитель мыслил и говорил на сирийском языке, который был ему родным и с которого он переводил на латинский. Можно привести несколько примеров, которые подтверждают это, так как синтаксически неправильная латинская речь объясняется в ряде случаев соответствующими сирийскими оборотами.

Таково выражение „ubi et dominus orbis terrarum sedet"¹⁶ — „где и господин вселенной находится", в точном переводе „сидит", что отнюдь не отвечает ни правильному греческому, ни латинскому. Всю эту фразу автор как будто перевел с сирийского ܩܘܡܘܬܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ, потому что жить или пребывать по-сирийски значит „сидеть". Такого рода перевод, несомненно, имеется и в неуклюжем определении, данном жителям Нисибина и Эдессы. „Итак, Нисибин и Эдесса имеют мужей во всем лучших, в торговле весьма острых, благородных, богатых и украшенных всяческими благами..." (Sunt ergo Nisibis et Edessa, quae in omnibus viros habent optimos et in negotio valde acutos, et bene nantes et praecipue divites et omnibus bonis ornati sunt...). Текст этот превосходно может передать предполагаемую сирийскую основу:

ܩܘܡܘܬܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ
ܩܘܡܘܬܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ
ܩܘܡܘܬܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ

Характерные и неправильные в латинском тексте обороты, которыми начинаются §§ 38 и 39, „deinde jam", „deinde iterum" — передают сирийское: ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ ܕܘܒܝܐܘܪܒܝܢܐ — „затем", совершенно обычное в сирийской речи. Эти примеры подтверждают высказанное выше мнение об авторе трактата и объясняют неправильности его речи.

С предположением о сирийском происхождении автора согласуется и особое внимание автора „Описания" к Сирии, его высокое мнение о сирийских торговцах как особенно ловких, богатых и „украшенных всяческими благами", превосходное знание Сирии приморской и Целе-Сирии. Если признать, что автором „Описания" был торговец-сириец, то многие вопросы, связанные с трактатом, получают свое объяснение.

ТОРГОВЛЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

„Полное описание мира и народов", удачно названное исследователями „Торговой географией IV в.", дает краткие, но содержательные и достоверные сведения о наиболее важных в экономическом отношении центрах империи.

Эти данные позволяют оценить в полной мере создавшееся в обширной империи положение, при котором политический центр в силу более благоприятных экономических условий был перемещен на восток. На западе империи могли быть названы лишь немногочисленные города и ограниченное число товаров; эти товары по преимуществу не вывозились за пределы данной области.

Характерно, что новым центром на Востоке не сразу стал Константинополь. Были попытки сделать столицей Никомедию. В IV в. император переезжал с места на место, проживая то в одном, то в другом городе. Рядом с „городом Константина" могла быть названа Гераклея, имевшая великолепный театр и царский дворец.¹ Констанций жил в Антиохии в 349 г. и частью в 350 г., благодаря чему там возросла „потребность во всем".² В середине IV в. Константинополь не занял еще того доминирующего положения, которое он получил веком позднее.

Но особенности в экономике отдельных частей империи делают понятной необходимость перенесения столицы на восток. Западные провинции империи в „Полном описании мира" получили гораздо менее подробную характеристику, но сведения о них не могут быть подвергнуты сомнению или заподозрены в неточности. Италия и Рим овеяны для автора очарованием прошлого и сильны своим язычеством. Возможно, что автор „Описания" сам побывал в Риме, он знает Тибр, описывает наиболее замечательные римские строения — форум Траяна, базилики, упоминает о храмах Юпитера, Солнца, о культе „великой матери богов", о весталках и ауспициях. Но именно торговый интерес заставляет его сообщить, что Италия изобилует всем и производит вина разных сортов, которые представляют большую ценность. Как плодородная и изобильная страна упоминается и Тусция (Тоскана) и „великолепные города" Аквилея и Медиолан (Милан).³ Испания (Spania) охарактеризована как богатая и широко занимающаяся торговлей провинция. Упоминаются только некоторые товары, которые были предметом ее вывоза, — различная одежда, растительное масло, жир, скот. Особенно же славился вид травы, из которой выделялся канат большой прочности, специально употребляющийся для кораблей и составлявший важную часть торговли Испании.⁴

Мавритания, расположенная „на юг" от Италии, — страна, в которой следуют „жизни и обычаям варваров". Она подчинена империи, имеет в изобилии зерно, торгует одеждой и рабами (mancipia). Соседствующая с ней Нумидия славится предметами своей торговли — обилием одежд и „прекрасных животных" (animalia optima), — главным образом, великолепных коней.⁵

На Балканском полуострове богатая Паннония, обладавшая в изобилии зерном и имевшая богатые пастбища для скота, вела широкую торговлю сельскохозяйственными продуктами, а также рабами. Большие города Сирмиум и Норик находились близ Дуная, за которым жили варвары.⁶ Мизия и Дакия „удовлетворяют себя сами" (sibi quidem sufficientes) и не имеют, следовательно, большой торговли. Из числа городов назван лишь Ниш (Naissus). Климат этих провинций охарактеризован как очень холодный.⁷

Несомненное торговое значение сохранял Коринф. Об этом известно из „Описания" для IV в., повторяют это и памятники VI в.⁸ Афины же пользовались славой древнего, знаменитого в своем историческом прошлом города⁹ и могли гордиться ученостью и красноречием своих философов.¹⁰

Таким образом, западные области империи могли вести торговлю сельскохозяйственными продуктами: зерном, вином, маслом, а также скотом; известное значение имела и торговля рабами. Из этих областей только Мавритания и Нумидия могли поставлять одежду. Обмен в упомянутых городах и областях не носил того широкого характера, на который указывает тот же литературный памятник в областях Востока. Западная часть империи преимущественно удовлетворялась внутренним обменом, сведения о восточных областях носят другой характер.

Сведения об экономической жизни Малой Азии настолько подробны, что можно говорить о ее значительной роли в общей экономике империи. Перечисленные в „Описании" провинции и их главные города отмечены индивидуальными чертами. В Каппадокии, с ее холодным климатом, выделяли меховую одежду из шкурок, упоминаются заячьи шкурки и так называемые „вавилонские".¹¹ Галатия также славилась торговлей одеждой. Автору трактата не только хорошо известен город Анкира, но и то, что в нем употребляется хлеб превосходного качества.¹² Лаодикия также вывозила одежду, единственной в своем роде выделки, которая так и носила название „лаодикийской".¹³ Сельскохозяйственные продукты изобильно получались в провинции Азии (в Малой Азии), главными городами которой были Смирна и прекрасный порт Ефес. Вся область „весьма замечательна и трудно выразить ей достаточную похвалу" (et est valde admirabilis, cujus laudes permultas ponere difficile est). Автор „Описания", очевидно, сам посещал эту провинцию и не находил слов, чтобы достаточно полно охарактеризовать ее благосостояние. В ней в избытке имелось вино, масло, ячмень, полба, а кроме того здесь вырабатывался хороший пурпур и, возможно, одежда, окрашенная пурпуром.¹⁴

Для представления о государственном управлении Византии несомненный интерес вызывает сообщение, что из малоазиатских провинций понтийцы, пафлагонцы, каппадокийцы и галатийцы в качестве верных людей вербовались для ведения государственных дел как на востоке, так и на западе. По приказу императора различные дела велись именно этими людьми, они якобы заслуживали доверия и имели природные дарования для такого рода деятельности.¹⁵

Таким образом, внутренние ресурсы и возможности торгового обмена внутри империи в IV в. не могут вызывать сомнения. В то же время необходимо помнить, что наличие сельско-

хозяйственных продуктов на рынках империи было результатом тяжелой эксплуатации непосредственных производителей, среди которых немалое количество составляли рабы, другие были приписными и свободными колонами. Даже и те непосредственные производители, которые были объединены в крестьянские общины, несли тяжелые повинности, налоги, выплачиваемые государству и землевладельцу, что во много раз превосходило их возможности. Но торговля в известной степени благоприятствовала живому обмену между отдельными областями империи и повышала общий экономический уровень. В восточных областях империи в период IV—VI вв., несмотря на то, что хозяйство носило замкнутый характер и в основном было натуральным, известное развитие денежных отношений увеличивало стойкость сопротивляемость этой части империи.

Наличие городской жизни, крупных центров, несомненно, играло роль в жизни государства. В этом отношении выразительны сведения о таком центре, как Александрия, и о большом числе городов Сирии, которые дает „Описание“.

Египет прославился как область, в которой благодаря плодородию были в изобилии зерновые культуры, вино и всякого рода овощи. Разливы Нила способствовали высоким урожаям.¹⁶ Это плодородие делало Египет главным поставщиком хлеба для восточных областей империи, особенно во время войн с персами.¹⁷ Последнее сообщение подтверждается и многочисленными данными из хроник до начала VII в. Источники подробно говорят о том, как заготавливался и перевозился хлеб в пограничные города азиатских провинций для снабжения войск, сосредоточиваемых на персидской границе.¹⁸ Не меньшую, вернее сказать, еще большую роль играл Египет как житница Константинополя. Достаточно вспомнить события, связанные со вступлением на престол Ираклия, когда задержка судов, подвозивших хлеб из Александрии в столицу, решила судьбу последней.¹⁹ Рынки Александрии были богаты и наличием рыбы — дешевого продукта питания самых широких слоев населения. Сюда поставлялась рыба „речная, озерная и морская“.²⁰

Несмотря на преобладание торговых интересов у автора „Описания“, его внимание привлекла и культурная сторона жизни империи. Не удовлетворяясь чисто экономической характеристикой, „Описание“ отмечает мировое, в представлении того времени, значение Александрии. Сюда собирались ученые и философы со всех сторон, представители различных народов и государств, которые развивали свои собственные философские доктрины, и здесь они достигали исключительной славы. Пальма первенства в изучении наук принадлежала египтянам, с которыми едва могли соперничать греки.²¹ Лучшие врачи мира также находились в Александрии, куда стекались все те, кто желал изучать медицину.²² Многочисленные религиозные культы Египта, великолепие храмов и ритуала давало повод сказать: „мы полагаем, что боги обитали и ныне там обитают“ (etenim ibi deos habitasse aut et habitare scimus).²³ Единственным в мире, несравненным по красоте и величию считался храм Сераписа (templum Serapis), равного которому не было „во всем мире“. Великолепие этого храма отказывалось описать и искусное перо Аммиана Марцеллина, он говорил лишь об обширных, окруженных колоннами дворах и „статуях, дышащих жизнью“, и вспоминал, что в нем „были неоцененные библиотеки“ (in quo bibliothecae fuerunt inestimabiles). Эта замечательная коллекция книг, собранная при Птоломеях, в количестве более 700 тысяч томов, сгорела во время похода Цезаря на Александрию.²⁴

Исключительное значение, по мнению автора „Описания“, имел товар, роль которого в культурной жизни прошлого была выдающейся, — это папирус (charta или carta). Папирус изготовлялся в Александрии и отсюда поступал во все провинции и во все города.²⁵ „Ко всем своим преимуществам Александрия имеет еще одно, то, что не производится нигде, кроме Александрии и ее области, без чего ни правосудие, ни частные дела не могут осуществляться и без чего самая природа человеческая не может существовать. Что же это, что нами так восхваляется? Папирус (carta), который выделывает Александрия и рассылает по всему миру и всем предоставляет этот полезный товар, которым она одна из всех городов и провинций обладает и без зависти предоставляет свое право [другим]“, — сообщает „Описание“. Товар этот выделыв-

Проконсул Африки. Африка, изображенная в виде женщины; лодки. (Илл. из *Notitia dignitatum*).

вался только здесь, так как кроме Египта нигде не произрастал его исходный продукт. Папирус служил материалом для письма по всему Средиземноморью, и без него не могли осуществляться ни государственные, ни судебные, ни частные дела.²⁶

Александрия известна как торговый центр и порт источникам многих эпох. В „восточной торговле греко-римского Египта”,²⁷ как и в византийском обмене со странами Красного и Эритрейского морей, она играла роль исключительной важности. Поэтому и „всякие пряности и ароматы, и прочие варварские товары в ней изобилуют” (*omnes autem species aut aromatibus aut aliquibus negotiis barbaricis in ea abundant*).

О других областях и городах Африки автор „Описания” не смог оставить особенно важных сведений, так как, повидимому, он их не посетил. Но ему известна великая африканская пустыня и варвары, носящие имена „мазиков и эфиопов”. „Эфиопы” было именем нарицательным для множества народов, населявших экваториальные и южные области материка.²⁸ Характерно, что, признавая исключительную плодородность и изобилие Африки („ибо самая область Африки весьма велика, хороша и богата”),²⁹ еще в IV в. отмечали, что ее естественные богатства недостаточно использовались.

Особенным оживлением торговых отношений, богатством и множеством товаров наряду с Александрией отличалась столица Приморской Сирии — Антиохия. Тир, Сидон и Беритис (Бейрут) славились как центры ремесла и торговли в течение тысячелетий. Селевкия и Антиохия, основанные во времена селевкидов, расцвели как новые центры и сумели сохранить за собой положение богатейших городов в период господства Византии, а затем арабов. Перечислив города Сирии: Скифополь, Лаодикию, Библ, Тир, Беритис, Кесарию, Неаполис — Лидду, Иерихон, Дамаск, Гелиополь, Аскалон, Газу, „Описание” говорит, что они расположены в умеренном климате и „существуют торговлей и имеют мужей богатых во всех отношениях — красноречием, делом, добродетелью”. Известны трактату также Триполис и Элевтерополис. Во всех этих городах в изобилии имеются зерно, вино и масло. Финиковая пальма произрастает здесь также повсюду, но близ Иерихона и Дамаска растут особенно хорошие ее сорта, а также фисташковые деревья и всевозможные яблоки.³⁰ Аскалон и Газа снабжали лучшими винами всю Сирию и Египет. Активность и деятельное участие этих городов в торговле характеризуются как „кипучие”, о них говорится, что они „кипят” в торговле (*in negotio bullientes*).³¹

Кроме сельскохозяйственных продуктов, которые свозились из областей, города Сирии славились изготовлением всякого рода одежды. Так, льняная одежда рассылалась и распродавалась „по всему миру” из городов Скифополя, Лаодикии, Библа, Тира и Беритиса. Окрашенные в „настоящий” пурпур ткани выделялись в Сарепте, Кесарии, Неаполисе — Лидде.³² Эти сведения IV в. в полной мере соответствуют положению этих городов и в последующие века, так как они оставались главными центрами ткацкого ремесла. Известно, что небольшие ткацкие мастерские, которых было много в этих городах, испытали большие затруднения и

пострадали от злоупотреблений в VI в., когда представители правительства Юстиниана, стремясь к пополнению личной казны императора и своей собственной, захватили в свои руки шелковую торговлю. Установление высоких цен на шелк-сырец, который составлял один из важнейших предметов обработки, привел ткачей к полному разорению. Теряя возможность легального приобретения сырья в необходимом для мастерских количестве, их собственники были вынуждены прекращать свое дело.³³

Не случайно, что памятник, вышедший из торговых слоев империи, целью которого было дать необходимые сведения по торговле, обратил внимание на все, что было связано с театральными представлениями и ристаниями. Эти последние происходили в Антиохии, Лаодикии, Тире, Беритисе и Кесарии, причем лучшие возницы выходили из Лаодикии и оттуда рассылались в разные города.³⁴ Кроме того, Тир и Беритис были знамениты мимами, Кесария — пантомимистами, Газа — прекрасными артистами и борцами, Аскалон и Кастабетия — атлетами, а Гелиополь — флейтистами.³⁵ В этих городах культивировалась подготовка людей для театров и представлений, они становились возницами, музыкантами, артистами, принимавшими участие в блестящих зрелищах, происходивших в цирках и на ипподромах. Вербовка артистов, возможно, проходила при участии торговых людей, для которых цирковые игры были местом и временем самой бойкой торговли. Гелиополь был известен еще своими красавицами, которые „служили Венере“. Эти прекрасные блудницы „заимствовали“ свою красоту „от самой богини“, которая продолжала жить, по представлениям автора трактата, в горах Ливана, близ которых находился Гелиополь.³⁶ Не случайно о значении „театрального“ сословия упоминает и военный трактат VI в. Трактат этот включает в театральное сословие возниц, музыкантов и артистов, которые являются участниками всех празднеств и торжеств в империи, справлявшихся в честь основания городов или как военные триумфы.³⁷ Наряду с этим, памятники материальной культуры городов оставляли глубокое и неизгладимое впечатление у автора *Expositio*, поэтому он оставил нам восторженное описание их красоты. Антиохия изобиловала множеством памятников искусства, великолепными строениями, она была многолюдна и богата. Кесария была замечательна своим расположением, планировкой города (*dispositione civitatis*) и зрелищем единственного в своем роде памятника — тетрапилона.³⁸ Богатейший город Селевкия поражал своим замечательным и удобным портом, отстроенным Константином. Удобства этой гавани имели значение не только торговое, но и стратегическое.³⁹ Предметом гордости Беритиса (Бейрута) были школы законов (*auditoria legum*), откуда выходили ученые юристы и рассылались по всем провинциям империи, чтобы блюсти правосудие и быть на страже закона.⁴⁰ Византийские историки и хронисты достаточно откровенно рассказали, чем было „правосудие“ и каково было „соблюдение закона“, бывшее для низов общества лишь видимостью. Именно бейрутской школе Византия была обязана целым рядом юридических памятников, например сборниками V в. — кодексом Феодосия, кодексом Гермогена, сирийским Законником. С представителями этой школы и ее традициями в значительной степени связано и создание многотомного свода гражданского права, составленного при Юстиниане.⁴¹ В согласии с представлениями „Описания“ находятся и данные Аммиана Марцеллина о Сирии, Финикии и Палестине, в пределах которых он называет целый ряд городов, которые „ничем не уступают друг другу“ по своему благоустройству и процветанию.

Провинция Аравия, организованная императором Траяном,⁴² имела ряд крупных городов, огражденных мощными стенами. Эта область также „изобилует предметами торгового оборота“.⁴³

Сведения „Полного описания мира“ о землях, находившихся за пределами ромейской державы, и о внешней торговле также представляют большой интерес. В этом отношении большое значение приписывалось Месопотамии и Осроене, пограничным с Ираном провинциям. Из городов названы Нисибин и Эдесса, которые, благодаря „мудрости богов и императора“, с успехом „противостоят“ персам. Возможно, что сирийскому происхождению автора трактата следует приписать особую похвалу, с которой он отзывается о жителях этих городов, называя их „благородными“ (*bene nantes*) и „богатейшими“ (*divites*), украшенными всяческими добродетелями (*omnibus bonis ornati sunt*). Главной причиной их благополучия и преуспеваний является то, что они „страстные торговцы и приходят к доброму согласию со всеми провинциями“ (*ferventes negotiis, et transigentes cum omni provincia bene*). То, что они были „весьма острыми в торговле“ (*in negotio valde acutos*), способствовало сосредоточению в их руках торговли с персами, „во всей земле ромейской“ они продавали те товары, которые получали от персов, и продавали персам имперские товары, за исключением меди и железа.⁴⁴ Металлы за-

прещалось продавать персам, так как это было сырье, которое могло послужить „врагу“ для изготовления оружия. Этот запрет действовал и в VI в., как это видно из сведений о торговле в Амиде во время персо-византийской войны при Каваде I, длившейся с 502 по 506 г.⁴⁵

В сирийских областях империи обмен не ограничивался местными продуктами и изделиями. Сюда доставлялись китайские и индийские товары, которые, проходя через руки купцов, доставлялись затем в отдаленные города империи. В „Батнани, городе в Артемузе“, по сообщению Аммиана Марцеллина, в начале сентября происходила ежегодная ярмарка. Батнан расположен на древнем караванном пути, соединявшем Антиохию и ее порт Селевкию с Эдессой в Междуречье. Занимая положение между Берое (Алеппо) на западе и Иерополем (Мембидж) на востоке, Батнан был „отделен от реки Евфрата небольшим расстоянием“, благодаря чему ему был доступен водный путь из Персидского залива. Батнан был „переполнен“ богатыми торговцами (*refertum mercatoribus opulentis*), а на ярмарку в сентябре каждого года туда съезжалось для покупки товаров „множество людей всякого имущественного состояния“ (*ad nundinas magna promiscuae fortunae convenit multitudo*). Сюда привозились на продажу товары, „которые посылались индами, серами и многими другими“ и доставлялись сушей или морем.⁴⁶ Приведенные данные говорят о живом обмене в IV в. между областями империи и лежавшими далеко за ее пределами странами.

В „Описании“ названа Бостра, „о которой говорят, что она имеет большую торговлю“ (*quae negotia maxima habere dicitur*), благодаря тому, что находится вблизи „персов и сарацин“. Для автора „Описания“ Аравия — название провинции восточно-римской империи, сарацины же — свободно кочующие бедуины, с которыми находились в торговых сношениях пограничные области империи. Характеристика арабов-бедуинов повторяется в различных источниках. Арабы, по мнению автора „Описания“, надеются „провести свою жизнь в грабежах“ (*garpina sperantium suam vitam transigere*). Интересно и сообщение о наличии у них матриархата, хотя слова автора звучат несколько неуверенно, — „говорят, что ими правят женщины“.⁴⁷

Общая характеристика внутренней торговли Византии в IV в. вышла из-под пера автора, лично заинтересованного во всем, о чем он пишет. Как торговец он дал сведения о том, что его интересовало в наибольшей степени, о товарах и их качественных преимуществах в том или ином городе. Развитие производительных сил в империи, несомненно, оказалось под воздействием этого живого обмена, — торговли; этому явлению дал объяснение Маркс. „Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным...“.⁴⁸ Пестрая картина, набросанная „Полным описанием мира“, полностью подтверждает именно это положение. Внутренний обмен в восточных областях империи был интенсивным, он поддерживался и развивался также благодаря широкому обмену с другими странами Востока, откуда вывозились как готовая продукция, так и сырье.

Картина, данная памятником середины IV в., характерна именно для этого времени, когда рабовладельческие основы общества были еще сильны. Три века позднее такого рода характеристика уже не могла иметь места, так как развитие производительных сил значительно тормозилось несоответствием производственных отношений. Обострение классовой борьбы, разложение рабовладельческой формации и зарождение новых отношений создавали новые условия жизни городов и их торговли.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Организация торговли в империи все еще недостаточно изучена, поэтому даже ограниченное число данных, которые могут дать представление об этой стороне жизни Византии, необходимо привлечь. Это тем более важно, что сведения о широком обмене, как местном, так и заграничном, касаются восточных областей империи. Развитие торговли в ранней Византии тесно связано с наличием многочисленных городов. Маркс писал: „Связь торговли с городским развитием, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны, таким образом, сами собой“.¹ Для изучаемого периода это развитие торговли является следствием все тех же общественных явлений, которые получили свою форму и достигли полного расцвета еще в предшествующий период. Основоположники марксизма указывают на развитие торговли на основе рабовладельческого общества.² Византийская империя до VII в. продолжала, в из-

вестной степени, жить производственными отношениями, сложившимися в рабовладельческом обществе, и медленно переходила к производственным отношениям, характерным для феодальной формации.

Волна восстаний и резкого обострения классовой борьбы на рубеже VI и VII вв. глубоко поколебали основы рабовладельческой системы в восточных областях империи. Трещины, которые дала эта система за два-три века ранее, стали зияющими. Ожесточенные формы классовой борьбы подорвали господствующее положение рабовладения, тем не менее надолго сохранившегося в византийском обществе. Источникам случается отмечать участие рабов в восстаниях и в последующей истории классовой борьбы в Византии, имевшей своеобразный характер в отдельных проявлениях.³

Развитие торговли и относительно благоприятное состояние городов восточных областей Византии в IV—V вв., о котором согласно сообщают источники, поддерживалось рабовладельческим обществом. Это видимое благополучие зиждилось на тяжелом положении низших слоев общества. Крестьянские общины, колонны и рабы тяжким трудом добывали сельскохозяйственные продукты.

Взимая налоги и ренту, государство и землевладельцы захватывали не только излишний, но и необходимый для пропитания продукт, обрекая широкие слои непосредственных производителей на систематическое недоедание и периодические голодовки. Условия работы ремесленников в эргастериях были тяжелыми, преимущественно эти большие мастерские обслуживались рабами (*mancipia*). Мелкие ремесленники, которые домашним способом производили и тут же продавали свой товар, часто попадали в зависимость от перекупщиков и, обязанные вносить непосильные налоги, разорялись.

Жизнь городов и торговля складывались на основе эксплуатации, частых поборов и угнетения непосредственных производителей. Не говоря о полном юридическом бесправии рабов, положение колоннов и мелких ремесленников было тяжелым во всех отношениях.

Достаточно указать на то, что законодательные акты IV в., вошедшие в состав Юстинианова собрания законов, закрепляли и привязывали к своему роду занятий ремесленников и работавших в государственных мастерских. В ряде случаев эти обязанности были наследственными. В частности монетарии, т. е. работавшие на монетных дворах империи, не только не имели права покинуть своих обязанностей, но, чтобы сделать для них невозможным бегство или сокрытие своего звания, им ставили клеймо на руку — „государственные буквы", или „стигматы", с тем, „чтобы таким образом их можно было опознать".⁴ Строго запрещалось укрывать рабов царских ткацких мастерских (*texturini nostri mancipia*)⁵ или „предоставлять убежище беглым, из числа семей, занятых в гинекеях", — больших текстильных мастерских.

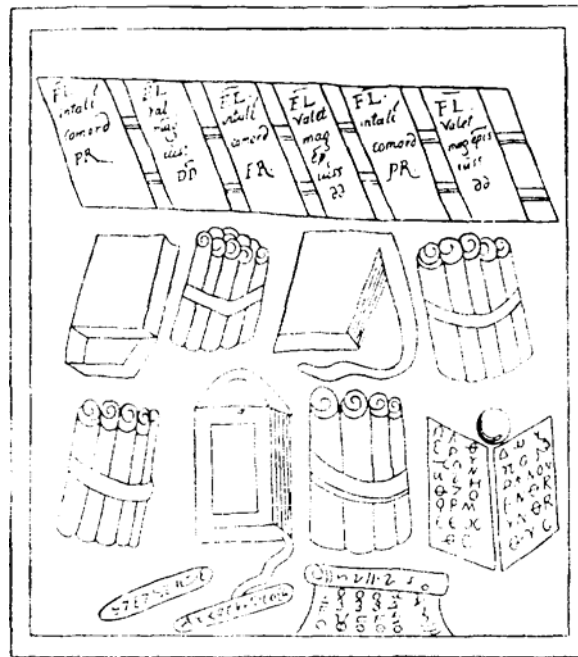
В ранневизантийском обществе торговля сводилась к „обмену товаров путем купли и продажи", причем часть продукции неизбежно „проходит через руки купцов".⁶ Участие в торговле приносило большие прибыли, поэтому и императорский дом, и знать принимали участие в торговле через своих представителей, доставлявших им торговыми операциями барыши.

Сведения об этом имеются в законе императоров Валента и Валентиниана, данном в 364 г. в Константинополе на имя Юлиана, комита Востока, в котором высказывалось требование признавать свои долги, „как это предписывает честность" (*ut honestas postulat*).⁷ Среди торговцев (*negociatores*) упомянуты „принадлежащие «к нашему дому»", т. е. торговцы, связанные с императорским двором, с хозяйством и имуществом самих императоров. Известны также торговцы, занимавшиеся торговлей, находясь на службе или в какой-то зависимости от богатых. Эти „люди знатных" (*potentiorum... homines*) и „торговцы императорского дома" как имеющие высоких покровителей пользовались своим положением, чтобы не признавать сделанных долгов и долговых обязательств. Законы IV и V вв. пытались отстаивать благополучие городов и средних слоев населения, на которых держалась податная система. Поэтому закон 408 г. (или 409 г.) императоров Гонория и Феодосия гласил: „мы запрещаем производить губительную для городов торговлю" (*perniciosum urbibus mercimonium exercere prohibemus*), — такой „губительной торговлей" занимались знатные, используя свое положение. Закон отчетливо указывает, что делали эти „знатные по рождению, пользующиеся почетом, и богатые по наследству (наследственно)" (*nobiliores natalibus, et honorum luce conspicuos, et patrimonio ditiores*). Упомянутые преимущества создавали им возможность действовать в ущерб нормальной торговле в городе. Закон запрещал такого рода „губительную" торговлю и мотивировал свое запрещение якобы заботой о том, чтобы между народом и торговцами была облегчена купля и продажа (*ut inter plebeium et negotiatorem facilius sit emendi vendendique commercium*).⁸ Закон

делал, следовательно, попытку сохранить мелкую торговлю, по возможности создать непосредственный обмен между населением и торговцами, не давая знати монополизировать эту торговлю. Знать и в других отношениях могла наносить ущерб городу, стремясь повысить свои доходы. Юстиниан получил жалобы из города Афродизиума на то, что знатные брали себе деньги, получаемые городом, и выплачивали за эти деньги городу известный процент.⁹

Участие знати и богачей в торговле, их коммерческие операции, стремление к новому, дополнительному обогащению — явление закономерное. „При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство".¹⁰ Поэтому в торговле участвовал и император как один из крупнейших и богатейших землевладельцев, как хозяин больших мастерских какими были царские гинекеи.

В условиях развитой торговли широко практиковалось предоставление денег в долг под проценты, т. е. всякого рода заемные операции, как и отдача денег в рост под проценты. В

Инсигнии магистра скриний. (Илл. из Notitia dignitatum).

этом отношении законодательный, нарративный и актовый материал дополняют друг друга. Ценное свидетельство дает Лимонарий Иоанна Мосха, составленный до 600 г. н. э., о том, что мелкие собственники отдавали свои деньги соответствующим лицам под проценты. Некие муж и жена скопили 50 миллиарисиев, и муж предложил жене: „Дадим в рост эти миллиарисии и мы получим от них малую выгоду (параθυρία), а так, расходуя их один за другим, у нас окажется все растраченным".¹¹

Этому соответствует положение, известное по кодексу Юстиниана, что вклады принимались под проценты. Папирус 541 г. из Афродито сообщает о денежной операции некоего клирика Флавия Виктора из Египта, который был со своим товарищем Аполлосом в столице. Флавий Виктор произвел заем у некоего Флавия Анастасия в размере 20 солидов сроком на 4 месяца. Он должен был выплатить 8% по займу и внести свой долг в Александрии, где у Анастасия было свое отделение. За 2 месяца ему следовало заплатить дополнительно особые проценты.¹² Вся сумма процентов вместе равнялась 12%, т. е. составляла *traiecticia contracta*, разрешенные и законом 528 г. В Александрии Анастасий имел свою контору или учреждение (*αποθήκη*), где у него сидел свой „человек" (*άνθρωπος*), которого звали Фомой.¹³

Указанный выше закон Юстиниана 528 г. устанавливает определенные проценты, которые могли взиматься при заключении контрактов, при всякого рода других денежных операциях. Для „тех, которые имеют эргастерии или ведут какую-либо законную торговлю" (*illos vero, qui ergasteriis praesunt vel aliquam licitam negotiationem gerunt*), допускалось получение 8% в год.¹⁴ При заключении контрактов лицами, имевшими звание *illustres* (сенаторов) или более высокие звания, не разрешалось получать больше 4% в год. Очевидно, предполагалось, что

этим знатным (*illustribus quidem personis sive eas praecedentibus*) следовало довольствоваться минимальными процентами. Для всех прочих лиц устанавливалось законом 6% годовых.

В особые условия были поставлены упомянутые *traiecticia contracta*, т. е. операции, производимые в связи с перевозками или перемещением лиц, заключавших сделки, при которых допускалось взимать 12%.¹⁵ Такой процент и был уплачен Флавием Виктором, как это было указано выше, так как его заем был рассмотрен как *traiectitia contracta*.¹⁶ Взимание в этих случаях более высоких процентов обуславливалось целым рядом законов. Опасность, связанная с перевозом денег по морю, с риском для кредитора (*traiectitiam pecuniam, quae periculo creditoris datur*), вызывала обложение более высоким процентом.¹⁷ В том же случае, если данная в долг сумма „неопределенной“ опасности в пути не подвергалась (*incertum periculum, quod ex navigatione maris metui solet*), процент мог взиматься лишь обычный.¹⁸ Это и были доводы для того, чтобы предоставлять взимание большего процента при *traiectitia contracta*. Известно, однако, что на практике взимались и более крупные проценты. Займы производили ремесленники и торговцы друг у друга. Так, торговец овощами (*λαχανόπωλης*) Аврелий Коллут, сын Лила, выдал расписку Аврелию Коллуту, сыну Георгия, мяснику (*χοιρομαγειρός* — мясник, режущий свиней), в том, что он должен ему 9 1/2 кератиев.¹⁹ Происходящий из Антиной папирус не сообщает о том, как велики были принятые проценты. Вышивальщик (*πλουμάριος*) Аврелий Петр из Ликополиса занял у торговца вином (*οινοπράτης*) Аврелия Георгия сумму в 7 каратионов и платил за них 17% в год, т. е. по 50 талантов серебром.²⁰ Этот папирус из Антиной относится к VI в., когда серебряный талант составлял 1/500 часть кератиона.²¹

Законодательный материал подтверждает, что золото и серебро берегли или отдавали на хранение в виде денег или в виде слитков (*certum pondus auri vel argenti confecti vel in massa constituti deposuerit*). Говорится и более отчетливо, что откладывали известное количество денег (*certae pecuniae depositae fuerint*), но ему приравнивали в смысле ценности золото и серебро в виде слитков, в обработанном виде или в виде монет (*in massa... in specie... in pecunia numerata*).²² То же законодательство оговаривает известные условия купли и продажи, запрещая уплатившему часть цены за товар снижать ее затем, или, наоборот, — повышать цену на товар.²³ Большинство этих постановлений относится еще ко времени Диоклетиана и несомненно стоит в связи с его общими усилиями установить твердые цены на различные товары.²⁴ Если торговец не выполнял какого-либо обязательства, растрачивал незаконно товары и приводил к разорению других, то он отвечал перед законом. Иоанн Мосх сообщает рассказ об одном купце из Тира, занимавшего и в VI в. положение крупного торгового центра. Купца оклеветали, обвинив в том, что он разорился и растратил товары (*τα κομπερκίου εσκόρπισα*). Его вызвали в Константинополь и посадили за это в тюрьму.²⁵

Морская торговля была одним из видов торговли, доставлявшим большие прибыли. Многочисленные сведения источников, в числе которых следует назвать агиографические, говорят о том, что плавание по Средиземному морю, в сущности, внутреннему морю империи, носило широко распространенный характер. Корабельщики (*ναύκληροι*) были, как правило, не только владельцами судов, но и купцами, привозившими на них свои собственные товары. Они их перевозили, продавали, покупали другие товары и везли их обратно, не раз меняя направление своего пути, и иногда отсутствовали по году, по два.

Изображения византийских кораблей находят на печатях, они имеются на фресках и мозаиках. Среди них были несомненно корабли большой вместимости и грузоподъемности, так как об этом имеется свидетельство того же Иоанна Мосха. В одном из рассказов Лимонярия сообщается о гавани "Малый мыс" (*Λεπτή Ἀκρά*), расположенной недалеко от Апамеи. „В этой гавани был некий корабельщик, имевший корабль вместимостью три тысячи, который он желал спустить в море. Он трудился две недели с многими рабочими (говорят, что в день у него было триста работников [*οι εργαται*]), но невозможно было спустить корабль в море или сдвинуть его с места...“.²⁶ Под вместимостью три тысячи подразумевается обычно соответствующее количество модиев, меры сыпучих тел, соответствующей примерно тринадцати килограммам.²⁷

Имеется и другое сообщение о корабле, вместимость которого была в 5 тысяч модиев. Около дома хозяина этого корабля лежало приготовленное для последнего огромное мачтовое дерево (*τό κατάρτιον*).²⁸ Часто описываются купцы и корабельщики, потерявшие свое состояние и товары из-за кораблекрушения. Большую опасность представляли морские разбойники — пираты, от которых в период даже наибольшей мощи империи не были свободны ее морские пути. Тем больше опасностей представляли дальние путешествия, о чем с большими подроб-

ностями повествует Козьма Индикоплов.

Наряду с торговлей в больших городах империи или в гаванях и портах далеких восточных стран, местом торговли были и небольшие областные города или селения. Сюда крестьяне привозили сельскохозяйственные продукты, продавали или обменивали их на необходимые им предметы обихода, одежду. Продажа на небольших ярмарках одежды была обычной. Покупавшим одежду на рынке случалось тут же бросать изношенное платье — лохмотья, которые подбирались нищими.²⁹

Один агиологический памятник сохранил рассказ о пафлагонском крестьянине, который отправляется на ежегодную ярмарку, бывавшую „в тех местах" (*η κατ' ετος ευχωρίως γενομένη πανήγυρις*). Все необходимое он сложил в повозку, „чтобы одно продать, другое обменять". По дороге, достигнув зелени и воды, он остановил своих волов, чтобы дать им отдохнуть. Прибыв на ярмарку, он „усердно продавал и менял то, что имел, по обыкновению". Рассказ встретившегося ему купца дополняет эту полную жизни картину. „Я был порядочным торговцем, имел 1000 номисм и, взяв их, я вел усиленную чужеземную торговлю, а через годовой срок прибыл на эту ярмарку. Продав все, я сложил в надежный мешок 1500 номисм и, завязав его шелковым шнурком, я удалился с ярмарки".³⁰

За год торговец увеличил свое имущество на 50%, ведя усиленную торговлю и получая прибыль, не только в чужих краях, но и на местных рынках и ярмарках.

Однако несомненно, что кроме мелкой торговли существовала и крупная, имевшая тенденцию захватить в свои руки снабжение отдельных областей и стать монопольной.

Из рескрипта императора Зенона на имя префекта претория Константина может быть выяснен целый ряд положений, регламентирующих торговлю. Так, запрещалась монопольная торговля одеждой, рыбой, продуктами питания или другого рода товарами.³¹ Судя по тому, что названа одежда (*vestis*) и рыба (*piscis*), вопрос шел о монополии на предметы первой необходимости, наиболее широкого потребления. Но запрещалось монополизировать и всякого рода другие товары, хотя торговцы и старались прикрыть свои действия специальным разрешением или императорским указом. Такого рода частные попытки к захвату монополий и послужили примером для Юстиниана, который стремился обогатить свою личную казну именно таким путем. В этой связи и различные представители торговли заключали между собою соглашения и устанавливали определенную цену, ниже которой уставлялись не продавать данный товар. Такого рода „незаконные соглашения" строго запрещались этим постановлением —... *neve quis illicitis habitis conventionibus conjuret, aut paciscatur, ut species diversorum corporum negotiationis, non minoris quam inter se statuerint venundentur*.³² Государство стремилось к установлению на рынке более дешевых цен. Виновные в установлении такого рода „соглашений" на цены товаров присуждались в наказание к выплате 40 литр золотом — *quadraginta librarum auri solutione percelli discernimus*. Чтобы пресечь возможность канцелярии префекта претория (*officio tuae sedis*) делать в этом отношении поблажки, закон карал такие поблажки уплатой 50 талантов золотом.

Поставить торговцев в относительно благоприятное положение стремился закон Валента и Валентиниана. На основании этого закона купцы, имевшие право на торговлю на ярмарке и на рынке, не должны были подвергаться требованию насильно или помимо их желания уступать кому-либо свой товар или рабов. Запрещалось наносить ущерб торговле, причиняя те или другие неприятности, требуя оплаты частного долга.³³ Такого рода препятствия в торговле могли вредить интересам государственного фиска, который имел возможность взимать с купцов соответствующие налоги.

Торговцы и ремесленники Византийской империи, по традиции, сложившейся еще в Римской империи, составляли корпорации, коллегии, в которые их объединяли общие интересы. Государство в некоторых случаях использовало эти корпорации в своих интересах. Так, навикулярии (корабельщики) были ответственны за доставку в Рим хлеба, который подвозился морским путем, главным образом из Египта. Заинтересованность государства в деятельности корпораций, с точки зрения выполнения известных функций и доходов фиска, вела к закреплению или прикреплению членов корпораций к их организации.

Рескрипт императоров Гонория и Феодосия на имя префекта претория Аэция от 409 г. дает в этом отношении важные сведения. Разрешенная корпорация должна оставаться в количестве 563 человек и ни в каком случае не может быть увеличена в числе своих членов, хотя бы желающий вступить в нее и искал поддержки у людей сильных и стремился осуществить свое желание путем покровительства (*per patrocinia*). Места умерших членов коллегии могут

быть предоставлены лицам, принадлежащим к тем же группам населения, что и умершие. Избрание или замещение это следовало производить по распоряжению префекта претория в присутствии корпорации — *ita ut iudicio tuae sedis sub ipsorum praesentia corporatorum, in eorum locum, quos humani subtraxerint casus, ex eodem quo illi fuerant corpore subrogentur...*³⁴ На основании этого закона можно, следовательно, говорить о том, что корпорации находились под контролем префекта претория; их организация, сохранение количества членов, вступление в состав корпорации новых членов — находились в его ведении. Необходимо особо отметить, что новый член выбирался из той же группы, из того же сословия, повидимому, что и выбывший, умерший член организации. К сожалению, других, более детальных сведений об организации торговых корпораций для ранней Византии до нас не дошло, и насколько внутреннее устройство их соответствовало цеховому устройству, — судить трудно. Едва ли правильно привлечение для суждения о ранней Византии материала X в. — „Книги епарха“, как это считал возможным делать Ф. И. Успенский. Недавно появившийся труд М. Я. Сюзюмова дает перевод и комментарий „Книги епарха“, во многих своих частях представляющей большой интерес.³⁵ Для истории ремесла, его организации, положения цехов в Византии монографию советского ученого следует отметить как весьма положительное явление.

Ремесленник часто сам продавал свой товар, и поэтому его участие в местной торговле не подлежит сомнению. Достаточно обратиться к тем сведениям, которые дают провинциальные хроники, чтобы представить себе характер мелкой торговли сельскохозяйственными и ремесленными продуктами, которая велась на рынках и базарах городов.³⁶

Наряду с этим широко велась торговля с народами, жившими за пределами империи, но эта торговля велась в известных рамках, она должна была быть выгодна, поэтому не допускалась продажа „варварам“ вина, масла (*oleum*) и соленой рыбы.³⁷ Этот закон (370—375 гг.) стремился сохранить продукты первой необходимости в пределах самой империи, а также за счет такого рода продуктов не создавать благоприятных условий для варваров. Безопасность империи диктовала и другое требование — не продавать, как уже было указано выше, ни в Константинополе, ни в каком-либо другом городе оружие „варварам“, принадлежащим к числу народов зарубежных. Оружие, которое запрещалось к продаже, перечислено: это панцири, щиты, стрелы, мечи, всякое другое оружие и железо вообще (*nihil penitus ferri*). Закон этот, изданный при императоре Маркиане (455—457 гг.), мотивирует свое запрещение тем, что выгодно, чтобы варвары не имели оружия и испытывали в нем нужду.³⁸

Изданный в 374 г. указ запрещал платить „варварам“ за товары золотом, которое утекало из империи, усиливая ее финансовые затруднения. Не следует отдавать золота варварам „за рабов“ (*pro mancipiis*) или за какие-либо другие товары (*vel quibuscumque speciebus*). Более того, не следует допускать, чтобы золото перевозилось к варварам торговцами (*ad barbaricum fuerit translatum a mercatoribus*).³⁹ Достаточно вспомнить жалобы римских и ранних византийских историков на то, что драгоценные металлы и деньги уходят в обмен на шелк и пряности, чтобы поставить с этим в связь этот закон, строго каравший (*suppliciiis subiugentur*) такой вывоз золота. До известной степени и этот момент играл роль в затруднениях империи со звонкой монетой, в „порче“ монеты, к которой прибегало финансовое ведомство.

О ТОРГОВЛЕ С ВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ в IV—V вв. н. э.

Экономическая характеристика империи и ее внутреннего обмена, которую позволяет дать „Полное описание мира“, может быть дополнена сведениями о внешней торговле и сношениях со странами Востока в IV и V вв. Сведения эти рассыпаны в различных источниках, сообщающих их между прочим, и, тем не менее, они имеют большой интерес. Небольшой греческий трактат об Индии и брахманах, вкрапленный в роман об Александре Македонском, сведения о бассейне Эритрейского моря в Церковной истории Филосторга указывают на то, что труд Козьмы Индикоплова „Христианская топография“ не был одиноким и случайным явлением. „Топография“ Козьмы отвечала насущным интересам того времени и продолжала традиции предшествующей литературы. И до него писатели сообщали сведения о торговле, описывали флору и фауну дальних заморских стран, образ жизни и обычаи их жителей.

В середине IV в. был составлен роман об Александре и его пребывании на Востоке. Обычно его автора называют псевдо-Калисфеном, так как рассказ ведется от имени спутника Александра — Калисфена, племянника Аристотеля.¹ Кроме греческого текста, имеется его латинский перевод, сделанный в Египте в начале V в. Юлием Валерием.

Роман об Александре получил широкое распространение, охотно переделывался, переводился и переписывался. В середине текста находится небольшой трактат об „Индии и брахманах“, который относят не к тексту псевдо-Калисфена, а считают частью хорошо известной Истории Лавзиака, составленной в 420 г. Палладием.

Сообщения о брахманах носят специфический характер, сосредоточены на их поведении, образе жизни, однако другие подробности представляют несомненный интерес, так как автор рассказа посетил области Индии (край, или конец, Индии, ακροτηρία της Ἰνδῆς), но не те, где обитают брахманы „близ Ганга, реки Индии и Серики“, а более близкие. Автор посетил Индию за несколько лет до описания, вместе с Моисеем, епископом Адулиса, но вскоре вернулся обратно, так как не смог переносить нестерпимой жары.² Он высказывает интересные домыслы, что Александр, предполагая достигнуть Ганга, на самом деле проник в Серику (Китай), туда, где „серы“ производят шелк. Здесь Александр велел воздвигнуть каменный столб с надписью „Александр, царь македонцев, достиг этого места“. Эти сообщения автора, по всей вероятности, связаны с наглядными представлениями, т. е. с картой, быть может даже с картой Кастория, которая, как нами ниже отмечено, носит следы преданий об Александре.

Автор трактата знал некоего фиванского ученого (τινος Θηβαίου σχολαστικοῦ), который имел желание направиться в Индию. Он прибыл в Адулис, побывал в Аксуме, затем двинулся дальше на остров Тапробан.³ Таким образом, этот путь засвидетельствован до Козьмы Индикоплова как путь византийских купцов в Индию. Этот же фиванский ученый оставил сведения о других мелких островах в Эритрейском море, рассказал об образе жизни их населения и о флоре и фауне Индии, в частности, он сообщает об областях, где произрастает перец. Захваченный в качестве пленника, он оставался им в течение 6 лет и работал пекарем. Но затем он был приглашен к „великому царю“, который его освободил и отпустил из уважения к его „ромейскому гражданству“. Этот рассказ указывает на то, что сношения с Индией не прерывались в V в., как это было и в IV, так как торговые связи и интересы держались независимо от тех перемен, которые наступали в государственных делах, только крупные завоевания, как, например, арабские, могли изменить здесь положение. Высказывалось мнение, что сношения были взаимными и индусы посещали Александрию, где, быть может, и познакомились с астрономическим учением греков, достижения которых в этой области были им известны.⁴ Но прямых свидетельств для такого утверждения не имеется.⁵

ФИЛОСТОРОГ

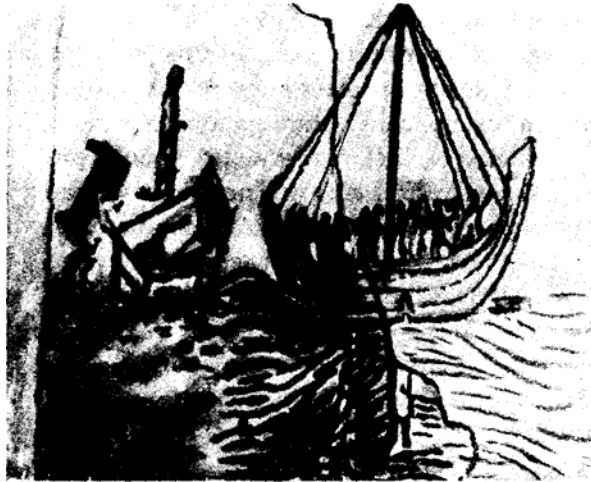
К памятникам, которые могут быть привлечены для освещения внешней торговли империи в IV и V вв., принадлежат также сочинения Филосторга. Главный его труд „История церкви“ дошел лишь во фрагментах Фотия. Филосторг родился в 368 г., лет двадцати попал в Константинополь и стал горячим последователем Евномия. Он любил путешествия, бывал в Палестине и Антиохии, был наблюдательным и живым человеком. Получив основательное образование, он был знаком с астрономией, географией и превозносил знания в этих областях знаменитой Ипатии. Свою историю он закончил между 425 г., события которого ему известны, и 433 г. Происшедший в этом последнем году пожар в Константинополе им не упоминается.⁶ Его догматические взгляды шли вразрез с православием, и потому сочинение его было в пренебрежении. Между тем, наряду с трудами Руфина, Сократа и Созомена, многое в его „Истории“ заслуживает внимания и доверия.

Несомненный интерес представляют его сведения о стремлениях империи укрепить свои политические связи идеологически. В этом отношении характерно время императора Констанция (337—361), пытавшегося христианизировать некоторые народы. Эти сведения касаются прежде всего Сабейского царства, называемого Химьяритским,⁷ „расположенного у океана“. „Но и вся область Химьяритская до Эритрейского моря дважды в год дает плоды, отчего и прозвали эту землю «Счастливой Аравией»“.⁸ Химьяриты поклонялись небесным светилам, солнцу, луне, другим местным богам, практиковали обрезание. Среди них было немало иудеев.⁹ Такие сообщения Филосторга находятся в полном согласии с химьяритскими надписями, со сведениями других греческих и сирийских источников.

При императоре Констанции в государства, лежащие в бассейне Красного и Эритрейского морей, в частности в Химьяр, было направлено посольство, во главе которого был по-

ставлен Феофил Индус (Θεόφιλος ο Ἰνδός), — личность, во многих отношениях представляющая интерес. Филосторг упоминает о нем неоднократно.

В молодости Феофил был прислан в качестве заложника к императору Константину I (324—337) с острова Дива. „Земля дивейцев есть остров, но и они носят прозвание индов”.¹⁰ Дива или Селедива — наименование острова Цейлона, как это известно из всей ранней византийской литературы. Другим названием Цейлона было Тапробан, как оно известно и Козьме Индикоплову. Судя по тому, что Филосторг знает оба названия — и Див, и Тапробан, — возникает вопрос, какие именно острова он подразумевает под этими названиями. Филосторг не различает рек Ганга и Инда, ему известна одна река — Фисон, впадающая в океан. Под островом Тапробан он, вероятно, подразумевает Цейлон. В таком случае под островом Див он может под-

Корабль. Деталь росписи христианской церкви, основанной в 256 г. в Дуре-Еуропосе.

разумевать остров Сокотру (Диоскоридов), откуда, вероятно, был родом Феофил.¹¹

Христиане острова Диоскоридов во времена Козьмы Индикоплова были несторианами, так как их клирики получали посвящение „из Персиды”.¹² Феофил был христианином, получил сан дьякона, а затем епископа и стал выполнять дипломатические поручения императоров. К химьяритам императором Констанцием было отправлено посольство, во главе с Феофилом, и „великолепные дары”, в том числе 200 каппадокийских коней лучшей породы. Коней везли на кораблях, приспособленных для их перевозки. Дипломатические переговоры Феофила привели к желанным результатам, так как этнарх (ο ἠθναρχῆς) склонился к соглашению с империей и „обратился к благочестию”. Христианская миссия была выражением также и других тенденций империи, которые сводились к укреплению ее торговых связей и политического влияния, так как кроме просьбы о построении храма посольство обратилось к этнарху и со многими другими. Кроме подарков, Констанций отпустил денег на построение церкви. Разнообразные интересы связывали эфиопов и химьяритов с империей настолько тесно, что пропаганда христианства велась там с успехом. Церковь была построена в Тафаре, столице Химьяра, о чем известно из ряда других источников, в том числе из хроники Табари.¹³ Адан — порт на южном побережье Аравии, в который обычно заходили ромейские корабли и где велась торговля, — также имел большое значение, поэтому и в нем была выстроена церковь. В качестве порта, игравшего значительную роль и в римское время, Адан или Аден упоминается еще в „Перипле Эритрейского моря”.¹⁴ Наконец, третья церковь была выстроена при устье Персидского залива, в так называемом „Персидском рынке” (Περσικὸν ἐμπορίον).¹⁵ Этот последний известен и карте Кастория, которая помещает его на юге Персиды, при море, и отмечает знаком города или большого населенного пункта, в виде двух домиков. „Персидский рынок” имеет и дополнительное название Персеполискон и находится во 2-й части XII сегмента карты Кастория.

Сведения Филосторга подтверждают данные Табари о построении церкви, причем субсидия на это была дана имп. Констанцием, но, как утверждает тот же Филосторг, церкви были построены за счет самих химьяритов — этнарх дал на это средства сам, так как обратился в христианство.

Необходимо отметить, что сведения Табари относительно доставки из Византии смальты и мрамора для украшения храма едва ли могут считаться сомнительными. Известно, что в целом ряде случаев, насаждая христианство, Византия делала богатые подношения: посылала

утварь, церковные одежды и материал для украшения церквей, как это было, например, при крещении Грода в Причерноморье, а позднее при крещении киевского князя Владимира.

Наименование главы химьяритского государства этнархом или „имеющим власть над народом" не случайно. В империи превосходно разбирались в титулах и давали их с разборчивостью, звание базилевса никак нельзя было применить к имевшему власть в Аравии „царьку", это был этнарх, не более. В этом отношении можно вспомнить и о тех различиях, которые делают в званиях не только греческие и сирийские источники, но и большая химьяритская надпись у плотины Мариба. В титулатуре разбирались с дипломатическими тонкостями.

Успешно закончив миссию в Аравии, Феофил „отправился к аксумитам, называемым эфиопами", где выполнил какие-то дипломатические поручения императора и возвратился в Константинополь. Еще в IV в. Эфиопия и Химьяр составляли группу тесно связанных между собою государств. Меры к углублению христианизации в Химьяре хронологически близки истории Фрументия, миссионера Эфиопии, связанного иерархически с православным патриархом Александрии.

Из фрагментов Фотия не вполне ясно, в какой последовательности Феофил Индус посетил „остров Див", свою родину и другие „области Индии", возможно, что это путешествие имело место до посещения им Эфиопии. Дипломатических поручений „в областях Индии" у него, повидимому, не было, во всяком случае источник о них не сообщает,¹⁶ но нет сомнения, что самая его поездка была связана с политическими интересами Константинополя.

Утерянные части сочинения Филосторга возможно дали бы еще дополнительный материал для суждения о его представлениях о южных и восточных землях, лежащих у океана, но и те сведения, которые сохранились в „Библиотеке" Фотия, убеждают в точности его сведений и в их совпадении во многом с сообщениями Козьмы Индикоплова. Географические представления Филосторга близки к представлениям „Полного описания мира", „Подорожных", карты Кастория, т. е. ко всей традиции IV в., но имеют и некоторые своеобразные черты. В основном, за пределами империи Филосторг интересуется юго-восточными областями, теми же, что стали в центр внимания Козьмы Индикоплова: упомянутые выше Эфиопия и Химьяр, а затем Индия и остров Цейлон, причем он перечисляет их природные богатства, флору и фауну. Как и его современники, он интересуется вопросом о местонахождении на земле „рая", из которого в соответствии с библейской традицией должны вытекать „великие" реки Фисон, Нил, Тигр и Евфрат. В его доводах имеются сведения, основанные на опытных знаниях, так, вся земля „к югу", до берегов моря, говорит он, заселена и имеет жаркий климат. Судя по направлению реки Фисон, он считает, что „рай" находится в северо-восточном направлении от „океана, против острова Тапробана".¹⁷ В другом случае он говорит, что в восточной стороне „рай" омывается „внешним морем" (της εξωθεν θαλάσσης), т. е. водами океана, омывающего вокруг всю землю. Прекрасный воздух и прозрачные воды порождают в „раю" все наилучшее.¹⁸ Чтобы оправдать теорию истока рек из „рая" при противоречащем ей действительном их направлении, Филосторг высказывается за теорию длительного течения Тигра и Евфрата под землей, прежде чем они вновь вышли на поверхность земли.¹⁹ Между тем место действительного истока обеих рек ему хорошо известно; Тигр берет начало около Апилиота „ниже Гирканского моря", т. е. Каспия, а Евфрат вытекает из Армении, с горы Арарат. Филосторг подробно описывает направление обеих рек, их течение и впадение в „Персидское море". В этой же связи он вынужден считать, что и Нил протекает под Индийским океаном, чтобы достичь своих истоков у Лунных гор, направляясь туда из „рая". Отсталая теория древних библейских сказаний вступала в конфликт с действительными географическими сведениями и тормозила новые выводы, новые теории. Веком позже пытливый Козьма Индикоплов, оставаясь верным ошибочной теории мироздания, однако, решительно отверг существование рая на земле.

Одним из доводов в пользу существования рая на земле Филосторг приводит то, что Фисон, под которым он по всей вероятности подразумевает Ганг, приносит со своими водами кариофилл. Гвоздичное дерево — кариофилл, или гвоздика, считалось „райским деревом", а так как „выше", т. е. севернее этой реки земля совершенно пуста и бесплодна, то очевидно, что река приносит гвоздику „не то плод, не то цвет" из рая. Все эти наивные рассуждения Филосторга дают, однако, возможность сделать некоторые выводы. Еще в IV в. Византии были хорошо известны области восточного побережья Индостана, которые и для Козьмы Индикоплова были областями „гвоздики". Впадение Фисона в океан Филосторг указывает „против острова Тапробана", т. е. Цейлона. Такое представление может быть сопоставлено с картой Кастория, где впадение великой реки Индии находится против острова Тапробана. Филосторгу известны

Аравия и государство Аксума, наименование Индии он, повидимому, прилагает к собственно Индии или Великой Индии.

Совершенно четко географическое представление Филосторга о Черном (Красном) море, с двумя большими портами в его двух северных заливах — Климой и Аилом. Таю же четко его представление об эфиопах и их главном городе Аксуме. Аксумиты, у которых побывал Феофил, живут „на левом берегу" Красного моря. Филосторг сделал это указание в соответствии с тем, что путь Феофила лежал водой из Эритрейского моря, от берегов Аравии в Красное море и в таком случае страна аксумитов находилась для него на левом берегу.

Еще более интересны его указания на распространение в областях „на восток от аксумитов" сирийцев, которые были сюда переселены Александром Македонским.

Традиция о переселении Александром отдельных народов и групп твердо держалась в течение многих веков. Об острове Диоскоридов (Сокотора) Козьма Индикоплов сообщает, что его жители говорят по-гречески и были сюда переселены Птолемеями, которые последовали за Александром Македонским. Что касается более восточных областей Индии, Цейлона, Средней Азии, то о их связи с сирийским христианством Козьма говорит подробно.²⁰

Подробно об острове Диоскоридов, подчиненном в то время царю Хадрамаута, сообщает „Перипл". По его сведениям, остров „очень велик, но необитаем", на нем водятся крокодилы, ящерицы и черепахи. Население есть только на северной, обращенной к материку, стороне и состоит из арабов, индусов и „даже греков, выехавших сюда для торговых дел".²¹ Эти данные свидетельствуют о наличии разных этнических колоний на острове. Козьма также сообщает о распространении различных колоний, в частности сирийских, в торговых гаванях и городах Среднего Востока.

В свете всех этих данных большой интерес представляет сообщение Филосторга о распространении сирийцев, о которых он говорит, что они „и донныне употребляют отечественный язык", но, живя под отвесными лучами солнца, они стали „черными". „До этих аксумитов, по направлению к востоку до Внешнего океана живут сирийцы, носящие это имя и у тамошних жителей. Александр Македонский вывел их из Сирии и там поселил, они и донныне употребляют родной язык" (Πρότεροι δε τούτων τῶν Ἀρξουμιτῶν ἐπὶ τὸν ἐξωτάτω πρὸς ἀνατολὰς καθήκοντες Ὠκεανὸν παροικοῦσιν οἱ Σύροι...)²²

Те восточные области, где Феофил не побывал, не названы, но охарактеризованы как области, где находится в изобилии „касия", „киннам" и некоторые другие растения, с именами, производными от этих названий. Кроме того, в этой стране находится множество слонов. Известно, что касия и киннам — это корица, благовонная кора дерева, произрастающего только в Индии.²³ Вывоз корицы в имперские гавани производился из портов Сомали, куда ее привозили с Малабарского побережья. Но сирийские "колонии на африканском побережье не известны, и можно с большой уверенностью сказать, что речь идет о западном побережье Индостана, где касия (корица) была действительно в изобилии, где было множество слонов и где находились сирийцы, сохранившие свой язык. Эти данные в значительной степени объясняют и тот расцвет сирийского влияния, о котором свидетельствует „Христианская топография" Козьмы Индикоплова.

Филосторг описывает различных животных, которые водятся в той „полосе земли", что тянется „к восходу солнца и к югу". Перечисленные им животные водятся в Африке и в Индии, — это слоны, огромные быки — яки-таврелефанты, змеи, единороги, разного вида обезьяны. Одна обезьяна была послана „Индийским царем" в Константинополь, императору в подарок, но околела, и в столицу было доставлено ее чучело.²⁴ Филосторг утверждает, что как сатир, так и сфинкс древних греков происходят из представления об обезьянах. Жираффа (камелопардалис) и зебра (схожая с диким, полосатым ослом), которые им также подробно описаны, встречаются только в Африке, фауна последней была ему особенно хорошо известна.

Сообщение о чистом золоте и больших самородных жилах может вести в области Центральной Африки, — земли Сасу, известной и Козьме Индикоплову. Но еще „Периплу" была известна „золотая" земля — Хрисе — и золотые россыпи в области Ганга, находившиеся „в крайних пределах" на востоке.²⁵ Возможно, что Филосторг имеет в виду эти отдаленные области, так как он говорит, что там растут прекрасные, огромные плоды и орехи. Последние, вероятно, кокосовые орехи, которые всю эту группу сведений заставляют отнести к Индии.²⁶

Ценность некоторых из сведений Филосторга в том, что они точно датируются и создают представление о торговом обмене и сношениях Византии во 2-й половине IV в. и начале V в. Дипломатические поручения в Химьяр и Аксум говорят о заинтересованности Византии в

сближении с ними, а христианизация была одним из способов закрепления этих отношений. Тогда уже политика Константинополя намечала этапы на своем пути в Индию, куда ее властно толкали экономические интересы. Но со второй половины VI в. и позднее от осуществления этих стремлений Византии пришлось временно отказаться.

ЗАМОРСКИЕ ТОВАРЫ В ИМПЕРИИ

Насколько велик был размах внешней торговли в Римской империи и в ранней Византии, свидетельствует список товаров, подлежащих таможенному обложению, сохранившийся в „Дигестах”.¹ Список этот был составлен в предшествующий период, в III в., так как в нем имеются ссылки на время Северов и Антонинов. Наличие этого списка в законодательных сборниках времени Юстиниана свидетельствует о том, что он не потерял своего значения к этому времени. Сравнение этого постановления с теми сведениями о товарах, которые могут быть получены из источников IV—VI вв., в значительной степени подтверждает наличие того же ассортимента товаров. Материалы этого периода дают возможность также сопоставить географические пункты, из которых вывозились те или иные товары или продукты, как это указано в приведенных ниже данных.

Список, приведенный в „Дигестах”, дает многочисленные названия. Среди подлежащих обложению товаров большое число названо индийскими, как, например, *ferrum Indicum* — индийское железо, не подвергавшееся коррозии, *aroma Indicum* — индийский аромат, т. е. духи, как это считал еще Плиний Старший. Были также известны *capilli Indici* — индийский волос, *oria Indica* — индийский опиум. Индийские рабы-скопцы — *spadones Indici* — подлежали также таможенным сборам. Большая часть товаров, перечисляемая в этом списке без прилагательного „индийский”, также, несомненно, вывозилась из Индии, как это известно из других источников, — например драгоценные камни, пряности, ароматы. К их числу следует отнести разные виды перца: длинный (*pipere longum*), белый (*pipere album*). Козьма Индикоплов, повидимому, торговал именно перцем, так как он точно указывает, из каких гаваней его вывозят. Из Индии вывозили и многие драгоценные камни — алмаз (*adamas*), сапфир (*saffirinus*), рубин (*hyacinthus*). Жемчуг (*margarita*) преимущественно вылавливался в Персидском заливе, а изумруд (*smaragdus*) добывался в Африке. В числе пряностей и ароматов названы нарда, мирра, разные виды корицы (*cassia turiana*, *xylocassia*, *cin-natomum*), кардамон. Пошлиной облагались дикие звери, которых вывозили, вероятно, для цирковых игр, — барсы (*pardii*), леопарды, пантеры, львы и львицы (*leones*, *leones*). Шкуры ценились для одежды, например *pelles Babylonicae*, известные и автору трактата „Полное описание мира”. Но эти, упомянутые выше, „вавилонские шкуры”, как и „парфянские шкуры”, говорят о своем персидском происхождении. Шелк, шелковые изделия и другая одежда вывозились из Китая, хотя и попадали в Византию через многочисленных посредников. *Metaxa* — шелк-сырец ввозился наряду с шелковой и полушелковой одеждой (*vestis serica vel sub serica*), шелковой нитью (*nema sericum*) и покрывалами (*vela sarta vel adserta*). Тонкие льняные покрывала (*vela tinctorum*), по сведениям Плиния, вывозились из Испании. Мягкая шерсть (*mergum lana*) могла быть предметом вывоза из Ирана. Особенно тонкий сорт льна был известен как виссон и носил название „виссонского изделия” (*opus byssicum*).

Но и весь этот список, данный в „Дигестах”, не исчерпывается приведенными выше названиями. Некоторые из них невозможно идентифицировать, в то же время в списке нет, например, кариофила — гвоздики, которая, несомненно, была предметом вывоза из Индии. Об этом имеется свидетельство Козьмы Индикоплова, а до него Филосторга, предполагавшего, что гвоздика (*кариофуллон*) есть „райское” дерево.²

При Юстиниане были приняты меры к тому, чтобы украшение драгоценными камнями одежды и сбруи не принимало слишком широких размеров. Во всяком случае закон предлагал не украшать поясов, уздечек и седел наиболее драгоценными камнями (жемчугом, изумрудами и гиацинтами, т. е. рубинами, или аметистами), однако разрешалось украшать их другого рода драгоценными камнями. Перечисленные камни принадлежали к числу тех, ношение которых было царской привилегией. Военную одежду вообще запрещалось украшать чем-либо, кроме золотых украшений. Драгоценные камни разрешались для всякого рода колец мужских и женских и для женских украшений.³

Украшения, принятые для царственных лиц, должны были производиться „в моем доме“, т. е. во дворце, гласит закон Юстиниана, и вырабатывать эти изделия должны были „дворцовые ремесленники“ (*artificii palatini*), их запрещали производить в частных домах или в мастерских. Нарушение запрещения каралось штрафом в 100 фунтов золота (*centum librarum auri condemnatione sciat se esse feriendum...*).⁴

Такого рода запрещения были вызваны не только желанием царей иметь какие-то особые украшения, но, вероятно, и желанием, по возможности, сокращать непомерную и все растущую роскошь, которую, в первую очередь, вводил тот же императорский двор.

Материалы IV—VI вв. позволяют приурочить некоторые товары к определенным географическим пунктам, главным образом к портам Красного моря и Индийского океана.

ШЕЛК В ВИЗАНТИИ

Для организации торговли и ремесла в Византии чрезвычайно характерно положение с шелковыми изделиями и их продажей. Источники дают материалы, которые позволяют рассмотреть этот вопрос более углубленно.

Настойчивость, с которой Византия стремилась приобретать шелк, изыскивая пути к его получению на море и на суше, была бы непонятна, если бы согласное свидетельство письменных и археологических источников не указывало на широкий расцвет ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей. Если охотно приобретались готовые шелковые ткани и одежды (*vestis serica vel subserica*),⁵ то еще больше требовалось шелка-сырца (*μέταξα*), обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя.

Наиболее древним археологическим свидетельством о производстве шелка в областях, принадлежавших империи, являются шелковые ткани, найденные в Египте в погребениях Антинои. Большая часть из них представляет собою узорчатые украшения, полосы и полукруги из шелка, которые нашивались как украшения вокруг ворота и вокруг застежки льняной одежды, следовательно, были рассчитаны на небогатые слои населения. Что в этом случае мы предполагаем местным производством, явствует из того, что в других погребениях Египта такого типа текстиля не найдено. Этот шелк вырабатывался не только в Египте, но и в самой Антиное, так как рисунки на шелковых тканях повторяют изображения найденных в той же Антиное шерстяных тканей.⁶

Наиболее старые образцы шелкового текстиля Антинои относятся к IV в. н. э., они повторяют мотивы рисунков тканей, изображавшихся на древнегреческих вазах еще в V и IV вв. до н. э. Но в дальнейшем на шелке расцветает вся красочная флора Африки, а также появляются тонконогие ибисы и тяжелые декоративные слоны. Датированный V—VI вв. кусок шелка из Антинои носит изображение могучего барана.⁷ Интересен тип шелкового текстиля с круглыми медальонами, в которых дан пейзаж Нила и изображения разных животных.⁸ Некоторые образцы повторяют древние классические и мифические мотивы, — например зеленая шелковая ткань с nereидами или изображенные в стремительном движении менады на красном фоне. Встречаются и иллюстрации к библейским рассказам, как, например, к истории Иосифа Прекрасного, которого братья продают в рабство. Поражает большое разнообразие рисунков и привлекаемых мастерами тем.

Выдающийся интерес представляют коптские ткани, найденные в Верхнем Египте, близ города Понополиса, в погребениях селения Ахмим. В найденных здесь шелковых тканях часто встречается вытканное имя Захарии (в родительном падеже *Ζαχαρίου*), изредка имя Иосифа. Это имена мастеров, которые ставили свое имя на художественных образцах, выходявших из их рук. У первого преимущественно даны растительные мотивы, в частности листья с загнутыми концами, обычный мотив на александрийских тканях VI в. К этому времени и следует отнести работы ткача Захарии. В Антиное греческое шелковое производство глохнет в VII в., коптские же мастерские Ахмима продолжают существовать и после арабского завоевания. Одна из сохранившихся шелковых полос (*clavus*) повторяет образцы рисунка, вытканного Захарией, но имеет арабскую надпись куфического типа.⁹

К началу V в. в Александрии была гинекея, т. е. императорская мастерская, в которой ткали шелковые ткани, как в гинекеях Константинополя, Кизика и Карфагена. В арабское время работа александрийских мастеров продолжается. В VIII и IX вв. шелковые ткани, которыми украшали храмы, по свидетельству *Libet pontificalis*, поступали главным образом из Александрии. Александрийская мастерская имела свою излюбленную гамму цветов, по которой можно

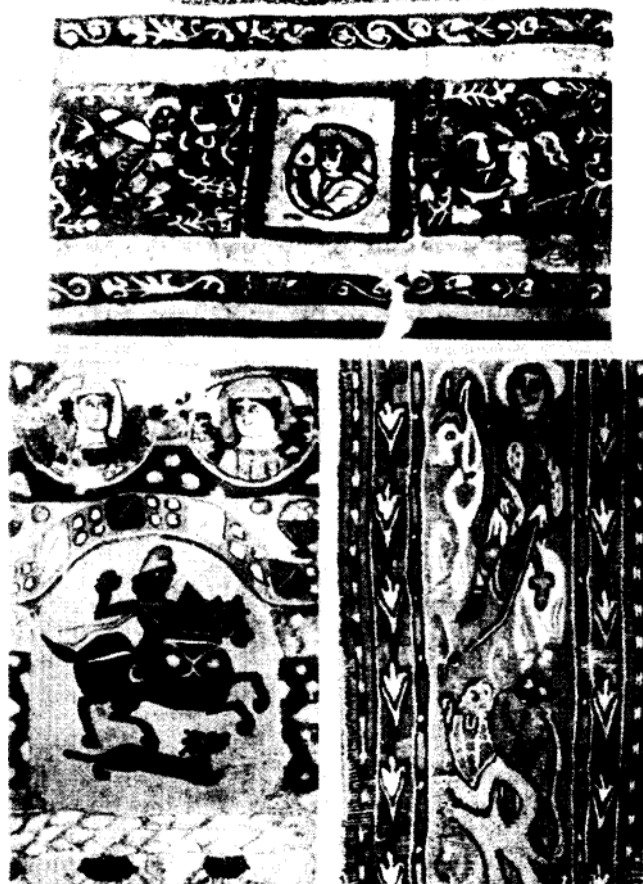
безошибочно определить ее изделия.

В империи образовались и другие центры производства шелковых тканей. В приморские города Сирии шелк-сырец доходил морем. Его доставляли из Индии на эфиопских кораблях в Адулис, а оттуда по Красному морю подводили в гавани, откуда переправляли уже сухим путем. Караванные дороги из Средней Азии через Персию к Средиземному морю также кончались в Сирии. Здесь (еще в первых веках н. э.) и возникли многочисленные прядильные и ткацкие мастерские, где шелк-сырец превращался в тонкие нити, окрашивался. Затем в искусных руках нити превращались в чудесные ткани, сшивались и поступали в виде готового платья на рынки всего Ближнего Востока и далее — на Запад.

Еще в кодексе Феодосия фигурируют *metaxa*, *vestis serica vel subserica*, *nema sericum*. *Metaxa* представляет собою шелк-сырец. *Nema sericum* — это крученая нить. Сучили нити по преимуществу в Бейруте, Тире, Сидоне, где, благодаря положению приморской Сирии, широко развилось это ремесло. *Vestis serica*, т. е. шелковая одежда, ценилась особенно дорого. *Subserica* представляла собою особую ткань, основой которой была шелковая нить, а заткана она была золотой нитью, — это и было неким видом парчи. Производству шелковых тканей способствовал и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения пурпуровой краски.

Прокопий Кесарийский пишет: „Платья из шелка-сырца в Берите (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выделялись издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники (*ἐμπλοροι τε καὶ ἐπιδημιουργοὶ καὶ τεχνῖται*), отсюда этот товар распространился по всей земле".¹⁰

Раскопки не дали таких образцов шелка в Сирии, как в Египте, но во всяком случае ряд мотивов, сохранившихся на тканях, представляет, по мнению искусствоведов, образцы, вышедшие из рук мастеров Сирии и Месопотамии. В некрополе Халеби-Зиновии, последней царицы Пальмиры, построенном между 266 и 270 гг. н. э., был найден кусок желтоватого китайского шелка размером 1 м × $\frac{1}{5}$ м. Желтоватый цвет этой ткани оживлен голубым орнаментом.¹¹

Коптские шелковые ткани IV в. н. э.

Производство шелковых тканей в Персии ввели при Шапуре II (309—379) греческие

мастера, взятые им в плен и насильственно переселенные.¹² Но много вероятий, что и до этого времени персидские ткачи обрабатывали шелк. И ничто так ярко не говорит о взаимном влиянии и обмене, как иные шелка, — будь то изображение охоты царя или конного всадника, который стал известен греко-римскому миру со времен мидийских царей, в своей то „сасанидской“, то „византийской“ трактовке. Еще характернее другой вид александрийского шелка с изображением квадриги. В одном случае эта тема получает трактовку в чисто византийском стиле и относится к середине VI в. (ткань из Аахена). В другом случае та же квадрига мчится, управляемая солнечным божеством персов — Митрой.¹³ Образцы шелковых тканей этих веков говорят о высоком художественном качестве ткацких работ, раскраски, рисунка.¹⁴ Широко распространена была торговля готовым платьем. В Константинополе был специальный „дом ламп“ (λαμπτήρων οίκος), в котором при ярком свете выставлялись дорогие туалеты для обозрения их столичными модницами. В 532 г., во время восстания „Ника“, этот дом был разрушен, а позднее на его месте был построен дворец Зевксиппа, где были расположены текстильные и красильные императорские мастерские.¹⁵

Торговля шелком, как и готовыми шелковыми изделиями, была подчинена общим правилам и законам Византийской империи.

Упомянутые специальные императорские мастерские — гинекеи — работали на удовлетворение нужд константинопольского двора. Окрашенный в особые цвета шелк считался прерогативой царской семьи, поэтому в кодекс Юстиниана вновь вошел рескрипт на имя „комита царских щедрот“, изданный еще императорами Грацианом, Валентинианом и Феодосием, по которому запрещалось окрашивать шелковые и шерстяные ткани (*vel in serico, vel in lana*) в пурпуровые или фиолетовые цвета определенных оттенков, известных под названием *blatta, oxyblatta, hyacinthina*.¹⁶

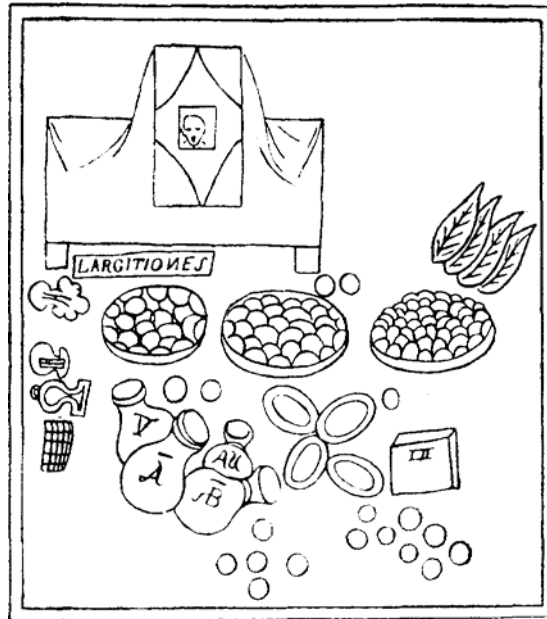
При продаже привозных товаров в Византии полагалось уплачивать пошлины, носившие названия *vestigalia* или *κομμίερκια*. Они взимались в пограничных городах, но иногда их брали и в других пунктах, в пределах самой империи. Кроме того, была виртуозно разработана система дорожных и почтовых пошлин (*portoria*), бремя которых купцы умело перекладывали на плечи потребителя. Дополнительно взимались суммы за право торговли на рынке — это были *pundinae* или *πανήγυρεις*.¹⁷ Размеры взимаемой пошлины были не всегда одинаковы, издавна она составляла 12.5% — *octavarium vectigal*, т. е. восьмую часть от 100.¹⁸ Выше этого запрещалось брать с товаров какую бы то ни было пошлину. При Юстиниане процент был снижен до 10, отчего и таможня носила название *δεκατευτήρια*.¹⁹ Взимались пошлины и налоги сборщиком, мытарем, называвшимся *τελώνης* или *publicanus*. Иногда это дело вели государственные чиновники, непосредственно ведавшие сбором пошлин и налогов с торговли. В ряде случаев это были лица, бравшие на откуп этот сбор.²⁰ Пошлины очень строго и точно взимались с разного рода шелковых изделий и шелка-сырца.

Ведал всеми делами торговли и взиманием пошлин *comes sacrarum largitionum*, имевший своих подчиненных *comites largitionum* и *comites commerciorum* во всех диоцезах. Впрочем, *comes commerciorum* имел еще особые полномочия, как это выясняется на основании рескрипта императора Феодосия I (379—395) на имя Кариобанда, дукса Месопотамии. В этом рескрипте подтверждается запрещение покупать шелк у „варваров“, т. е. персов, кому бы то ни было помимо комита — *comparanti serici a barbaris praeter comitem commerciorum*.²¹ Другой рескрипт запрещал принимать у себя *peregrinos negotiatores*, т. е. приезжих торговцев или путешественников с караванами, без согласия или ведома того же комита.²² В этих постановлениях нельзя, однако, еще видеть явлений той государственной регламентации, которая была введена уже в VI в. при Юстиниане и привела к тяжелым результатам. Введенная им монополия на шелковые товары, с тем чтобы доход шел в личную казну императора, оказалась глубоко ошибочной государственной политикой, так как она способствовала жестокому разорению приморских городов Сирии, обнищанию населения, ослаблению торговых связей.

Вопросу о шелковой торговле в Сирии, о которой с достаточной полнотой сообщают источники, все же не следует придавать того значения, которое ему приписывает тот же Прокопий. Не говоря о том, что самый замысел и цель его „Тайной истории“ побуждали его к преувеличениям, Прокопий и здесь приписывает отдельным фактам большее значение, чем они имели на самом деле. Разорение отдельных мелких и средних торговцев, экономические затруднения посредников и владетелей эргастерий несомненно имели место как следствие мало удачной финансовой политики правительства Юстиниана и спекуляций жадных чиновников бюрократического аппарата. Наряду с этим, следует отметить, что в приморской Сирии было

немало элементов брожения, об этом свидетельствуют такие явления, как восстание самарян — движение, охватившее крестьянские массы, — и непрерывные бурные восстания в Антиохии, где связанные с демами городские низы проявляли величайшую активность. Здесь также происходила борьба в области идеологии, так как в этих восточных провинциях империи было более всего распространено монофизитство, шедшее вразрез с господствующим православием.

Тяжелое положение непосредственных производителей на земле, изнывавших под непосильными налогами, разорение части ремесленного населения городов, спекуляция чиновников притеснения, чинимые монофизитам, составляли целую совокупность причин, благодаря

Инсигнии комита щедрот. (Илл. из Notitia dignitatum).

которым сиро-финикийские провинции могли быть оторваны от империи арабским завоеванием.

Особенно подробно на кризисе производства и торговли шелком останавливается Прокопий Кесарийский. Персидские купцы, пользуясь своим положением монопольных посредников и осложнением взаимоотношений Ирана и Византии, повысили цены на шелк, вследствие чего возросли цены и на выделяемые ремесленниками Византии шелковые товары. Другой причиной повышения цен было увеличение числа пунктов, в которых взимались пошлины, т. е. таможен, где отчисляли десятую часть стоимости товара.

Установление строгого контроля над привозимыми в столицу товарами ставило в тяжелое положение торговый флот. Поставленный во главе контроля сириец Аддай вынуждал моряков (ναύκληροι) выплачивать пошлину, равную цене товаров, привозимых на их кораблях, или требовал, чтобы они доставляли товары в отдаленные области — Ливию или Италию. Эти требования приводили к разорению торговцев-моряков. Одни из них прекращали торговлю, сжигали свои корабли, другие непомерно повышали цены на товары, перекладывая всю эту тяготу на покупателя.²³

Стремление Юстиниана увеличить личные доходы и обогатить государственную казну, оскудение которой грозило катастрофой, побуждало держать приобретение шелка в руках правительства. Такая доволѳла ставила в безвыходное положение частные мастерские, мелких ремесленников, которым сырье благодаря этому совсем не доставалось. Меры, принимаемые для удешевления цены на шелк-сырец, в действительности этой цели не достигали. Постановление 540—647гг., найденное Цахариэ фон Лингенталем, стремилось парализовать возможность для персов повышать продажную стоимость шелка-сырца. Поэтому предписывалось коммерциарию покупать его по установленной цене (по 15 золотых номисм за литру — 327.5 граммов) и по этой же цене продавать его торговцам метаксариям.²⁴ Торговля шелком должна была происходить открыто, с ведома префекта города, и ни в каком случае не бесконтрольно или из-под полы. Особых уточнений относительно цены изделий из шелка не делалось, но она должна была исходить из цены на шелк-сырец и соответственно ей (ката таῦτα) нарастать.

„Комит царских щедрот“, в ведении которого находились царские мастерские для прядения и тканья шелка, получал сырец непосредственно из рук коммеркиария, и цена на изделия из шелка уже не могла особенно интересовать царское хозяйство, а поэтому на нее и не давалось указаний.

Торговцы шелком или ремесленники имели право привлекать к ответственности коммеркиария в случае, если он продавал купленный им у персов шелк-сырец по повышенной цене. Постановление, сосредоточивая покупку сырца у государственного чиновника, коммеркиария, устраняло конкуренцию и тем самым получало шансы на не слишком завышенную цену. К сожалению, резкое расхождение цены на сырец в Бодлеянском фрагменте и у Прокопия не позволяет установить ее хотя бы с относительным вероятием, но другая расценка дает вероятную (примерно) цену на окрашенный шелк. „Комит царских щедрот“ Петр Барсима (вероятно, Бар Саума), сириец, продавал за 6 золотых унцию крашеного шелка. Исходя из этого, цена за 327.5 граммов (римский фунт) составляла 401 р. 76 к.²⁵

Для общего положения империи в середине VI в. и затруднений в финансовой политике характерно еще одно. Золотая монета νομισμα или στατηρος обычно не имела широкого хождения. Разменной монетой был οβόλος или φόλλις, на который и расценивались продукты питания и другие мелкие расходы трудового населения. До времени Юстиниана золотой разменивался на 210 фоллов, с его времени статир равнялся лишь 180 фоллам.²⁶ Такое изменение отразилось, главным образом, на низших слоях византийского общества, которые теряли на размене, так как всякого рода покупка и продажа на рынке происходила на мелкую, разменную монету.

Резкое изменение стоимости золота не могло не отразиться и на любых ценах, в том числе и на расценке шелка-сырца и изделий из шелка.

В результате всех этих причин в Бейруте, Тире и других городах, в которых было сосредоточено производство шелковых изделий, торговцы и ремесленники оказались в величайшем затруднении. Они стали продавать шелковую одежду своего изделия по более высоким ценам, в зависимости от цены на сырец, но тогда был издан закон, запрещающий продавать эту одежду дороже определенной цены. Купцы, приобретавшие товары по более высоким ценам, вынуждены были торговать в убыток. Некоторые стали сбывать свой товар из-под полы, но жестоко за это поплатились: по распоряжению царицы Феодоры, у них были отняты товары и наложен большой штраф.

Но особенно пострадали ремесленники упомянутых городов Сирии „простой народ“, который трудился над „ручной работой“. Они обнищали и, обреченные на голодную смерть, вынуждены были просить подаяния. Часть из них переселилась в Иран, где их ремесло могло найти применение.²⁷ Пострадали и те торговцы, которые занимались провозом по морю и доставкой шелка и шелковых изделий (θαλαττοῦροι τε καὶ ἐγγεῖοι), — их дела приняли дурной оборот.²⁸ Другие источники также подтверждают сообщаемые Прокопием факты разорения торговцев (ἐμπόροι) этих городов, хозяев мастерских (ἐπιδημιουργοί), наконец, самих ремесленников (τεχνίται).

Потребность константинопольского двора в шелковых тканях была так велика, что побудила правительство основать в столице собственные царские мастерские, к которым были прикреплены целые семьи рабов, образовавших специальные коллегии — гинечиариев, *gynaeciarīi*. Законом 426 г. строжайше запрещалось освобождать членов этой коллегии, они были прикреплены к бафиям и гинекеям, в которых работали. Подневольные условия труда заставляли бежать от этих обязанностей как рабов, так и свободных. Особая квалификация и высокая техника, которой владели текстильщики и красильщики, доставляли им широкую возможность заработка. Специальные законы запрещают предоставлять убежище и укрывать беглых рабов из царских текстильных мастерских (*textriini nostri mancipia*), так же как и кого-либо из скрывающихся членов семей, работающих в гинекеях (*aliquam ex familiis gynaecii*).²⁹

Таково было положение в IV в., когда издавались эти законы, и если к VI в. в составе работавших в царских мастерских и могли произойти изменения, то во всяком случае сохранение этого закона во втором издании кодекса Юстиниана говорит о его значении и в VI в. Общая тенденция этого законодательства прикреплять, закрепощать и усиливать формы рабства и прикрепления не могла не сказаться и в этом частном случае.

II ПУТИ В ИНДИЮ

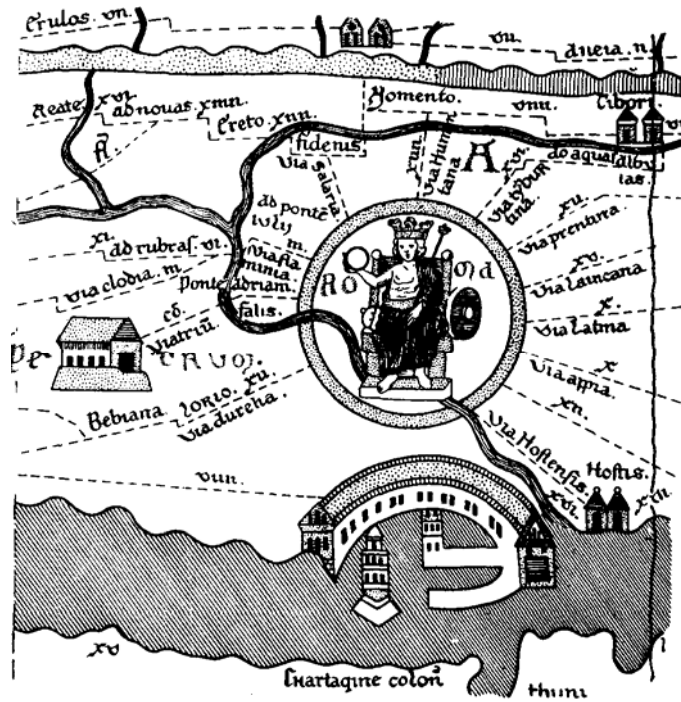
КАРТА КАСТОРИЯ

Значение, которое имела торговля в империи IV в., вызвало к жизни литературу, отвечающую ее насущным потребностям. Ряд памятников этого времени соответствовал интересам и запросам кругов, связанных с местным и внешним обменом. К таким памятникам принадлежали „Полное описание мира“, „Подорожные“, „Христианская топография“. Но наряду с такими специальными трудами в сочинениях авторов IV и V вв. постоянно встречаются разделы или указания на географическое положение и торговые связи империи, как это имеет место в „Истории“ Аммиана Марцеллина и в „Церковной истории“ Филосторга. Отдельные разделы и главы упомянутых авторов имеют много общего с „Христианской топографией“, с другой стороны, их направление и литературная манера связывают их с традицией Плиния Старшего и его „Естественной истории“.

Торговый обмен в империи вызвал к жизни и оживил целые отрасли литературы. География была призвана дать необходимые описания и сведения о путях. Наряду с описаниями составлялись и карты. Так, карта Агриппы, законченная не позднее 12 г. н. э., была выставлена в портике Поллы на Марсовом поле для всеобщего обозрения.¹ Одни карты имели стратегическое значение, другие создавали наглядное представление о направлении путей, о станциях, были итинерариями. Аммиан Марцеллин располагал картой, составляя свое описание земли — „по чертежам географов весь выше намеченный круг земель имеет такой вид“ (*Utque geographici stili formarunt, hac specie distinguitur omnis circuitus antedictus*), — писал он.²

Большой интерес представляет карта, составленная в IV в., называемая картой Кастория, все еще недостаточно изученная.³ Анализ этой карты может дать много нового и помочь успешному разрешению ряда вопросов, связанных с отдельными областями империи, а также Ближнего и Среднего Востока.

Для общего представления о путях в Индию в ранний период истории Византии необходимо рассмотреть эту карту Кастория, иногда называемую *Tabula Peutingeriana*, по имени первого ее издателя. Карта эта состоит из 12 сегментов. Склеенная в одну длинную полосу, она, вероятно, предназначалась для того, чтобы ее можно было свертывать и разворачивать, как свиток. Снабженная латинскими надписями, карта Кастория дошла в копии XI или XII в., судя по палеографическим данным этих надписей; но ее характер и содержание заставляют отнести ее к более раннему времени. Карта эта была, вне всякого сомнения, в числе источников анонимного космографа Равенны в 650 г. и цитировалась им как карта Кастория. Кто именно был Касторий — неизвестно, но были высказаны предположения, что он был уроженцем Рима. Для определения времени составления карты существенную роль играют виньетки или символические изображения трех городов, трех столиц империи: Рима, Константинополя и Антиохии. Рим представлен вписанным в круг изображением императора, сидящего на троне со скипетром и державой. Подножие императорского престола как бы стоит на реке Тибре. Лучами расходятся от „вечного города“ многочисленные дороги, одна из которых ведет в Остию. В качестве морского порта Рима, куда заходили корабли всего Средиземноморья, Остия играла значительную роль. На фоне моря изображение большой полукруглой гавани окрашено бледно-розовым цветом. В константинопольской виньетке на престоле изображен владыка в шлеме, с копьем и щитом, на который опирается его левая рука. Рядом находится изображение колонны Константина, с его памятником, венчающим ее верх. Но наиболее роскошно и величествен-

Виньетка Рима на карте Кастория.

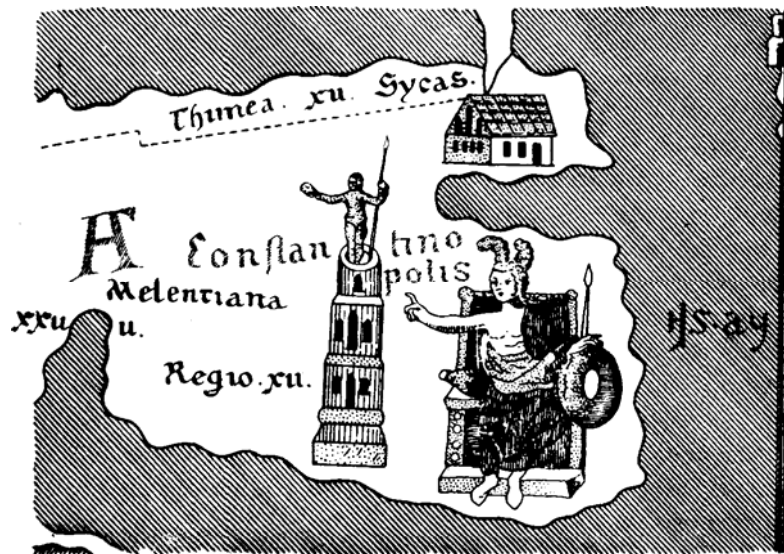
но представлена Антиохия, где император изображен сидящим на троне, с копьем в правой руке, с левой, лежащей на голове юноши Оронта — гения реки. Далее, среди деревьев лавровой рощи изображен знаменитый храм Аполлона в предместье Антиохии, Дафне. Если считать, что три столицы с изображениями императоров соответствовали времени, когда действительно одновременно царствовали три императора, и принять это как хронологическое указание, то временем составления карты можно назвать годы 365—366. Тогда царствовали Валентиниан I и Валент, один в Риме, другой преимущественно в Антиохии, а в Константинополе именно в эти годы появился претендовавший на престол Прокопий, родственник умершего императора Юлиана.⁴ Но даже если отказаться от мысли видеть в изображениях на карте цар-

Виньетка Антиохии на карте Кастория.

ствующих одновременно трех императоров, то тем не менее все данные, вся обстановка приводят к заключению, что карта Кастория была составлена в IV в. Колонна Константина и самое появление на карте отмеченного в качестве столицы Константинополя говорят о том, что она была составлена после 330 г. Что касается Антиохии, то особенно выдающееся положение она занимала именно в IV в., когда она часто становилась резиденцией. Константинополь не успел еще превратиться в мировой центр с того времени, как из скромной и древней мегарской коло-

нии он был преобразован в столицу Восточноримской империи. Автор карты, как и автор „Полного описания мира“, как светские историки IV и V вв., был язычником. На это указывает и изображение храма Аполлона в Дафне, многочисленные храмы, посвященные Серапису и Изиде в Египте с надписями Serapeum, Iseum. Даже близ Рима изображенное здание с надпи-

Виньетка Константинополя на карте Кастория.

сью ad scm (sanctum) Petrum не имеет христианского символа, креста, и, быть может, первоначально не имело этой надписи. Возможно, что это был языческий храм, которому впоследствии были приписаны слова, делавшие его базиликой св. Петра. Изображения храмов карты Кастория напоминают вообще давно вошедший в круг восточного искусства древний языческий храм. В иллюстрациях ватиканской рукописи Козьмы Индикоплова изображен подобный наос на миниатюре с адулисской надписью, связывая лишний раз труд Козьмы с картой Кастория общими традициями в изобразительном искусстве.

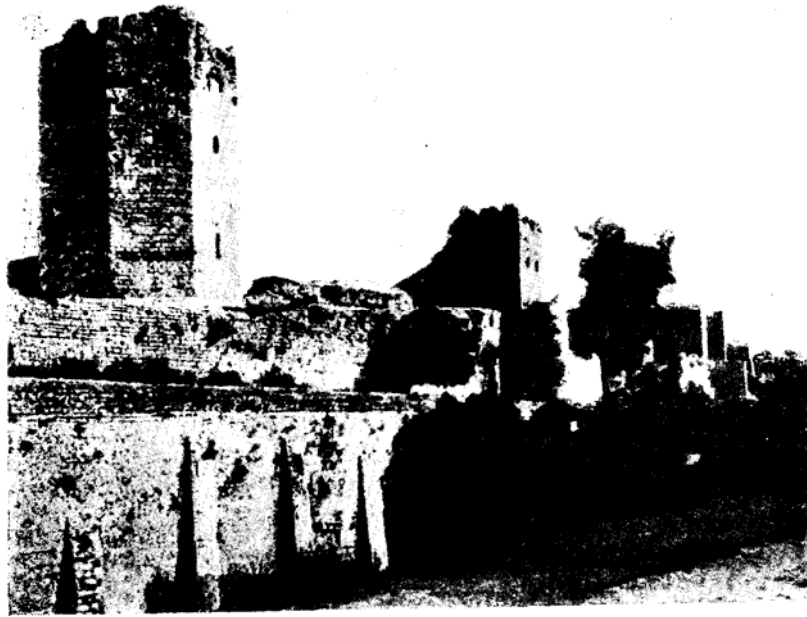
Иерусалим, имеющий здесь и второе название — Элиа Капитолина, своим символическим изображением ничем не отличается от Аскалона, Иераполя, Иерихона и Бостры, что было бы невозможно для христианина, который, вероятно, отметил бы его иначе, не только нанесением Масличной горы. На Синайском полуострове имеется гора Синай и пустыня, по которой следует надпись, что здесь Моисей „бродил“ сорок лет. Весь аспект карты языческий, и временем ее составления мог быть только IV или начало V в., даже если не признавать аргументации предшествующих исследований, приведенной выше. В VI в., при Юстиниане, язычество искореняли во всех формах, жестокая инквизиция прошла по всем городам и селам империи, как это известно из деятельности Иоанна Ефесского, описанной им самим. Благочестивые тенденции времени Феодосия также не могли способствовать составлению карты с ярко выраженным языческим содержанием.

Автор карты считает установленной границей империи Евфрат, на правом берегу которого сеть римских дорог кончалась в Милитене, Самосате и Зейгме. Месопотамия занимает несколько неопределенное положение между великими державами, в ней намечены главные города, как Харран, Эдесса, Решайна, Нисибин, Сингар, и дороги между ними, но надписи отмечают границу империи у Евфрата. Далее следует обширная Персия, области Средней Азии и Дальнего Востока.

Карта Кастория не была задумана как карта мира, цель ее была — дать сведения о путях сообщения, она являлась картой-интинерариумом, при этом мало указаний на то, чтобы она была сделана по военно-стратегическим или государственным заданиям. Однако на ней указано, где находится в Сирии предел расположения ромейских легионов. Известно, что существовала круглая карта, т. е. мировая карта, вписанная в круг, которой располагал Равеннский аноним. Карта Кастория не включает весь мир, она к этому и не стремится, но на ней нанесены пути, с указанием числа дневных переходов от одного до другого пункта.

Она была пригодна для путешествий, в частности, с торговой целью, была портативна, так как могла быть легко свернута в свиток. Ее наглядность, цветная раскраска рек и дорог, отчетливость рисунков городов, надписей вызывают самый живой интерес. Преимущественное

внимание было уделено первым сегментам карты Кастория, представляющим большой интерес

Двойные Феодосиевы стены Константинополя.

для изучения Европы и северной Африки в IV в. Для Закавказья советские исследователи акад. Я. А. Манандян и С. Т. Еремян⁵ с успехом использовали ее сведения. В плане настоящего исследования наибольший интерес представляют XI и XII сегменты карты, которые дают Месопотамию, Иран и Индию. Эта часть карты менее всего подверглась интерполяциям и потому ее можно привлекать как источник IV в.

Сведения „Полного описания мира“ заставляют предполагать, что автор располагал данными как о морском пути, так и о караванной дороге в Индию. Почти современная ему карта Кастория не дает „перипла“ морей, но ей известны пути по суше. Она не лишена ошибок, сведения того же Птолемея несомненно имеют преимущество и в смысле точности, и в смысле географической отчетливости. Но, как и письменные памятники этого времени, мир Кастория кончается областями Средней Азии и Индии. Большой горный хребет, пересекающий на карте эти области по самой середине материка, упирается в океан, окружающий землю со всех сторон, и здесь имеется надпись *Sera maior* (Большая Сера, т. е. Китай). Но туда не ведут никакие дороги, как и в Котиару (*Cotiara*), которая, может быть, соответствует Каттигаре — Кантону. Котиара расположена севернее крупной надписи *Pirate[s]*, напоминающей о пиратах, морских разбойниках, которых „Перипл Эритрейского моря“ знает на Малабарском побережье у Сесекреенских островов.⁶ Пираты занимают крайний юго-восточный угол на материке. Южный берег материка на карте в этой 5-й части XII сегмента соответствует Малабарскому побережью, так как пункт, в котором сходятся три дороги, изображенный, как все более крупные центры, в виде двух домиков, носит название *Slumaine* и обозначает Каллиену, — город, хорошо известный „Периплу“ и не потерявший своего торгового значения в VI в.⁷ Между этим городом и „Пиратами“ Касторий помещает *Tondis* и *Moziris*,⁸ — пункты, хорошо известные „Периплу“. Затем следуют Наура и Тиндис, первые торговые пункты Димирики, сообщает псевдо-Арриан, за ними Музарис и Нелькинда, которые теперь „занимают первое место“. Дальнейшая характеристика „Перипла“ этих мест еще более подробна. „К царству Керобатра принадлежит Тиндис, очень известное местечко у моря. Музарис принадлежит к тому же царству и процветает благодаря кораблям, приходящим сюда из Ариаки и из Греции; это местечко лежит у реки и отстоит от Тиндиса вдоль по реке и морю на 500 стадий, а от устья реки на 20 стадий“.⁹

На карте Кастория Тондис и Музирис расположены несколько отступя от берега, реки здесь никакой нет, а севернее Музириса изображено большое одноименное озеро, на запад от которого имеется изображение языческого храма с надписью „*Templ[um] Augusti*“. Касторий очевидно не пользовался в этом случае „Периплом“, так как он не нанес здесь реки. Процветание Музириса благодаря морской торговле с Ариакой, т. е. страной ариев, и Грецией находит косвенное подтверждение. „Корабли из Греции“, т. е. оживленная торговля с Средиземноморьем и, следовательно, с империей, прекрасно объясняют появление храма Августа близ Музириса. Нет сомнения, что подобным образом и сирийцы строили свои христианские храмы в

колониях, которые они образовывали на берегах Индии, следуя обычаям, сложившимся в предшествующий период. В связи с этими данными следует поставить многочисленные римские и ранневизантийские монеты, найденные на западном побережье Индии, — живое свидетельство торговых сношений. Совершенно очевидно, что как „Полное описание мира“, так и карта Кастория не располагали подробными сведениями об индийских государствах, не знали их, и в этом отношении уступали осведомленности римских ученых. Известно, что карта Кастория не лишена некоторых повторений, так, приуроченное к северным областям Индии название „Дамирика“ встречается дважды.¹⁰ В связи с тем, что Инд и Ганг не имеют соответствующего действительности положения, Дамирика указывается севернее Ганга как *Damirice* и севернее нижнего течения Инда — *Scitia Dymirice*. Это Скифия, расположенная в Синде, как указывает и „Перипл“.¹¹

Не лишены колорита надписи у двух горных хребтов, изображенных в Индии, один — севернее Инда и Скифии-Димирики, — не имеющий имени, под которым написано „*In his locis scorpiones nascuntur*“, и другой — хребет *Mons Lymodus*, с надписью „*In his locis elephantī nascuntur*“. Последнее сообщение было несомненно связано с товарами, которые вывозились из Индии, так как слоны и слоновая кость занимали место в перечне товаров.

Внимания заслуживает то, что эти крайние восточные области Азии в источниках IV в. н. э. оказываются неразрывно связанными с традициями, разукрашенными легендами и сказаниями, которые вели свое начало от походов Александра Великого. Насколько ярким был образ царя-завоевателя и как своеобразно и творчески были переработаны сказания о нем народами Востока, можно судить на основании новой интересной книги члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса.¹²

Основание Александром городов на всем протяжении его пути на Восток дало повод целому ряду городов называться его именем и связывать себя с легендами о нем. Карта Кастория, кроме Великой Александрии в Египте, которая изображена символически, в виде ее знаменитого маяка, имеет еще ряд Александрий в своем XII сегменте. Наряду с Александриями следуют и Антиохии, связанные с именем диадоха Антиоха.

В северной Индии рисунком из двух домиков и с надписью *Taḥoga* изображен город. В нем сходятся четыре дороги в разных направлениях, одна из них тянется на юг, к морю. На ней в 70 перегонах находится *Alexandria-Bucefalos*. Букефал было имя коня Александра, означавшее „Бычья голова“, коня, с которым был связан целый цикл легенд. Букефал (или Букефал-Александрия) упомянута и в „Перипле“ как находящаяся недалеко от Баригаза в глубине материка.¹³ Город на морском побережье, куда ведет эта дорога из Тагора через Букефал-Александрию, не имеет надписи, но его положение относительно Каллиены, расположенной восточнее, и сведения „Перипла“ заставляют предполагать, что это Баригазы. На севере, во 2-м разделе того же XII сегмента, восточнее Атропатены, близ Окса (Аму-дарья) находится своеобразная отметка и надписи „*ara alexandri*“. Некоторые исследователи предполагали, что это символ алтаря.¹⁴ Эта фигура, по моему мнению, напоминает в разрезе четыре сандаловых столба, о которых рассказывают легенды об Александре,¹⁵ во всяком случае это обозначение отличается своеобразием и не имеет параллели на карте в западной ее части. Длинный путь от Экбатаны (*Ecbatanis Partiorum*), пересекающий центральный горный хребет Азии, проходит через Малую Мидию (*Medio minor*), достигает Максены (*Maxene*) и упирается в Антиохию, дальше которой дорога не идет. Эта Антиохия не находится на берегу моря и отмечена знаком большого города. На расстоянии 70 перегонов от Антиохии, непосредственно предшествуя ей, находится Александрия. Все расстояние от Экбатаны до этой восточной Антиохии рассчитано в 384 перегона. Несколько южнее находятся два таких же символических знака, как упомянутый выше, и надписи: „*His Alexander responsium accepit*“ и „*Usque quo Alexander*“. Иначе говоря, эти места считались тем пределом, до которого доходил в своих походах Александр. Что касается полученного им здесь ответа, то речь идет о послании амазонок или об ответе, полученном Александром от оракула. Быть может этот последний ответ и подразумевается в латинской надписи. Наконец, при впадении Ганга в океан отмечена знаком города (два домика) „Антиохия сарматская“ (*Antiohia tharmata*), куда дорога не указана.

Таким образом карта Кастория в ее последнем сегменте говорит о господстве представлений, связанных с историей завоеваний Александра Македонского. Другим чрезвычайно важным и существенным указанием, которое дает карта, является подтверждение того, что в IV в. дороги по суше находились в зависимости от Ирана. Караванные дороги на восток к дальней Антиохии и пределу продвижения Александра, к устью Ганга, к устью Инда и Мала-

барскому побережью, разветвляющиеся на своем пути, исходят из Экбатаны (Ecbatani Parthorum). Самая южная из них идет вдоль побережья океана и знаком большого города на ней отмечен „Persepoliscon mercium persarum", далее идет неназванный город, от которого дорога достигает Климайны, также стоящей на берегу моря. Как было выше указано, Климайна соответствует Каллиене. Что касается Персеполискона, то это Парсида, упоминаемая в § 37 „Перипла Эритрейского моря", которая находится „внутри материка" у „Гедрозийского залива".¹⁶ Это соответствует общему положению Персеполискона, а приписка — „рынок персов" (mercium persarum) — указывает на торговые связи с персами. По свидетельству „Перипла", эта „страна дает много хлеба, вина, рису, фиников...". Так как Парсида (Персеполискон) была столицей, там находился „дворец царя" и главные товары поставлялись туда из материковых областей,¹⁷ здесь же находились фактории персов и рынок, а гавань Орайа была лишь „небольшим торговым пунктом".¹⁸ В Персеполисконе была построена христианская церковь, что указывает на оживленные торговые сношения с Химьяром, царь которого дал на это средства.¹⁹ Византия оказывала влияние на Химьяр и всячески добивалась его укрепления на путях в Индию.

Часть стеклянного сосуда с горельефом, изображающим стену. (Из археологических раскопок в Беграме — „римское стекло").

Иран располагал, следовательно, в IV в. караванным путем в Индию, который проходил в южных областях материка и вел к городам Синда и Малабарскому побережью. Что касается самого северного пути из Экбатаны, то он перерезает Среднюю Азию, следуя по тысяче­летним дорогам от оазиса к оазису, и достигает восточной Антиохии близ тех мест, до которых доходил Александр. Средний путь из Экбатаны лежит между двумя указанными путями и имеет несколько разветвлений. Путь этот следует от Экбатаны до Тагора (Тагора), откуда намечено три дороги: к неназванному городу на побережье (Баригаза?), к Климайне, также на побережье, и к нижнему течению Ганга. На пути между Тагором и Климайной находится Палимботра, единственное название на этом пути. Палимботра упомянута у Арриана (между 95 и 175 гг. н. э.) в качестве самого большого города на Ганге.²⁰ Но Палимботра карты Кастория не находится на Ганге, хотя упомянутый путь и пересекает Ганг. Отсюда можно предположить, что эти сообщения Арриана не были известны Касторию.

Раскопки в Беграме также показали, что в III в. здесь, в Афганистане, пролегала одна из

персидских дорог. Между 241 и 251—252 гг. н. э. персидским царем Шапуром I была свергнута династия Канишки в лице Васудевы, тогда же был оставлен и разрушен Беграм.²¹ Направление среднего пути из Экбатаны в Индию должно было быть связано с проходом именно через эти области, тем более, что обе дороги, намеченные от Тагора (Tahora) на восток, обходят Mons Pararamisos, хребет, хорошо известный и „Периплу“.²² Персы, следовательно, могли достигать Индии несколькими путями, идущими в разных направлениях. Это положение подтверждают и новейшие исследования, которые устанавливают наличие древних дорог между городами Средней Азии, Ирана и северной Индии. Если на картах не все пункты могут быть установлены с несомненностью, то некоторые участки дорог не вызывают сомнений, как, например, дорога из Мерва на Актху (на восток) и из Мерва в Герат (на юг). Вероятно, дорогой были связаны Термез и Бактра (Балх). Минуя Кабул, древняя дорога соединяла Каписи (Беграм, несколько севернее Кабула) с Кандахаром на юго-западе. Другой путь из Беграма, намеченный прерывисто, вел к Таксиле. Таковы результаты последних данных по изысканию материковых дорог в Индию.²³

В жизнеописании Аполлония Тианского (жил в I в. до н. э.) имеются сообщения о существовании в Таксиле храма солнца, следовательно путь в Индию лежал для него именно этими дорогами.²⁴ Та же Таксила, как и Беграм, дает археологические материалы, сирийское происхождение которых не вызывает сомнений, как, например, стекло. Торговые сношения с Сирией в кушанскую эпоху на основании археологического материала отмечались неоднократно.²⁵ Наличие римских монет и других данных указывает на связи кушан с империей во II и III вв.²⁶

Рассмотрение XII сегмента, как и всей карты в целом, приводит к мысли, что, подчиняясь цели дать итинерарии и расстояния между отдельными населенными пунктами, Касторий дал наглядную карту, но примитивную и не соответствующую географическим представлениям даже его времени.

Несмотря на ошибки и недостатки карты, она в ряде случаев совпадает с „Полным описанием мира“, с Аррианом и „Периплом Эритрейского моря“. Отсюда не следует, что упомянутые памятники были источниками Кастория, но ясно, что между ними, несомненно, существовала известная связь. IV век, век прославления Антиохии, представлен как „Полным описанием мира“, так и картой Кастория. Оба эти источника пределом мира считали Индию.

Закрепив за собой дороги, которые привели ее к границам Ирана, империя вновь столкнулась с тем, что вся сухопутная торговля с Востоком находилась в сильных руках сасанидских царей. Карта Кастория говорит об этом достаточно наглядно, как в этом можно было убедиться и на основании других источников. И для империи все с большей очевидностью открывалась необходимость развивать морские пути по Красному и Эритрейскому морям.

„ПОДОРОЖНЫЕ" И „ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ МИРА"

Если „Полное описание мира" может быть названо экономической или торговой географией империи IV в., то это справедливо только для его главной и наиболее обширной части, охватывающей §§ 21—67. Составленная на основании личного знакомства, непосредственных впечатлений и устных сведений, эта часть носит характер достоверности и правдивости, она является надежным источником для экономической характеристики империи.

Что касается первых двадцати параграфов, то они сообщают о странах и народах за пределами Ромейской державы, на востоке, и относятся, главным образом, к Индии. С того времени как был найден краткий греческий текст географического содержания, озаглавленный „Подорожные от райского Эдема до ромеев" (‘Οδοιτορία αὐτὸ Ἐδὲμ τοῦ παραδείσου ἄχρι τῶν Ῥωμαίων),¹ а затем близкий ему грузинский извод,² исследователи стали утверждать, что найден письменный источник на греческом языке, использованный автором „Описания“. Между тем, это не вполне правильно, так как греческий и грузинский тексты „Подорожных" не совпадают полностью и ни тот, ни другой не покрывают содержания соответствующих параграфов „Описания“. Хотя по плану и по содержанию эти тексты в значительной части близки между собою, тем не менее следует отметить, что „Описание" в §§ 5—7 старейшего текста А, в котором предшествующие параграфы утеряны, и в §§ 1—8 текста В сообщает гораздо больше подробностей, чем „Подорожные“. Последние в греческом тексте составляют

всего две страницы. Первый параграф Ἐκθεσις λόγων περὶ Μακαρίων („Слово о макаринах“) по содержанию отвечает соответствующему § 4 текста В „Описания“, но последнее в §§ 5—7 обеих своих версий имеет еще сообщения о драгоценных камнях в упомянутых землях, о долголетию и легкой смерти их жителей. Samarini, о которых сообщает „Описание“, это Μακάριοι греческого текста и les justesnus во французском переводе грузинского текста. Имя Μακάριον состоит из двух корней: μακαρ — блаженствовать и ἰνέω — опоражнивать, опрастывать, очищать. Перевод этого имени в целом можно передать выражением „блаженные-очищенные“, что прекрасно соответствует понятию очищения, играющему такую значительную роль в учении об аскезе индусских религий. Макарины или камарины живут на востоке, в стране, которую „Моисей“, т. е. книга Бытия, „описывает под именем Эдема“.³ Представление о блаженной жизни обитателей „парадиза“, о их пище, состоящей из плодов, меда и „манны небесной“, создано из преданий об аскетических традициях и суровой практике воздержания в Индии. До того как был опубликован греческий текст „Подорожных“, сведения этих параграфов Expositio относили за счет использования „Естественной истории“ Плиния Старшего.⁴ В настоящее время связь „Подорожных“ и „Описания“ несомненна, а характерные данные § 6 обеих версий „Описания“ о драгоценных камнях, отсутствующие в „Подорожных“, подтверждают, что речь идет, в первую очередь, об Индии.

Общим в обоих памятниках является и использование данных книги Бытия 2_{10–14}, с некоторыми дополнениями. Река вытекающая из Эдема, образует четыре великие мировые реки — Геон, Фисон, Тигр и Евфрат, приуроченные еще Библией — Геон к Египту, Фисон к Индии, Тигр и Евфрат к Месопотамии. Характерно, что „камень оникс“, распространенный в Индии, превратился в „Подорожных“, склонных к фантастическим представлениям, в гору „антракс“, на которой помещалось семь алтарей.⁵ В „Описании“ это сообщение об антраксе отсутствует, но § 6 подробно говорит о драгоценных камнях, которые добываются в этой восточной и жаркой стране.⁶ Эти сведения не обязательно относить только за счет устаревших письменных источников, возможно, что они попали в „Описание“ и из наивных, преувеличенных устных рассказов торговцев и моряков.

Сравнение текста о макаринах, совпадающих в греческом и грузинском текстах „Подорожных“ с „Описанием“, позволяет утверждать, что если „Описание“ в этой части и использовало какой-то греческий источник, то он был более обширным и подробным, чем тот греческий текст, который известен теперь. В следующей части, озаглавленной Ὀδοιπορία τοῦ αἰῶνος αὐτοῦ Ἐδεμ τοῦ παραδείσου ἄχρι τοῦ Ῥωμῆαιον, собственно „Подорожные“ являются также значительно более краткими, чем соответствующие параграфы „Описания“, но общий план, название стран и областей и указание расстояний в дневных перегонах роднит их между собой.

Кроме краткости, „Подорожные“ отличаются от „Описания“ и значительным налетом христианских данных, это как бы христианизированный источник, который такого характера в своем первоначальном виде, как на это указывает текст „Описания“, не носил. „Подорожные“ постоянно упоминают о наличии „христиан и эллинов“ в различных восточных областях. В этой своей второй части они являются типичным итинерарием, составленным в направлении с востока на запад, из Индии в Рим и далее в Галлию. Греческий и грузинский тексты „Подорожных“ и в этой части совпадают друг с другом, хотя и расходятся в некоторых подробностях, как, например, написание имен, различия в числе дневных перегонов, „монай“ и других. В „Полном описании мира“ отзвук находят только эти две части „Подорожных“ — Ἐκθεσις и Ὀδοιπορία. Грузинский текст имеет еще дополнительные параграфы: 1) о происхождении макаринов и 2) о возникновении монашества, которые не нашли отражения в „Описании“ и потому не приведены в данном исследовании.⁷

Сравнивая первые части „Подорожных“ с „Описанием“, издатель грузинского текста не знал о существовании греческого оригинала „Подорожных“ и не привлек его к своему исследованию, чем в значительной степени снизил его ценность. Христианизация текста „Подорожных“ несомненно является следом его позднейшей обработки, а следующим ее этапом были дополнения в грузинском тексте, упомянутые выше.

Сравнение „Описания“ и „Подорожных“ заставляет отдавать предпочтение первому, которое передает представления хоть и смутные, но все же имеющие основу в действительной жизни и обычаях различных народов, каст и религий Индии. В „Подорожных“ ярче выражены, с одной стороны, архаические библейские взгляды и с другой — отвлеченные, фантастические, легендарные сообщения более позднего времени.⁸ „Полное описание мира“ располагало греческим источником, более подробным, чем версии „Подорожных“ в том виде, как они известны в

настоящее время; так, в нем есть подробности и сведения об отдельных народах, которые сохранились лишь в параграфах о „макаринах“. „Подорожные“ были деловым извлечением из того греческого памятника, который послужил основой и для „Описания“, извлечением, которое давало название страны и расстояние в дневных переходах. Сравнительные таблицы дают об этом наглядное представление.⁹ Но даже в случаях совпадений числа переходов и подсчетов, они могут служить лишь очень относительным мерилom пространств, занимаемых отдельными государствами, и расстояний между ними. Направление итинерария с востока на запад в ряде случаев не выдержано последовательно. Протяженность областей, расстояния между ними, измеряемые дневными переходами (мансио, μονή), не соответствуют действительным расстояниям, даже принятым относительно.

Топонимика „Описания“ и „Подорожных“ при сопоставлении с географическими названиями „Перипла Эритрейского моря“ и „Христианской топографии“ убедительно говорит о том, что восточные области, о которых идет речь в „Описании“, где живут „блаженные“, макарины и брахманы, являются областями Индии. Брахманы, чьи тексты воспроизводят как *Brachmani* и *Brahmani* и *Δραχιά*,¹⁰ и соседние им народы Эвилата и Эмера все живут примитивно, без государственного устройства, о каждом из народов говорится „*ipsi sine imperio transigunt bene*“ („они хорошо обходятся без государства“) или о стране „*ipsa vivens sine imperio transigit legaliter*“.¹¹

Необходимо несколько подробнее остановиться на рассмотрении отдельных сведений этих касающихся Индии источников, которые живут старыми представлениями, преимущественно почерпнутыми из традиции. Индия в IV—VI вв. знала развитые формы государственности, так как существовала держава Гупт и целый ряд южноиндийских государств, о чем наши источники не сообщают. Несмотря на то, что легендарный элемент в этих сообщениях занимает известное место, в них попадаются и точные сведения. Эвилат находится по соседству с областью брахманов, как это известно и Епифанию Кипрскому. Предположительно обе эти области относили в северную часть Индо-Китая.¹² Карта Кастория (*tabula Peutingeriana*) помещает в Индии страну *Dimirica-Evilat*.¹³

Эти области и позднейшие карты помещают в материковых областях дальнего Востока. Таким образом, вся эта группа источников единодушно относит упомянутые географические пункты к Индии. Об этом совершенно отчетливо говорит и Козьма Индикоплов καὶ Εἰλάτ εν τῇ Ἰνδία, комментируя библейский текст, на основании которого считали Сабу и Эвилат „сыновьями Хуса“, а Хуса, в свою очередь, — в числе „сыновей Хама“.¹⁴

В текстах „Подорожных“ вторично назван Эвлат — Эвилат, порт (λιμήν) персидских, индийских и египетских кораблей, известный Козьме Индикоплову как Эла. Эла — Айлана — порт Красного моря, нынешняя Акаба, имевшая в раннем средневековье и позднее исключительно большое значение. Она была связана сухопутной дорогой с Петрой и с Междуречьем. В качестве следующего географического пункта от Элы (Эвилата) назван в „Подорожных“ Элам. Это путь в Персию, где этим древним именем называлась одна из христианских несторианских епархий в южной Месопотамии. Значение именно несторианских колоний, т. е. колоний сирийцев и персов-христиан из Ирана, и их распространение на Востоке выявляются и в этом случае. Обычный путь из Ирана в Византию лежал именно из Элама в Антиохию, из Антиохии в Византию (Константинополь). Эти данные также указывают на близость автора „Описания“ к сиро-несторианским кругам и их традициям.

Область Небуса или Небуса (*Nebus*) имела не примитивное, общественно-родовое устройство, а управлялась царями и царьками, т. е. стояла на более высокой ступени цивилизации и, как наивно говорит источник, „откуда произошло начало тиранов“ („*qua invenitur tyrannorum initium*“).¹⁵ Упоминаемый в § 14 народ, называемый в версии А — *Joneum*, а в более поздней В — *Choneum*, уже не является загадкой, так как „Подорожные“ соответствующим образом называют *εθνος λεγόμενον Χωναι*, в котором можно узнать гуннов, *Χοῦναι* или *Οὔννοι*. Речь идет, следовательно, об областях, расположенных севернее Индии — в Центральной Азии. Самое пространство, занимаемое гуннами, определяется в одном случае в 8 месяцев пути („Подорожные“), в другом в 120 дневных перегонов (монай, „Описание“). Ближайшим к гуннам пунктом названа Диаба — *Διαβα*, „куда вошел Александр, царь македонян“.¹⁶ Это последнее сообщение напоминает о широком распространении „Истории Александра“ псевдо-Калисфена, откуда черпались такого рода сведения. В сирийской версии этого романа имеется ярко выраженный христианский налет. О христианских интересах „Подорожных“ выше уже говорилось. Известно об успехах распространения христианства в его несторианской форме в

Азии между V и VII вв., поэтому неудивительно, что этот источник говорит о том, что здесь находятся христиане. Названию Диаба в грузинском соответствует Давад; это название можно сопоставить с Цейлоном — Селедива — Дива. Соответствующим образом название *Diva* находится в § 15 „Описания мира" вслед за „Хонией" — Гуннией. В непоследовательном и недостоаточно четком материале итинерария разобраться нелегко, он сбивчив, но *India Maior*, конечно, соответствует „большой", т. е. собственно Индии, в которую лежал путь с востока на запад морем с Цейлона. Отождествлять Большую Индию с Нубией, как предполагал Литтман,¹⁷ нет никаких оснований, ни по контексту, ни по употреблению этого термина в других источниках. Экономическая характеристика „Большой Индии" дается в словах „говорят, что из нее вывозят шелк и все необходимое" (*sericum et omnia necessaria exire dicuntur*).¹⁸ Население Индии обитает на обширной и превосходной земле и управляется подобно стране Дива, про которую сказано „таким образом, они управляются старшими" (*eodem modo reguntur a maioribus*).¹⁹ Относительно вывоза шелка из Индии необходимо указать, что в старшей версии А находится слово *triticum* — пшеница, но на основании второй версии В, дающей *sericum* или *sericum*, следует принять последнее.²⁰ Индия была, конечно, поставщицей шелка, посреднической продажей которого она занималась. Ее обширная территория простирается на 210 дней пути. Направление пути с востока на запад, от Цейлона на собственно Индию, вполне отвечает пути с запада на восток, о котором подробно сообщает Козьма Индикоплов. Поэтому понятен и следующий этап, также совпадающий в „Подорожных" и в § 18 „Описания мира" — *Eximia* или *Exomia*, — название, которое в версии В дано в точном латинском переводе „foris una" — „вне одной". С опубликованием греческого текста „Подорожных", где это имя приведено в форме Ἐξομία, не остается никакого сомнения в том, что здесь имеется в виду Аксум, т. е. Эфиопия.²¹ Между Дивой (Διαβα), Большой Индией и Аксумом находятся морские пространства, так как итинерарий говорит о расстояниях, которые надо проплыть и переплыть (разные формы от *παραπλέω*). Характеризуется Аксум как сильное военное государство, распространяющее свое влияние и на Малую Индию, под которой подразумевается Южная Аравия.²² Эта последняя „просит о помощи" (*petit auxilium*) у Аксума, когда Персия начинает против нее войну. Это не обязательно должно относиться к событиям первой четверти VI в. или к VI в. вообще, когда борьба между Эфиопией и Ираном за преобладание в Южной Аравии стала особенно острой. И до этого вмешательство Аксума в дела Йемена было постоянным. Главным его соперником, проявлявшим свое вмешательство в той или иной форме, был, конечно, Иран. Указание на торговлю слоновой костью в Южной Аравии известно и по другим источникам.²³ „Неисчислимое множество слонов", имеющих там, — явное преувеличение, но приобретение этих животных персами, которые пользовались ими для военных целей, соответствует истинному положению вещей.

Большой § 19 „Описания мира" содержит сведения о персах, о которых „Подорожные" лишь кратко говорят, что это „люди беззаконные, маги и отравители" (*ἀνόμοιοι ἀπομοιοί μαγοί καὶ φαρμακοί*). Грузинский перевод дополняет эту характеристику только двумя терминами, называя их еще „чудодеями" и „огнепоклонниками".²⁴ „Описание" характеризует их как „сильных в войне" (*bellis esse fortes*) и экономически мощных. Формы *dicuntur* и *videntur* указывают на известную неуверенность автора в его сведениях и заставляют предполагать, что он пользовался устными данными, когда говорил „что они (персы) изобилуют во всем". Он указывает и на причину этого изобилия: „они дали право (возможность — *potestate*) торговли соседним народам в своей области".²⁵ Иначе говоря, персы, разрешив ввоз товаров и торговлю соседних народов в своей земле, способствовали накоплению товаров и живому обмену. Более подробны, чем в „Подорожных", и сведения о бытовых особенностях у персов, как, например, „сожителство с матерями и сестрами". Параграфы 19, 20 и 21 в старшей версии А подверглись сильной обработке, в них вкрались ошибки. Версия В дает первоначальную форму §§ 19 и 20, а § 21 в ней совсем пропущен, так как в том виде, как он дошел в версии А, он не имеет ясного смысла. По всей вероятности, это и заставило редактора позднейшей версии опустить его совсем. Во всяком случае обе версии дают в § 20 характеристику арабов — сарацин.

Они „нечестивы", как и персы, и не соблюдают верности данному слову ни в военных, ни в каких-либо других делах.

Очень характерно указание на наличие у арабов матриархата — *Mulieres aiunt in eos regnare*.²⁶ Это сведение идет от очень древней традиции и уже не отвечает сведениям византийских источников доисламского периода.

Проделанный анализ источников дает возможность сделать конкретный вывод относи-

тельно целей, которые стояли перед их авторами и составителями, и среды, из которой они вышли. Как „Полное описание мира“, так и „Подорожные“ связаны с торговыми путями на восток, точнее говоря, в Индию.

Предание, сохранившееся в „Книге Бытия“, о великой реке в Индии и области Хевилат или Эвилат надолго определило представления о далекой стране, которую разукрасили легенды. Поход Александра Великого оставил неизгладимый след в истории и литературе. Основанные им города и сказания о них долго сохранялись у разноязычных народов Востока. Одной из причин этого похода были экономические интересы греко-македонской державы, под давлением которых была предпринята эта глубокая разведка на Восток. В последние десятилетия республиканского Рима и в эпоху империи торговые пути в Азию были основным вопросом, вокруг которого велись сложные интриги, диктовалась дипломатическая и военная политика Рима в Армении и Парфии, осуществилось покорение Сирии, Палестины, Пальмиры, Осроены, государства набатеев. Караванные пути тянулись от берегов Средиземного моря до северных городов Китая, и, многократно переходя из рук в руки разноязычных торговцев и посредников, драгоценный шелк и шелковые изделия довозились до „великой столицы мира“.

Интерес к Китаю поддерживался наряду с интересом к Индии, которая давала столько различных товаров и была посредницей в продаже китайского шелка. Трудность пути по суше заставила особенно настойчиво искать морских путей с их быстротой и легкостью. С открытием Гиппалом закона о муссонах оказалось возможным планомерное плавание по Красному и Эритрейскому морям.

Первые параграфы „Полного описания мира“ и „Подорожные“ свидетельствуют о том, что в Византии IV в. путь морем в Индию был не только хорошо известен, но и что расстояния между главнейшими пунктами этого пути были исчислены в дневных переходах (*mansio*). Несмотря на то, что легенда и позднейшие глоссы вплетались в основное, верное и совершенно реальное представление о последовательных этапах пути в Индию, вернее из Индии, так как итинерарий перечисляет эти пункты в направлении с востока на запад, — все же эта основная нить может быть выделена.

Греческий и грузинский тексты „Подорожных“ начинают с Индии как крайнего восточного пункта, с которым велась оживленная торговля через Персию. Дальнейшие пункты тянутся на запад в Антиохию и Константинополь и по Средиземному морю до Рима, а затем в Галлию. Несомненно и за этим текстом стоят интересы торговли, которые в VI и VII вв. представлены сирийцами, о чем говорят многочисленные надгробия кладбищ Галлии. Характеристика Ирана как страны „магов и огнепоклонников“ и упоминание арабов без связи с исламом, которого текст не знает, указывают на то, что памятник этот был составлен до VII в. Упоминания христиан в Хуннии (гунны), Давате (Дива), Селедиве (Цейлон), Великой Индии, Нубии связывает его с периодом пышного расцвета сиро-несторианской миссии на востоке. Совершенно ясно, что это позднейшая христианская интерполяция, особенно заметная в грузинской версии.

Необходимо отметить и другое. Эти памятники содержат указания на то, что им были известны не только приморские области и путь по морю, но и сухопутные дороги и материковые страны „Эдем“, Эвилат и страна Брахманов, находившиеся далеко на востоке, на материке. Гунния указывает на области Центральной Азии, известные итинерариям. Эти смутные представления были с большей отчетливостью высказаны Козьмой Индикопловом, для которого райского Эдема на земле нет, Китай является страной на востоке, за которой находится океан, а путей в эту „страну серов“ два, один южный — морской, другой северный — материковый.

Составление итинерариев было вызвано жизненными торговыми интересами, они были необходимы морякам, торговцам и купцам. Заморская торговля и товары, вывозимые из дальних стран, вызвали потребность в таких книгах.

Не случайно эти сведения попали в „экономическую географию“ империи, составленную в 350 г., не случайно и Козьма Индикоплов отвергает нахождение Эдема на земле, полемизируя с точкой зрения „Подорожных“. Характер слов Козьмы и выражения, в которых он опровергает это, не вызывают сомнений в том, что он знал и имел в виду такого рода утверждения. Это говорит о том, что опыт, практические знания, так сказать, экспериментальные данные, заставляют его, достаточно легковерного в других отношениях, в этом случае доверять опыту. Он утверждает, что никто не бывал в „райском Эдеме“, а между тем, если бы это было возможно, всякий бы туда отправился, так как стремление достать метаксу, шелк-сырец, заставляет ездить в крайние пределы земли, тем более люди старались бы достигнуть Эдема.²⁷

В то же время представление о том, что в Китай ведут две дороги, — одна, более короткая, тянется по материку, другая ведет туда морем, — могло сложиться у Козьмы Индикоплова на основании „Подорожных“. Общая цель, которой служило составление „Перипла Эритрейского моря“, „Полного описания мира“, „Подорожных от Эдема“, наконец отдельных частей „Христианской топографии“, была целью практической, это вопрос торгового пути и товаров, которые доставлялись из далекой Индии. Сила экономических интересов была столь велика, что побуждала к теоретической и практической работе, заставляла отдельных представителей классов, заинтересованных во внешней торговле, суммировать весь свой опыт в виде записей и карт, фиксировать сведения о заморских землях, о путях, которые туда ведут, о товарах, которые могут вывозиться. Сами торговые связи засвидетельствованы не только этими письменными памятниками, но многочисленными археологическими и нумизматическими свидетельствами. Достаточно вспомнить нумизматические находки по „шелковой дороге“ через оазисы Средней Азии в Китай и на Малабарском побережье Индии (Мале, Лимирика).

Вопрос, из какой среды выходили трактаты и карты, свидетельствующие о торговой активности Византийской империи IV—VI вв., является вопросом большой значимости, который не может быть обойден. Нельзя, однако, не указать на сложность и затруднения, с которыми связан ответ, так как простых и прямых указаний источников нет, тем не менее не одни только общие соображения позволяют нам дать соответствующую характеристику. Развитие обмена и денежных отношений на Ближнем Востоке в римскую и ранне-византийскую эпоху не могло не породить сравнительно многочисленных ремесленников и торговцев. Наименее состоятельные из них непосредственно примыкали к широким кругам городского ремесленного населения, высшие располагали достаточно большими денежными накоплениями, которые позволяли им производить закупки в больших масштабах. Несомненно, что первые и наиболее богатые из членов городских курий были заинтересованы как в местной, так и в заморской торговле, дававшей высокие прибыли. Византийские источники знают также многочисленных посредников, перекупщиков, которые приобретали сырье и перепродавали его ремесленникам и хозяевам мастерских, у которых они в свою очередь перекупали готовые изделия и увозили на продажу.

Таким образом, в торговле были заинтересованы разные сословия ранневизантийского общества, ремесленно-торговая прослойка которого была достаточно большой. Землевладельцы, имевшие крупные имения и недвижимую собственность, наживались на торговле хлебом и сельскохозяйственными продуктами; торговцы, ремесленники, перекупщики, моряки были заинтересованы в торговле не только местными, но и привозными товарами — как сырьем, так и готовыми изделиями. Для торговых сношений требовались знания: умение вести записи, делать вычисления, знать, где и какие товары могут быть приобретены, каковы их качества, куда и какие дороги ведут далеко за пределы империи. Этим требованиям в значительной мере отвечали соответствующие трактаты, карты, описания, которые были обусловлены именно экономическими интересами. И, конечно, развитие школ и академий на Ближнем Востоке, в главнейших городах, как, например, в Александрии, Антиохии, Константинополе, Бейруте, Эдессе, Нисибине, было связано в значительной мере с развитыми торговыми связями, чему не препятствовал и их клерикальный характер.

Влияние церкви умело использовалось государством в интересах упрочения обмена и торговли за пределами его границ.

Так, значение торговли в ранней Византийской империи, опиравшейся еще на рабовладельческие устои, подтверждается всем приведенным выше анализом источников. Это позволяет по-новому оценить ее временное ослабление к концу VI в. и в VII в. и новое оживление в последующие века.

КОЗЬМА ИНДИКОПЛОВ ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

Для истории византийской торговли исключительное значение имеет книга Козьмы Индикоплова „Христианская топография“, получившая широкое распространение в средние века. Она известна во многих греческих списках с миниатюрами и была переведена на разные языки, в том числе и на славянский.

Об авторе книги известно только то, что он сам о себе сообщил.¹ Некоторые сомнения вызывало его имя, отсутствующее в древнейшем Ватиканском кодексе (VIII или IX в.). Но имя автора имеется в пергаментном списке XI в. Лаврентианской библиотеки, во Флоренции. Предположение, что имя Козьмы — Κοσμάς — было вписано по созвучию потому, что самое сочинение его было о космосе — κόσμος, — едва ли основательно. Это имя было широко распространено в Египте, откуда был родом автор „Топографии“. Сведения, сообщаемые им о себе, кратки. Местом его жительства, возможно и родиной, была „Александрия, великий город“.² Специального школьного образования — ἐγκύκλιον παιδεία, — хранившего все традиции греческого языческого мира, Козьма не имел и не обладал техникой риторической речи, как он сам говорит, не будучи в состоянии составить ее цветисто и изящно.³ Он не мог этого делать, занятый „плетеньем жизни“ (ταῖς τοῦ βίου πλοκαῖς ἀσχολουμένων), т. е. ежедневной ее суетой. Занимаясь торговлей, Козьма плавал „в трех морях“ — Ромейском, Аравийском и Персидском, где от местных жителей он получил точные сведения, которые и сообщает.⁴ Иначе говоря, он бывал на Средиземном море, плавал в Красном море и Персидском заливе. В Эритрейском море, как было принято называть Индийский океан, отправляясь от острова Сингидона, „у которого находится устье Океана“, Козьма выдержал жестокий шторм. Он имел намерение достичь внутренней Индии — πλεῦσαντες ἐπὶ τὴν ἐσωτέραν Ἰνδιάν, — т. е. собственно Индии, полуострова Индостана. Достиг ли он его в это трудное путешествие, он не сообщает, но содержание его XI книги, описывающей остров Цейлон, несомненно принадлежит лицу, побывавшему там. В Эфиопии он был в 522 или 525 г. при царе Эла Ашбеха (Ἐλλατῆβίας) в царствование императора Юстина I.⁵

Адулис был приморским городом, который охотно посещался различными торговцами. Козьма посетил и дворец эфиопских царей в столице Аксуме, куда вела дорога из Адулиса, так как Аксум был тоже важным торговым пунктом. Во всяком случае, описывая жираффу (Camelopardalis), он сообщает, что она встречается только в Эфиопии и содержится как редкость во дворце царя.⁶ Вдоль Африканского материка он достигал полуострова Сомали, посетил прибрежные области, омываемые Индийским океаном, где расположена „Ладонская земля“.⁷ Возможно, что он побывал у истоков Нила, собственно только Голубого Нила, в земле Сасу, с которой царь Аксума поддерживал торговые сношения и откуда он получал золото, посылая туда караваны через архонта области Агау.⁸ Козьме был известен и Синайский полуостров или „гора Синай“, где он видел среди песков обломки скал с надписями, на которые он обратил особое внимание. Последние он ошибочно приписывал израильтянам, которые якобы начертали их во время пребывания в пустыне.⁹ Последние годы своей жизни Козьма провел в монастыре. Флорентийская рукопись „Топографии“ называет его Κοσμάς μοναχός. Возможно, что он постригся в той самой обители, расположенной на Синае, ныне называемой Райту (νῦν καλοῦμεν Ραῖθου), где „окончил жизнь“ его спутник и друг Мина (Μῆνας).¹⁰ Там, в монастыре, Козьма занялся на старости лет писанием книг. Если он и не имел систематического образования, то видел много стран, различных людей, имел деловой и житейский опыт, был наблюдателен. Ему следует поставить в заслугу исключительную любознательность. В Адулисе он переписал две греческие надписи: одну, высеченную на троне, другую — на обломке мрамора. Благодаря этому сохранилось ценное свидетельство о походе, предпринятом Птолемеем III Эвергетом вскоре после его вступления на престол в 247 г. до н. э. (умер в 222 г. до н. э.), выгравированное на мраморной плите.¹¹ Надпись на троне составлена эфиопским царем, негусом, имя которого в ней не упомянуто; последнюю надпись относят ко II или к III в. н. э.¹² Наконец, миниатюры древнейших рукописей „Топографии“, по мнению исследователей, восходят к изображениям, сделанным самим Козьмой.

Книга Козьмы „Христианская топография“ (Χριστιανική Τопоγραφία) — единственная сохранившаяся книга, но не единственная, написанная им. Он сам указывает, что им была также написана книга для некоего Константина, в которой он описал вселенную „по ту сторону Океана, эти (=здешние) и все южные области от Александрии до южного Океана“, т. е. реку Нил, весь Египет, Эфиопию, Арабское море (Ἀράβιος κόλπος) и прилегающие к нему области. Он также описал „города, области и народы“, омываемые Океаном и находящиеся в глубине материка. Книга, следовательно, содержала описание восточных областей Африки и была составлена Козьмой на основании его личных путешествий.¹³ Возможно, однако, что в ней сохранилось и описание острова Цейлона (Селедива, Тапробана), его флоры и фауны, попавшее в качестве XI книги в „Христианскую топографию“. В Синайском кодексе об XI книге сказано ἕτερος λόγος ἐξῶθεν τῆς βίβλου — повидимому, она первоначально не принадлежала, была

„вне“, не входила в состав „Христианской топографии“, как и следующая, XII книга. Об утерянной книге, посвященной Константину, следует пожалеть, но едва ли потерей является труд Козьмы, выполненный для дьякона Хомолога (Homologos), в котором он излагает свои астрономические воззрения о виде вселенной, движении звезд и небесных сфер.¹⁴ Утеряны также его экзегетические труды, толкование „Песни песней“ и псалмов.

„Христианская топография“ не однородна по своему составу, первоначально она состояла из пяти первых книг, посвященных Памфилу, в которых излагалась основная точка зрения Козьмы на устройство вселенной. Книги VI—X содержат новые аргументы, специально приведенные для его недостаточно понятных космографических положений, требовавших дополнительных объяснений. Книга XI была записана на основании личных впечатлений и знакомства, поэтому содержащееся в ней описание острова Цейлона имеет исключительную ценность. Возможно, что книга XII также переписана с одного из утерянных сочинений Козьмы, она содержит свидетельства языческих писателей о древности и ценности Библии.

Дата написания „Христианской топографии“ может быть установлена на основании сообщений Козьмы о его пребывании в Аксуме при царе Элесбоа „лет за 25 до написания“ им второй книги. Элесбоа готовился в это время отправиться в поход против Химьяра, что могло иметь место лишь в 522 или 525 гг.; Козьма упоминает также о двух затмениях, которые относятся к 6 февраля и 17 августа 547 г.; таким образом, „Топография“ могла быть написана между 547—550 гг.¹⁵

Главной, основной темой „Христианской топографии“ Козьмы является определение строения вселенной, которое он излагал в соответствии со взглядами, получившими широкое распространение у несториан.

Торговля с восточными странами, Эфиопией, южной Аравией, Индией, неизбежно должна была втянуть Козьму в сферу сирийского влияния. Сирийцы-несториане, жившие в Иране, держали основные нити торговых связей в своих руках, а сирийский язык был торговым языком всего Ближнего Востока.

Судьба свела Козьму с одним из выдающихся людей своего времени, персом, усвоившим сирийскую и греческую образованность. Он носил имя мар Абы (в греческом переводе — Патрикия). Биография этого деятеля сасанидского Ирана представляет и сама по себе большой интерес.¹⁶ Несколько лет, между 525 и 530 гг., он провел в путешествиях, с сопровождавшим его Фомой из Эдессы. Аба (Патрикий) побывал в Александрии, в Скитской пустыне, в Константинополе, Афинах и Коринфе. Владея греческим языком, ученый перс проповедывал свои воззрения в монастырях и городах и вел там ожесточенные споры. Житие, прославляющее мар Абу, утверждает, что он разбил все доводы афинских философов, которые „полагали о себе что-то великое“ и гордились своим прошлым. Полемика, которую вел Аба, повидимому, не столько относилась к каким-нибудь догматическим вопросам, сколько к строению мира, и можно думать, что философы-язычники защищали космологическое учение Птолемея, которого не принимали несториане. Словесное „торжество“ мар Абы можно взять под сомнение, так как он вынужден был срочно уехать из Афин, из Коринфа, потом из Константинополя, в некоторых случаях ему даже угрожали смертью.

Взгляды мар Абы на строение вселенной были изложены Козьмой.¹⁷ Но сам Аба получил эти представления из традиций Нисибийской академии, которая была центром несторианства. „Школа персов“, перенесенная из Эдессы в Нисибин, опиралась на учение „вселенского экзегета“ несториан — Федора Мопсуестского. Для последнего вселенная представляла собою половину цилиндра, длина которого вдвое больше ширины.

Космографические взгляды, развиваемые несторианами вслед за Федором Мопсуестским и принятые в Нисибийской академии, были изложены мар Абой и восприняты от него Козьмой Индикопловом.

Несторианские симпатии Козьмы несомненны, что явствует и из экзегетических частей его книги. Это особенно очевидно в его истолковании псалмов, где он следует за Федором Мопсуестским и, отвергая их символическое объяснение, ищет в них буквального смысла.¹⁸ Влияние того же Федора сказалось и на экзегезе запада, так как его взгляды легли в основу труда Юнилия Африкана, с которым ученик мар Абы будущий епископ Нисибии, Павел, встретился в Константинополе.¹⁹ В византийскую столицу Павел был вызван императором Юстинианом, когда мар Аба уже занимал положение патриарха „всей Персиды“ (540—552).

Связь Козьмы с несторианством сказалась и на том, что, перечисляя ряд христианских еретических сект, он не назвал среди них несториан. Из сирийских кругов дошли до него све-

дения о том, что христианские клирики острова Сокоторы (Диоскоридов) получали посвящение из Персии.²⁰ Козьма Индикоплов явился выразителем определенного направления, учения несториан, которое по своему философскому характеру было примитивнее, доступнее, и поэтому получило распространение в широких кругах. Как и в области экзегезы, более примитивные представления о мироздании были им восприняты от сирийцев. Сложная система Птолемея, которую представители христианской философии стремились сочетать с данными Книги Бытия, как это делал Иоанн Филопон, была доступна и распространена преимущественно в среде более культурной, в высших кругах.

Несмотря на широкую начитанность Козьмы, его личные соображения и выводы были примитивны и носили наивный характер. Знаменитые греки, имена которых он упоминает, как Платон, Аристотель, Бероз, Манефон, Клавдий Птолемей, не убедили его в правоте своих воззрений, он берется за перо, чтобы спорить с ними.²¹ Обаяние „божественного мужа“, как он называет мар Абу, заставило его примкнуть в вопросе о строении вселенной к развиваемым мар Абой взглядам, ведущим свое начало от Федора Мопсуестского и его последователей — несториан.

Представления о земле как о плоскости, окруженной океаном, о солнце, которое восходит и заходит за большую гору на севере, и т. д. были отсталыми и для его времени, на это указывает полемический трактат Иоанна Филопона, который подробно рассмотрен ниже.

Не желая признать системы Птолемея и сферической формы земли, Козьма не допускал существования антиподов и считал это абсурдом. Одна из миниатюр „Топографии“ изображает крохотный земной шар и четырех огромных антиподов, иллюстрируя, по мнению Козьмы, тем самым нелепость этих „языческих“ взглядов.

Отрицательную характеристику сочинению Козьмы дает и выдающийся энциклопедист IX в., константинопольский патриарх Фотий. Не упоминая имени автора, он говорил о „Христианской топографии“ и излагал ее теорию строения вселенной, которую сам считал ложной. Образованный человек своего времени, Фотий не мог согласиться с тем, „что ни небо, ни земля не сферичны“ (ὅτι ὁ οὐρανὸς οὐκ ἔστι σφαιρικός οὐδὲ ἡ γῆ) и что они являются плоскостями, противоположащими друг другу.²² К этому Фотий пренебрежительно добавляет: „высказывает он и всякие другие странности“ (λέγει δὲ καὶ ἄλλὰ τινα ἀλλόκοτα), т. е. необычные, неприемлемые взгляды.

Таким образом, ни для современников Козьмы, ни для позднейших византийских писателей его взгляды не представлялись правильными, но несмотря на это редкая греческая книга пользовалась такой популярностью, столько раз переписывалась и так часто переводилась. Причину ее широкого распространения надо искать в том, на что так верно указал первый издатель „Христианской топографии“ Монфокон (Montfaucon). По его мнению, „дополнения лучше основного“ (τὸ πᾶρρηγὸν κρείττον τοῦ ἔργου). Основой, сутью своего труда Козьма считал изложение несторианской теории мироздания. Но эта главная мысль и приводимые для ее подкрепления тексты не представляли большого интереса и в далеком прошлом, к тому же самые представления Козьмы были недостаточно отчетливы, вызывали недоуменные вопросы и споры, которые, по всей вероятности, и побудили его возвратиться к выяснению некоторых своих положений в VI—X дополнительных книгах „Топографии“.

Вопрос о принадлежности Козьмы к определенной литературной традиции дебатировался не раз. Достаточно указать на то, что в разное время один и тот же автор считал возможным сначала отнести его к сирийской школе экзегетов, принадлежавшей через Ефрема Сирина к антиохийской традиции,²³ а затем сделать его приверженцем alexandрийской традиции и ее аллегорических толкований, приведя в качестве примера, что библейская скиния, по его мнению, являла образ вселенной.²⁴

Козьму считают „узким“ и „невежественным“, смеются над ним, как над „комичной фигурой“.²⁵ В последнее время вновь раздались голоса, что Козьма — представитель alexandрийской школы.²⁶ Между тем, такое отвлеченное утверждение, вне реального представления о том, к какому классу и сословию принадлежал автор, не может решить вопроса, так как разные классы населения принадлежали к разным идеологическим направлениям. Верхи общества были связаны с античной традицией и систематическим образованием. Средние классы следовали более простым и доступным представлениям, базировавшимся на толкованиях Библии. Современник Козьмы Индикоплова, alexandрийский философ Иоанн Филопон стоял на другой точке зрения. Признавая авторитет Ветхого Завета, он сочетал эти взгляды с системой Птолемея. Его сочинение „Экзегеза на космогонию Моисея“ (Ἰοάννου τοῦ Φιλοπόνου τῶν εἰς

την Μουσεώς κοσμογονίαν ἐξηγητικόν) обычно цитируемое как *De orificio mundi*, было составлено между 546 и 549 г. н. э.²⁷ Иоанн Филопон стремится доказать, что космогония античных авторов развивалась в согласии с построениями Моисея, в ряде случаев в зависимости от него. В заглавии второго параграфа первой книги он писал „о том, что и Платон в слове о происхождении мира подражал (εμίμησато) Моисею", и утверждал, что Платон заимствовал у Моисея представление о сотворении человека „по образу Божию".²⁸ Филопон ставит себе целью доказать, что сферическая форма вселенной и другие географические представления, принятые Птолемеем и Иппархом и Паппием, находятся в согласии с Книгой Бытия.²⁹ В этом толковании он опирался на сочинения Василия, епископа Кесарии Каппадокийской, и вел самую ожесточенную полемику против взглядов Федора Мопсуестского,³⁰ „великого экзегета" несториан. Он утверждает, „что... не окружает океан всю землю и не сливается с Эритреей [т. е. Эритрейским морем], но существует много систем вод..." (... ἀλλὰ πλείονα εἰσι τὰ τῶν ὑδάτων συστήματα),³¹ что опять-таки находится в прямом противоречии со взглядами, развиваемыми несторианами. Полемика Филопона была, таким образом, направлена против целого течения — несторианства, представителями которого вслед за Федором Мопсуестским были учителя Нисибийской академии, мар Аба, Козьма Индикоплов.

Трактат Иоанна Филопона не содержит прямых указаний на знакомство с „Топографией", его полемика открыто направлена против Федора Мопсуестского, между тем труд Козьмы мог бы дать еще более подходящий материал для его возражений. Сочинение Филопона „О сотворении мира" и „Христианская топография" были написаны почти одновременно и в одном и том же или географически близких местах, т. е. в самой Александрии или в одном из монастырей (Раиту), тяготевших к той же Александрии, так что эти сочинения едва ли могли остаться неизвестными друг другу. В этом отношении показательны книги VI—X „Христианской топографии", написанные в качестве дополнения к основному труду. Они являются как бы ответом на полемику или на недоуменные вопросы, и очень вероятно, что именно эта часть его сочинения была вызвана появлением труда Иоанна Филопона о „Сотворении мира" и желанием ответить на содержащуюся в нем критику взглядов Федора Мопсуестского.

Примечательно, что представления о мироздании согласно системе Птолемея и попытки сочетать ее с учением Библии нашли отражение и в сирийской среде, в литературе монофизитов. Сергей Решайнский, умерший в 536 г., талантливый врач, ученик Иоанна Филопона, прошедший философские и медицинские науки в Александрийской академии, переводчик сочинений Аристотеля и Галена на сирийский язык, — был автором трактата „О причинах космоса". Это сочинение было составлено „соответственно учению философа Аристотеля" и рассматривало вселенную как имеющую сферическую форму, а также анализировало вопрос о движении тел вообще и, в частности, небесных тел: кругообразно движется небо, оно приводит в движение семь планет, они в свою очередь движут весь подлунный мир.³² Системы Птолемея в своих космографических взглядах придерживался и Север Себокт, выдающийся монофизитский ученый, умерший в глубокой старости в 666/667 г.³³ Автор ученых сочинений о затмениях луны, об отдельных ее фазах, о звездах, переводчик некоторых сочинений Птолемея на сирийский язык, он оставил специальный трактат об астрологии, сыгравший большую роль в развитии взглядов арабов на вселенную.

Ученая традиция сирийских монофизитов на этом не прервалась, они и в дальнейшем развивали взгляды, высказанные Аристотелем и Птолемеем. Ученик Севера Себокта, Иаков Эдесский (633—708 г.), оставил замечательное толкование „шести дней творения", в котором он утверждает, что земля имеет сферическую форму, называет ее „сферой земли" (ܟܠܝܟܝ ܟܝܘܟܝ).³⁴ Его представления имеют много общего со взглядами Иоанна Филопона и античной традицией, которым монофизитские ученые остались верными и в дальнейшем. Существование двух различных систем представления о мире подтверждается и армянскими географическими сочинениями. Основой взглядов писателя VII в. Анания Ширакаци, изложенных в его „Космографии", является представление о мире в виде четырехугольной плоскости, несколько возвышающейся над морями, как она представлялась и Козьме Индикоплову. Сферическая форма земли, известная „Армянской географии" псевдо-Моисея Хоренского,³⁵ была традицией, усвоенной всем монофизитским направлением. Ученая традиция монофизитов в области естественных наук, связь ее с античным знанием характерна как для сирийских, так и для армянских географических сочинений, вышедших из монофизитских кругов.

Несмотря на то, что Козьма облекся в монашеское платье, вся жизнь, все интересы этого торговца сосредоточены были на том, что лежало за стенами обители. Живым языком, об-

разно, он рассказал о своих путешествиях, о делах „мира сего“, о торговле, и эта часть его труда и составила его истинную славу. Полные жизни сообщения Козьмы о заморских странах послужили к сохранению его книги в целом как в многочисленных рукописях греческого оригинала, так и в переводах. Традиция описаний природы, климата, флоры и фауны отдаленных стран от Плиния Старшего перешла к ряду писателей позднеимперской и ранневизантийской литературы. Аммиан Марцеллин подробно останавливается, например, на вопросе о пассатах, на периодичности тропических дождей, которые выпадают в Эфиопии, переполняя истоки Нила. В связи с этим, по его мнению, должны быть поставлены разливы Нила в Египте.³⁶ Подробнейшим образом он приводит сведения о фауне Египта, дает описание газелей, буйволов, обезьян, крокодила и гиппопотама.³⁷

В этом отношении характерно сопоставить описания Козьмы Индикоплова с сообщениями Филосторга, на что до настоящего времени не было обращено внимания. Жаркий климат южных стран описан Филосторгом, который сообщает о необыкновенных редкостных животных, которые там водятся. Названные им звери известны и Козьме Индикоплову например таврелефанты — огромные быки-яки, которые водятся в Эфиопии и Индии, где на них перевозят перец,³⁸ Филосторг видел их привезенными в империю „к ромеям“.³⁹ Живого носорога (ο ρινόκερος) Козьма видел в Эфиопии издали, а вблизи видел его чучело в царском дворце.⁴⁰ Филосторг видел „образец“ этого животного в Константинополе.⁴¹ Жираффа (η καμηλοπάρδαλις) известна Козьме, встречавшему это животное в Эфиопии, оно известно и Филосторгу.⁴² Последний видел многих животных в самой Византии, так как их привозили и присылали „в дар“. Одна из обезьян была доставлена в Константинополь набальзамированной, так как она околела в дороге, как уже рассказывалось; по поводу этой обезьяны Филосторг высказал мнение, что именно ее порода была прототипом сфинкса и послужила образцом его изображения и темой для мифов, связанных с Эдипом.⁴³ „И сфинкс из породы обезьян“, — утверждает Филосторг, так как он видел животное, которое навело его на такого рода соображения. Все перечисленное

Александрия. Символическое изображение города. Мозаика из Гераша (Трансиордания).

им находится „на юг и на восток“ и представляет „лучшее и величайшее“ из того, что может дать земля и вода.⁴⁴ Здесь могут подразумеваться как области Африки, так и Аравийский полуостров, и, наконец, Индия. Упоминание о больших орехах, по всей вероятности кокосовых (τα κάρρα), заставляет предполагать, что речь шла и об Индии.⁴⁵

Разница между сведениями Филосторга и Козьмы та, что Филосторг описывает редких животных и дает сведения о растениях, которые привозили в города империи, в частности в

Константинополь, но он сам не бывал в этих юго-восточных областях. Козьма же сам видел страны, флору и фауну которых он описал.

Иногда высказываются сомнения в том, достигал ли он Цейлона, но исключительно яркое и живое описание этого острова, а также приложенные иллюстрации дают возможность с уверенностью говорить, что сделать это могло лишь лицо, видевшее все воочию.

Мотивы и характер иллюстраций „Христианской топографии“, манера, в которой они выполнены в древнейшей рукописи, сближают труд Козьмы с культурной средой Александрии. В этом отношении результаты сравнительного исследования текстов и иллюстраций „Всемирной Александрийской хроники“, представленной рукописью латинского Varbarus Scaliger (Bibliothèque nationale, man. latins, № 4334) и греческой хроникой V в. на папирусе из собрания Голенищева, оказались решающими и для вопроса об иллюстрациях в рукописях Козьмы. Обе упомянутые хроники одного и того же формата, охватывают тот же хронологический период и, вероятно, имели то же количество листов. Эти сочинения широко распространялись, они производились массовым порядком, их переписывали в большом количестве экземпляров, заранее оставляя место для миниатюр, которые в точности повторяли друг друга.⁴⁶ Старейшая рукопись „Христианской топографии“ (Vatican, 699) дает иллюстрации,⁴⁷ которые, по мнению исследователей, восходят к еще более раннему времени, к подлиннику, к автографу, который был иллюстрирован лично Козьмой,⁴⁸ а миниатюры мироздания были им позаимствованы у Патрика — мар Абы. Во всяком случае, заканчивая описание жираффы (ἡ καμηλοπάρδαλις), которую он видел прирученной при дворе эфиопского царя, Козьма писал: „я зарисовал это, как я сам видел“ (καὶ τῦτα ὡς ὁ δα μεν διεγράψαμεν).⁴⁹ Иллюстрации „Топографии“, как и она сама, сильнейшим образом воздействовали на средневековую мысль. Древнерусские миниатюры к переводам Козьмы показывают, с каким увлечением, как разнообразно иллюстрировали и по-новому воспроизводили их мастера на Руси. Фундаментальный труд Е. К. Редина дает об этом полное представление.⁵⁰ Исследователи находят в миниатюрах „Топографии“ „эллинистические традиции“,⁵¹ но за этим правильно подмеченным фактом забыта живая связь с народным искусством, черты реализма, светских интересов. Козьма отказался от традиций античной науки, но связал себя со светскими традициями других, более простонародных слоев населения, где уровень образования был ниже, но круг которого был значительно более широким. Этому кругу могли быть доступны примитивные „вульгаризованные“ хроники, как „Всемирная александрийская хроника“, как хроника Малалы, представляющая широко доступную обработку труда Иоанна Антиохийского.

Иллюстрации „Христианской топографии“ выполнены в этой живой, реалистической, народной традиции, корнями уходящей в жизнь. Иллюстрации самого древнего ее списка полны движения, выразительности, они реалистичны и отражают действительность.

Торговля и связанные с ней путешествия были миром Козьмы, и он дал полное живых и ярких черт описание того, что он видел, в чем он так полно и глубоко жил. Жизненность и живость этого иллюстративного материала может быть показана и на других примерах. На миниатюре древнейшей рукописи Козьмы Индикоплова полна движения, реализма газель. Живые сцены, изображение трудовых процессов окружают жертвоприношение Исаака на древнейшей миниатюре „Топографии“, где раб несет дрова, слуги ведут лошадь и даны другие сцены, которые имеют много общего с подобными же живыми сценами из сельской жизни мозаик Большого дворца императора Феодосия (V в.). Там полны реализма играющие мальчики, мать, сидящая на лугу, пожилой рыбак, вытягивающий на удочке рыбу. Это — общая традиция живого искусства, не застывшего в неподвижности, черпавшего силы в народном творчестве и светской мысли.

Не менее характерна другая серия изображений, роднящая целую группу памятников. Таково символическое изображение города в виде крепости со стенами, например Дамаск в той же рукописи Козьмы. Такие символические изображения городов известны и в мозаиках Мшатты в Гераше (Трансиордания), где их выполняли византийские мастера. Много параллелей можно извлечь из иллюстраций в Notitia dignitatum, где встречается подобная и близкая этому символика городов. На миниатюре ватиканской рукописи, иллюстрирующей памятники Эфиопии, имеется наос, изображение которого роднит его с изображениями храмов на карте Капастория. Последняя вышла из языческой среды, с традициями которой была связана миниатюра греческих рукописей VI—VIII вв. В изобразительном искусстве струя реалистического восприятия жизни, шедшая из широких и простонародных слоев общества, нашла свое воплощение.

Выше было уже отмечено, как творчески были восприняты древнерусскими мастерами иллюстрации к книге Козьмы Индикоплова. Не безинтересно, что к именам народов, приводимых в „Топографии“, добавлено имя — Русь, так как переводчику казалось невозможным не упомянуть имени своего великого народа.⁵²

Не менее замечательно заключение древнерусского перевода книги Козьмы Индикоплова, которое своеобразно и тонко характеризует сущность отношения культурного общества Руси к этому памятнику византийской науки.⁵³

„Старались люди собирать золото, другие насилем овладеть землею или жемчугом и всяким богатством; а господин этой книги мудро искал не жемчуга и дорогого бисера, и не золота, а достойного описания мира, и собрал богатство, не исчезающее. Глеет все на земле; остается одно слово“.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ И НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОПЫТА У КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА

Чрезвычайная отсталость даже для своего времени теоретических положений, высказываемых Козьмой Индикопловом, по сравнению с его практически полученными сведениями о земле, ее форме и размерах, — явление не единичное для всего средневековья. Осмысление новых фактов, выводы из приобретенного опыта происходили с трудом; после длительного, часто векового, периода оно оказывало воздействие на изменение теоретических положений и традиций в установленных раз навсегда взглядах.

Если истоки космологических представлений, принятых сирийцами — несторианами, лежали во взглядах, развиваемых Федором Мопсуестским, то в новом виде они были сформулированы Козьмой Индикопловом на греческом языке. Взгляды „вселенского экзегета“, как называли Федора Мопсуестского несториане, получили больше отточенности и последовательности, пройдя через традиционное изложение учителей Нисибийской академии. Козьма не только изложил их в соответствии с тем, что ему сообщил мар Абба I (Патрикий), но стремился новыми аргументами защитить учение о скиннеподобной форме земли, о большой горе на севере, за которую заходит солнце ночью, о едином великом океане, омывающем вокруг всю землю, и т. д. Но наряду с этой ложной теорией Козьма Индикоплов располагал знаниями и сведениями, почерпнутыми им из книг и устных рассказов, ценность которых для его времени не подлежит сомнению. Более того, о некоторых географических представлениях он высказывает новые и интересные мысли. Козьма консервативен в своей теории, но практическая, вернее, описательная часть его труда представляет большой интерес — это живое описание мест, где он побывал сам. Важно его указание и на размеры земли, расчет ее величины, которая для него пространственно больше, чем для Птолемея. Наконец, самые пределы земли для него простираются дальше на восток, чем для карты Кастория и для „Подорожных“, от которых его отделяют два века. В числе источников Козьмы несомненно были или „Подорожные“, или их первоначальный вариант, послуживший источником „Описанию“. Во всяком случае рассуждения о местонахождении Эдема на земле и вопрос о величине земли связывают эти памятники между собою. Греческий текст „Подорожных“ заканчивается расчетом числа дневных переходов от Эдема до „ромеев“ — *αλο ἑδεμ τοῦ παραδείσου ἀχρι των Ῥωμαίων*.⁵⁴ Этому предшествует указание, что мона (ἡ μονή) содержит 60 миль. Грузинский текст добавляет расчет одной мили, соответствующий 2000 локтей или 7 1/2 стадиям.⁵⁵ Расстояние от Эдема он исчисляет не „до ромеев“, а до Галлии, от того места, где восходит солнце, до его заката. Расстояние это равно 1425 переходам, „таков размер земли ровно по середине“.⁵⁶ Размерами земли интересуются и Козьма Индикоплов. Ссылаясь на свой источник, он говорит: „философы индусы, называемые брахманами, говорят, что если протянуть веревку из Тсинисты, пройдя через Персиду до Романии, то по правилам это есть середина мира, и они, пожалуй, правы“.⁵⁷ Размер земли, исчисляемый по ее протяженности „по середине“, роднит оба памятника. Доводы, которые приводит Козьма, чтобы подтвердить, что этот путь по суше короче длинного пути морем до острова Тапробана (Цейлона) и оттуда в Тсинисту (Китай), очень характерны. Именно более короткий путь по суше составлял преимущество персов, которые, таким образом, получали всегда большие количества шелка-сырца из Китая, говорит он.

Личный опыт Козьмы как путешественника и трезвое суждение о „земных вещах“ несомненно сыграли роль в его решительном отказе признать „рай“ Эдем существующим на земле. Ему прекрасно известно библейское предание о четырех главных реках мира, берущих свое начало из райской реки. Предание это он мог получить непосредственно из „Книги Бытия“ и знать толкование этого места из „Подорожных“ и из „Полного описания мира“. Но легендар-

ные и древние названия он спешит интерпретировать и связать с известными ему действительными географическими названиями. Фейзон или Физон находится в Индии, и „ее называют Индом или Гангом" — говорит Козьма, не имея более точного представления.⁵⁸ Геон протекает по всей Эфиопии и Египту, а Тигр и Евфрат текут из Персармении и впадают в Персидский залив.⁵⁹ Что касается „райского Эдема", то Козьма отрицает его существование на земле. В этом случае Козьма не проявляет легковерия, которым отличались его предшественники, тогда как для „Подорожных", для Филосторга характерно примитивное, неверное представление о четырех реках, вытекающих из райской реки.

Как интересы обширной „Христианской топографии" вращаются вокруг Индии, так и для малых по своему масштабу „Подорожных" в центре внимания также находится Индия. Но „Топография" знает еще более дальнюю страну — Тсинисту (Синастан), откуда вывозится шелк и дальше которой на восток нет земли, а только один океан. На восток мир Козьмы тянется, следовательно, дальше, чем мир его предшественников.⁶⁰

Крайний западный пункт для грузинского итинерария находится в 24 дневных переходах от Рима и носит название Гадирни.⁶¹ Этот пункт соответствует и последней точке на западе, названной Козьмой — Γάδειρα, древняя финикийская колония Гадир, Гадейра, известная до настоящего времени как Кадикс на юго-западном побережье Пиренейского полуострова. До этого пункта и делает Козьма измерение земли по прямой. Расчеты его следующие: от Тсинисты (Китая) до запада — 400 перегонов (μοναί), при перегоне примерно равном 30 милям. В грузинском тексте „Подорожных" перегон равен 60 милям, т. е. дано вдвое большее число. Понятие дневного перехода μονή, или mansio, не имеет точного определения расстояния, это именно этап, переход, служивший единицей измерения больших пространств. Самый термин mansio соответствует представлению о временной остановке для ночевки, в противоположность дому, месту постоянного жительства — domicilium. Счет этапами, дневными перегонами держался довольно долго. Есть случаи, когда эти данные разных источников подтверждают друг друга, как, например, в паломничестве Сильвии расстояние от Харрана до Нисибина исчислено в 5 мансио,⁶² расчет, совпадающий с данными карты Кастория (Пейтингерова таблица). Латинское надгробие в Сирии (Corp. Inser. Latin., V, 2108=Dessau 8453) исчисляет путь из Галлии, совершенный вдовой погребенного к его гробнице, в 50 перегонов.⁶³ Козьма Индикоплов весь свой расчет дает лишь приблизительно, как он сам на это указывает. Стремление свети перегон к определенной мере побудило его определить длину как равную 30 милям. Определение размера этапа в 60 миль, данное в грузинском тексте „Подорожных", повидимому, относится к еще более позднему времени, когда самое значение „мансио" потеряло свой смысл дневного перехода, длина которого могла колебаться. Попытка привести в соответствие вычисления обоих источников не увенчивается успехом. Но сведения Козьмы заслуживают рассмотрения сами по себе. Между Тсинистой и Персией находятся Унния, Индия и Бактрия, расстояние это покрывается 150 перегонами (μοναί). Вся Персия составляет 80 перегонов. От Нисибина, пограничного пункта между Византией и Ираном, до Селевкии в приморской Сирии — 13 мансио. Из Селевкии в Рим, Галлию и Иверию, ныне называемую Испанией, до Гадейры, вдающегося в океан, перегонов 150 или более, что и составляет всего около 400 перегонов".⁶⁴ Таким образом, измеренное расстояние от Тсинисты до Гадейры по прямой линии, „по веревке", протянутой из конца в конец земли, в соответствии с измерениями, которые делали „брахманы", — это, в сущности, торговый путь, проложенный из Китая до Средиземного моря и по нему до Гадейры. Отдельных городов в Гуннии, Индии, Бактрии и Персии в этом случае „Христианская топография" не называет, но дальше на запад названы Нисибин и Селевкия, два больших торговых города. Нисибин в качестве пограничного центра был открыт для персидских купцов, которые привозили сюда свои товары. Селевкия имела значение большого при-средиземноморского центра. Эти данные говорят о реальных, из опыта приобретенных знаниях.

Так как Козьма представлял себе землю в виде выдающегося из воды прямоугольника, то он дал вычисление земли и „поперек". Меридиан его проходит через Византию — Константинополь, ставший за полтора века, которые отделяют составление „Полного описания мира" от „Христианской топографии", центром мирового значения.

От далеких северных областей до Византии насчитывается 50 перегонов. Необитаемые и обитаемые области севера он рассматривает от Каспийского моря, которое считает заливом океана. Возможно, что сведения об итинерарии из Константинополя в Африку принадлежат ему самому и взяты из опыта. Расчет его таков: от Византии до Александрии 50 перегонов, от

Александрии до катаракт 30, от катаракт до Аксума 30, от Аксума до границы Эфиопии, где находится Ладонская земля, около 50 перегонов.⁶⁵ Таким образом, размеры земли с севера на юг составляют около 200 перегонов. По сравнению с размерами земли, которые давались Аристотелем, Эратосфеном, Посейдонием и Птолемеем, размеры земли, данные Козьмой, значительно их превосходят.⁶⁶ В этом случае практические сведения, которыми располагал Козьма, несомненно превосходили те теоретические положения, которые он защищал в своей книге. Библейская концепция Козьмы не проникла и не смогла пропитать построенную на опыте часть, в которой он описывает то, что сам видел и слышал. Козьмой впервые были отчетливо указаны два пути на восток, по суше и по морю, и им же впервые были объединены северный и южный Китай в одну „страну шелка". За метаксой — сырцом торговцы ездили этими двумя дорогами — по суше и по морю.

Представления Козьмы о Китае основаны на точных сведениях, так как он говорит, что с востока его омывает океан и дальше земли он не знает.⁶⁷ Прямые интересы Козьмы — интересы практические, они сосредоточены на Индии, это роднит его труд с первыми параграфами „Полного описания мира", с греческим и грузинским текстами „Подорожных". Сведения всех этих памятников заключают в себе много общего, но они, конечно, менялись, получали новые черты в зависимости от той среды, в которой они были восприняты и получили свое дальнейшее развитие.

Не случайно то, что среда эта оказалась под воздействием сирийцев, которые прочно держали в руках торговлю с восточными странами, соперничая в этом с персами и арабами. „Описание" вышло из сирийской языческой среды, об этом говорят с очевидностью все подробности этого трактата, написанного в 350 г. язычником, для которого еще жили боги, а Серапеум был величайшим святилищем мира. Козьма Индикоплов через полтора века развивал взгляды, прошедшие через христианскую сирийскую среду, взгляды, почерпнутые у несториан, с „живого голоса" мар Абы I.⁶⁸ В своей практической деятельности он следовал за сирийцами в те географические пункты, которые давно существовали в их колониях и факториях. Он попал в сферу их влияния, в круг их воздействия и не мог остаться чуждым тем идеям и теориям, которые получили развитие в среде несториан.

Выше было указано, что „Подорожные" в том виде, как они дошли в греческом тексте, свидетельствуют о том, что первые 20 параграфов „Описания" имеют с ними сходство, но христианский налет „Подорожных" говорит о том, что они относятся к более позднему времени. Христианизация наложила свою печать и на грузинский перевод, издатель которого относил эти данные за счет сведений, исходящих из несторианских кругов. В этом отношении характерно, что у гуннов, на Цейлоне, в Аксуме и Нубии отмечено наличие христиан. Значительная доля миссий во всех этих государствах была делом сирийцев. Несториане были просветителями гуннов, тюрков, Малабарского побережья Индии и острова Селедива — Тапробана. Монофизиты, как отмечено в соответствующих главах, вели усиленную пропаганду в южно-арабских городах и в Абиссинии. Сирийское влияние и распространение христианства на среднем и дальнем Востоке было приостановлено арабами, а предел ему был положен лишь монгольским завоеванием.

Области, упоминаемые „Подорожными", — Унния (гунны), Дават (Дива), Селедива — Цейлон, Великая Индия, Нубия — связывают их с тем миром, который объезжал и в котором вел торговлю Козьма. Их интересы вращались в тех же пределах, а центром внимания была Индия.

Примечательно, что как „Списание мира", так и „Подорожные" не упоминают имени „серов" и „синов", т. е. китайцев, несмотря на то, что латинским писателям эпохи императорского Рима они хорошо были известны, а шелк попрежнему носил название *sericum*. Писатель VI в. Прокопий Кесарийский знает Серинду. Между тем, для двух названных памятников мир словно кончается на Индии. Для Козьмы „серы" и „сины", т. е. названия для северных китайцев и южных, оказались объединенными, в его представлении — это многочисленный народ, границей которого на востоке является океан.

В основе первых параграфов „Описания" лежал греческий текст, часть которого сохранилась в „Подорожных". Этот источник был языческим, как и все „Описание мира". „Подорожные" — источник дополнительно христианизированный и, как мы полагаем, относящийся ко времени после появления „Христианской топографии", представления которой и взгляды отразились с особенной ясностью и на более позднем грузинском тексте. Как греческий, так и грузинский тексты „Подорожных" содержат сведения более позднего времени, чем „Топография",

времени, когда совершилось более глубокое проникновение христианства на восток. Христианизация различных восточных народов устанавливает связь этих памятников с сирийскими, несторианскими кругами, миссии которых следовали вместе с торговцами. Сирийские колонии, фактории, отдельные пункты, в которых происходил обмен, или те, что стояли на перепутье караванных дорог, морские гавани, — все они, в той или иной степени связанные с сирийской торговлей, становились местом распространения несторианского христианства. Сведения о нем просачивались за несторианские круги, в среду инословного и иноязычного населения Передней Азии, в том числе в монастыри и школы. Так они проникали и к православным, грекам и грузинам.

Таким образом, анализ „Подорожных“ делает особенно очевидной связь между „Топографией“ и „Полным описанием мира“, связь, которая до настоящего времени не была обнаружена. В виде ли составной части „Описания мира“ или в виде отдельной записи, но Козьме Индикоплову несомненно были известны в первоначальном своем языческом виде „Подорожные“, с которыми он полемизировал, но которые в известной степени были исходным пунктом и способствовали развитию замысла его книги в ее описательной части.

Сопоставляя все сказанное о Козьме Индикоплове, можно ответить на вопрос, какие слои населения были заказчиком Христианской топографии? Классовые корни этого труда уходят в средние торговые и ремесленные слои городского населения Византии, те слои, которые способствовали развитию товарно-денежных отношений в городских центрах. Эти слои вызвали к жизни не одну „Христианскую топографию“. Выше были развиты положения, свидетельствующие о том, что труд Козьмы не одинок, что он входит в определенную светскую литературную струю, связанную с теми же классовыми группировками, отвечающую на те же запросы. Таково „Полное описание мира“, таковы сведения, дошедшие до историков церкви, например до Филосторга. Эта среда не знала высшего систематического образования, связанного с античной культурой и язычеством. Представители культуры, прошедшие античную школу, лишь с трудом переходили к христианству. Козьма Индикоплов скромно указал, что не получил систематического образования. Но в торговых и ремесленных кругах, вместе с проникновением христианства, распространились теоретические взгляды, основанные по преимуществу на Библии. Представление о мироздании Птолемея в этой среде было мало популярно и вызывало к себе отрицательное отношение как противоречащее библейским взглядам. Не связанные с традициями языческой эллинской науки средние слои населения оказались под влиянием более ограниченных представлений.

И в то же время практическая деятельность будила в них живые, жизненные интересы. О их любознательности, потребности в сведениях, интересах к реальной жизни говорят памятники географической литературы, предшествующие по времени „Христианской топографии“. На источниках, вышедших из уже христианизированной среды, заметно значительное влияние сирийцев, игравших важную роль в торговле Раннего средневековья. Это можно видеть и у Филосторга, и в „Подорожных“, и в „Топографии“. Торгово-ремесленные круги, из которых вышел Козьма, были связаны с сирийцами вообще, с несторианами в частности.

„Христианская топография“ отражает, с одной стороны, книжное, библейское влияние, с другой, — она запечатлела живые наблюдения, полные любознательности сведения, почерпнутые ее автором из непосредственных впечатлений.

Наличие мощной народной струи может быть отмечено как в литературе, так и в изобразительном искусстве V—VI вв. Светский протонародный элемент отличает антиохийскую хронику Малалы, александрийские хроники, ряд глав „Топографии“. Традиции реализма в искусстве, его народность отражены в различных памятниках этого времени. Это направление в искусстве не пренебрегало изображением города, его жизни, трудовых процессов, сельской жизни. Стены большого дворца Феодосия дают полные реализма сцены, которые не следует возводить исключительно к античной традиции. Реалистичны мозаики Мшатты, сделанные византийскими мастерами. Светская народная струя пробилась в иллюстрациях александрийских хроник, в миниатюрах „Христианской топографии“, которые близки некоторым изображениям византийской табели о рангах — *Notitia dignitatum*. Светское направление в значительной мере поддерживалось торгово-ремесленными городскими кругами, социальной средой, отражавшей народную культуру. Не случайно так часто повторяется изображение города в этих памятниках искусства. Он дан в многочисленных иллюстрациях к *Notitia dignitatum*, в миниатюрах „Топографии“ (Дамаск), в мозаиках Мшатты (Александрия).

Литература и культура этой среды, как было показано выше, говорят о значительности

городской жизни как одного из устоев и опоры ранней Византийской империи.

АРМЯНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПСЕВДО-МОИСЕЯ ХОРЕНСКОГО

Разнообразие взглядов на вселенную может быть отмечено у сирийских писателей, так же как и у греческих ученых. Одно течение представляло ученую традицию, идущую от античного знания, другое было связано с автором „Христианской топографии“.

В Армении писатели VI и VII вв. также были представителями двух направлений в науке. Одно было связано с именем Анании Ширакаци, писателя VII в., „Космография“ которого выражала взгляды и представления Козьмы Индикоплова и сирийцев, т. е. взгляды тех кругов, где клерикальное влияние и авторитет Библии все возрастал. Как сирийцы монофизиты развивали взгляды и представления Птолемея и Паппия Александрийского, углубляясь в вычисления и трудясь над астрономическими наблюдениями с помощью астролябия (как, например, Север Себокт), так и в армянской среде возникала географическая литература, связанная с другим, научным направлением. „Армянская география“ все еще не перестала быть предметом жестоких споров, вопросы об авторе, о времени ее составления, о том, являются ли „География“ и „История“, приписываемая Моисею Хоренскому, принадлежащими одному и тому же лицу, — эти вопросы все еще представляются спорными.

Акад. Я. А. Манандян указал на то, что автор „Космографии“ Анания Ширакаци и автор „Географии“ никак не могли быть одним и тем же лицом.¹ Космографические взгляды Анании носят черты несомненного знакомства со взглядами на форму земли,² высказанными в „Христианской топографии“, но имеют и много самобытных черт, связывающих его с местными традициями и взглядами предшествующих армянских писателей.³

Что касается „Географии“, то она имеет много общих черт с „Историей“ Моисея Хоренского, обе они написаны в IX в. и возможно одним и тем же лицом — Моисеем Хоренским.⁴ Но „География“ является сводным трудом, в состав которого вошли древние материалы предшествующего времени, и в ней есть черты, указывающие на непрерывную традицию и связь с учением географов предшествующих веков.

Для изучаемого вопроса интерес представляют последние главы „Географии“, которые сообщают о восточных областях, причем имеются черты, несомненно указывающие на то, что автор или источник, которым он пользовался, были заинтересованы в сведениях торгового характера. Таковы сведения о Басре, многочисленных товарах, которые туда свозятся и куда собираются корабли из Индии и других восточных стран. Об этом свидетельствует и список товаров, которые вывозят из „Счастливой Аравии“.⁵ Там перечислены золото, душистые масла, ароматы, различные сорта и названия последних. Интересна характеристика центральных областей Азии, которая не вызывает сомнений в том, что она относится ко времени после арабских завоеваний. Скифия носит название Апахтарии или Турхии и простирается от реки Итиля до горы Имаус, последняя является „древнейшим и длиннейшим“ хребтом. Скифию населяют 44 варварских народа, имена которых не названы, кроме согдов, тохаров и эфталитов. „Согды богаты, это ремесленники и торговцы, они обитают между Туркестаном и Арией“.⁶ Все географические названия, приведенные выше, указывают на то, что в этом случае армянская „География“ располагала сведениями, относящимися к VII в. и к более раннему времени. Между тем на разделе об Индии (§ 93) можно проследить заимствования из Козьмы Индикоплова в перечислении тех товаров, которые вывозятся из Индии,⁷ в том числе перец, алоэ, мосх (мускус), камфара, сандал, кассия, различные ароматы. Имеется также список животных, которые живут в Индии: львы, тигры, слоны, единороги, крокодилы и т. д. Остров Цейлон — Тапробан также известен „Географии“, которая сообщает его протяженность; из животных острова названы слоны и тигры. И из Индии, и с острова Тапробана вывозятся также золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг. Для некоторых товаров приводятся цены, которых, как известно, Козьма Индикоплов не дает.

На более расширенный круг географических представлений указывают подробности, которые дает „География“ о Китае, сохранившем в ней название Синастан, лишь с некоторыми фонетическими особенностями (*Zenastania*). Перечислены товары, которые вывозят из Китая, в том числе различные пряности, ароматы, но особенно много дорогого шелка — *sericum*.⁸

Далее следуют неизвестные земли, пишет автор „Географии“, с неведомыми зверями.

Все эти сведения, несомненно возникшие в более позднее время, после VI в., говорят о постепенном и дальнейшем расширении представлений о земле, о ее восточных областях.

Наряду с этим, „География" сохранила о той же Индии сведения, которые известны по источникам IV в., анализ их был дан выше. Так, Ганг отождествляется с Фисоном, сама Индия населена множеством народов, из числа которых названы гимнософисты,⁹ с которыми связана традиция о „блаженных", населяющих эти области.

Выдающаяся роль, которую играла Армения в торговле с Востоком, хорошо известна по многочисленным исследованиям академика Я. А. Манандяна. Поэтому становятся вполне понятными все сведения, которые сообщают армянские источники об Азии, в частности же сообщения о ценах на товары.

В период наиболее мощного развития сирийской торговли, охватившей в V—VIII вв. области Переднего Востока, включая Египет, Эфиопию и Аравию, не говоря о сирийском Присредиземноморье и Междуречье, области Среднего Востока (Среднюю Азию, Индию) и острова Индийского океана (Сокотра и Цейлон), влияние сирийцев было значительно и в области идей. У арабов это сказалось во многих отношениях: в науке, в литературе, в философии. Анания Ширакаци (VII в.) не мог избежать круга тех идей, которыми жили несториане Нисибийской академии и Козьма Индикоплов. На армянской почве развились идеи, которые были близки средним слоям населения, в большей степени христианизованным, мало связанным с античным образованием и ученым наследием эллинизма. Для представителей этого течения согласование библейских текстов с теорией мироздания было обязательным и всякая другая точка зрения считалась неприемлемой. Но научная теория Птолемея продолжала находить поддержку и в среде христиан, принадлежавших к более высокому культурному слою и, подобно патриарху Фотию, насмешливо относившихся к теории Козьмы Индикоплова. Это научное направление нашло отражение и в приписываемой Моисею Хоренскому „Географии", которая придерживается представления о сферической форме земли. Таким образом, и в научной литературе народов Кавказа могут быть указаны различные направления, обусловленные разной социальной средой, как это может быть отмечено в научной литературе на греческом и сирийском языках. В к VI в. можно проследить специфические черты, характеризующие общественные слои, из которых вышли эти течения в космологическом учении, но для более позднего времени такая характеристика значительно сложнее.

ГАВАНИ И ТОВАРЫ

КРАСНОЕ МОРЕ

Бассейн Красного моря в IV—VI вв. являлся как бы экономическим комплексом, в котором отчетливо выделялось два центра: на Аравийском полуострове — Химьяр, на африканском берегу — Эфиопия, соперничавшие между собою за господство и преобладание. Химьяр имел свои гавани и торговые центры: Тафар, Неджран, Мариб, расположенные в глубине материка, на караванных путях, по которым товары переправлялись дальше. Видное положение, занимаемое „Счастливой Аравией" в восточной торговле, привлекало к ней внимание крупнейших мировых держав, и она стала местом, где скрещивались интересы и влияния Эфиопии, Византии, Ирана, Палестины и Месопотамии.

Экономически значительной была и Эфиопия, о которой византийские источники сохранили сведения. Эфиопия имела торговые связи и поддерживала обмен с внутренними областями Африки, откуда ею вывозилось минеральное и растительное сырье, вместе с различными товарами из пределов самой Эфиопии. В византийские города и на рынки Передней Азии отсюда доставлялись черные рабы, которые захватывались в пределах самой Эфиопии, Нубии и других областей Африки. Этот факт с несомненностью говорит о наличии рабовладения в Эфиопии, примитивных способах обогащения в войне путем захвата военнопленных, обращаемых в рабов. В Константинополе рабы — эфиопы или нубийцы — несли охрану царского дворца. В связи с заговором аргиропраттов в 563 г., имевшим целью убийство Юстиниана, хроники упоминают эфиопских рабов, названных индусами, которые должны были оповестить народ о происшедшем перевороте.¹

Значительное место в торговле Эфиопии занимал вывоз золота, которое доставлялось из „земли Сасу". Козьма Индикоплов определяет ее местонахождение близ Океана, как и „ла-

доносной земли", но проникали туда обычно по суше. Сасу славилась большим числом золотых копей, *μετάλλα πολλά έχουσα*. Ее отождествляли с различными областями в Африке, и наиболее вероятно, что речь идет о юго-восточной части Сомали.² Следуя древней и исторически верной традиции, Козьма приводит в связь сообщаемые им сведения с известными данными III Книги Царств 10 10—11, 22 о том, как царица Савская из южной Аравии доставляла Соломону эбеновое дерево, ароматы и „золото из Эфиопии". Это последнее выражение указывает на то, что александрийский торговец предполагал, что имеет дело с тем же древним путем, с тем же источником получения золота, как и в эпоху мудрого царя Палестины.³ Из года в год в землю Сасу царь Аксума направлял караван торговых людей за товарами, для обмена их на золото. Торговцы из других мест присоединялись к эфиопским, и все вместе составляли около 500 человек. В организации каравана и ведении торговли в Сасу эфиопские государи пользовались помощью „архонта Агау" (*Αγαῦ*), т. е. правителя (*ἀρχων*) области озера Тана, расположенной на Абиссинском плоскогорье. Путь туда и обратно, с временем, необходимым для торговли в Сасу, занимал около 6 месяцев. Ввиду того, что при следовании этим путем нужно было переходить истоки Голубого Нила, было необходимо завершать путешествие до наступления периода тропических дождей, которые делали дорогу непроходимой.⁴ „Зима там тогда, когда у нас лето, начиная с египетского месяца Епифи (июля) и до конца Тота (сентября). Весьма сильные ливни длятся в течение трех месяцев, так что образуют множество рек, которые впадают в Нил".⁵

Огромный караван, составлявшийся из полутысячи человек и большого числа скота, проделывал свой путь в Сасу очень медленно, так как туда гнали быков, составлявших один из главных предметов ввоза, наряду с железом и солью — *επιφέρουσι δε ἐκεῖ βόας καὶ ἄλας καὶ σίδηρον*.⁶ Пребывание в далекой области было не безопасно. По прибытии караван останавливался в известном месте, располагался лагерем, который тут же обносили высоким забором из колючего дерева или терновника. Мясо битых быков, железо и соль выставлялись приезжими вне колючего забора на продажу. Торг осуществлялся молчаливо, „таков там обычай, так как они иноязычны" (*ἀλλόγλωσσοι εἰσὶν*), „а переводчиков там весьма недостаточно" (*καὶ ἐρμηνέων μάλιστα πολλῶν ἀποροῦσιν*).⁷ Приходят местные жители, „принося с собою золото в виде бобов (*θήρμια*), называемых самородками (*ταρχάρας*), и кладут около товара, который они желают приобрести, один, два или более кусочков и отходят в некоторое отдаление". Если хозяин товара недоволен количеством предлагаемого ему золота, то он его не берет, а ждет, чтобы это количество было увеличено. Приходивший туземец, не желая увеличивать количества золота, уносил его; если хозяин товара брал положенное золото, то туземец приближался и, в свою очередь, уносил оплаченный товар.

Об обычае молчаливого торга известно еще из Геродота (4,196), описавшего его у народов западной Африки, населяющих побережье Атлантического океана. Такой вид торговли известен и Филострату, автору жизнеописания Апполония Тианского.⁸ Но едва ли описанные автором „Перипла Эритрейского моря" (гл. 65) обычаи одного дальневосточного племени следует считать молчаливым торгом, практикуемым в Китае, как это предполагают некоторые исследователи.⁹

Золото в области Сасу добывалось преимущественно в форме самородков, название „боб" указывало на их сходство с волчьим бобом, люпином — *ο θέρμιος*, отсюда *θήρμια*.

Для точности Козьма Индикоплов приводит выражение *ο ταρχάρας* — самородок,¹⁰ которым он объясняет, какой именно вид золота он имеет в виду.¹¹

Приезжие купцы не вступали в самую землю Сасу, а разбивали свой лагерь, приблизившись к ней (*εγγυς της χώρας γέρονται*), на ее границе, они окружали свой лагерь колючим забором, все это говорит о том, что они находились там в опасности от людей и от зверей и им надо было быть настороже. Дней через пять они пускались в обратный путь и проходили его поспешно, опасаясь нападений, так как караваны были нагружены золотом. Путешествие и в пределах самой Эфиопии также было опасным, ввиду нападения диких зверей. Ноннозий, или Нонн, византийский посол, подвергся смертельной опасности от зверей, когда ехал в глубь страны, чтобы достигнуть Аксума.¹²

Через посредство той же Эфиопии вывозились из областей Центральной Африки, „от блеммиев", изумруды. Блеммии неоднократно упоминаются различными источниками ранневизантийского периода. В эллинистический и римский период смарагд добывался в коях близ Береники,¹³ это в значительной степени укрепляло положение Береники как порта Красного моря. В начале VI в. Береника уже не имела прежнего значения, так как торговые пути измени-

ли свое направление. Смарагд, т. е. изумруд, вывозили, по словам Козьмы Индикоплова, в страну „белых гуннов“, эфталитов, которые особенно ценили этот драгоценный камень. Эфиопы вывозили изумруды в Баригаду, — порт на западном побережье Индии, откуда их доставляли в Уджайн и Кабул, и через Гиндукуш в области Средней Азии, где они получали сбыт у эфталитов.¹⁴

Эфиопы поставляли также слонов, которых они истребляли в большом числе. Особенно ценилась „слоновая кость“, клыки, вывозимые огромными количествами „в Индию, Персию, Химьяр и Романию“, т. е. в области ромеев.¹⁵ Своих слонов эфиопы „не приручают“, т. е. они не использовали их в качестве вьючных животных, или на других работах, а только на них охотились. В Индии, наоборот, слонов приручали и употребляли в качестве рабочего скота и для военных целей.¹⁶

К числу товаров, которыми торговал сам Козьма, принадлежали, например, зубы гиппопотама, из которых было возможно производить разные поделки. „Гиппопотама я не видел, — пишет он, — но я имел его зубы, столь большие, что один весил около 13 литр, я продал их здесь“. Под „здесь“, очевидно, подразумевается Александрия. Он добавляет: „Я много их (зубов) видел и в Эфиопии, и в Египте“.¹⁷ (Под зубами гиппопотама подразумеваются пласти его пасти, заменяющие ему зубы при жевании пищи).

Среди областей, с которыми были связаны эфиопы, видное место занимала Барбария. Последняя непосредственно граничила с Эфиопией и омывалась „Океаном“.¹⁸ Большой интерес представляет вопрос, что именно называет Козьма Индикоплов Зингионом (или Зангуи), — словом, соответствующим названию Занзибара. По мнению английского переводчика „Христианской топографии“, а за ним и других исследователей, все восточноафриканское побережье, от мыса Гвардафуй до мыса Доброй Надежды, носило в те времена название Зингион, Зангуи или Занзибар.¹⁹ Между тем, если одно из сообщений Козьмы дает возможность такого истолкования, то другие его выражения говорят о том, что это название применялось и иначе. „Как известно плавающим по Индийскому морю, так называемый Зингион находится за (παραίτέρω) Ладонской землей, называемой Барбарией, и окружен Океаном, впадающим там в оба моря“, подразумеваются упомянутые Козьмой выше „Аравийское или Эритрейское“ и Персидское моря. Этот текст и давал возможность считать, как это было указано выше, что Зингион есть название восточного побережья Африки, чему способствовало и позднейшее название острова Занзибар, расположенного много южнее мыса Гвардафуй. Между тем, еще Монфокону было известно, что название Занзибар производили от Zangi и bahar, по-арабски — „море Занги“, хотя тот же Монфокон приводит и другой вариант, представляющийся ему более вероятным: Zangi и bar continens Zangi, „содержащий Занги“.²⁰ На основании других сведений, сообщенных Козьмою же, следует считать, что Зингионом он называет часть Индийского океана, так, он говорит: „Аравийское море, называемое Эритрейским, и Персидское, оба извергаются от так называемого Зингиона (εἰςβάλλοντες ἀμφότεροι ἐκ τοῦ λεγομένου Σινγίου) в южном и восточном направлении земли от так называемой Барбарии, где находится предел эфиопской земли“.²¹ Еще лучше подтверждается это следующими словами: „Некогда, плывя во внутреннюю Индию, несколько миновав Барбарии, там, где далее находится Зингион, ибо так называют устье Океана (οὐτὼ γὰρ καλοῦσι τὸ στόμα τοῦ Ὀκεανοῦ)....“. Здесь прямо сказано, что Зингион — это устье „Океана“, ближайшая часть Индийского океана от полуострова Сомали, там, где кончался „мыс ароматов“ (Гвардафуй).²² Здесь мореплаватели, с которыми был Козьма, повстречали большое количество огромных птиц, названных им σοῦσσα, по всей вероятности альбатросов. Едва ли следует считать, что здесь имеются в виду более южные части океана у острова Занзибара, как предполагал Винстедт.²³ Хотя путь до Рапт, гавани африканского побережья близ этого острова, и был известен еще в I в. н. э.,²⁴ нет прямых оснований утверждать, что Козьма плывал вдоль африканского побережья южнее полуострова Сомали (Барбарии), т. е. по той части Индийского океана, которую он назвал „Рингионом“. Следовательно, в представлении Козьмы, Барбария омывается океаном, непосредственно примыкает к Эфиопии и наиболее доступна по морскому пути. Между тем, имеют значение и те данные, которые приведены тем же Козьмой Индикопловом для исчисления расстояния от Византии, т. е. Константинополя, до Барбарии. Первый этап от Константинополя до Александрии он считает равным 50 моннай. От Александрии до катаракт расстояние 30 моннай,²⁵ от катаракт до Аксума 30 моннай, от Аксума до границы Эфиопии, граничащей с Барбарией, омываемой Океаном, около 50 моннай. Это расстояние составляет всего около 160 или 150 моннай. Характерно, что для измерения земли по широтам Козьма избрал именно эти географические пункты. От северного края земли

до Константинополя он считает расстояние равным еще 50 монай и широту земли равной примерно 200 монай.²⁶

По наиболее широко известному и употребительному товару, вывозимому из Барбарии, она получила свое второе название „Ладоносной земли“.²⁷ Для „Перипла Эритрейского моря“ Ароматный мыс, т. е. мыс Гвардафуй, был пределом или концом Барбарии.²⁸ Примерно таково и представление Козьмы Индикоплова.

Ладан (ο λίβανος) — смола деревьев рода *Boswellia* семейства Burseraceae — встречается преимущественно на Аравийском полуострове, в Сомали, т. е. Барбарии. В первых веках новой эры ряд источников засвидетельствовал, что главным продуктом вывоза с берегов Барбарии был именно ладан,²⁹ что осталось неизменным и для византийского времени. Из древних языческих культов курение ладана перешло и в христианский культ, и поэтому этот продукт имел широкое распространение. Ладан как благовонное курение был также употребителен во дворцах, на торжественных приемах, в частной жизни богатых, знатных верхов.

Из Барбарии вывозились вообще всевозможные специи; „множество из пряностей — ладан, касия, тростник и много другого“ (τα πλείστα των ἡδυσμάτων, λίβανον, κασίαν, κάλαμον καὶ ἕτερα. πολλὰ).³⁰ Это было возможно благодаря тому, что „населяющие Барбарии“ поддерживали связь и вели торговлю с материковыми областями Африки — ἀνερχόμενοι ἐπὶ τα μεσογεία.³¹ „Ладоносная земля“ вывозила эти продукты в приморские области, откуда они расходились в разные пункты. Тростником (ο κάλαμος) назван сахарный тростник. О распространении сахара в Иране известно, например, из сообщения, что в числе добычи, захваченной императором Ираклием во дворце Хосрова II в Ктесифоне, был и сахар.³² Особое место занимает вопрос о корице или касии (ἡ κασία, ἡ κασία cinnamomum), благовонной коре дерева *Cinnamomum iners* или *Cinnamomum zeylanicum* (цейлонской).

Продукт этот в Сомали (Барбарии) был привозным из Индии, так как и до настоящего времени это растение на восточном побережье Африки не известно. Корица доставлялась сюда из Индии торговцами, которые были заняты посреднической торговлей.³³ В эллинистическую эпоху это было известно грекам, но потом было забыто. После открытия Гиппалом³⁴ закона о направлении муссонов, благодаря чему плавание по Индийскому океану могло совершаться в определенное время года с попутным ветром в обе стороны, корабли империи без особых затруднений могли направляться и возвращаться из Индии. Другие народы, однако, продолжая удерживать в своих руках посредническую торговлю, держали в тайне вопрос о доставке этого материала из Индии.³⁵ Во всяком случае, византийские купцы вывозили корицу из африканских и аравийских портов, и у них сложилось представление, что это был местный продукт „ладоносной земли“. Корица находила широкий сбыт, так как ее употребляли в пищу, в качестве лекарства, она входила как составная часть в изготавливаемые ароматы. Под „множеством пряностей“ и „многим другим“, вывозившимся из Барбарии, подразумеваются другие продукты, известные еще из трудов римских авторов.

Вывоз из Барбарии осуществлялся „морем в Адулию, Химьяритию, во внутреннюю Индию и в Перейду“.³⁶ Адулией названа Эфиопия, главным портом которой был Адулис, от его имени образовано название всей страны — Адулия. Химьярития названа по имени химьяритов, здесь имеются в виду гавани южной Аравии, откуда товары перевозились по караванным дорогам. Персида, — мощное государство сасанидов, — имело свои гавани в Персидском заливе. Что касается „внутренней Индии“, то это наименование западного Индостана. Индией называли не только собственно Индию, но применяли это имя и к южной Аравии, и даже к африканскому побережью Индийского океана. В этом отношении характерно название Индии в хронике Иоанна Малалы и Иоанна Ефесского.³⁷ В данном контексте не может возникнуть сомнений в том, что под „внутренней Индией“ подразумевается собственно Индия, так как здесь перечислены Эфиопия, Химьяр, вывоз производится из Барбарии, т. е. с побережья Африки, следовательно, для Козьмы Индикоплова, которому принадлежат эти строки, „внутренняя Индия“ имеет точный и бесспорный смысл. Не случайно, как и приведенное выше исчисление размеров земли, что точно указано расстояние между Барбарией и Химьяром в два дня пути по морю, чем подтверждается постоянство сношений между этими странами.

Исторически верными являются и другие данные „Христианской топографии“, как то, что в эпоху царя Соломона „царица южная“, или Савская, доставляла ему благовония именно из Барбарии. Саба или Сава была тогда одним из важнейших государств южной Аравии. Вслед за III Книгой Царств Козьма повторяет и интерпретирует сообщение о том, что сабейцы вывозили из Барбарии различные пряности (ἡδυσματα), эбеновое дерево и обезьян.³⁸ Золото вывози-

лось, как и в начале VI в. н. э., из Эфиопии, вероятно, из тех же копей земли Сасу. Экономические связи бассейна Красного моря уходили корнями в глубокую древность, неослабно поддерживались в эллинистическую и римскую эпоху и остались в силе для Византии.

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ИНДИИ

Сведения о гаванях Индии и товарах, которые вывозились из них, встречаются еще у античных писателей. Особенно много сведений дают „Перипл Эритрейского моря" и „Естественная история" (Historia naturalis) Плиния Старшего (23/24—79 гг. н. э.). Соответствующие сведения имеются и в „Географии" Птолемея, но они чрезвычайно кратки, как и все данные этого замечательного памятника учености своего времени.

Последние века существования Римской империи и первые века ее преемницы Восточно-римской или Византийской империи располагают сведениями об Индии, но они отрывочны, случайны. Рассмотренный нами выше замечательный и очень важный памятник 350 г. н. э. „Полное описание мира" дает об Индии лишь сведения второстепенного значения, вычитанные из греческого письменного памятника.³⁹

Для начала VI в. сведения Козьмы Индикоплова чрезвычайно важны как подлинные, полученные им непосредственно. Он сам пишет, что из „всего этого" „одно я узнал по опыту (πείρα), растолковал и написал, другое узнал точно, будучи вблизи тех мест".⁴⁰ Описания его настолько точны и подробны, что нет сомнения в том, что он сам посетил Малабарское побережье и Цейлон, а не получил свои сведения из вторых рук.⁴¹ Приведенные выше слова Козьмы находятся в тексте описания Тапробана, вслед за рассказом о белых гуннах, который, вероятно, был им почерпнут из устной, но достоверной традиции.

Большого внимания заслуживает свидетельство Козьмы о том, что византийская монета имеет хождение по всему миру, „от края земли и до края". Торговые путешествия Сопатра и Козьмы, во время которых они убедились в этом на опыте, относились к последним годам императора Анастасия, преимущественно ко времени императора Юстина (518—527 гг.), и, быть может, к первым годам царствования Юстиниана. „Есть другой знак, которым Бог одарил ромеев, имею в виду, что на их монету торгуют все народы и ее принимают в любом месте, от края земли до края. Она [монета] ценится всяким человеком, всяким государством". Такого повсеместного распространения и признания ценности монеты какого-либо „другого государства" нет, указывает Козьма.⁴² Это подтверждает давно и широко известный рассказ о византийской и персидской монете, который Козьма приводит со слов своего старшего современника Сопатра.⁴³

Свои экономические связи империя сохраняла веками, но гавани, в которых она вела торговлю, не оставались теми же, поэтому так существенны сведения Козьмы. Особенно благоприятное положение Синда отмечено словами, что река Инд впадает в Персидский залив и устье ее находится и в Индии, и в Персии.⁴⁴ Место дельты Инда делает „Синд началом Индии" (η Σινδοῦ δὲ ἐστὶν ἀρχὴ τῆς Ἰνδικῆς).⁴⁵ Его пограничное положение создало ему взаимные, двусторонние связи с „Персидой, Химьяром и Адулисом", т. е. с Ираном, южной Аравией и Эфиопией. Торговля Синда велась и с восточными портами, „упомянутыми выше" Козьмой Индикопловом, т. е. с Тсинистой, о которой ниже подробно сказано, с Мале и с Каллианой. Из товаров, которые Синд мог вывозить, упоминаются мускус, касторка, валериана. Известно, что в I в. н. э. для греческих судов открытым портом и официально установленным рынком были Баригаза, или Баригазас. Баригазский залив соответствует Камбейскому, северо-западному заливу Эритрейского моря, и Баригаза были наиболее северным пунктом на западе Индии. Баригаза как город и порт соответствуют современному Бхарош или Броах (Broach).⁴⁶ Южнее Баригазского залива наиболее северным пунктом Малабарского побережья являлась Каллиана, которая известна „Периплу" наряду с Баригазами.⁴⁷ Название Каллиана или Каллиэна, по мнению одних исследователей, является испорченным словом *colonia*, другие видят в нем производное от индусского корня „кальян" — счастливый.⁴⁸ Каллиана названа в „Перипле" городом, для Козьмы Индикоплова это „большой порт" (καὶ αὐτὴ μέγα ἐμλόνιον).⁴⁹ Для греческих судов Каллиана была открыта еще во времена „Перипла", для начала VI в. это был крупный порт, в котором приобретался ряд товаров. Официальным рынком Каллиана считалась при царе Сарогоне („Перипл", § 52) и приобрела к началу VI в. вновь это официальное значение, которого, невидимому, уже не имели Баригаза.⁵⁰ Так, отсюда вывозили медь (ο χαλκός), „сезамовое дерево" и различные ткани. Сезам, или кунжут (*Sesamum Indicum*), имел широкий ареал распространения.⁵¹ Он культивировался и в Египте, откуда сезамовое масло, по мнению Хвостова, вывозилось в Италию.⁵² Между тем, на основании того же „Перипла" (§ 14) известно, что и из

Индии вывозили сезамовое масло.⁵³ Козьма Индикоплов утверждает, что из Каллианы вывозили „дерево сезама" (σεσαμίνα ξύλα), что не вполне точно, так как это однолетнее растение.

Из той же Каллианы вывозилась различная одежда, вернее говоря, ткани.⁵⁴ По свидетельству „Перипла" (§ 51), хлопок, различные ткани, одежда доставлялись из центральных областей Индии по трудным для передвижения проселочным дорогам и непроезжим местам в Баригаза. Тагара, откуда главным образом доставлялись эти товары, находилась в 10 днях пути на восток от города Пайтана, который отстоял в 20 днях пути на юг от Баригаз. Таким образом, месячный путь отделял этот порт от хлопковых центров, расположенных в материковых частях. Между тем, из Тагары до Каллианы ближе, чем до Баригаз, и, может быть, этим следует объяснить то, что торговля тканями перешла в этот центр (Каллиану), расположенный недалеко от Бомбея,⁵⁵ являющегося в новое время одним из главных портов, вывозящих хлопок и его изделия из Индии. Географическое положение этих центров не случайное, оно решалось путями сообщения, близостью к тем районам, которые и в настоящее время поставляют хлопок.

Сибор (Σίβωρ) — последняя гавань, названная Козьмой Индикопловом до ряда гаваней Малабарского побережья.⁵⁶ „Периплу Эритрейского моря" (§ 53) известна гавань Симилла, расположенная южнее Каллианы и отстоящая на юг от Бомбея на 23 мили. Предположительно можно идентифицировать Сибор с Симиллой.⁵⁷ Другие сопоставляют Сибор с Суббарой или Суппарой (Сурат), о котором „Перипл" (§ 52) упоминает как о расположенном „близ Баригаз",⁵⁸ „за" Каллианой, т. е. южнее, „Перипл" (§ 53) помещает Симиллу и ряд городов, в том числе Византион (Визиадурга).⁵⁹ По самому имени можно думать, что здесь была колония, основанная торговцами из Византии; она должна была потерять значение к VI в., так как о ней Козьма не упоминает, что, в качестве патриота империи, он не преминул бы сделать в противном случае. Сибор — последняя из гаваней, упоминаемых им до портов Малабарского побережья.

Мале — η Μαλέ, Малабар или Малабарское побережье Индостана издавна славилось, как место вывоза перца и потому часто называлось и „землей перца" (χώρα τοῦ πεπέρεως).⁶⁰ Гавани вдоль этого берега тянулись от Мангалора до Каликут.⁶¹ Мангалор=Мангарут=Мандагора упоминается в „Перипле Эритрейского моря" (§ 53). В направлении с севера на юг Козьма называет гавани, из которых специально вывозился перец: Парти, Мангарут, Салопатана, Налопатана, Пудопатана. Окончание „патана" означает город; так, Пудолатана значит „новый город". В этом перечислении до Мангарута первым назван Парти, а в заключение Козьмой не назван Каликут, который завершал эту серию гаваней.

Было известно несколько сортов перца. В „Христианской топографии" имеется миниатюра, изображающая „дерево, приносящее перец", и дается его описание: „Это дерево обвивает другое высокое дерево, без плодов, потому что оно весьма тонко и слабо, подобно нежным ветвям виноградной лозы. Каждый плод имеет двойной покров, он ярко-зеленый, подобно руте".⁶² Перец вывозился в больших количествах, так как охотно использовался в широких слоях населения и был приправой к пище не только у богатых, но и у бедняков. Пряная пища была излюбленной и широко употребительной.

Перевозка перца, как и других товаров, из материковых областей Индии осуществлялась на прирученных буйволах.

В рукописях „Топографии" имеется изображение буйвола (ὁ ταυρέλαφος); буйволиное мясо случалось есть и Козьме Индикоплову. „В Индии они ручные (ήμερά εἰσι), — пишет он, — и на них в двойных седельных мешках перевозят перец и другие товары (ἐν δίστακίοις βασταγῆς πεπέρεως καὶ ἐτέρων φορτίων ἐν αὐτοῖς ποιοῦσιν)".⁶³ Возможно, что перец был одним из главных продуктов, которыми торговал и которые вывозил из Индии сам Козьма. Большое число римских монет, найденных на западных берегах, подтверждает сообщения „Перипла Эритрейского моря" о живых торговых связях Рима. „Главным же предметом вывоза служил перец, которым и ныне богат Малабарский берег", — писал Хвостов, считавший его важнейшим центром торговли перцем.⁶⁴

Для римского времени колонизация Малабарского побережья сирийцами из областей приморской Сирии и Месопотамии должна считаться историческим фактом. Легенда о проповеди апостола Фомы в этих областях имеет глубокие корни, она связана с тем, что сирийцы были здесь не только случайно прибывавшими торговцами, которые часто сменялись и, совершив торг, спешили уехать, а имели здесь свои фактории, оставались здесь жить, сохраняя свой язык, свою письменность, свою религию. Постоянно общаясь и находясь в зависимости

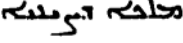
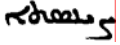

от имевших преимущества и торговые связи сирийцев, Козьма оказался в сфере их экономического и культурного влияния. На Малабарском побережье он встретил их в качестве торговцев.

Малабарское побережье было одним из наиболее часто посещаемых частей Индии, и от его гаваней, из которых последней названа Пудопатана, на расстоянии 5 суток по Океану находится остров Тапробан или Сиеледиба (Цейлон).⁶⁵ Возможно, что из этих слов Козьмы следует, что между Малабаром и Тапробаном корабли не приставали ни к каким гаваням. Книга 11-я „Христианской топографии“ посвящена описанию Цейлона.

Торговля с различными странами Востока и Запада шла на Цейлоне чрезвычайно бойко, он действительно занимал центральное положение в Индийском океане. Эти развитые в экономическом отношении государства (так как на Цейлоне было два государства) получали коней из Персии, продавали слонов, имели склады шелка-сырца и шелковых изделий, были местом вывоза драгоценных камней, среди которых упоминаются сапфиры и аметисты. Расположенные дальше Цейлона гавани на материке упомянуты в „Топографии“, но возможно, что сам Козьма их не посещал. Среди этих восточных пунктов Океана упомянут Маралло — гавань, из которой вывозились раковины (η Μαραλλώ βάλλουσα κοχλίους), Кабер (Καβέρ), — предметом торговли которого был то αλαβανδηνον — драгоценный камень альмандин,⁶⁶ almandin или al bandin, как он назван у Плиния (3725, 3613). Для римского времени это было известно;⁶⁷ надо думать, что и догадка относительно вывоза из Кабера альмандинов правильна. За названными гаванями следует область гвоздики — ειτα εφεξης λοιπον το καρύφυλλον,⁶⁸ откуда в больших количествах вывозился этот продукт. Следующим пунктом названа Τζινίστα, о которой в течение длительного времени шли споры. Это название южного Китая, sinae, thina „Перипла Эритрейского моря“ (§ 64). Тинай или Синай — это, возможно, один из городов южного Китая, наиболее вероятно, что это Кантон, как предполагали некоторые исследователи. Те гавани, которые названы в Перипле, были известны и Клавдию Птолемею, но связь между Σηρες (северным Китаем) и Θίβαι (южным Китаем) была утеряна.⁶⁹

Заслугой Козьмы было то, что он отчетливо указал на эти два европейских имени для китайцев: одно для северного, а другое для южного Китая. „Серами“ называли китайцев на длинном караванном пути, тянувшемся по суше. „Синами“ называли китайцев на морском пути, достигавшем Синисты, или Тсинисты. Тсиниста была центром вывоза шелка-сырца, т. е. метаксы, и ряда других товаров. Дальше никто не плавал, так как дальше на восток нет никаких других областей, пишет Козьма, ввиду того что с востока Тсинисту окружает Океан, — сведения, которые он сообщил первым. „Земля шелка“ находится далеко за Индией, и за метаксой торговцы не опасаются ездить „в последние пределы земли“ (εις τα έσχατα της γης).⁷⁰ За Тсинистой „нет ни плавания, ни обитаемой земли“. ⁷¹ Это была для того времени крайняя точка на востоке,⁷² до которой путь по земле короче, чем морем. Из Персии пользуются этим коротким путем, и потому в ней так много шелка.⁷³ Измерение земли, которое умели производить брахманы, считало на востоке последней точкой Тинай (Синай), путь туда есть как по суше, так и по морю, до последний — более длинный. По мнению Юла, Козьме был известен только южный Китай, а Феофилакт Симокатте только северный, имя же „серов“ было забыто,⁷⁴ но это не вполне правильно. Козьме было известно в Тсинисту два пути, по суше и по морю. Козьма правильно определил положение Китая как лежащего за областями гвоздики, за Цейлоном и омываемого океаном с востока. Тсиниста — это Chinasthana древних индусов, Chinastan персов, — отсюда Синастан или Тсинаста. Так назван Китай и в сирийской части знаменитой

стеллы из Сианьфу.⁷⁵ Китайский царь назван — malka de sinia, в соответствии с согдийским названием Китая — Синиста.⁷⁶ Это имя сохранилось в персидской „Географии“ X в. для Китая, омываемого „восточным океаном“. ⁷⁷ Так, определения „Христианской топографии“ в течение многих веков не были превзойдены средневековой восточной наукой.

Большой интерес представляет тот список товаров, которые упомянуты в „Топографии“ как вывозимые из Индии. Каллиана была известна как порт вывоза меди — ο χαλκός. Из порта Индии, находившегося восточнее Тапробана, Кабера, вывозили то αλαβανδηνόν — альмандины, драгоценные камни, красновато-фиолетовый цвет которых и величина соперничали с рубинами.

Особенно подробные сведения имеются относительно вывоза с острова Тапробана драгоценного камня якинфа, или гиацинта — ο λιθος ο υάκινθος. Один из комментаторов сомневается, которому из двух камней — сапфиру или аметисту — соответствует гиацинт,⁷⁸ другой считает наиболее правильным переводить его как аметист.⁷⁹ Особенно интересно сообщение о

драгоценном камне огромной величины, вделанном в стену одного из индийских храмов. Он ярко блестит при первых лучах восходящего солнца.⁸⁰ Сообщение это повторяется арабами, о нем известно Марко Поло и другим. И этот камень Козьма Индикоплов называет якинфом ο υάκινθος, наиболее вероятно, что это был очень большой величины аметист.⁸¹ В начале VI в. царь одного из государств Цейлона назван „царем, обладающим рубином“, из его страны вывозили эти камни. Отсюда видно, насколько существенным был и какое большое место занимал в вывозе этот драгоценный товар. Другие самоцветы упоминаются в „Христианской топографии“ со ссылкой на Библию,⁸² следовательно, ее автор и в этом случае помнил о своих письменных источниках.

Большую ценность представляли также раковины — οι κοχλίοι, которые вывозились из порта восточнее Тапробана — из Маралло.⁸³ Раковины различной величины и причудливой формы были широко распространены как украшения, из них низали ожерелья, браслеты, цепи, некоторые ценились за перламутр. Раскопки в Средней Азии показывают, что торговый обмен заносил туда в качестве украшений раковины с дальних островов Индийского океана.

Поставщиком всякого рода растительного сырья и полученных из растений продуктов Индия была издавна. Синд поставлял касторку — το καστόριον, а также нарды или валериану. Последняя была известна как το ανδροστάχυν или καρδοστάχυν, соответствующее латинскому *spica nardi*,⁸⁴ одно из древнейших лекарств и эфирных масел. Из Каллианы вывозили сезамовое дерево; надо полагать, что это сезамовое масло, как это было еще в I в. н. э., хотя о масле „Топография“ не упоминает, а только ο σεσαμίνα ξύλα.⁸⁵ Наименование „большой гавани“ Каллиана получила также в связи с вывозом оттуда прибывавшего из внутренних районов хлопка и тканей. В VI в. оттуда по преимуществу вывозили ткани и, может быть, готовую одежду, все, что подходило под общее название έτερα ιμάτια.

С Малабарского побережья с его многочисленными гаванями вывозили, как уже указывалось выше, всевозможных сортов перец. Как и во всех других случаях, нет количественных сведений, которые могли бы представлять большой интерес. В этом отношении интересно вспомнить сведения, сохраненные скромным португальским аптекарем в начале XVI столетия, когда усилился вывоз товаров. Малабар давал 20 бахар перца, при бахаре (bahar) равном 128 килограммам, всего около 2560 килограмм.⁸⁶ Едва ли экспорт в VI в. достигал этого количества.

Так как Козьма не ставил себе целью составить систематический указатель вывозимых товаров, некоторые из них упомянуты им случайно. К числу таких принадлежат известные ему своими свойствами кокосовые орехи, которые он называет „большими индийскими орехами“ (οι μεγάλοι καρβοί των Ἰνδικῶν). Кокосовая пальма, описанная им, по величине своей отличается от финиковой пальмы.⁸⁷ В ватиканской рукописи „Топографии“ была миниатюра, изображавшая пальму и под ней двух людей с темной кожей, собирающих орехи. Можно предполагать, что наряду с перцем и кокосовые орехи были предметом вывоза. Большое место занимала гвоздика (καρυόφυλλον) и дерево гвоздики (ξύλοκαρυόφυλλον) в качестве вывозимого товара. За Тапробаном на восток тянется „далее [область] гвоздики“ (εἶτα εφεξῆς λοιπὸν το καρυόφυλλον), отсюда вывозили гвоздику, как и из Тсинисты, т. е. из южного Китая. Из последнего на мировой рынок попадали также алоэ и сандал (τζανδάνον).⁸⁸ Наконец, наряду со всеми этими товарами, вывозился драгоценнейший из всех — шелк. Его вывозили в виде сырца, метаксы, вероятно в виде тканей и готового платья. В „Топографии“, кроме перечисленных товаров, упомянуто „и другое, что есть в стране“, т. е. всякого рода другие товары, отправляемые за ее пределы (μεταβάλλει τοῖς ἐξωτέρω), в гавани и рынки Индии, например в Малабар, Каллиану.⁸⁹

Существенны сведения о торговле на Цейлоне слонами. Цари различных областей Индии имели по 500, 600 слонов, которые ценились в зависимости от своих размеров. Цена слона колеблется от 50 до 100 номисм (золотых) и даже больше, в зависимости от величины, или „кубатуры“ слона.⁹⁰ Слоны применялись для военных нужд, их приручали для различного рода работ, чего не делали в Эфиопии, по сообщению того же Козьмы. Из Персии на Цейлон привозили лошадей, которые приобретались по хорошей цене и ими можно было торговать без пошлины,⁹¹ следовательно, это был особенно нужный и желательный товар. В известной степени это делает понятным и преимущественное положение персидских купцов на Цейлоне и в Индии. Они имели возможность предоставить, в свою очередь, желанный товар. „Лошадей привозят ему (царю Тапробана) из Персии и он покупает их (αγοράζει) и привозящие их продают беспошлинно“.⁹² Подвоз лошадей в Индию из Персии подтверждает и Марко Поло,⁹³ эта тра-

диция, следовательно, сохранялась в течение веков.

ТОРГОВЛЯ ШЕЛКОМ И КАРАВАННЫЕ ДОРОГИ

Экономическое соперничество государств, борьбу за торговлю тем или иным товаром знала еще древность. Возможность по своему усмотрению располагать ценами на товары, доставлять их на своих кораблях или перекупать их из первых рук в караванной торговле, — ставила в особо привилегированное положение то государство, которое этого добивалось.

Ремесло и торговля, высоко развитые в Византийской империи, претендовали на первое место не только в Средиземноморье, но и в Передней Азии.

Известно, какую огромную роль в промышленном перевороте, знаменовавшем переход к новому времени, сыграло введение в ткацкое производство хлопка. Но и в античности и в раннем средневековье производство тканей и выделка одежды имели значительный удельный вес в общей экономике. Шерсть, которую знали кочевые народы, в руках искусных ремесленников превращалась в тончайшие ткани, готовые хитоны и бурнусы. Льняная ткань служила преимущественно материалом для летней одежды. Шелк с древнейших времен производился в Китае, и способ его изготовления оберегался, как величайшая тайна.¹

В эпоху Римской империи производство китайских рук — шелк — стал известен в Средиземноморье. Это была дорогая ткань, которая „ценилась на вес золота“. Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния; о нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары.

В раннем средневековье шелк стал сравнительно распространенным, но оставался все же дорогим и изысканным товаром, как об этом свидетельствует в IV в. Аммиан Марцеллин — ... „Seres... conficiunt sericim, ad usus antehac nobilium, nunc etiam infimorum sine ulla discretione proficiens“.²

К концу V и до начала VII в. н. э. на Ближнем и Среднем Востоке торговля шелком приобретает особенно большое значение. Она становится одним из весомых мотивов во внешней политике Византии. В доставке и продаже шелка оказались заинтересованными не только главная соперница Византии — Персия, но и Эфиопия, арабские княжества, согды и тюркский каганат. И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который настойчиво стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути. Одна за другой уступили его натиску: Петра, центр Nabateyского государства (106 г. н. э.), Осроена с большим торговым городом Эдессой (216 г.) и, наконец, была покорена розово-мраморная красавица Пальмира со всей своей обширной областью (273 г.)

С IV в. империя уже непосредственно граничила с Ираном как в Междуречье, так и на Кавказе. Несомненно, что интересы экономического характера — торговля со Средним и с Дальним Востоком — были в центре несколько фантастических замыслов последнего язычника на византийском престоле — Юлиана. Неудачный поход 363 г., закончившийся смертью Юлиана, был задуман наподобие экспедиции Александра Македонского.

Не случайно то внимание, которое уделяют торговым связям Византии основоположники марксизма. „Константинополь, это — золотой мост между Востоком и Западом...“³ Константинополь — политический, административный, торговый и умственный центр империи — был „огромным торговым рынком“ до того времени, пока не было найдено „прямого пути в Индию“,⁴ и этот огромный рынок среди прочих товаров сосредоточивал и привозимый из Китая и Средней Азии шелк-сырец и шелковые ткани, которые отсюда уходили еще дальше на запад.

Торговые пути из Срединной империи во второй Рим шли и сушей и морем. И те и другие приводили к иранским границам.

Географическое положение сасанидской державы имело в этом случае все преимущества, так как сухопутные дороги с Востока приводили к ее границам, на западном побережье Индии преобладали ее фактории, а на Цейлоне персидские купцы издавна занимали первые места.

Караванный путь из Китая шел через оазисы Средней Азии. С I в. до н. э. он проходил по северной окраине пустыни Лоб-нор, через Лу-лан; с новой эрой (2 г. н. э.) была открыта

„новая дорога севера“, которая прошла через север Турфанского оазиса и надолго сохранила положение главной торговой магистрали.⁵ По бассейну реки Тарим, через главные города Согдианы, караваны достигали границ Ирана. Обойти его из Средней Азии можно было только обогнув Каспийское море с севера и, переправившись через Кавказский хребет, достигнуть Константинополя. Но этот путь был очень труден, проходил по солончаковым и безводным степям, требовал переправы через большие многоводные реки, и движение по этим местам могло представлять опасность для жизни. К передвижению здесь прибегали лишь в редких, исключительных случаях, здесь не было установившегося, привычного пути, во всяком случае до IX в.

Морским путем, по которому вывозили шелк, был Индийский океан — Эритрейское море, по которому плыли к берегам Индии и на остров Цейлон (Тапробан). Наряду с пряно-стями, жемчугом, драгоценными камнями, отсюда вывозили шелк, доставлявшийся из Китая. В Персидском заливе и Индийском океане персидские корабли господствовали, с ними соперничали только эфиопские суда, поэтому византийские купцы поддерживали постоянные сношения с государством эфиопов. По Эритрейскому морю в их гавани регулярно ходили византийские корабли. Но к Адулису, главному порту Эфиопии, был и другой путь, по Аравийскому полуострову, требовавший затем лишь небольшого переезда по морю из Йемена. Из Сирии, через Палестину, Петру, по западному берегу Аравии до его южного мыса тянулся древний „путь благовоний“. Эта караванная дорога сыграла выдающуюся роль в истории, так как она обуславливала южно-арабскую торговлю. Из всех этих возможных путей обычно Византия пользовалась посредничеством персидских купцов, приобретая из их рук шелк и шелковые изделия.

Благодаря посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук было невыгодно, приводило к экономической зависимости, к необходимости подчиняться назначаемым на шелк ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия. Византия, со своей стороны, стремилась установить определенные цены и взимать соответственные пошлины, для чего обычно назначались определенные города, в которых и находились таможни.

В договоре, заключенном между императором Диоклетианом и шаханшахом Нарсесом в 297 г., местом торгового обмена назначался Нисибин, „город, лежащий на Тигре“. По сообщению Петра Патрикия,⁶ именно этот пункт вызвал более всего возражений со стороны шаха, и только настойчивость посла Сикория заставила его согласиться и на это. Возражения шаха можно отнести за счет нежелательного стеснения персидской торговли. В последней большая доля приходилась на шелк.

Можно также отметить, что, желая сделать подношение императору Феодосию, Шапур III (383—388) послал ему в подарок шелк, считая его большой ценностью.

К 408—409 гг. относится закон Гонория и Феодосия, устанавливающий три пункта таможенного досмотра. Прежде всего это 1) Нисибин, уже упомянутый в договоре 297 г., 2) Калиник (Ракка) — на левом берегу Евфрата и 3) Артакса — Арташат — на берегу Аракса, в среднем его течении.⁷ Торговля помимо этих пунктов запрещалась.

Длительный период войн между Ираном и Византией в первой половине VI в. прерывал и затруднял нормальный торговый обмен, что не могло не отразиться и на доставке шелка-сырца для византийских мастерских. Повышение цен на шелк вызвало кризис, тем более, что с частным ремеслом конкурировали большие государственные мастерские, гинекеи.

Когда в 562 г. был вновь заключен мирный договор между обеими державами сроком на 50 лет, то ряд пунктов этого договора устанавливал таможенные правила, нарушение которых строго каралось. Византийские и персидские купцы получали право провоза товаров через границу в тех пунктах, где находились таможни (п. 3), а именно — через Нисибин и Дару (п. 5), где проходил обычный торговый путь, по которому и следовало водить караваны. Всякий обход таможен, проезд с товарами, будь то византийскими или персидскими, без разрешения правительства, подлежал наказанию.⁸

Это запрещение простиралось и на арабов и „на торговцев других варварских народов обеих держав“, т. е. на находившихся под протекторатом, подчиненных Византии или Ирану „варваров“, купцы которых вели торговлю. Очевидно, арабы и другие народы не раз пытались провозить товары по обходным путям.

Договор устанавливал также правила возмещения убытков отдельным лицам и целому

городу, потерпевшим от подданных другого государства. Убытки и потери, о которых идет речь, причиняются „не по праву войны или военной силой, а некоей хитростью и покражей" (*ἀλλως δὲ δόλω τινὶ καὶ κλοπῇ*). Они нанесены, следовательно, в торговых делах, которые велись обманом и хитростью. Дело о нанесении убытка одному лицу решалось в присутствии официальных лиц обоих государств, в пограничных пунктах. Потери, нанесенные целому городу, обсуждались судьями (*δικασταί*), которых государства посылали на границу. Неудовлетворительное решение кассировали, оно подлежало рассмотрению „стратига Востока"; наконец, обиженная сторона имела право делать представление царю обидевшей стороны. Не получив удовлетворения, обиженные могли считать мир нарушенным,⁹ *casus belli* был налицо.

Караванная торговля неизбежно создавала крупные торговые операции, которые производились в пограничных городах, на сезонных и годовых ярмарках; кражи и обман были обычным явлением и затрагивали интересы не только отдельных лиц, но и целых городов.

Правом беспошлинной торговли, и притом не в каком-либо определенном городе империи, пользовались „послы и следующие на казенных лошадях для оповещения". Они имели право рассчитывать на соответствующее внимание и заботу, а также торговать привезенными с собою товарами беспрепятственно и беспошлинно.¹⁰ Но это не должно было принимать слишком длительного характера. Если послы оставались на долгое время в какой-либо провинции и, следовательно, могли вести длительно свою торговлю, то им предлагали подчиниться общим правилам и не злоупотреблять своим положением.¹¹ Неприкосновенность имущества послов и посланцев из другой страны была древним обычаем, одинаково принятым как на Западе, так и на Востоке. Беспошлинная покупка и продажа практиковались послами, и Лиутпранд в X в. получил разрешение приобрести разные сорта шелка, в том числе царского, пурпурового, и вывезти их из Константинополя.

Посольству Маниаха от согдов в конце VI в. тоже было разрешено ввезти в столицу и продать большое количество шелковых тканей.

Договор 562 г. входит в подробности, имеющие большой интерес для уяснения формальной стороны заключения дипломатических соглашений с Византией. При заключении этого многолетнего договора было оговорено, что „по древнему обычаю" год должен содержать 365 дней. После ратификации договора цари обоих государств обменялись грамотами договора (*σάκρα*). Грамоты были вписаны еще в две книги, причем тщательно выверяли точность перевода и по форме, и по смыслу. Подлинные грамоты были свернуты, и к ним были приложены печати на воске.¹² Текст договора был составлен на двух языках — по-гречески и по-персидски — при участии двенадцати переводчиков: шести персов и шести ромеев. Экземпляр договора на персидском языке был отдан византийскому послу Петру, а на греческом языке был выдан Петром персидскому послу.¹³ Персидский посол, кроме того, взял экземпляр на персидском языке, не скрепленный печатями, византийский посол взял греческий экземпляр без печатей.

Несмотря на соблюдение всех сложных формальностей, договор этот был нарушен задолго до истечения его срока. Император Юстин II отказал персам в дотации. В то же время византийская дипломатия деятельно искала новых путей и соглашений за пределами Персии, поддерживала и прямых ее врагов — тюрков, и соперников в торговле — согдов.

ВИЗАНТИЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ КАВКАЗА

Важное торговое значение Кавказа в значительной мере и было причиной того, что он являлся яблоком раздора между Византией и Ираном. Этническая его раздробленность способствовала тому, что отдельные территории могли попадать в руки более предприимчивых, активных и мощных соседей.

До времени арабского завоевания византийские хроники и законодательство пестрят упоминаниями различных городов Закавказья, особенно Армении. В частности, в IV в. Артакса — Арташат, — столица Аршакидской Армении, — упоминается как центр, в котором официально была допущена торговля империи с персами.¹⁴ В настоящее время установлено и местонахождение Артаксы на левом берегу Аракса в среднем его течении. Особо важного значения достигает Арташат в первой половине IV в., до походов Шапура II в 364—367 гг. н. э. С 428 г. политическим центром Армении становится соседний Арташату Двин, на который часто переносится это старое название. В арабское время Артакса была загородным местом при Двине, вероятно играла роль рабада, судя по тому, что арабские источники называют ее „городом красильщиков".¹⁵ Карта Кастория, составленная во второй половине IV в. н. э. (см. иллюстр.), дает представление о многочисленных дорогах Армении, в частности, о тянувшихся из Арташата —

Двина в Иверию к Армастике и Тфилиде (Тифлис, Тбилиси), на восток к городам Аксарапорти и Аквилеи, а на запад к Севастополю (Фазис) у впадения реки Фазиса (Риона) в Черное море. Развитые торговые связи Армении характеризует в своих трудах академик Я. А. Манандян, уделяя особенно много внимания итинерариям и исторической географии.¹⁶

Направление караванных дорог особенно характерно. Так, в Экбатане скрещивались северный путь, следовавший через Гекатомпил, и южный — из Мерва и Самарканда и из Индии через Кандагар. Из Экбатана в северном направлении пути шли на Арташат, а более короткий путь, минуя Селевкию, достигал Нисибина. Роль столицы сасанидов в торговле с Индией была очень значительной, так как индийские товары доставлялись туда с юга, через Персидский залив и вверх по Тигру. В торговле сухопутной товары Дальнего Востока, главным образом Китая, обычно привозились в Арташат и Нисибин, откуда они доставлялись в византийские пределы.¹⁷ В связи с этим находится возникновение ряда крупных городов на пути из Двина в Трапезунд, в том числе Ани, Каре, Арцни.¹⁸ О значении Ани как центра торговли и ремесла говорят данные раскопок.¹⁹ Культурное влияние Закавказья на всю Переднюю Азию давно установлено.

Эти факты общего характера превосходно объясняют, почему соперничество и борьба между Византией и Ираном неизбежно перекидывались в Закавказье. Часть Армении, находясь в орбите персидской державы, имела постоянные связи с той частью, которая была присоединена к империи, — этим в полной мере обеспечивался быстрый торговый обмен. Всякий раз, когда экономическая борьба между двумя державами переходила в войну, Армения втягивалась в нее или становилась полем военных действий.

Торговые пути через Армению, возможность получить через ее посредство наряду с другими товарами и шелк, несомненно играли значительную роль в тех дипломатических сношениях, которые налаживала Византия. Известны многочисленные описания богатства, изделий и товаров в городах Закавказья. Чисто экономические интересы империи совершенно очевидны в инцидентах середины VI в. с цанами (лазами), где введение монополии тяжело легло на местный обмен и торговлю.

Но особенно существенно, что Византия намечает возможности своего влияния в Причерноморье и на Северном Кавказе. Одним из ее испытанных политических приемов была христианизация. Один из гуннских князей, Грод, правивший в Боспоре, на побережье Черного моря, принял в 534 г. крещение. Но это вызвало возглавленное его братом Маугером восстание гуннов, в результате которого Грод был свергнут.

Известен и другой факт, связанный с попытками Византии утвердить свое влияние на Северном Кавказе, — поддержка, оказанная ею в христианизации гуннских племен, начатой одним из представителей Албании (Армении).²⁰ Эти племена, населявшие Прикаспийские области Предкавказья, были в состоянии кочевом или полукочевом; так, Захария Митиленский говорит, что у них нельзя было найти „покойного местопребывания". К этим гуннам был послан из Византии посол Пробос, который „пришел с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с народами". Вербуя наемников для войска. Пробос в то же время сделал ряд шагов для укрепления христианства и заключения дружественных сношений с этими племенами. Насколько дальнозорка была эта политика, видно из того, что лет через 30—40 византийские послы, отправленные в Среднюю Азию, попытались вернуться оттуда, обогнув с севера Каспийское море. Они везли с сопровождавшими их согдами большое количество шелка. Достигнув областей Северного Кавказа, посольство могло рассчитывать на дружески расположенных к ним гуннов.

Вообще же путь этот через Северный Кавказ и северное побережье Каспийского моря в Среднюю Азию, представлявший большие опасности, не был привычным.

В первой четверти VI в. при Юстине I (518—527) Византия особенно сильно чувствовала свою зависимость от персидской торговли. Шелк-сырец, доставлявшийся персами, обходился очень дорого; непомерно повышались из-за этого цены и на выделанный из шелка товар, что ставило под угрозу работу мастерских в Византии. Необходимо было искать новых возможностей для доставки этого драгоценного сырья.

С южной Аравией Византию связывали не только морские, но и караванные пути. В Йемене тогда утвердилось государство химьяритов, с которым, как и с арабскими шейхами, вдоль всего „пути благовоний" Константинополь поддерживал постоянные дипломатические отношения. Из Йемена корабли шли в Адулис к эфиопам, откуда снаряжались караваны судов на юго-восток Африки, на Малабарское побережье Индии и остров Цейлон.

Однако попытка Византии упрочить свои торговые связи в Йемене кончилась неудачей, как было выше указано. Чтобы соперничать в Индийском океане с персами, Эфиопия также не была достаточно сильна. Византийской дипломатии приходилось продолжать свою ловкую политику с различными арабскими шейхами и мелкими государствами, которые участвовали в караванной торговле и способствовали, в частности, перевозке шелка. Перед ней стала и другая задача, — минуя Иран, попытаться связать себя непосредственно с государствами Средней Азии и там получать в свои руки необходимое сырье. Эти попытки и были сделаны.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ТОРГОВЛЯ ШЕЛКОМ

Два источника VI в. дружно утверждают, что в Византии не знали, как производится и что такое шелк, пока в царствование Юстиниана один перс не принес в выдолбленном посохе яйца шелкопряда, из которых вывелись черви и были им выпущены на тутовые листья.²¹ Проконий располагает более подробным и близким к действительности рассказом. Два монаха, прибывшие из Индии (εξ Ἰνδῶν), зная, что император Юстиниан находится в затруднении в связи с тем, что персы не стали продавать ромеям шелк-сырец, предложили ему внедрить (διοικήσεισθαι) разведение шелкопряда. Они могли это сделать, так как провели длительное время в „земле, называемой Серинда“, где они в точности изучили, как происходит вся „механика“ производства шелка.

Желая точнее определить, где именно находится Серинда, Проконий добавляет, что это „земля, населенная многими индийскими народами“.²² Читать следует ἦτερ — „где“, по предложению Шаванна („Serinda“ dans lequel se trouvaient en grand nombre des populations hindoues).²³ Эта поправка не обратила на себя внимания издателя Прокония Хаури — он пишет — ὑτέρ. Очевидно, речь идет о средней и центральной Азии или об одном из оазисов „шелковой дороги“, известных теперь главным образом благодаря разысканиям и исследованиям советских ученых. Интересен труд Стэйна, который так и назван — „Serindia“.

Юстиниан, повидимому, придал большое значение предложению монахов и тому, что шелк действительно является производным самой „природы“ или „естества“ червей — τῆς φύσεως αὐτοῦ διδασκάλου τε οὕσης. Привезти живых червей невозможно, но их зародыши или яйца могут выдержать длинное путешествие, притом каждый червь кладет множество яиц, а сохранить их можно, закопав в навоз. Юстиниан обещал монахам дары, если они приведут в исполнение обещанное.²⁴ Тогда они предприняли вторичное путешествие в Серинду и, вновь (αὐθις) побывав там, вывезли яйца шелкопряда в Византию. Черви вывелись и были выпущены кормиться на тутовые листья. Они окуклились и дали шелк. Принимая во внимание, что Проконий ставит это свое сообщение в связь с ирано-византийскими войнами, и время, которое требуется для путешествия в Среднюю Азию или северную Индию, первое путешествие монахов могло иметь место в 550 г., второе — в 552 г., а их возвращение — в 553 или 554 г.²⁵ Торговля со Средним и Дальним Востоком и тогда, как и позднее, была в руках, главным образом, несторианских купцов — как сирийцев, так и персов; языком их обычно был сирийский. Эти торговцы-путешественники и смогли завезти в Византию шелкопряда. Вопрос только — откуда они его вывезли?

Источники разноречивы. Феофан Византиец говорит, что они пришли ἐκ Σηρών — „из страны серов“. Судя по тому, что он же говорит, что торговые города и гавани „серов“ принадлежали сначала персам, а затем перешли к тюркам, не может быть, чтобы подразумевались китайские города и гавани. У Прокония фигурируют два названия: Индия (εξ Ἰνδῶν) и Серинда (Σηρίνδα). Следовательно, это не Китай, а области либо северной Индии, либо Средней Азии. Наиболее вероятно, что это речь идет о городах, торговых центрах и гаванях, которые были вовлечены в торговлю шелком, а это, в первую очередь, были среднеазиатские, согдийские центры, политическое господство над которыми перешло от кушан к эфталитам, а от них к тюркам. Сюда-то и прибыли персы-монахи и отсюда могли вывезти яйца шелкопряда. Серинда — это перепутье между Дальним и Ближним Востоком, та Средняя Азия, в которой трудолюбивые и искусные согды занимались ремеслом и торговлей.

Средняя Азия играла важную роль в транзитной торговле как с Китаем, так и с Индией. Карта Кастория дает в этом отношении богатый материал и указывает на ряд путей, связывающих Среднюю Азию с Индией.

Раскопки советских археологов все больше и больше раскрывают историческую роль и важное значение среднеазиатских областей и городов в древности и средневековье. Благодаря неутомимой деятельности и трудам С. П. Толстова, выдающееся значение Хорезма, лежавшего на большой караванной магистрали, доказано. Торговые связи этого крупнейшего центра были

чрезвычайно обширны. Хвалиссы — хорезмийцы действительно веками играли международную роль. Хорезм нельзя было миновать ни крупным державам, ни кочевым народам, приливавшим, волна за волной, на территорию Средней Азии.

Особенно ярко и выразительно о сношениях с далекими странами говорит одно из последних открытий С. П. Толстова. В тронном зале хорезмийских царей в Топрак-кала находится скульптура царя в типичной хорезмийской одежде и скульптурный фриз с изображением воинов его „гвардии“. „Негроидный тип“ этих воинов, составлявших личную охрану царя, напоминает эфиопов или „дравидов южной Индии“. Их тело окрашено в темный цвет, губы вздуты, они имеют курчавые волосы. С. П. Толстов справедливо видит в этом указание на то, что хорезмийские цари вербовали свою гвардию из чужеземцев, вероятно, рабов. Негроидный тип указывает на то, что эти воины были или из южной Индии, „связь с которой хорезмийцы, несомненно, имели еще со времен кушанов, или еще более далекой восточной Африки“.²⁶

Связи с северной Индией у согдийцев были также самыми оживленными. Раскопки в Пянджикенде, которые ведутся в течение ряда лет под руководством А. Ю. Якубовского, показали исключительно высокий культурный уровень Согда, оригинальное и своеобразное развитие его искусства.²⁷ Широкая торговля согдийцев хорошо известна, она была не только транзитной, так как согдийцы славились своим ремесленным производством; их товары вывозились далеко за пределы их государства, а шелковые изделия занимали в этой торговле одно из первых мест.

Для Семиречья А. Н. Бернштамом в целой серии работ убедительно доказано, что там скрещивались пути с Дальнего Востока — из Восточного Туркестана и Китая с дорогами из Согда и Ферганы, что здесь сохранились свидетельства связи с южной Сибирью, что можно найти следы общения с Византией и Ираном. Особый интерес в данном случае имеет наличие связи Семиречья с Индией.²⁸

Путь в северную Индию хорошо был известен кушанам, которые двинулись сюда из Средней Азии. Тот же путь затем проделали и эфталиты. На дороге в Индию и выросли Балк (Бактра), Каписи (Беграм) и Таксила, расположенная несколько восточнее Пешавара. Особенно оживленные сношения с Римской империей, как можно судить на основании нумизматического материала, найденного в Беграме, существовали во II и III вв. н. э.²⁹ В Таксиле констатировали наличие стеклянных изделий сирийского происхождения,³⁰ а кушанские монеты имеют там разительное сходство с монетами Августа.³¹ Храм солнца в Таксиле известен из сообщения о путешествии Аполлония Тианского, путь которого в Индию лежал через этот город.³² После IV в. н. э. этот путь в Индию сохраняется преимущественно для областей Азии; для Рима и Византии значительно оживляется морской путь по Красному морю и Индийскому океану.

В VI в. Средняя Азия пережила новую смену кочевого владычества. Наследники Кушанского царства в V в., эфталиты, разбитые персидским оружием в VI в., были вынуждены уступить свое место тюркам. Еще во второй четверти VI в. один из эфталитских царей, стремясь захватить северную Индию, выступил с многочисленной конницей и двумя сотнями слонов. Этот поход белых гуннов (эфталитов) во главе с Галласом имел своей главной целью захватить богатую добычу. Лет 30—40 спустя они были вынуждены двинуться тем же путем, уже теснимые персами и потерпев поражение от тюркских орд.

„Новыми господами“ Средней Азии стали тюрки. Под их властью оказались согды, занимавшие ее главные культурные области.

Немногие сведения, которые могут быть получены из источников того времени, говорят о своеобразном положении согдов. Они жили на большой караванной дороге, которая справедливо получила название „шелковой“. Первоначально согды продавали лишь плоды своего сельского хозяйства, отчасти своих ремесел. Начав с посреднической торговли шелком, они сами переходят затем к изготовлению и выделке тканей из него, первоначально заимствуя их украшение, расцветку, рисунок из обихода своих потребителей, стремясь дать то, что могло найти сбыт. В этом отношении исключительно красноречивы и показательны археологические данные на всем протяжении шелковой дороги от Китайской стены до берегов Нила.

Погребения в Лу-Лане, на северной окраине пустыни Лоб-нор (на юг от Турфана), где датированные китайские документы III в. являются хронологическим указанием, свидетельствуют о том, что торговый обмен носил двусторонний характер, так как в некоторых могильниках находятся не только шелковые, но и шерстяные ткани. Кусок ковра в одном из них, несомненно, является своеобразной выделкой Таримского бассейна, откуда вышли и другие шерстяные ткани погребений Лу-Лана. Вдоль реки Тарим города и селения с древнейших времен

выделывали шерстяные ткани, в частности, появление кипорного тканья намечается здесь раньше, чем в Китае. Этот способ выделки шерстяной ткани был принят в Китае для шелка. Рисунки шерстяных тканей из Лу-Лана Аурель Стэйн называет „эллинистическими“, а сохранившуюся часть лица, вытканного на одной из них, считает принадлежащей „греко-буддийскому типу“.³³ Шерстяные ткани Таримского бассейна находили сбыт за его пределами, и, в частности, в Китае. На одной из них, характерная техника выделки которой близка коптской, имеется типичное китайское изображение птицы на лошадиных ногах.³⁴ Таким образом, для времени до IV в., на основании археологических данных, можно видеть, что местные, среднеазиатские рисунки и техника работы приносились с шерстяными тканями, производившимися в Средней Азии, а „китайские мотивы“ несли красочные и фигурные шелка от „серов“.

Для VI—VII вв. раскопки в Астане (Турфан) дают материал, безошибочно указывающий на то, что шелк стал предметом выделки в центральных областях Азии. В могильниках Астаны умершему обычно закрывали лицо платком. Большинство из этих платков представляет собою многокрасочные шелковые ткани с типично среднеазиатскими изображениями.³⁵ Шелковая ткань, которая имеет такой рисунок, точно датируется найденным в той же гробнице китайским документом от 8 декабря 667 г. На тесную торговую связь Византии и Китая, посредницей в которой была согдийская Средняя Азия, указывает и нумизматический материал. При захоронении умершего ему часто клали в рот монету, иногда ее клали на глаза. В одном случае были найдены монеты из серебра времени Хосрова Анушервана (531—579 гг. н. э.) и Хормизда IV (579—590 гг. н. э.) и медная китайская монета, которая „выделана династией Суй“ (581—618).³⁶ Так как в Китае серебряной и золотой монеты не знали, то мертвому клали монету западного, византийского, или персидского образца или ее подражание. В двух могильниках Астаны найдены имитации золотых монет, одна — Юстина I (518—527), другая — Юстиниана (527—565).³⁷

Археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани.³⁸ Образцы согдийского шелка доходили и до Дун-Хуана, к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было очень развитым, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы. Если первоначальным материалом служила шерсть — местное сырье, которое поставляли скотоводческие районы Средней Азии, то затем торговля с Китаем дала согдийцам в руки превосходную для выделки и окраски шелковую нить. Об этом говорят шерстяные ткани со среднеазиатскими рисунками и многоцветные шелка с „иранскими“ узорами. Внедрение шелка в мастерской Средней Азии следует отнести к периоду между концом IV и концом V вв. н. э. Смена кушан эфталитами, эфталитов тюрками вызвала временное замешательство,³⁹ затруднения, но согдийцы быстро восстанавливали свою хозяйственную жизнь, выращивая сельскохозяйственные культуры и занимаясь ремеслом. В сношениях с тюркскими ордами, как и с эфталитами, согдийская верхушка выдвигала представителей, которые вели все переговоры. Она добилась возможности участвовать вместе с тюркскими послами в переговорах с соседними державами, с Ираном и Византией.

Материальная и духовная культура согдов достигала большой высоты. Пользуясь арамейским алфавитом, близким к сирийскому письму эстрангело, они писали на своем языке. Преимущественно это памятники манихейства, о распространении которого у согдов говорят письменные источники. Многочисленные рукописи, написанные этим своеобразным почерком, так и сохраняют название „согдо-манихейских“. Их культура окрашена этой гностической идеологией, испытывавшей на себе влияние различных течений, так легко проникавших на великую „шелковую“ дорогу.

Вместе с товарами привозили сюда учение буддийских монахов, христианское сектанство, брахманизм, но в раннем средневековье было особенно широко распространено манихейство. Между прочим, об этом говорит факт, который до сих пор остался незамеченным. Видный согд, несший представительство при тюркском кагане, носил имя Маниах. Значение этого имени — „брат Мани“⁴⁰ — говорит как о почитании имени основателя манихейства, так и о связи этого учения с ближневосточной средой, говорившей на арамейских диалектах, где и сложилось самое имя Маниах. Несомненно, что носитель этого имени сам был манихеем и принадлежал к последователям этого широко распространенного у согдов учения.

Персы считали согдов очень серьезными соперниками как в посреднической торговле шелком, так и в торговле шелковыми изделиями, вышедшими из их ремесленных мастерских. Не желая допустить их участия в торговых операциях, персы пошли на крайние меры, не со-

глашаясь принимать сырец из рук согдов. Сменившие эфталитов тюрки, не вышедшие еще из полукоочевого состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных — согдийцев — они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран.⁴¹ Выражение Менандра, что тюркский каган Дизибул (Истэми) разрешил согдийцам „послать посольство самим“, говорит о том, что они пользовались известной самостоятельностью. Согдийское посольство, возглавляемое Маниахом, просило у Хосрова разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве. Хосров прямого ответа на их просьбу не дал и стал затягивать дело. Он менял предлоги, одним из которых было якобы нежелание допустить свободный въезд тюрков в пределы Ирана. Согдийцы настаивали на скорейшем ответе. Тогда Хосров решил созвать заседание совета — τότε Χοσρόης ἐκκλησίᾱσας ἀνελοῦίζετο.⁴² Очевидно, что это было одно из заседаний совета при царе, представлявшего нечто вроде сената при византийских императорах, где обсуждались важнейшие государственные дела. Совет был лишь совещательным органом при шахе.⁴³

Наиболее горячее участие в решении этого вопроса принял эфталит Катульф. Принять шелк из рук согдийцев — значило допустить эту торговлю, допустить конкуренцию с персидскими купцами. Повидимому, Хосров не был к этому склонен, поэтому Катульфу удалось настоять на особенно болезненной для согдийцев форме отказа. Привезенный ими шелк был закуплен шахом, но затем его сожгли в присутствии послов. Этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрков. Согды возвратились из своего посольства недовольными и сообщили о происшедшем Дизибулу, тюркскому кагану. Но тюрки — возможно, под влиянием тех же согдов — решились на повторное посольство к персам. На этот раз посольство состояло из тюрков. Опасаясь их и желая положить конец повторным приездам тюрков, Хосров приказал отравить тюркских послов. Он сделал это также согласно желанию персидской знати и упомянутого эфталита Катульфа. Для Ирана тюрки не представляли, следовательно, желанных союзников. А для торговли согдийцы представляли опасную конкуренцию; таким образом, отказ от дружественной политики на восточной границе для Ирана был достаточно мотивирован.

Пользуясь неблагоприятными отношениями между тюрками и персами, согдийцы обратились к кагану с просьбой дать им возможность вести торговлю с Византией. Они считали, что сбыт шелка пойдет там особенно успешно, так как ромеи и персы были главными его потребителями. Вел эти переговоры тот же Маниах, предложивший отправить в Константинополь посольство, в котором он предполагал участвовать сам. Дизибул согласился на это предложение, несколько тюрков и Маниах пустились в путь. Хотя посольство состояло из нескольких тюрков, но Маниах занял в нем, повидимому, первое место, так как он получил царские верительные грамоты. Они везли с собой царские послания, которые ромеи считали написанными „скифской грамотой“, скифским письмом — то ὑρίμμα το Σκυθικόν. Подарки и подношения состояли из „шелка не малой ценности“.⁴⁴ Это одно уже говорит о том, что торговля шелком была движущим интересом в организации этого посольства. Они направились сухим путем, о точном направлении которого не сообщено; он лежал через Кавказские горы, которые посольство перевалило перед тем, как попасть в византийские области, а затем в столицу. Этот необычайный и трудный путь объясняется тем, что посольство стремилось избежать дорог через Иран, который мог их вовсе не пропустить. Они, следовательно, проехали из Средней Азии, обогнув Каспийское море с севера.

В столице Маниах получил доступ во дворец, был принят императором Юстином II и передал свои предложения и послания.

Со „скифским“ письмом император ознакомился через переводчиков, а затем осведомился о том, завоеваны ли тюрками эфталиты и авары. Утвердительный ответ послов и перечисление народов, подвластных тюркам, давали полное представление о могуществе Дизибула и делали заключение договора желательным и для Византии. Юстин вошел по этому поводу в некоторые подробности, заинтересовавшись, в частности, эфталитами, относительно которых было желательно выяснить, где они преимущественно живут. Утверждение послов, что эфталиты — „городское племя“ (αστικοί, ὁ δέσποτα, τό φύλον), указывало на то, что эфталиты имели значение для культурного и хозяйственного положения Средней Азии как (в части своей) жители городов. Это говорило и о том, что тюрки получили в свое распоряжение ремесленные и торговые города в завоеванных ими областях.

Заклученный посольством договор был не только мирным договором, но и η ομαχία, т. е. военным союзом. Направлен он был, конечно, против Ирана, во всяком случае был ему

угрозой. Когда соглашение было достигнуто, тюрки и Маниах поклялись в верности этому договору. „Таким образом, народ тюрков стал дружествен ромеям“.

Тюркское посольство еще находилось в Константинополе (в 4-м году правления Юстина, во 2-м индиктионе и, следовательно, в 568 г.), когда в августе 568 г. из столицы выступило византийское посольство, целью которого было посещение тюрков. Во главе посольства был поставлен стратиг восточных городов киликиец Зимарх, который двинулся в сопровождении Маниаха и его спутников. Если торговля шелком была главным мотивом для сношений с согдийцами, то и тюркские торговцы желали извлечь из дружбы с Византией пользу.

Когда, после многих дней пути, Зимарх и его спутники прибыли в области, населенные согдийцами (εις τους των Σοῦδαίων τόπους), тюрки предлагали им приобрести железо, тем самым желая опровергнуть мнение, будто они (тюрки) не имеют его в достаточном количестве. Между тем, как утверждает Менандр, тюрки располагали даже железными рудниками. Имеются свидетельства, что они, еще находясь в подчинении у китайцев, работали в железных рудниках (ὑπὸ σιδηροφόρον). Таким образом, не только для согдийских, но и для тюркских купцов представлялось желательным завязать и поддерживать торговые сношения с Византией. Дизибул (Сизабул, Истэми), тюркский каган, принимал посольство в палатках, увешанных разноцветными шелковыми тканями, обставленных золотыми изделиями и посудой, роскошь которых поразила даже византийских послов.⁴⁵

Но ставка хана не была приурочена к одному постоянному месту. После приема Зимарха все снялись и двинулись в поход против персов; на пути они остановились в Таласе. Здесь произошла встреча кагана с персидским посольством, с которым он обменялся резкими словами и заявлениями. Представители персов также держали себя дерзко и этим только утвердили Дизибула в желании выступить против Ирана. Этот же разрыв дипломатических отношений привел к заключению дружественного соглашения с ромеями, после чего Зимарху и его спутникам было разрешено вернуться. Но, кроме того, от тюрков было послано еще одно посольство, которое присоединилось к Зимарху. В связи с тем, что Маниах умер, его сын Тагма, еще юноша, имевший звание тархана, был назначен Дизибулом вместо отца и занял второе по достоинству место в посольстве. Он занял его и по наследству и потому, что хан считал Маниаха близким и преданным ему человеком.⁴⁶

Путь Зимарха и его спутников лежал через столицу холиатов.⁴⁷ К нему присоединились и те из ромейского посольства, которые были допущены раньше и должны были встретиться с ними. Далее они направились по дороге, которая шла по линии крепостей.

Между тем входившие в состав тюркского каганата области и тяготевшие к нему соседние государственные объединения, узнав, что византийские посланцы возвращаются, а с ними и представители тюрков, сами захотели послать своих людей „для обозрения Ромейского государства“.⁴⁸ Но предлог этот едва ли отвечал действительности, так как Дизибул отказал в этом преимуществе всем, кроме „гегмона холиатов“, т. е. хорезмийцев. Из этого следует, что каган имел большую власть и над соседними, в сущности не входившими в состав его державы, царьками, которые не смели ему не подчиниться и фактически были в его власти. Несомненно и другое: что „обозрение“ Византии имело и более практическую цель — наладить торговые связи, в которых были заинтересованы не только тюрки, но и их соседи, в том числе хорезмийцы. Не желая иметь их конкуренции, Дизибул, вероятно, и не пожелал, чтобы они показались в Константинополе. Путь, которым возвращались византийские послы, шел по берегам Аральского моря, северному берегу Каспия, с переправой через Волгу, а затем по Северному Кавказу. От областей, занятых уйгурами, до аланов посольство продвигалось с большим опасением, так как уйгуры предупредили Зимарха о засаде, сделанной по дороге персами; поэтому они отправились из Аллании по так называемой Даринской дороге (Δαρεινῆς ἀτρατοῦ), по которой прибыли в Апсилию.⁴⁹ Повидимому, более привычной была дорога через Миуси-миану, но на ней близ Свании находилась персидская засада. Чтобы отвлечь внимание последней, Зимарх направил по этой дороге десять носильщиков с шелком (μέταξα), которые как бы ему предшествовали.

Это сообщение говорит о том, что шелк оставался главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических сношениях Византии. Для препятствовавших этому персов торговля шелком также была основной.⁵⁰

Далее путь шел из Апсилия до Рогатория, по Черному морю до Риона (Ράσις) и Трапезунда.⁵¹ Последний участок пути от Трапезунда до Константинополя посольство сделало уже

на казенных почтовых лошадях (οι δημόσιοι ἵπποι).

Не прерывались сношения с тюрками и в последующее десятилетие VI в. Союз с тюрками все время поддерживал император Юстин II, который рассматривал его как опору и возможность для открытых военных действий против персов.⁵²

Он рассчитывал, что тюрки с одной стороны, а Византия с другой при совместных действиях раздавят иранское государство. Во всяком случае, на втором году правления императора Тиверия, т. е. в 576 г., было отправлено посольство к тюркам, во главе которого был поставлен Валентин, — один из царских оруженосцев. К тому времени в Константинополе сосредоточилось большое число тюрков, прибывших туда в разное время. Сто шесть тюрков присоединилось к Валентину, когда он отправлялся к кагану.

Даже краткий перечень, который дает Менандр, говорит о том, что сношения эти поддерживались с обеих сторон, Тюрки прибывали в столицу с возвращавшимися от них византийскими посольствами, которые названы Менандром в следующем порядке: посольство Анагаста, Евтихия, первое посольство Валентина, Иродиана и Павла Киликийца.⁵³ Подробностей о них он не сообщает, но посылались они после 568 и до 576 г., т. е. после возвращения Зимарха и до отъезда во второе посольство Валентина.⁵⁴ Живая связь с каганатом преследовала цель поддержать как военный союз, так и торговые интересы империи. Второе посольство Валентина потребовало всего напряжения его дипломатических способностей и изворотливости. Сын Дизибула Турксанф справлял в момент прибытия представителей Византии погребальные тризны по отцу. Он выражал крайнее недоверие и неудовольствие двоедушной политикой своей мощной соседки. Особенно сильно он был возмущен тем, что Константинополь заключил договор с вархонитами (хионитами, входившими в аварский союз). Жалуясь на лукавство византийской дипломатии и намекая на широкое использование толмачей, с помощью которых велись переговоры со всяческими народами, Турксанф картинно положил десять пальцев своих рук в рот, чтобы подтвердить свои слова, что „ромей употребляют десять языков и один обман“.⁵⁵

Особенно угрожающий характер носили его обещания послать вархонитам свою конскую плеть, один вид которой заставит их бежать в преисподнюю, и утверждение, что ему известны точные данные по географии Европы. Тюркский каган говорил, что знает, где течет Днепр (Δάναρις), куда впадает Истр (Ἴστρος — Дунай) и где протекает Эброс (Ἐβρος — Марица), — этим самым он указывал на путь через южнорусские степи, которыми прошли авары и славяне на Балканский полуостров.⁵⁶ Свои войска он направил к Боспору, куда еще раньше был послан с войском один из его полководцев. Валентин отправился еще далее, к брату Турксанфа Тардухану, правившему тюркскими племенами „внутренних“, восточных областей. Ставка его была на Эктеле — „золотой горе“.⁵⁷

В 598 г. тюркский каган обратился к императору Маврикию с письмом, которое было доставлено его посольством.⁵⁸ Заголовок этого послания гласил: „Императору ромеев, каган, великий владыка семи народов и господин семи климатов вселенной“.⁵⁹ Каган мог так назвать себя после многочисленных побед, одержанных им над различными народами, в том числе абделами (эфталитами) и аварами.⁶⁰ Так, уже в VI в. дальновидной Византии приходилось сноситься с тюрками, которые еще не были ее соседями. Они по своей многочисленности представляли величайшую опасность для Византии, когда становились ее врагами. Несколькими веками позднее именно тюркские народы окружили, а затем и поглотили Византию.

Византийские посольства к тюркам привезли новые и интересные сведения о самой стране шелка, о Китае, сведения, которые сохранил в своей истории Симокатта. Сообщая о бегстве части авар, гонимых тюрками, Симокатта говорит, что они бежали в город Таугаст (Ταυγάστ). Этот „славный“ город находился в 1500 стадиях от Индии и колонизован (αποκίσται) тюрками. „Живущие у Таугаста варвары — народ воинственный и многочисленный, и среди народов вселенной по своему количеству не имеющий параллели“.⁶¹ Варвары утверждают, что Таугаст построил Александр Македонский, после того как „покорил бактрийцев и согдийцев и сжег 12000 варваров“.⁶² Недалеко от Таугаста Александром был основан другой город, „называемой варварами Хубдан“ (в других списках Хумадан).⁶³ Хубдан находится у слияния двух больших рек, там произрастают кипарисы и имеется много слонов. С индами они ведут обоюдную торговлю. „Климатарх Таугаста называется Тайсан, что на греческом языке означает сын бога“.⁶⁴ Город Таугаст следует искать в северном Китае.⁶⁵ Что касается имени „Таугаст“, то оно соответствует турецкому наименованию Китая — „Табгач“ или „Таугач“ и „Тамгач“, которое встречается в Орхонских надписях, уйгурских текстах Туркестана, в словаре

Махмуда Кашгарского (1073 г.) и в Кудатку Билиг (1069 г.).⁶⁶

Сказание об основании Таугаста Александром Македонским после покорения Бактрианы и Согдианы покоится, по всей вероятности, на среднеперсидском переводе псевдокалисфенова романа об Александре.⁶⁷ Со своей стороны укажу на то, что карта Кастория располагает последний восточный пункт, достигнутый Александром, около местонахождения серов. Что касается Хумдана, или Хубдана, то это имя соответствует названию Чан-анг, китайской столицы Сианьфу.⁶⁸ „Климатарха" Таугаста Симокатта называет Тайсаном (Ταῖσαν), что может быть сопоставлено с титулом Тай-чанг — „древний царь", который был употребителен в Китае.⁶⁹ Высказывалось и другое предположение, что первое посольство из Византии в Китай прибыло при императоре Тайтзуне (627—649). Оно было направлено византийским императором Константином II (641—668) в 643 г. Если Симокатта писал в середине VII в. н. э., после смерти императора Ираклия, о котором он неоднократно упоминает, то имя императора Тайтзуна не могло не быть ему известно.⁷⁰

Византия на караванной дороге в Индию встретила ряд государств и народов Средней Азии, с которыми она вступила в дипломатические сношения, пытаясь организовать военный союз против Ирана. На своих путях на Восток Византия достигла и Китая, серов, которые даже для нее, могущественной империи, были „народом воинственным и многочисленным", равного которому не было во всей вселенной.

III ПЕРЕПУТЬЕ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ХИМЬЯРА

В числе восточных стран, с которыми велись торговые сношения Византией, находились Эфиопия (Абиссиния) и южная Аравия. Как перепутье на морских и сухопутных дорогах в Индию, эти области входили в круг экономических и политических интересов Византии. В гавани обеих стран, разделенных Красным морем, сужающимся в узкий пролив, заходили византийские корабли. Торговые караваны из Сирии и Месопотамии доходили до южноарабских городов.

Доминирующее положение, которого добивалась Эфиопия у химьяритов, несколько поколебалось в первой четверти VI в. Одна часть химьяритской знати была византийско-абиссинской и христианской ориентации, другая — стремилась к самостоятельному положению. Эта последняя группировка связала себя с иудеями, торговые и земледельческие колонии которых в Аравии были многочисленны, а отчасти опиралась на Иран. Внутренняя борьба химьяритов приняла обостренный характер, в ней вопросы религии играли немаловажную роль; по всем городам южной Аравии прокатилась волна гонений. С оружием в руках Эфиопия стремилась восстановить свое влияние в Иемене, так как всякое нарушение торгового обмена болезненно отзывалось на ее достатке. Разбив Масрука (Зу Нуваса), эфиопские войска упрочили свое положение в Иемене. Но Иран справедливо видел в этом успехи константинопольской дипломатии, и при Хосрове I персы поторопились захватить города химьяритов.

История химьярито-эфиопских войн неоднократно дебатировалась в науке, особенно потому, что соответствующие источники разнообразны и противоречат друг другу.¹

История химьярито-эфиопских войн вызвала внимание и византиноведов, так как войны находились в теснейшей связи с экономическими и политическими интересами Византии. Константинопольские дипломаты усиленно добивались укрепления влияния у аксумитов, которых они поддерживали против химьяритов.²

В настоящее время необходимость пересмотреть этот вопрос стала очевидной. Опубликованная Мобергом „Книга химьяритов" является новым, важным и достоверным источником для истории южной Аравии и Эфиопии в раннем средневековье. Специальных исторических исследований в этой области после издания этого памятника не появлялось. В общих трудах оценка гонений и войн в Химьяре осталась прежней. Между тем, в свете новых данных, в связи с общим положением Византии и ее сношениями с Ближним Востоком, события в южной Аравии в начале VI в. приобретают большую историческую значимость.

Греческие и сирийские источники наиболее близки хронологически к этим событиям,

сведения о которых они получили из первых рук. Среди греческих источников в первую очередь должны быть названы Иоанн Малала и Прокопий Кесарийский, сообщения которых повторил в своей хронографии Феофан. Сведения этой группы источников имеют прямую связь с сочинениями Нонна, отец и дед которого, как и он сам, выполняли дипломатические поручения Византии в мелких государствах Ближнего Востока и ездили „к эфиопам, химьяритам и сарацинам“.

Сведения византийских авторов и сирийские источники дают возможность выяснить существенные вопросы в истории этих государств. Большое значение имеют эпиграфические памятники — южноарабские надписи. Подавляющее большинство последних относится к древнейшему времени, к государствам минеев, Саба, Катабана. Но имеются и надписи, относящиеся ко времени после III в. н. э., когда господствующее положение в южной Аравии заняли химьяриты.

Чтение, издание и изучение южноарабских надписей стало особой ветвью арабистики. Итоги исследований многочисленных надписей даны в сводных работах, отразивших этапы в развитии этой науки. После изданий эпиграфических памятников Глазером, Мордтманом, Митвохом появились исследования Хартмана, Родоканакиса, а также сводные работы и обобщающие статьи Ткача, Хоммеля, Нильсена, Рикманса.³ Академику И. Ю. Крачковскому наука обязана изданием двух бронзовых табличек из южной Аравии.⁴ В этом издании была принята арабская транскрипция южноарабских надписей, которая проведена и в данном исследовании. Пользуюсь случаем вспомнить с благодарностью покойного академика И. Ю. Крачковского сделавшего ценные замечания при чтении рукописи.

Отсылая к этой обширной научной литературе, следует отметить, что внимание исследователей было привлечено многообразными сторонами жизни южноарабского общества нашедшими отражение в эпиграфике. В данном случае привлечены лишь исторические надписи V—VI вв., часть надписей, связанных с хозяйственной жизнью, и некоторые религиозные надписи. Вопросы хозяйственной жизни, в частности земельной собственности, были предметом специальных исследований Родоканакиса, основные итоги которых были им даны в статье, посвященной общественной жизни Аравии.⁵ Эти исследования относятся хронологически к периоду значительно отдаленному от века, предшествующего хиджре, но позволяют делать сопоставления и объяснять явления более позднего времени, корни которых уходят в предшествующую эпоху.

История южной Аравии V и VI вв. несколько меньше затрагивалась исследователями XX в., но ей уделено место в трудах по истории Аравии вообще и доисламских арабов, в частности.⁶

Особое значение приобретают химьяритские надписи монотеистического характера, в частности, относящиеся к Рахману милостивому.⁷ Многочисленны надписи, в которых упоминающие это имя прибегают к его помощи: такова надпись 573 г. химьяритской эры, относящаяся, следовательно, к 458 г. н. э. (Эра химьяритов начиналась в 115 г. до н. э.), говорящая о завершении постройки „с помощью Рахмана“ (إبردا رحمن).⁸ В некоторых химьяритских надписях можно отметить формулировки еще более отчетливые и близко напоминающие иудейские, таково выражение благодарности за помощь „милостивого господина неба и земли“ (رحمن مرا سمین و ارضن).⁹

Нельзя сомневаться в иудейском характере надписи (№ 394 и 395), опубликованной Глазером, в которой Шахир, воздает благодарение „Рахману, который есть в небе и в Израиле, их бог, господин Иуды (иудеев)“.¹⁰

Большинство исследователей стоит на той точке зрения, что Рахман заимствован из иудейской религии, но некоторые ученые (напр. Галеви и Нильсен) считают это явление независимым.¹¹ Во всяком случае монотеистические верования не могли не создавать почвы для распространения иудаизма и христианства. По преимуществу, однако, обе эти религии прививались в городах, у оседлого населения, а кочевые арабские племена оставались верны своим древним языческим верованиям. Химьяритские надписи дают также большое число собственных имен, которые были использованы Мoberгом для сопоставления с синодиком „Книги химьяритов“.

Не могу не уделить внимания одной дефектной надписи, трактующей о походе и военных действиях, содержание которой, быть может, имеет прямое отношение к событиям в Химьяре. Эта надпись отнесена ее издателями к tituli aevi Christiani. В ней упомянуто имя Харита (строка 5-я حارث — حرثم). Званию „царя в Тафаре“ (ملکن بظفر) в 10-й строке предшествует

не понятное издателями слово в 9-й строке, которое они читают как *منذرعهم*. В чтении последней буквы этого слова нельзя быть уверенным.¹² Представляется возможным высказать предположение, что это слово является именем царя Mzru[q], Масрука, если читать последнюю букву как q. Так как в надписи речь идет о военных действиях, о том, что валом и стенами были заперты (город или войска) и были посланы люди и скот, то можно высказать предположение, что надпись запечатлела события, главными героями которых были Масрук, царь Тафара и Харит (Арефа), ставленник кушитов в Неджране.

К числу имеющих большое историческое значение химьяритских надписей принадлежат две надписи, связанные с разрушением плотины в Марибе. Впервые они были опубликованы открывшим эти надписи Глазером. Первая из надписей (Глазер 554) датирована 564 г. химьяритской эры, что соответствует 449/450 г. н. э. Надпись сообщает, что царь Шарахбиль Иа'фур обновил и восстановил плотину Мариба. Упоминание „милостивого“, с благословением и помощью которого производились работы (строка 32), и наименование его „богом, на небе и земле“ (*الهن بعلم نسمين وارضن*), — строки 81 и 82), указывают на монотеизм ее составителя.¹³

Непосредственное отношение к событиям VI в. имеет 136-строчная надпись Глазера (№ 618), которая была скопирована с призмы на плотине у Мариба. Надпись составлена в 658 г. химьяритской эры, соответствующем 543 г. н. э., при царе Абрахе, и содержит сообщение о разрушении плотины, ее восстановлении и посещении Абрахи послами различных государств и народов.¹⁴ Сведения этой надписи имеют выдающийся интерес как документальные данные, исходящие от самих химьяритов. Подтверждая сведения других источников, эти данные создают твердую почву для изучения соответствующего периода истории южной Аравии.

Таковы материалы, которые могут быть привлечены из химьяритских надписей. Арабские источники возникают, как известно, несколькими веками позднее; тем не менее, Табари, черпая свои сведения для этой эпохи в сообщениях Хишама и Ибн-Исхака, дает по-своему последовательный рассказ. Основные факты в хронике Табари могут быть сведены к следующему.

В Иемене воцарился узурпатор, не принадлежавший к царскому роду, Зу Шанатир, очевидно имевший опору в Абиссинии. Юноша царского рода Зураа Зу Нувас, приглашенный во дворец к Зу Шанатиру, убил его, а затем воцарился сам. Он обратился в иудейство и получил имя Иосифа. Между тем, в Неджране было насаждено христианство неким Фемионом.¹⁵ Зу Нувас вступил в борьбу с Неджраном и казнил всех непослушных. Один из жителей Неджрана, Зу Таалабан, бежал к абиссинскому негусу и сообщил ему обо всем. Негус послал войско с военачальником Ариатом, который разбил войска Зу Нуваса, а этот последний бросился в море. Ариат занял положение ставленника кушитов в Химьяре, но был убит кушитом Абрахой (Авраамом), который правил после него Иеменом, также в качестве представителя негуса. Абраха совершил поход на Мекку около 545 г., лет за 25 до рождения Мухаммеда (570). Господству кушитов был положен предел завоеваниями Хосрова I, пославшего войска в Иемен.¹⁶

Остов рассказа Табари несомненно имеет историческую ценность, хотя отдельные его части и подробности явно тенденциозного характера; такова порочная характеристика Зу Шанатира или легендарный элемент в истории Фемиона.

Отдельные сообщения удачно дополняют другие источники, например зависимость Ариата и Абрахи от негуса, торговые и культурные связи с Сирией и Абиссинией и т. д. Но без сирийских и греческих источников сообщения арабской хроники оставались бы малопонятными, а борьба царя Химьяра с городом Неджраном — без должной исторической оценки.

Из других арабских исторических сочинений следует отметить список царей Химьяра у Абу-л-фида¹⁷ и некоторые сообщения Ибн Халдуна. Несмотря на то, что оба автора писали на много веков позднее событий, они использовали материалы, не дошедшие до нас непосредственно.

Совершенно необходимо обратиться и к эфиопским источникам, которые, несомненно, представляют интерес, но все они относятся к очень позднему времени. Глазер, Винклер, а затем Конти Россини¹⁸ обратили внимание на легенды, относящиеся к господству принявших иудейство царей Иемена. Они связаны со временем Шарахбиль Якуфа, эпиграфические данные о котором относятся к 467 г. н. э. Некий Азкир был схвачен в Неджране царствовавшими там Зу Таалабаном и Зу Кайфаном за проповедь христианства. Отосланный в столицу Тафар, он был направлен обратно в Неджран, где был казнен.¹⁹ Легенда подтверждает факт распространения христианства в Иемене еще до первой четверти VI в. На эфиопском языке сохранился

также перевод жизнеописания Арефы, сделанный не с греческого, а с его арабской версии.²⁰ В зависимости от этого эфиопского перевода находятся краткие, синаксарные его пересказы, а также рассказы в эфиопских хрониках позднего времени.²¹

К числу греческих источников по истории кушито-химьяритских войн принадлежит и сочинение Козьмы Индикоплова „Христианская топография“, составленное им в середине VI в. В годы царствования Юстина I (518—527), в то время как в государстве Аксума находился Козьма Индикоплов, эфиопский царь Элесбоа (Ἐλλατζβίας) приготавливался к походу против химьяритов.²² Дата этого похода устанавливается на основании других источников, так как первый поход Элесбоа произошел вслед за умерщвлением Арефы, на пятом году царствования Юстина I, следовательно в 522 г.²³

На греческом языке сохранились также фрагменты утерянного сочинения упомянутого выше Нонна, принадлежавшего к третьему поколению семьи, служившей Византии в качестве ее дипломатических представителей на Ближнем Востоке. Дед Нонна, Еупорос, выполнял различные поручения в арабских княжествах гасанидов и лахмидов. Авраам, отец Нонна, представлял интересы Византии у арабов при Юстине I, а сам Нонн был направлен к Кайсу, филарху арабов, Юстинианом, „державшим тогда власть ромейскую“. Нонн имел дело не только с племенами кинди и маадеями, но и с государством Аксума, куда был послан для переговоров с негусом. Он оставил описание своего путешествия и посольства, составленное в первом лице; фрагменты этого описания сохранились в хронике Иоанна Малалы и в „Библиотеке“ патриарха Фотия (IX в.).²⁴

Иоанн Малала в своей хронике, являющейся вульгаризованной версией Иоанна Антиохийского, использовал Нонна, переписав часть его описаний в первом лице.²⁵ Кроме того, у Малалы встречаются два написания имени химьяритов — Ὀμῆριται и Ἀμεῆριται, что указывает на два источника, бывшие в его распоряжении. Последнее написание принадлежит Нонну, как это видно из фрагментов, имеющих у Фотия.²⁶ Переписывая Нонна, Малала поместил рассказ о химьяритах в книге о царствовании Юстиниана, а не Юстина I. Между тем, причина войны эфиопского царя против химьяритского, как это сообщает Малала, имела исторические корни.

Тексту Иоанна Малалы соответствуют параллельные страницы Феофана и сирийского писателя Иоанна Ефесского; быть может, все три зависят от общего источника, которым могла быть история Иоанна Антиохийского, не сохранившаяся в этой части. Близость этих трех текстов побудила Мордтманна дать их сравнение и подробную критику.²⁷ У сирийского историка параллельные греческим историкам страницы следуют за несколько сокращенной версией послания Симеона Бетаршамского, о котором подробно сообщено ниже.

После послания Симеона Иоанн помещает рассказ о мальчике, мать которого — христианка — была убита в Неджране, а затем дает исторические справки об Аксуме и Химьяре, почерпнутые им у греческих авторов. Эта часть хроники Иоанна сохранилась лишь в 3-й части хроники Дионисия Тельмахрского.²⁸ Благодаря наличию этого сирийского текста оказалась возможной расшифровка текста Малалы.

Так, значительно сокращая свой источник, Малала пишет: „В то время воевали индусы против друг друга, так называемые аксумиты и омериты (οἱ... Ἀξουμίται καὶ οἱ Ὀμῆριται), причина же войны следующая...“.²⁹

У Дионисия (Иоанна Ефесского) рассказ несколько подробнее: „В то время случилось, что была война царей индусских друг с другом: царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии, имя которого было Индуг, который был язычником“.³⁰ Эта междоусобная война кушитских (т. е. абиссинских) племен предшествовала их войнам с химьяритами. Имя Аксундон, который был царем „внутренней Индии“, следует, вместе с Галеви, читать: „царь Аксума или царь аксумитов“.³¹ Малала также называет эфиопов-кушитов аксумитами, производя это имя от наименования их столицы Аксума.

Текст Феофана, в этом месте испорченный, дает также наименование „царь аксумитов“ — Τοῦτω τῷ ἐτεί συνέβη πολεμῆσαι ἀλλήλους τὸν βασιλέα τῶν Ἀξουμιτῶν Ἰνδῶν... Ἰουδαίων ἐξ αἰτίας τοιαύτης.³²

Войну эту он ведет против своего соседа, тоже индусского царя, имя которого „Индуг“, тот же Галеви предлагает читать как „Адул“, ввиду того что это может быть оправдано сирийской палеографической ошибкой. Имя ~~Δαδλ~~ может быть ошибочным чтением — ~~Δαδλ~~, т. е. Адул“.³³ Следовательно, царь Аксума „всевал с царем Адулиса“, который был язычником. Понятно, что после того, как произошло объединение этих двух княжеств, кушиты смогли дви-

нуться на Химьяр, так как следующая часть читается так: „У него же, после того как прекратили они войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов".³⁴

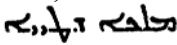
Синтаксическим и логическим подлежащим и действующим лицом является царь Аксума, который, следовательно, повел теперь войну с химьяритами. Два кушитских княжества, одно с центром в Аксуме, другое в Адулисе, объединились, после чего смогли продолжать наступательное движение и дальше на химьяритов. Испорченный текст Феофана едва ли дает повод утверждать, как это делает Галеви (в соответствии с указанием относительно одного из царей, что он был язычником), что другой, царь Аксума, был иудеем, т. е. принадлежал к арианам.³⁵

В настоящее время, после опубликования „Книги химьяритов", не может быть места скептицизму Галеви. Этот новый источник дает имя Масрука и подтверждает данные послания Симеона Бетаршамского. Вопреки утверждению Галеви,³⁶ следует считать, что химьяритские цари приняли иудейство и были враждебны христианству.

Хронограф Феофана в соответствующих данных находится в зависимости от хроники Малалы или Иоанна Антиохийского. Часть текста последнего была более исправна, чем текст Малалы, но и он во многих отношениях заставляет желать лучшего.

Прокопий Кесарийский, знаменитый историк юстинианова века, льстец и обвинитель Юстиниана, сообщает о борьбе между эфиопами и химьяритами.³⁷ Он считает, что особенно большое значение имели торговые сношения по Красному морю, отмечая положение иудейских купцов на острове Иотабе и в городах Аил, Газа, Петра. Значение караванной торговли арабов между Палестиной и Аравией справедливо оценил Прокопий.³⁸ На этом общем фоне для него разыгрываются и события в Химьяре в начале VI в., как в дальнейшем, в период Юстиниана, когда представителем аксумитов на Аравийском полуострове был Абраха,³⁹ известный как Малале, так и хронике Табари. Сведения Прокопия достойны внимания как полученные из первых рук.

Для датировки кушито-химьяритских войн может быть привлечено стихотворение Иоанна Псалтеса из Бет-Автонии, написанное на греческом языке. В подлиннике оно до нас не дошло, но между 522 и 526 гг., при жизни автора, умершего в 538 г., его перевел на сирийский язык Павел Эдесский. В 675 г. это стихотворение, посвященное Неджрану, вторично сверил с греческим оригиналом Иаков Эдесский.⁴⁰

Галеви обратил внимание на противоречие, которое существует между стихотворением и заголовком. Стихотворение кратко и не содержит исторических данных. Заголовок, написанный, по мнению этого критика, позднее,⁴¹ называет царя химьяритов царем арабов , Масруком. Имя это известно теперь и по „Книге химьяритов", памятнику вполне достоверному. Наименование Масрука царем арабов говорит о том, что к VII в. имя химьяритов мало говорило современникам, так как наиболее вероятно, что заголовок к стихотворению был написан на сирийском языке Иаковом Эдесским, сверявшим этот перевод.

Кроме соответствующих глав истории Иоанна Ефесского, разобранных выше, следует отметить послание Иакова Серугского.⁴² Плодовитый сирийский писатель был современником кушито-химьяритских войн, и его послание имеет характер увещания и утешения жителей Неджрана. В начале послания Иаков так говорит об испытаниях неджранитян, что не остается сомнения в том, что испытываемые ими притеснения не закончились, а еще длятся.⁴³

Иаков Серугский умер в конце ноября 521 г. Так как поход эфиопского царя относится к 522 г. (по свидетельству Козьмы Индикоплова), а по другим источникам известно, что зима помешала аксумитам притти на помощь Неджрану, то осенние и зимние месяцы 521 г. были временем, когда Масрук Зу Нувас находился под стенами этого города. Этим объясняется и то, что в представлении Иакова Серугского Неджран все еще находился под угрозой Зу Нуваса.

Среди сирийских источников в ближайшее к событиям время составлены два сочинения — „Послание" Симеона Бетаршамского⁴⁴ и недавно открытая Мобергом „Книга химьяритов".⁴⁵ Они тесно связаны с третьим источником, греческим „Мученичеством Арефы".⁴⁶

Из всех многочисленных источников по истории химьяритов в первой половине VI в., по моему мнению, три источника связаны с устной и письменной традицией, полученной в одном и том же месте, Хирте Наамановой, центре арабов-лахмидов, от одних и тех же лиц: 1) Послание Симеона Бетаршамского, 2) „Книга химьяритов" и 3) сообщения Авраама, отца Нонна, записавшего их. Эта группа источников должна быть подвергнута анализу в первую очередь.

Симеон, епископ Бетаршама, известен в сирийской литературе как автор трех посланий: одно послание связано с внедрением в Сирии монофизитства, два других трактуют о событиях, происходивших у химьяритов. Симеон принадлежал к числу лиц, черпавших свои сведения из первых рук, так как он был в самой гуще событий религиозной и политической жизни Передней Азии. Перс родом, он был хорошо образован, начитан в „писании“, был горячим спорщиком, ревностно защищавшим доктрину монофизитов. Биограф Симеона, Иоанн Эфесский, считал особой заслугой его неустанную борьбу с учениями Мани, Макриона и гностика Бардайсана, имевшими тогда широкое распространение.⁴⁷ Центром всяких „ересей“, особенно несторианства, была „школа персов“ в Эдессе, продолжавшая затем свою деятельность в Нисибине. Симеон много путешествовал, бывал в разных местах, переходя „от народа к народу, из государства в государство“.⁴⁸ Неоднократно посетив Ктесифон, столицу Персидского государства, он был своим человеком и в Хирте, центре арабов-лахмидов.

Симеон, человек даровитый, знал (по свидетельству Иоанна Ефесского, быть может, несколько преувеличенному) много языков, благодаря чему с легкостью мог говорить и проповедовать на языке той страны, „в которую приходил“.⁴⁹ Перейра считал, что Симеон знал арабский язык, но не был знаком с языком химьяритов.⁵⁰ Он трижды был в Константинополе; во время своего третьего пребывания он собирался оттуда в Рим, но этому помешала его смерть. В последние часы Симеона у его постели сидел другой страстный сторонник монофизитства, биограф умиравшего старца, тогда еще молодой, Иоанн Ефесский.⁵¹

Послание Симеона, написанное по поводу абиссино-химьяритской борьбы и мученичеств в Неджране, дошло в нескольких списках: в рукописи Британского музея и в рукописи Борджианской библиотеки Ватикана.⁵² Оно вошло в третью часть хроники Дионисия Тельмахрского, который переписал его у Иоанна Ефесского, и в кратком виде сохранилось в хронике Захарии Митиленского.

Послание Симеона Бетаршамского обращено, — как и предшествующее, утерянное его послание, на которое он ссылается, — к Симеону, архимандриту Габулы. Сведения свои Симеон Бетаршамский получил во время пребывания в Хирте, где он энергично действовал: обратил в христианство большое число арабов, убедил „знатных“ (كبار) построить христианскую церковь в Хирте и неоднократно ее посещал.⁵³ „20 числа месяца кануна второго 835 г.“, т. е. 20 января 524 г., Симеон Бетаршамский, в сопровождении священника, (كاهن) Авраама бар Еупороса, выехал из Хирты Наамановой. Авраам был послан императором Юстином I к Мундару, царю Хирты, чтобы заключить мир.⁵⁴ Этот Авраам известен и по другим источникам. Во фрагменте утерянного сочинения Нонна сообщается, что его отец Авраам был послан при императоре Юстине I к Аламундру, арабскому царю, т. е. к ал Мундару. Авраам должен был способствовать освобождению военачальников Тимострата и Иоанна, захваченных персидскими арабами в плен.⁵⁵ Авраам греческого историка и Авраам бар Еупорос послания Симеона Бетаршамского — одно и то же лицо. Часто бывавший в Константинополе, Ктесифоне, Хирте, Симеон был желанным спутником для византийского посланца. Вся обстановка, описываемая Симеоном, носит черты исторической действительности. Так как ляхмид Мундар, царь персидских арабов, находился не в городе, а в лагере, раскинутом в пустыне „против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах“, то туда отправились и Авраам с Симеоном.⁵⁶ Через 10 дней пути они прибыли в лагерь, где их встретили „арабы-язычники и маадеи“. Арабское племя маадеев упоминается (наряду с племенами кинди) в качестве подчиненного шейху Кайсу.⁵⁷ Эти арабы насмешливо сказали приехавшим: „Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов“. Вслед за тем они встретили посла, который привез Мундару письмо от царя химьяритов.

Симеон Бетаршамский предполагал дать в качестве документа это письмо царя химьяритов, Масрука Зу Нуваса, которого он, впрочем, по имени не называет. Однако приведенный им документ не мог исходить от Зу Нуваса, так как он компрометирует Зу Нуваса и прославляет долготерпение замученных им христиан — граждан Неджрана. Несуществование самого письма не вызывает сомнений, так как в „Книге химьяритов“ заголовок пропавшей 25-й главы гласит: „Рассказ, сообщающий о содержании написанного Масруком Мундару бар Закика, царю Хирты Наамановой, против христиан“.⁵⁸ В послании Симеон добавил, что „не все это написал царь химьяритов в своем письме“, но что „много было ему рассказано вернувшимся от химьяритов посланцем“.⁵⁹

Симеон живо передает реакцию Мундара на это письмо. Сам язычник, Мундар, ободренный царем химьяритов, с угрозой обратился к арабам-христианам своего войска. Но они

резко ответили: „Мы стали христианами не в твоё время“.⁶⁰

При чтении письма Зу Нуваса присутствовали упомянутый посол царя Юстина I, Авраам бар Еупорос и мар Саргис (или Гиваргис), епископ Русафы (Ресафы, Расафы). О последнем придется еще говорить как об авторе „Книги химьяритов“. Роль и значение Авраама как представителя Византии отмечает Симеон тем, что находит нужным выразить ему благодарность за поддержку, которую тот оказал „нашей стороне“, т. е. монофизитам.⁶¹ Мы имеем здесь прямое свидетельство тому, что Юстиниан поддерживал монофизитство на Востоке вопреки своей официальной столичной политике, которая велась им в интересах православия.

Следующая часть послания Симеона составлена на основании устного источника. По возвращении в Хирту Нааманову из лагеря Мундара, весной того же 524 г. (в понедельник первой недели великого поста), Симеон встретил человека, только что прибывшего из Неджрана. Он был послан туда группой христиан-химьяритов, находившихся в Хирте, с тем, чтобы привезти им сведения обо всем там происходившем.⁶² С его слов записано мученичество Арефы (Харита) и других: молодой женщины, имевшей трехлетнего сына, Румы и ее дочерей и прочих.

В заключительных страницах Симеон объясняет причину, побудившую его написать это послание, и цель, которую он преследует. Необходимо было, по его мнению, чтобы события в Неджране стали широко известны. Через бежавших в Египет епископов-монофизитов, которых изгоняли сторонники халкедонского вероисповедания,⁶³ вести должны были доити до александрийского патриарха. Симеон желал, чтобы об этом знали все „города верующих“, т. е. монофизитов, к которым он причисляет Антиохию, Таре, Киликию, Кесарию Каппадокийскую и Эдессу, а также сторонники других религиозных направлений.⁶⁴ „Царя и его знатных“, т. е. византийского императора и его двор, было необходимо убедить принять меры против иудейских первосвященников Тивериады, с тем чтобы они прекратили сношения с химьяритами, не посылали им влиятельных лиц и писем. Известная сумма денег, по мнению Симеона, могла бы удовлетворить царя химьяритов и удержать его от дальнейших преследований христиан.

Заключительные строки Парижской рукописи⁶⁵ принадлежат переписчику, который прибавляет, что он узнал от „побывавших в той стране“, что кушиты расправились с царем химьяритов, бросив его в море, а воцарился царь по имени ал Фарна.

Таким образом, послание Симеона Бетаршамского не было лишь литературным произведением, оно преследовало практические цели, имевшие значение для Симеона, так как химьяриты и Хирта Нааманова находились в то время под монофизитским влиянием, которое Симеон стремился всячески упрочить. Послание написано под живым, непосредственным впечатлением, полученным в Хирте. Несοοобразности в переданном им письме Масрука (Зу Нуваса) к Мундару объясняются тем, что он приводил его на память и включил в него части рассказа посланца, возвратившегося от химьяритов. Страстный темперамент автора сказался и в этом случае в неровности, преувеличениях его рассказа, неправдоподобии отдельных фактов, искаженных им и его свидетелями-очевидцами.

Подлинность послания Симеона никогда не вызывала сомнения у таких исследователей, как Нёльдеке и Гвиди, тем более что „Мученичество Арефы“ на греческом языке подтверждало фактические данные этого послания, а с опубликованием „Книги химьяритов“ оно приобрело совершенно твердую почву.

КНИГА ХИМЬЯРИТОВ

В 1924 г. этот замечательный памятник был издан Мобергом, которому посчастливилось его открыть в обложке одной сирийской рукописи. Писанная в два столбца четким яковитским почерком, рукопись сохранила дату, которая оставлена переписчиком Стефаном, трудившимся над ней в крепости Кириатене „в храме святого Фомы“. Он кончил ее 10 нисана 1243 г. греков, т. е. 10 апреля 932 г. н. э.

Издателем дан тщательный и подробный анализ всех фрагментов рукописи и общего плана этого важного исторического источника. Сопоставляя содержание Книги химьяритов с другими источниками абиссинско-химьяритских войн, издатель пришел к выводу, что наиболее близко к нему стоит „Мученичество Арефы“, которое находится в прямой зависимости от „Книги химьяритов“.⁶⁶ Различия следует отнести за счет разных заданий, которые ставили себе эти памятники, так как „Мученичество“ прославляло Арефу и его товарищей — мучеников Неджрана, а „Книга химьяритов“ задумана как историческое сочинение.

О фактах, которые упоминаются вышеназванными источниками, сообщает и послание Симеона Бетаршамского, обнаруживающее, однако, значительные расхождения с „Книгой,

химьяритов". Это следует отнести не только за счет различия в литературной конструкции, но и за счет того, что оба памятника опирались на устную традицию, в основном одну и ту же, в подробностях же различную. Несомненно, что „Книга химьяритов" располагает неизмеримо более подробными данными, чем послание Симеона, не говоря о ее безусловных литературных и архитектурных преимуществах.

Содержание и план „Книги химьяритов", сохранившейся лишь фрагментарно, могли быть восстановлены благодаря уцелевшему оглавлению к ней. Имя автора „Книги химьяритов" остается неизвестным, оно не сохранилось в этом памятнике. Автор располагал сведениями, полученными от современников абиссинско-химьяритских войн, и его задачей было составить описание „из многих рассказов" относительно событий, имевших место в „стране химьяритов" еще „до увенчания славных", т. е. до гонения на химьяритов-христиан. Сведения автор получил от „верных людей" из числа химьяритов, которые были свидетелями и очевидцами первой экспедиции кушитов (абиссинцев) в Йемен. О втором вторжении кушитов автор узнал от других лиц, которые также прибыли с их войсками к химьяритам и были очевидцами всего там происходившего.⁶⁷ Таким образом, автор указывает на устные источники, которые были им использованы, — рассказы очевидцев — и на современников событий, происходивших у химьяритов. Своих свидетелей он называет не только людьми „верными", т. е. верующими, но и , т. е. *beati*, *μακάριοι* (обычное название клириков и монахов); следовательно, эти лица принадлежали к христианскому клиру химьяритов. Помимо того, автор ссылается еще на одного свидетеля, имя которого он сохранил, — на Абдаллаха бар Аф'у. Аф'у, сын одного из известных „глав" () (т. е. шейхов), не только был знатным человеком, но и занимал некое административное положение. Характерно для того времени, что Абдаллах был христианином, а отец его Аф'у — язычником.⁶⁸ Когда Абдаллах просил разрешения у царя Масрука, гонителя, похоронить мучениц Елишбу и Аммай, то тот не разгневался на него, но сказал: „Ради отца твоего Аф'у, поди выкопай [могилу] и похорони их",⁶⁹ и когда Абдаллах ушел, Масрук подозвал его и повторил свое разрешение. Это подтверждает значение Аф'у при дворе Масрука. В другом месте автор называет этого Аф'у „старцем почтенным и известным главой" и сообщает, что он принял христианство; „мы окрестили его в той церкви истинноверующих, которая есть в Хирте Наамановой, с большим торжеством, пока мы еще были там".⁷⁰ Таким образом, и Абдаллах, и его отец Аф'у были хорошо известны автору и по своему положению могли быть хорошо осведомлены в делах Химьяритского государства. Об Абдаллахе автор добавляет, что он выше о нем уже писал (эта часть книги до нас не дошла).⁷¹ Абдаллах не только рассказал о диакониссах Елишбе и Аммай, но составил список и других неджранских мучеников и мучениц. Автор называет еще одного свидетеля, носившего то же самое имя — Аф'у, зятя мученицы Хабсы, мужа ее сестры. События, связанные с их именами, имели место до второй экспедиции кушитов, так как Аф'у не посмел достать и сохранить останки мучениц — Хабсы и Хаяи. Он опасался так поступить, чтобы не подвергнуться каре со стороны враждебных им химьяритов, которые тогда „еще правили той страной". Аф'у рассказал и написал „нам" (т. е. автору книги) подробности относительно мученичества своей свояченицы Хабсы и ее сподвижницы Хаяи.⁷² Таким образом, из письменных источников, названных автором, он сам упоминает список имен, полученный им от Абдаллаха, и материалы от Аф'у, зятя Хабсы. Не исключена возможность, что автор пользовался еще и другими источниками, сведения о которых он, может быть, и сообщил в утерянной части своей книги.

Автор не был постоянным жителем Хирты и лишь в течение некоторого времени находился в столице государства лахмидов; он принял участие в обращении и крещении знатного химьярита Аф'у, отца Абдаллаха, следовательно, был клириком.⁷³

Моберг высказал очень интересное предположение относительно того, кто мог быть автором „Книги химьяритов", — предположение, являющееся весьма вероятным. Симеон Бетаршамский в своем послании упоминал об одновременном с ним пребывании в Хирте епископа Русафы, по имени Саргис (или, по другим спискам, Гиваргис). Русафа, или Сергиополис, упоминается и в греческом „Мученичестве Арефы", куда это имя, по предположению Моберга, попало как раз из утраченной части „Книги химьяритов".⁷⁴ Сергей (Георгий) Русафский и является, по мнению Моберга, автором „Книги химьяритов". Если Симеон был в Хирте кратковременно, то Сергей (Георгий) из Русафы оставался там дольше. Возможно, что в Хирту прибывали беглецы из области химьяритов: они привозили еще дополнительные сведения.⁷⁵ В их числе мог быть и отец „юноши" Абдаллаха — химьярит Аф'у, который был торжественно окрещен в Хирте, в храме „верующих истинно", т. е. монофизитов. Одновременное пребывание

Симеона Бетаршамского и автора „Книги химьяритов" в Хирте прекрасно объясняет то общее, что есть в составленных ими столь различных литературных памятниках. Их общим устным источником и были сведения, полученные в Хирте, а изустность источников объясняет литературную независимость послания Симеона от „Книги химьяритов".

Оба памятника использовали один и тот же письменный документ, а именно — послание Масрука (Зу Нуваса) к лахмиду Мундару, но использовали его различно. При чтении этого письма Зу Нуваса (Масрука) и при рассказе гонца присутствовал и упомянутый Саргис, епископ Русафы.

Русафа была центром, куда съезжались из Сирии для торговых дел. Там происходила большая ежегодная ярмарка, на которую собиралось множество людей. В построенном в Русафе христианском храме находились останки „мученика" Сергия.⁷⁶ Расположенная на пути, идущем из Пальмиры на север, несколько уклоняясь на восток, к Евфрату, к селению Сура и далее к Каллинику (Ракке), Русафа была также пунктом, куда съезжались в определенное время года шейхи арабских племен Сирии со своими войсками. В Русафе было назначено свидание гассанида Мундара с представителем Византии для переговоров, при императоре Юстине II.⁷⁷ Епископ Русафы возглавлял широкие круги арабов-христиан и пользовался в их среде авторитетом; поэтому понятно его присутствие в Хирте, куда он сопровождал византийского посла Авраама. Если „Книга химьяритов" принадлежит перу епископа Русафы, то подлинность ее совершенно несомненна. По своему содержанию этот памятник также не вызывает сомнения; он был написан около 525 г. н. э., преимущественно на основании устной традиции и некоторых записей современников, знакомства с письмами Зу Нуваса (Масрука) к лахмиду Мундару. Автор привнес в свой труд и некоторые данные о прошлом химьяритов и их истории.

Ряд фактов, сообщаемых в „Книге химьяритов", отвечают сообщениям „Мученичества Арефы" и послания Симеона Бетаршамского; другие, новые сведения отвечают всей исторической обстановке того времени — сведения о торговых и культурных связях Иемена с Тивериадой, о внедрении иудейства и христианства в южной Аравии. Сведения сирийских писателей совпадают с традицией арабской, представленной у Табари, например о химьярите Зу Язане.

Имена собственные, приводимые „Книгой химьяритов", подтверждаются, с одной стороны, химьяритскими надписями, с другой, — арабской историографией. Тот же памятник говорит, что один из культурных путей в южную Аравию шел через Хирту Нааманову, другой — через Мекку и Медину. Наконец, особенно очевидными становятся связи между Абиссинией и Иеменом и давление, оказываемое Ираном и Византией на обе эти страны.

В новых данных и следует видеть одно из достоинств „Книги химьяритов", в зависимости от чего необходимо пересмотреть историю химьяритов в V и VI вв. и попытаться разрешить ряд ее проблем.

МУЧЕНИЧЕСТВО АРЕФЫ

Выше было уже указано на тесную взаимозависимость, как по плану, так и по содержанию, „Книги химьяритов" и „Мученичества Арефы".⁷⁸ Этот греческий источник точно датирует события, о которых он сообщает, сопоставлением даты антиохийского летоисчисления — 835 г. (523 г., так как указан октябрь месяц) со 2-м индиктионом в царствование императора Юстина и списком епископов разных городов. Исследование, эфиопский текст и его перевод даны в прекрасной работе Перейра.⁷⁹ В мартирологе имеется ряд исторических справок, например о названии Саба и соответствии его „Счастливой Аравии", о расположении Неджрана и других городов, о торговле и торговых путях, справка о деньгах и их весе у химьяритов.

При значительной зависимости „Мученичества Арефы" от „Книги химьяритов" нет, однако, оснований относить и эти сведения справочного характера за счет не сохранившихся ее частей, тем более, что они имеют много общего со сведениями Козьмы Индикоплова, Малады, Нонна, Прокопия Кесарийского, представляющими светскую и историческую струю в материалах, которыми располагали в Византии об Аравии и Эфиопии. Предисловие „Мученичества Арефы" содержит подробности исторического характера, позволяющие дать углубленный анализ фактам. В нем следует также отметить знакомство с направлением официальной византийской политики и стремление поддержать ее престиж. Выступление Абиссинии было обусловлено обращением императора Юстина I, о чем умалчивают оба сирийские источника. Стремление сделать византийского императора защитником христианства и на Востоке входило в политические расчеты и было одним из способов поддержать авторитет Константинополя. Юстин обратился к Тимофею, епископу Александрийскому, прося его написать царю эфиопов; кроме того, сам Юстин обращался к Элесбоа и ставил в вину Зу Нувасу не только гонения на

химьяритов-христиан, но и его попытки восстановить против „ромейской религии" Ктесифон и Хирту. Для поддержки Юстин намеревался двинуть свои войска из Египта на юг.⁸⁰ Таким образом, византийское правительство явилось, по мнению автора „Мученичества", вдохновителем похода против химьяритов, в котором действовал сборный флот.⁸¹ Такая трактовка могла возникнуть в кругах, тяготевших к столичным политическим сферам, в противоположность провинциальному, сирийскому направлению.

Светские исторические данные в греческих источниках могли быть получены хронистами от византийских купцов и моряков, которые там побывали сами, по путям, описанным Козьмой Индикопловом. Кроме того, на греческом языке имеется фрагмент интересного источника, именно — книги Нонна, которая сообщает, что при императоре Юстине I Авраам, отец Нонна, был направлен к Мундару.⁸² Симеон Бетаршамский также говорит, что Авраам был направлен к Мундару, „чтобы заключить мир между персидскими арабами и ромеями".⁸³ Таким образом, Авраам присутствовал вместе с Симеоном и Сергием (Георгием) Русафским при чтении послания Масрука (Зу Нуваса) к царю Мундару.⁸⁴ Нонн свои сообщения почерпнул из рассказов Авраама. Три лица, бывшие в Рамле, лагере царя Мундара, а затем в Хирте Наамановой в 524 г. н. э., оставили письменные записи или сообщения о событиях, свидетелями которых были или о которых слышали. Их рассказы были теми устными источниками, на основании которых созданы „Книга химьяритов" и „Мученичество Арефы". Эти произведения связаны также с сообщениями Нонна или с другими византийскими источниками, близкими к тем данным, которые составили содержание книги Нонна. Этот источник „Мученичества Арефы" был светский, связанный с традициями торговых людей или дипломатических представителей Византии (сведения о монетах, мерах и проч.).

Однако „Мученичество" не лишено и больших ошибок, географических неточностей и даже сказочных подробностей (цепи в проливе между африканским и аравийским берегами), указывающих на то, что осведомленность его автора была далеко не полной. Расстояние от химьяритов до Абиссинии показано неправильно, без отчетливых географических представлений.

Автор „Мученичества Арефы" не известен, но он принадлежит к антиохийским кругам (летоисчисление дано *ката δέ Ἀντιόχειαν τῆς Συρίας*), которые ориентировались на столицу и императора. Составлено оно едва ли позже 30-х годов VI в.

Таким образом, три хронологически ближайших по времени к абиссина-химьяритским войнам источника — „Послание" Симеона Бетаршамского, „Книга химьяритов" и „Мученичество Арефы" — почерпнули свои основные сведения в одном и том же географическом пункте (в столице арабов-лахмидов Хирте Наамановой) и в одно и то же время — в 524 г., когда там было получено послание царя химьяритов Масрука и туда прибыли разные лица из южноарабских городов.

При изучении источников по истории борьбы государств за господство в южной части Красного моря и в караванных городах его побережья становится очевидной заинтересованность Византии и ее роль в этом.

События в Эфиопии и Химьяре в первой четверти VI в. вызвали отзвуки на разных языках и в разных литературных жанрах. Этим событиям посвящены надписи, исторические хроники, путешествия, агиологические памятники и даже стихотворения. Все эти материалы тесно и глубоко связаны между собой, их переводили, они взаимно влияли друг на друга, и поэтому изучать их можно лишь комплексно.

„ЗАКОНЫ ХИМЬЯРИТОВ"

Одной из попыток поддержать прямые сношения с Востоком был водный путь по Красному морю и Индийскому океану, который приобретал все большее значение, но не мог совершенно лишить значимости караванные пути и торговлю, осуществлявшуюся через посредство Йемена. Древняя колонизация арабами Эфиопии и последующие захваты эфиопами областей „Счастливой Аравии" способствовали тому, что сабейцы, а затем химьяриты сносились с эфиопами, торговля которых в индийских гаванях была обширна. Стесняла их только конкуренция персов. Через Эфиопию поддерживались отношения с Цейлоном и Индией, откуда вывозились самые разнообразные товары, в том числе всякого рода пряности, краски, дра-

гоценные камни и тот же шелк— индийский и привозный из Китая. Благодаря всему этому торговые сношения через Эфиопию и южную Аравию приобретали большое значение, особенно если указать и на то, что Эфиопия торговала и со странами восточного побережья Африки, откуда вывозила, между прочим, золотой песок и слоновую кость.

Все это заставляло Византию стремиться сохранить благоприятные отношения с Химьяром и Эфиопией, чтобы обеспечить прохождение караванов и получение товаров из рук их купцов.

Учитывая значение официальных государственных связей с государственными объединениями Аравии и Эфиопии, Византия пользовалась обменом посольствами. В период кушито-химьяритских войн (от 522 г. до 525 г.) были затронуты за живое интересы Византии, ее купцов не пропускали через Химьяр, убивали и грабили их. Эфиопия в значительной степени опиралась на поддержку Византии в своих действиях. В 30-х и 40-х годах VI в. одно посольство следовало за другим, выражая те или другие пожелания империи. В 530 г. посол Юлиан вел переговоры о торговле с эфиопским царем Элесбоа (Эла Ашбеха), предлагая ему закупать товары в портах и гаванях Индии и перепродавать их Византии. В то же время он ходатайствовал перед химьяритским царем Сумайфой (Эсимфеем) о том, чтобы некий Кайс был восстановлен в качестве филарха (кабира) племени маадеев. Он был в изгнании, опасаясь родовой мести царя, одного из родственников которого он убил. Двумя-тремя годами позднее, после восстановления Кайса филархом, его посетил представитель Византии Абрам (Авраам), хорошо известный по посланию Симеона Бетаршамского и по сообщениям его сына Нонна. Чтобы крепче связать Кайса с Константинополем, Авраам увез с собой в качестве почетного заложника сына Кайса Мавию (Моавию). Нонн, сын Авраама, побывал у эфиопского царя Элесбоа (Эла Ашбеха), а затем у Кайса, филарха маадеев, но привезти его с собой в Константинополь, как он того добивался, не смог. Нонн оставил записи о своем посещении эфиопского царя, которые были доступны еще патриарху Фотию в IX в. и вошли в качестве фрагментов в его Библиотеку, а также в хронику Иоанна Малалы. Описание путешествия Нонна замечательно, как и его рассказ о приеме у царя. Новое посещение Авраамом царя Химьяра Абрахи было связано с вопросом о передаче филархии Палестины Кайсу, а его братьям Амру и Язиду — филархии маадеев. Все эти посольства, включая и посольство Сумма, брата Юлиана, были осуществлены в период между 530 и 542 гг. и говорят об очень частых, настойчиво повторявшихся сношениях между государствами южной Аравии и Константинополем.

Но для Византийской империи была известна еще одна возможность жить в мире и добиваться господства своего влияния в варварских государствах — обращение в христианство народов и отдельных представителей знати, царя, браки с христианками-царевнами или знатными и т. д. С новой верой появлялись новые образцы материальной культуры, язык приобретал литературную отделку, алфавит и письменность нарождались или развивались, переводились и читались книги. Такой путь проделала Эфиопия, как сообщает Филосторг, во времена Афанасия Великого, войдя тем самым в орбиту Средиземноморского мира, мира Византийской империи.

В города южной Аравии христианство пришло из двух ближайших центров — из Эфиопии, расположенной через пролив, и из Сирии приморской, по караванному пути. Последнее засвидетельствовано арабскими сообщениями Табари. Ранние сирийские источники указывают, что христианство было завезено, например, в Неджран химьяритскими купцами, в частности неким Хайаном из Хирты, центра арабов-лахмидов.¹ Но в V и VI вв. положение осложнялось тем, что само христианство воспринималось не только в форме православия, но распространялось монофизитство и несторианство. Несторианство укрепилось более всего на Востоке, в Иране, где оно уживалось — то гонимое, то терпимое — с государственной религией, зороастризмом. В политическом отношении представители несторианства использовались шаханшахом в качестве культурной силы и для дипломатических сношений с другими народами. Монофизитство, ставшее особенно значительным в Египте, приморской Сирии и северной, византийской Месопотамии, вело активную проповедь и ширило свое влияние. Монофизитство оказалось связанным с рядом сирийских городов — Нисибином, Эдессой и центром Лакмидского государства, Хиртой. Из Хирты в Неджран тянулись прочные и старые связи, и когда после борьбы с царем Зу Нувасом воцарился ставленник Эфиопии Сумайфа, а затем Абраха, то в своих правах восстановлено было христианство, но епископ, поставленный химьяритами, принял посвящение от монофизитского „папы" Тимофея из Александрии.² Речь идет о Тимофее III, 32-м патриархе коптской монофизитской церкви в Александрии, занимавшем этот

пост с 517 по 535 гг.³ Участие Симеона Бетаршамского и других представителей сирийского монофизитства в судьбе Неджрана подтверждает это общее положение и связи, которые имел Неджран с монофизитами вообще, а также причастность Симеона организации „восточных отцов“, по существу противопоставивших себя „мелкитам“.

В такой ориентации Неджрана и христиан-химьяритов на монофизитов для Византии была новая трудность, которую она стремилась преодолеть дипломатическим путем, усиленно поддерживая связи посольствами и представительством. Но Византия стремилась и другим путем закрепить за собой позиции, направляя в города Аравии носителей принятой империей официальной идеологии — православия. Эта церковная политика отражена в византийской литературе, посвященной событиям, происходившим в южной Аравии, борьбе между Зу Нува-сом и городом Неджраном, восстановлению власти эфиопов и, наконец, царю Абрахе.

В круг литературных памятников, связанных с политическими, а отчасти и клерикальными задачами, которые стояли перед Византией, заинтересованной в торговле с Химьяром, входят памятники разных литературных жанров. Это — „Мученичество Арефы (Харита) и иже с ним“, „Житие“ епископа Грегентия, приписываемые Грегентию „Законы химьяритов“ и „Спор с Эрбаном“.

„Мученичество Арефы“ использовало явно монофизитские материалы, черпая их из сирийских источников, родственных „Посланию Симеона Бетаршамского“ и „Книге химьяритов“. Тенденция мелкитов (православных, которым покровительствовало Византийское государство) занять твердое положение в арабских городах соответствовала и заданию государственной власти. Отсюда шло и стремление дать соответствующие литературные памятники, которые закрепляли бы это положение.

В числе таких памятников в первую очередь следует поставить „Житие“ епископа Грегентия, анализ которого был дан на страницах XIV тома Византийского временника (1907 г.). Житие это полно легендарных эпизодов, они составляют неизбежный приключенческий и фантастический материал такого литературного жанра. Но основа „Жития“ несомненно исторична. Грегентий, уроженец Мизии (Мезии), был послан в качестве представителя византийского православного направления в город Тафар, столицу Химьяра. Грегентию приписывается славянское происхождение. Навыки миссионерской деятельности он мог получить в Мизии, пограничной провинции, и с этой стороны мог быть полезен на новом месте. „Житие“ делает его епископом Тафара для того, чтобы противопоставить его монофизитскому епископу, ставленнику Тимофея. Само по себе это может быть историческим фактом, так как в своей усиленной, настойчивой пропаганде монофизиты стремились парализовать влияние православия, опиравшегося на Константинополь, и несторианства, сумевшего занять положение в Ктесифоне. За влияние в христианских центрах Ближнего Востока боролись все три клерикальные партии, и каждая из них представляла известное политическое направление. Схватка Византии с Ираном нашла себе место и в южных областях Передней Азии, продолжая соперничество здесь, как это было на Кавказе и в Месопотамии.

С именем епископа Грегентия связаны два других вышеназванных памятника: „Законы химьяритов“ и „Спор“, который ведется Грегентием с иудейским учителем Эрбаном. Оба памятника, более чем вероятно, являются псевдоэпиграфами, но составлены они были во всяком случае в VI в., в среде, достаточно хорошо известной автору или авторам. „Спор с Эрбаном“, — по тенденции своей, — совершенно понятный памятник, имеющий многочисленное число образцов в предшествующей литературе на греческом языке, начиная с диалога Юстина Философа, и большое число продолжающих его апологетических и полемических памятников, как, например, „Учение новокрещенца Иакова“. Однако „Спор с Эрбаном“ имеет некоторые особенности, вызванные реальной исторической обстановкой, в которой он был составлен. Экономические связи и влияние иудейства в южной Аравии были таковы, что господствующий класс и цари принимали иудейство, стремясь к его насильственному распространению. Poleмика с Эрбаном, которая вложена в уста Грегентия, свидетельствует о фактах, имевших место, о попытках мелкитского клира добиться превосходства над иудейством. Возникнуть это сочинение могло лишь в период, предшествующий иранскому завоеванию Йемена в 70-х годах VI в.⁴ Это же время было временем составления тесно связанных со „Спором“ „Законов химьяритов“.

Этот греческий памятник отнюдь не представляет собою законов химьяритского общества, что справедливо и настойчиво утверждали и предшествующие исследователи. Такова была и точка зрения Нельдеке,⁵ Васильева,⁶ Наллино.⁷ Но нельзя согласиться с тем, что этот па-

мятник „не стоит принимать во внимание" ввиду его апокрифического характера.⁸ Внимания он заслуживает, и с нескольких точек зрения. Название Νόμοι τῶν Ὀμηρίτων „Законы химьяритов"⁹ присвоено этому сочинению потому, что центральной, наиболее обширной и главной его частью являются законодательные нормы. Эта юридическая часть состоит из 64 глав (κεφαλαίοι) различного содержания. Не являясь сборником, порожденным химьяритской средой, „Законы" представляют собою собрание юридических норм для химьяритов, составленных в византийской среде с целью попытаться их применять и в соответствии с ними управлять химьяритами. Это было естественным следствием стремления Византии господствовать и влиять в южноарабских городах. Вступление и заключение, в которые как бы вправлены „Законы", по своему содержанию тесно связывают их с двумя другими памятниками. „Мученичество Арефы" предшествует „Законам", предисловие которых продолжает его сообщения. Возвратившийся над Химьяром Абраха находит поддержку со стороны епископа Грегентия, который, желая помочь ему установить порядок в управлении городами Тафаром и Неджраном, вводит правила управления и нормы поведения.

„Законы", составленные Грегентием, были приняты и записаны как бы от имени самого царя — *Τὸν δὲ λέλλον νόμον ὄντες ὁ ἅγιος Γρεγέντιος συντάταχεν ὡς ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως προεθέμην προσθῆναι τῇ διηγήσει ταύτῃ.*¹⁰ Таким образом, само свидетельство памятника ясно говорит, что законы были составлены для химьяритов греком, и в их основе, следовательно, находятся византийские материалы. Литературное заключение сообщает о том, что законы были умножены и розданы, и возвращается к вопросу об иудеях, законоучитель которых, Эрбан, был упомянут в предисловии.¹¹ Таким образом, создается переход к самому диспуту между Грегентием и Эрбаном, которому посвящен другой труд, приписываемый также Грегентию, — *Διάλεξις*, *Disputatio*.¹² „Мученичество", „Законы" и „Спор" связаны известной последовательностью. История Химьяра рассказывается в период Зу Нуваса, потом Абрахи, — ставленника эфиопского царя Эла Ашбеха.

Если можно высказать сомнение в том, принадлежат ли „Законы" и „Спор" одному и тому же автору (и едва ли Грегентию), то во всяком случае можно утверждать, что и „Законы" и „Спор", как и „Мученичество Арефы", вышли из одного и того же круга, близкого политическому официальному представительству и клерикальной византийской миссии, заинтересованной в делах арабов вообще и „Счастливой Аравии" в частности. Эти круги и представители миссии неизбежно должны были быть и были знакомы с соответствующими памятниками на сирийском языке. „Существует также мнение о том, что Νόμοι и Διάλεξις составлены в Сирии",¹³ — предположение, имеющее основание. Византия пользовалась в сношениях с мелкими государствами Ближнего Востока услугами сирийцев, язык которых был торговым и дипломатическим языком до распространения арабского языка.

Как сирийская „Книга химьяритов" и „Послание" Симеона Бетаршамского, так и греческие источники вращаются в том же кругу событий и людей: борьбы Зу Нуваса с Неджраном, выступления царя эфиопов Эла Ашбеха, победы и появления Абрахи в качестве его ставленника у химьяритов. Для „Законов", как и для „Мученичества", Абраха — первый царь после событий 525 г. и смерти Зу Нуваса, хотя на основании других источников несомненно, что Абраха имел предшественника Сумайфу (Эсимфея), как это известно и Прокопию.

У Византии в южной Аравии были большие экономические интересы, о чем речь была выше, но поддерживать их и заботиться о них Византия могла лишь до времени завоеваний персов при Хосрове. В VII в. Византия была занята очередной задачей отбросить персов, с которыми она справилась ценой жестокого напряжения всех сил. С этого времени о южной Аравии уже не могло быть и речи, а к 30-м годам VII в. так изменилась вся ситуация, что даже думать о ней не имело смысла — она вышла из круга внимания Византии в качестве пункта приложения ее экономических интересов и заинтересовала ее как родина страшных сарацин, грозивших империи.

Монофизитское влияние, преобладавшее в таких центрах, как Джафар и Неджран, Византия, стоявшая на позициях православия, стремилась парализовать словом и делом. „Законы химьяритов" являются литературным памятником, выражающим эту тенденцию. Византия желала организовать внутреннюю жизнь арабских городов в своих интересах, дать им определенные правовые нормы.

Чем же являются „Законы химьяритов", что отражает этот памятник, составленный греками для химьяритов? Наиболее характерной его чертой является то, что предлагаемые в нем законы, или правила, почерпнуты с незначительными изменениями из богатых юридиче-

ских сводов Византийской империи, так увлекавшейся законодательством в эпоху Юстиниана. Составители руководствовались известными им нормами, господствовавшими в их время, в их стране. Некоторые из этих постановлений взяты из живых, действовавших в Византии порядков, установленных с незапамятных времен и потому не нашедших точного отражения в сборниках доюстиниановского и юстиниановского права. Таковы постановления о делении города на кварталы — гейтонии, об обязанностях по надзору и полицейских функциях квартального — гейтониарха.¹⁴ И в этом отношении данные „Законов химьяритов“ представляют несомненный интерес для истории Византии.

Значение имеет и то, что автор или составители сборника имели также известное представление о реальной обстановке, общественном строе и обычаях южноарабских городов. „Законы“ затрагивают различные стороны жизни. Как многочисленные правила номоканонов, так и этот сборник рассматривает вопросы брака, нравственности, соблюдения церковных праздников. В ряде глав затронуты вопросы рабства и особенности социального строя Химьяра, вытекающие из прочных родовых отношений, пережитков родового строя, засвидетельствованные у химьяритов другими источниками.

Весь фон и колорит законодательства — городской, о возделывании земли и ее непосредственных производителях речи нет. Много внимания уделяется порядку в управлении городом, причем устанавливаемые мероприятия являются сколком с действовавшей системы управления византийских городов, как она известна на основании сообщений хроник, исторических сочинений, а также некоторых законодательных данных византийского права.

По предложению Грегентия, царь химьяритов якобы приказал разделить Неджран на 36 районов (εις τριακονταεξ ρεγεωνας) и поставить в каждом районе архонта (εκάστω ρεγεων αρχοντι επιδοθηναи).¹⁵ Эти начальники районов, получившие название гейтониархов (οι γειτονιάρχαι), должны были каждый иметь свой собственный „секрет“, канцелярию (το ιδιον σεκρετον) посреди площади (μεσον της αγοράς) в выпавшей на его долю гейтонии.¹⁶ Он должен был прежде всего „записать“, т. е. переписать все дома, находившиеся в его ведении, в пределах его гейтонии. Иначе говоря, требовалось составить опись, своего рода окладные листы, на основании которых можно было бы взимать подать. Гейтониарху предлагается придерживаться „своих пределов“, т. е. того округа или квартала, который ему предоставлен, и не пытаться простирать свою власть и какие бы то ни было действия на чужие гейтонии.¹⁷ Под началом у квартального — гейтониарха были служащие или чиновники (οι ταξεωται) и 16 солдат (οι στρατιωται), которые должны были выполнять обязанности полицейских. После того „предписал царь“ „по-хорошему“, „со страхом Божиим“ собирать с населения денежные налоги — „щедроты“ и „анноны“ — προσεταξε ο βασιλευς του λαμβανειν ρογας και φιλοτιμιας και ανονας.¹⁸ Таким образом, памятник как бы стремится установить систему обложения, известную и действовавшую в Византии. Эти сообщения прекрасно дополняют новыми сведениями то, что было известно об организации городов империи, но ни в каком случае не могут отражать управления Неджрана или какого-нибудь другого города южной Аравии.

Главой города является епарх, но его непосредственным помощникам, гейтониархам (квартальным), уделено особенно большое внимание. Вся деятельность поставленных царем лиц, для наблюдения и упорядочения жизни города, сосредоточена в кварталах, гейтониях. На гейтониарха должен был падать целый ряд полицейских и контрольных функций: следить за порядком в своем квартале, в общественных местах, на улицах (τας ρυμας), на площадях (τας πλατειας), наблюдать за постоянными дворами (τας κειθαρототιας) и проявлять всяческое внимание к продаже съедобного — хлеба, вина, масла и всякой другой пищи (§ 1).¹⁹ Наблюдение за ценами в пределах города в целом поручалось епарху, который проверял правильность продажи и цен (§ 62). В этом случае „Законам химьяритов“ соответствуют сведения о положении епарха, известные из „Книги епарха“.

О результатах надзора за домами и за всей жизнью квартала гейтониарх обязан сообщать епарху (§ 58). Последние должны добросовестно выполнять свои обязанности (§ 61), как и другие служащие и чиновники (οι υπερεται) города; они не должны быть ворами, вымогателями, грабителями и не смеют требовать лишнего с тех, кто занимается продажей (§ 30). При обложении налогами предписывалось не брать сверх отвечающего законным требованиям и не делать самое обложение повышенным (§ 45). Лица, поставленные исполнять судебные обязанности, должны судить по закону, под страхом подвергнуться наказанию за нарушение этого обязательства (§ 46).

Приведенные данные типичны для управления и организации византийских городов и,

очевидно, были зафиксированы, чтобы предложить их в качестве образца в Химьяре.

„Законы химьяритов“, кроме правил для распорядка и управления города, содержали ряд глав, на основании которых можно было производить суд и расправу над населением. За убийство (§ 2) и воровство были назначены суровые членовредительские наказания. Первый раз вор получает 50 ударов, во второй раз ему клеймят лоб, а в третий раз перерезают жилы на правой ноге, чтобы он не мог бежать и скрыться, совершив воровство (§ 5).

Группа глав сборника самым тесным образом связана с материалами, известными по византийским номоканонам, постановлениям сирийских соборов и славянским юридическим сборникам. Часть этих постановлений нормирует вопросы половой жизни, рассматривая ее различные преступные нарушения как „скверные и низменные деяния“ и запрещая их самым суровым образом (§§ 3, 21, 16). Не случайно, что это запрещение налагается особенно строго на христиан (§ 21), для которых были обязательны постановления церковных канонов. Возможно, что и в этом случае составители имели в виду реальную обстановку в Химьяре, где имели распространение различные религии, для которых такого рода ограничения в области половой жизни не были обязательны. „Законы“ настойчиво предлагают сообщать о всех нарушениях такого характера, чтобы „этот грех не заражал чистых душой“ (§§ 3, 15, 16). Как самые действия, так и несообщение о них подлежали тяжелому наказанию. Сюда относится и запрещение предоставлять свой дом или жилище „для дел прелюбодеяния“ (§ 17). Совершившую прелюбодеяние женщину не следует самовольно избивать, ее наказывают битьем официальные органы государства, представители гейтонии, а отнюдь не частные лица (§ 24).

Клерикальный характер постановлений сказался и на предписаниях относительно брака, которыми его всячески стремятся упорядочить и ввести в норму.

Женить и выдавать замуж детей требовалось в возрасте между 10 и 20 годами, в случае невыполнения взимался штраф, в соответствии с имуществом семьи (§ 13). Очевидно, закон вызывался стремлением родителей сохранить рабочую силу в семье и нежеланием выделять сыну или дочери часть имущества.

Экономическими мотивами вызвана и другая глава, требующая от родителей признать законным брак между богатым юношей и бедной девушкой, и обратно, причем требовалось выдать и соответствующее приданое „в соответствии с царским приказом“ (καθότι κέλευσις βασιλικῆ παρακελεύεται, — § 10).

Свободный мужчина (αὐτὸς ἐλεύθερος) не должен сожительствовать с рабынями, если он женат, а должен иметь только одну жену. Точно так же и свободная женщина не должна сожительствовать с рабами (§§ 11, 12). Требование заключать законные браки настойчиво повторяется, при этом объясняется, почему люди предпочитают сожительство с рабыней браку: πένητι εἰσι καὶ οὐ δύναται ἔχειν γυναῖκα („я беден и не могу иметь жены“), — говорят они, т. е. для таких лиц является невозможным содержать жену (§ 6). На это „Законы химьяритов“ отвечают указанием, что „если ты беден, продай и единственную свою рабу“ и живи в „честном“ браке (§ 59). Дважды приведенное с незначительными изменениями это предписание имело большое значение для установления обычая моногамного, церковно узаконенного брака.

В связи с такими требованиями, предъявленными к браку, находятся и наказания женщины за измену мужу — и в первый раз, и вторично — членовредительские (§ 9). „Всякий, имеющий жену законно (νομίμως), если оставит ее и будет сожительствовать с другой“, совершает грех и подлежит наказанию (§ 8). Тот, кто сожительствует с законной женой другого (§ 7), также несет наказание, как и его соучастница. Таким образом нормируются брачные отношения.

В полном согласии с правилами Номоканона, „святых канонов“ (οἱ γὰρ θεοὶ κανόνες), находится разрешение женщине вступать во второй брак и запрещение третьего брака (§ 49);²⁰ ей рекомендуется вступить в монастырь. Если женщина желает жить в девстве и не вступать в брак, то она должна дать собственноручную письменную запись (τὸ ἰδίόχειρον), как бы дать подписку, которая обязывала бы ее к сохранению этого обещания (§ 60). Постановления требуют особого внимания к мальчикам, не достигшим еще юношеского возраста, чтобы оградить их от влияния нравственных пороков и сохранить их чистоту (§ 40).

Ряд глав имеют в виду нормировать поведение в общественных местах, с тем чтобы добиться некоторого смягчения нравов. К числу таких правил принадлежат запрещение насильничать, драться, ссориться и оскорблять друг друга (§ 39). Это касается и женщин, которые не должны ругаться или браниться (§ 48), но вести себя скромно, помня, что „муж глава женщины“. Повторное запрещение драться и избивать кого-либо в публичных местах точно

указывает на необходимость вести себя подобающим образом на улицах квартала и на площадях. Затевающие драку в квартале наказываются сорока ударами (§ 32). Не лишена интереса мотивировка запрещения драться. „Если ты богат, делай добро, но не зло" (Δυνάστης εἰ καὶ ἀγαθολοίησον, καὶ μὴ κακολοίησιν). „Если ты беден, подобного тебе бедняка не бей" (Πένης εἰ τοῦ ὁμοίου σου πένητα μὴ ῥάπιζε, — § 23). За пьянство мужчина наказывается 60 ударами, а женщина 30-ю (§ 25).

Некоторые правила имеют в виду защитить женщину от посягательств на улицах и на площадях, но они касаются лишь „проходящих свободных женщин" (διερχομένας ἐλευθέραις γυναῖκας, — § 20), никак не касаясь рабынь. Такое же стремление выявлено в другой главе, имеющей в виду обеспечить женщине защиту при совместном путешествии (§ 19).

Общее стремление „Законов" несомненно имеет в виду некоторое смягчение нравов вообще. В этом отношении обращает на себя внимание запрещение „насиленно выводить", т. е. нарушать право убежища в церкви, куда бежали, спасаясь от наказания и насилия, причем запрет и наказание за нарушение права убежища налагались на того, кто его нарушал и относительно раба, и относительно свободного (§ 43).

Во многих главах (титулах) указывается на рабство в домашнем быту, рабы упоминаются постоянно.

Христианство, особенно в первый период своего распространения, в I—III вв., когда оно было гонимо, стремилось смягчить положение рабов. Эта тенденция сохранилась надолго и в некоторых законодательных памятниках, в частности такого рода попытки отражены и в „Законах химьяритов". Так, одна из глав предлагает проявлять к рабам некоторое снисхождение, давать им двойную одежду и обувь (τὸ διπλάσιον ψάτιον καὶ υλοδήματα) и уделять другого рода внимание к их нуждам (§ 54). Таково и запрещение избивать своих рабов и домочадцев (τοὺς αὐτοῦ οἰκέτας). Особенно „Законы" наставляют господ, так как очень часто „рабы от них научаются злу и греху". Господа учат рабов всему дурному — констатирует закон, — и в получении им приводится известный текст из послания апостола Павла о равенстве во спасении, где „нет рабов, нет господ" (§ 53). Стремление несколько смягчить социальные противоречия, не доводить их до обострения, заключается и в другой главе, запрещающей задерживать мзду (ὁ μισθὸς μισθωτοῦ) наемникам или поденщикам, или совершенно ее не платить. Наказанием является выплата долга в двойном размере (§ 52).

Часть постановлений носит специфически клерикальный характер и стремится внести в быт христианские обычаи. Таково запрещение торговать по воскресеньям чем-либо, кроме пищи для людей и животных (§ 27). В большие христианские праздники не следует возить большие и тяжелые грузы морем или сушей (§ 28, 29).

Такой же характер носят строгие запреты колдовства, магии, предложения и употребления волшебных напитков и всякой φαρμακεία (§ 4), а также борьба против любого рода лицедейства. Все занимающиеся „трагедийными действиями", простирием рук (или рукоплесканиями), танцами, участвующие в комедиях или пародиях должны покинуть Химьяр, — „мы не желаем, чтобы они были на земле нашего государства" — гласит закон (§ 36). Преступающие его должны быть схвачены, побиты и должны быть проведены через огонь или обкурены, — οἱ δὲ παραβαῖοντες κατασχθήτωσαν καὶ μαστιζέσθωσαν, καὶ πυρπολείσθωσαν, τοῦτέστι τζουκζέσθωσαν (§ 36). Участие в трагедийных и комедийных действиях, пляски, сопровождаемые выразительными жестами, пародии и насмешки составляли круг удовольствий, запрещаемых церковью. Виновных в нарушении закона подвергали наказанию битьем, а затем проводили через огонь или обкуривали, что несомненно представлялось обрядом очищения. Это поверье встречается у различных народов, в том числе у тюрков, которые в 568 г. провели византийского посла Зимарха киликийца через огонь, прежде чем допустить его к хану Дизибулу.²¹

После обкуривания участвующие в лицедействе в течение целого года должны быть осуждены и работать в государственных мастерских в качестве наказания — τὼ ἐργοδοῖω... υλοοργεῖν καταδικάζέσθωσαν (§ 36).

Те же мотивы действуют в запрещении, надев личины, меховые маски или маски, изображающие зверей (τὰ δερμάτινα), играть или разыгрывать что-либо на улицах города;

такого рода действия квалифицируются как „сатанинские" и запрещаются „как рабам, так и свободным" (εἴτε δοῦλος, εἴεν καὶ ἐλεύθεροι, — § 34). Это запрещение простирается на участников трагедий (οἱ τραγωδαί), а также на играющих на кифаре и на лире (οἱ κίφαρωδαί καὶ οἱ λυρίσταί), будь то мужчины или женщины, юноши или девушки. Всем им рекомендуется вместо этого петь псалмы; и дальше следует интересная аргументация. Если они говорят: „Но

мы не умеем петь псалмы", — им следует ответить: „Скверному демону поешь песни, нигде в книгах не написанные, а записанные псалмы Богу не выучишь" (§ 35). Здесь, несомненно, имеются указания на устное народное творчество, с которым церковь в различных государствах не раз вступала в тщетную борьбу. И эти главы „Законов химьяритов" отражают жизнь шумных византийских центров, имевших много общего с жизнью городов всего Востока.

Однако конкретная историческая обстановка в государстве химьяритов, условия жизни и быт были знакомы и известны составителю свода. Многочисленные постановления о браке, кровосмешительстве, противоестественных действиях и других видах нарушений как бы предполагают тесные родовые отношения, наличие большой семьи, крепкого рода, которые хорошо известны для южной Аравии на основании других памятников. Таковы и многочисленные указания на рабов, которые упоминаются почти в каждом титуле, с тем чтобы и к ним применить или отнести данное постановление.

В Византийской империи в VI в. такое постоянное упоминание о рабах в полицейских и клерикальных титулах законодательства уже не было употребительно. Для химьяритского свода составители достали из архивов старые правила, которые здесь оказались нужными и живыми. Арабский историк Беладзори сообщает о том, что Мухаммед заключил договор с неджранитами, по которому в качестве подати они должны были поставлять ему ежегодно известное количество плащей и одежд, которые выделялись в их городе.²² Возможно, что с этим следует сопоставить то, что „Законы химьяритов", которые считают центром Химьяра Неджран, особо повторяют запрещение для текстильщиков работать по воскресеньям, как это предлагается и всем другим ремесленникам (§ 63). На развитое ремесленное производство в Неджране, быть может, указывает и запрещение завидовать совершенству мастерства, проявлять зависть к искусной работе — *τεχνίτην φθονῶν* — и потому клеветать или охаивать чужую работу (§ 44). Несколько титулов в качестве наказания предписывают посылать провинившихся на работу в государственные мастерские (§ 36).

С событиями, происходившими в 522—525 гг. в Химьяре, связано также указание „Законов", что дома, отнятые теми, которые захватили власть над химьяритами, должны быть сильно возвращены и отданы под жильё (§ 57).

Таким образом, „Законы химьяритов", которые с большим правом могли бы носить название „Законов для химьяритов", являются подлинным законодательным сборником, составленным в VI в. и отражавшим положение и отношения, господствовавшие в Византии, с известным учетом особенностей Химьяра. Введением норм этого памятника в Иемене Византия пыталась упрочить свое влияние. Теряя в „Счастливой Аравии" свой политический авторитет, с которым падали и экономические связи, она применяла все виды идеологического воздействия, чтобы сохранить эти важные опорные пункты своей торговли.

Юридический сборник, который, по мнению исследователей, не заслуживал внимания, приобретает значение как памятник, отражающий управление и быт больших городских центров Византии и свидетельствующий о ее стремлении подчинить своему идеологическому влиянию отдаленные государства.

Если „Законы химьяритов" и составлены с известным представлением о реальной обстановке, общественном строе и быте южноарабских городов, нет сомнения, что этот псевдо-эпиграф не был действующим законником или судебником химьяритов, а остался византийским литературным памятником, характеризующим городскую жизнь империи VI в.

ЭФИОПИЯ И ХИМЬЯР В V—VI ВВ. Н. Э.

Экономические связи раннего средневековья на Ближнем Востоке скреплялись в крупнейшем торговом центре — Константинополе. Здесь сходились нити международной экономики и дипломатии, отсюда разбегались пути по суше и морю.

Византия в значительной мере приобрела положение морской державы, гавани, колонии и города которой были разбросаны на берегах европейского, азиатского, африканского материков, на многочисленных островах, на мощных реках — на Дунае, Ниле, Евфрате.

В качестве крупнейшего мирового торгового рынка Константинополь имел преимущество морского пути в Индию, которая сближала его с Индокитаем и южным Китаем. Византийским купцам случалось бывать на западном побережье Индии, на острове Цейлоне, но они

часто перекупали товары, привезенные оттуда на эфиопских кораблях.

Роль Эфиопии в V—VI вв. н. э. была значительной, в торговле она соперничала с Ираном, как спорила с ним и за господство в юго-западной Аравии. Политическая ориентация кушитов на Византию была ориентацией на главного потребителя, на центральный рынок. Караванный путь из Сирии на юг Аравии был известен с древнейших времен, он использовался преимущественно арабами и иудеями. Под ударами римского оружия пали Петра и Пальмира, лишь тогда часть караванного пути в Аравию оказалась в пределах империи. Но попрежнему арабские племена контролировали его на всем протяжении, были главными водителями караванов, составляли их охрану, были участниками торговых соглашений и операций.

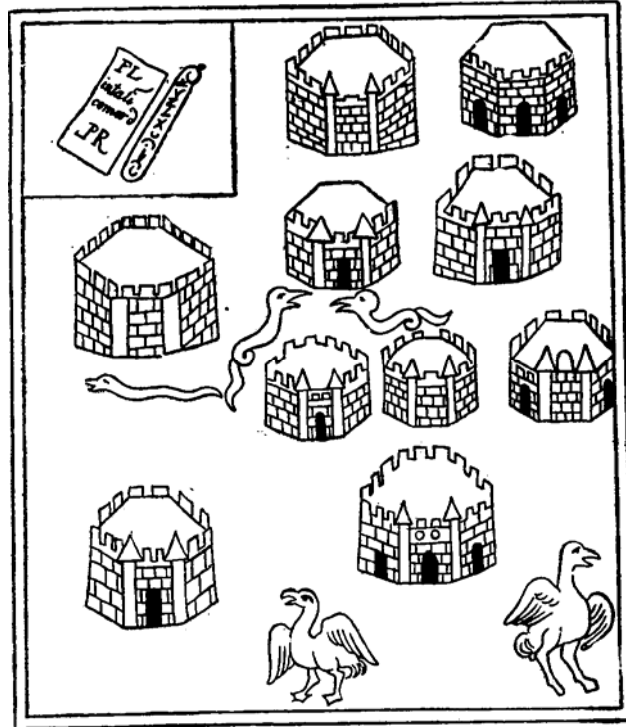
Если из Китая через Среднюю Азию и Иран в Византию доставлялся главным образом шелк, то путь вдоль западного побережья Аравийского полуострова был известен как „путь благовоний”.¹ Он хорошо знаком по библейским книгам и сообщениям античных писателей. Во всяком случае, еще до н. э. был известен путь морем в Индию, а южная Аравия и Эфиопия были втянуты в торговый обмен. Золотые россыпи восточного побережья Африки были известны еще царям Палестины. В эпоху господства Рима все, чем располагали эллинистические государства, перешло в поле зрения этой мощной державы. Римские авторы оставили труды, сообщающие существенные данные о восточных государствах.

На юге Аравии государства Минеев (Μειναῖοι) со столицей в Карна, Саба, Катабан известны на основании не только многочисленных надписей, но и сведений Эратосфена (умершего в 196 г. до н. э.), римских историков и такого памятника, как „Перипл Эритрейского моря”, составленный около 89 г. н. э.²

Химьяриты, сравнительно поздно стали играть роль в Аравии. Их имя появляется в надписях, когда титул „царь Саба и господин Райдана” становится титулом „царь Саба и Химьяра”. Плиний Старший помещает племена химьяритов между царством Саба и морем. Химьяриты последовательно подчинили Катабан, Сабу, Райдан и называют себя царями Хадрамаута и Иеманата, т. е. всего Иемена. Это событие относится к середине III в. н. э.³ Около 350 г. н. э. южная Аравия оказалась в подчинении у аксумитов, т. е. эфиопского государства, центром которого был Аксум.⁴ Завоевания эфиопов на Аравийском полуострове были возможны только после того как перестало существовать Набатейское государство, разбитое Римом в начале II в. От Лейке Кома, аравийской гавани на Красном море, и до южного мыса полуострова прибрежная полоса была захвачена эфиопами. Повторный натиск было возможно осуществить новой силой после объединения берегового государства эфиопов, с центром в Адулисе, с эфиопским государством аксумитов.⁵ Активная политика аксумитов дала им в руки государство, центром которого был Адулис, и привела их к дальнейшему укреплению своего могущества на Аравийском полуострове. Айзан, царь Аксума, положил конец государствам „царей Саба и Райдана”, о чем говорит двуязычная греко-сабейская надпись его времени. Имя Айзана (Эзан) и его брата Ша’зана засвидетельствованы письмом императора Констанция 356 г., как об этом говорит в своей Апологии Афанасий Великий.⁶

От времени Эзана сохранились надписи, в которых он сообщает о своих завоеваниях и называет себя царем Аксума, Химьяра, Райдана, Сабы т. д.⁷ Одна из надписей дает монотеистическую формулу, однако акад. Б. А. Тураев, в противоположность Е. Литману, затруднялся считать ее христианской.⁸

Об отношениях между Аксумом и Аравией можно судить на основании данных эпиграфических. Формы подчинения были таковы, что местные князья сохраняли свои титулы в качестве правителей, поставленных эфиопами. Но титул этот повторялся и для царя Аксума,

Дукс Аравии. Инсигнии военачальника провинции, символическое изображение пограничных крепостей. (Илл. из *Notitia dignitatum*).

который называл себя царем Саба, Райдана, Хадрамаута и Иеманата. В этом отношении заслуживают внимания наименования, которые дает византийская дипломатия этим царям. Филосторг, сообщая о посольстве, с которым ездил Феофил в Эфиопию, называет царя аксумитов Эзана *τύραννος*. В Аравии, у химьяритов, он дает их правителю лишь звание этнарха (*ἔθναρχος*). Это посольство следует отнести ко времени между 340 и 346 гг., т. е. между ссылкой Анастасия Великого и его возвращением в Александрию.⁹

С перенесением столицы в Константинополь империя еще с большими основаниями стала стремиться связать себя с Востоком. Ориентация ее дипломатии на Восток находилась в глубокой внутренней связи со всей предшествующей политикой Римской Империи. С IV в. христианская церковь все больше становилась опорой государства, выполняя ряд функций как внутренней, так и внешней политики. В сферу ее влияния неизбежно должна была быть вовлечена и Эфиопия.

Для середины IV в. известно, что в Эфиопии проповедовал Фрументий, получивший звание епископа в 355—356 г.¹⁰

Но христианство не получило широкого распространения, и в V в. господствующее положение в Эфиопии сохранилось за язычеством.¹¹ Рассказы Руфина являются главным источником этих сообщений, повторенных Сократом, Созоменом, Федоритом, Никифором Каллистом. Сведения Руфина подверг основательной и всесторонней критике В. В. Болотов, считая их неправдоподобными и неверными, а распространение христианства в Эфиопии, кроме греков, приписывая коптам и сирийцам.¹²

В VI в. Элесбоа (Калед), отправляясь на войну против химьяритов, еще только обещал обратиться в христианство.

Наиболее существенным в сообщениях о Фрументий является подтверждение живых торговых связей между империей и африканской державой, знакомство последней с новой идеологией. С эллинистического периода там было мощным влияние греческого языка, о чем свидетельствуют и двуязычные надписи эфиопских царей.

У Константинополя была еще специальная причина интересоваться Эфиопией как победительницей химьяритов. Как и для Рима, для Византии особое значение приобретал морской путь в Индию. Достаточно упомянуть „Перипл Эритрейского моря“, — источник, который лег в основу прекрасной русской монографии Хвостова, усердно использованной в английской книге Вармингтона.¹³ Индия была не только поставщиком благовоний, пряностей, текстильных изделий, но и шелка, на который был особенно большой спрос в Византии. Вдоль

берегов Красного моря провозили и товары, доставляемые из Индии на кораблях; в числе товаров были шелк-сырец и шелковые изделия.

До настоящего времени не привлекал к себе внимания следующий текст.

Ибн Халдун утверждает, что при химьяритском царе Зуиле **ذو عييل** были впервые ввезены шелк и парча, **أحدا الخريز والديباج الى اليمن** ¹⁴ **وأول من**. Хронологически Зуил был одним из предшественников Ахмада (Хамада), — современника сасанидского царя Шапура II (309—379) гг. Между ними приходится царствование четырех царей, из которых время двух составляло вместе 14 лет. В таком случае царствование Зуила можно отнести с относительной вероятностью ко 2-й половине III в., так как длительность царствования двух других царей не известна. Знаменательно не только то, что Зуил ввел впервые шелк **خريز** и парчу **ديباج** (шелковую материю или одежду, тканую серебром и золотому, но что он же вел, первый из царей Йемена, войну с Римом.¹⁵ Принимая во внимание, что Ибн Халдун — поздний автор, считать его сообщение безоговорочно правильным было бы неосторожным, если бы не было других свидетельств, которые заставляют предполагать полную вероятность такого сообщения. Попытки Рима захватить в свои руки торговые пути на Востоке общеизвестны. Торговля шелком через эфиопов, в обход персов, была одним из замыслов дипломатии времени Юстиниана.

К IV в. относятся попытки сасанидского Ирана подчинить себе химьяритов, которые играли роль в торговле. Тот же Ибн Халдун сообщает, что царь Хамед (Ахмед) бар Бед'ил вел войну с Шапуром II.¹⁶ Если сопоставить эти сведения с тем, что известно о христианизации Эфиопии в середине IV в. и, следовательно, ее сближении с Византией и активной политике на Аравийском побережье, то более чем вероятным делаются попытки со стороны Ирана сделать Химьяр областью своего влияния.

Так, еще за 200 лет до химьяро-эфиопских войн Византия и Иран вели скрытую борьбу между собою за преобладание на морском и караванном пути в Индию.

Торговля персов по Индийскому океану сталкивала их интересы с интересами химьяритов и кушитов. На колонизацию Аравии и внедрение своих торговцев Иран рассчитывать не мог. Слишком сильны были здесь набатеи и иудеи, а позднее и эфиопы. Торговля более северных областей Передней Азии была в руках арамеоязычных княжеств — Пальмиры и Осроены, а затем она оказалась в руках империи. Но персы имели возможность связать себя с иудейскими колониями и поддерживать их торговлю, в противовес ромейским купцам. При Хосрове Аношерване они смогли осуществить с оружием в руках захват южной Аравии.¹⁷

Византия, связавшая себя с Эфиопией дипломатически, видела в христианизации ее один из способов укрепления своего влияния и стала выдвигать государство Аксума на роль соперника Ирана в Индийских водах.

Со времени критической работы Мордтманна, который подверг глубокому сравнительному анализу греческие источники о кушито-химьяритских войнах, эти свидетельства считаются противоречивыми.¹⁸ Из них не может быть сделано никаких решающих выводов, так как они, по мнению самых авторитетных ученых, смешивают различные и разновременные факты, как, например, посольство к эфиопам при Юстине I и при Юстиниане, поход 522/523 и более поздние походы эфиопов против Химьяра и т. д. Мордтманн дал сводку мнений Дильмана и Нёльдеке, а позднее анализ греческих источников был повторно дан в работе Галеви.¹⁹ Появившаяся после них „История неджранских мучеников" Перейра с успехом опровергла скептические положения Галеви, который считал, что иудейского царя никогда в Химьяре не было, а что его впервые выдумал Симеон Бетаршамский.²⁰ Однако следует согласиться с отдельными критическими замечаниями Галеви, справедливость которых несомненна. Сирийская „Книга Химьяритов", изданная впервые в 1924 г., хотя и не дошедшая до нас полностью, дает совершенно новые основания как для критики известных греческих авторов, так и для установления отдельных фактов. С ее данными положения целого ряда источников приобретают новый смысл и даже трудный вопрос о хронологии может быть разрешен с большей вероятностью.

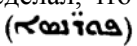
Государства эфиопские и восточного побережья Африки представляли собою отдельные мелкие владения. „Три индусских и четыре эфиопских" государства известны не только Малале,²¹ но об этом говорят и предшествующие писатели, как, например, Козьма Индикоплов.²² Борьба двух эфиопских государств между собою закончилась победой Аксума — города, расположенного в глубине материка. Царь его присоединил к себе владения царя Адулиса, находившиеся в прибрежной полосе. Эти сведения сообщены Иоанном Ефесским и дошли в тексте Дионисия Тельмахрского. „Царь индусов, имя которого было Аксундон", следует читать

„царь аксумитов" (Ἐξουμίτων), испорченное в сирийском из в .

Другая поправка того же Галеви представляется весьма удачной, он читает как — Адул.²³ В такой интерпретации текст вполне понятен, он говорит о захвате Адулиса, — небольшого самостоятельного государства кушитов. Известная надпись Адулиса свидетельствует о том, что он стал частью государства Аксума. Для Козьмы Индикоплова в 522 г. Адулис не был центром самостоятельного государства, а был портовым городом государства аксумитов.²⁴ Царь Адулиса был язычником, как утверждает тот же Иоанн Ефесский.²⁵ Но никак невозможно поддержать гипотезу Галеви об иудаизме-арианстве царя Аксума. Испорченный текст Феофана следует исправить по Никифору Каллисту и понимать так: „В четвертый год царствования (императора Юстиниана) царь аксумитов, индов эллинствующих, повел борьбу с химьяритами — индами иудействующими. Причина войны была связана с ромеями".²⁶ Следовательно, сопоставление это относится к более позднему сообщению, к борьбе аксумитов с химьяритами. После объединения государств кушитов, консолидации их сил, мог быть произведен натиск и на юг Аравийского полуострова. Испорченные и непонятные греческие тексты Малалы, Феофана, Иоанна Ефесского относительно более отдаленного расположения аксумитов, чем химьяритов, от Египта говорят не только о том, что сухой путь через верховья Нила не использовался, но и о том, что авторы имели неясное представление о караванном пути, который вел из Сирии в государство химьяритов. Что касается пути в Аксум из Египта и Фиваиды, упоминаемых в текстах,²⁷ то это, повидимому, ошибка, которая объясняется движением в эти области из Египта морем, именно потому, что дорога по Африканскому материка представляла слишком большие трудности. Наиболее вероятно, что эта ошибка родилась из совершенно верного положения, что „ромейские торговцы проезжают через химьяритов в Аксум и во внутренние государства индов".²⁸ Одним из источников Малалы были донесения Нонна, на основании которых написаны стр. 432, 433, 456²⁴ и следующие, 459³ и следующие строки этой хроники.²⁹ Об этом самом говорит и параллельный текст Иоанна Ефесского: „торговцы ромейские прибывали в области химьяритов внутренние, называемые Аузелис индусский, а затем в области индусов и кушитов",³⁰ расположенные дальше от них. Но название „Аузелис индусский" или „индусов" никак не может быть связано с именем какого-либо из известных химьяритских городов; весьма возможно, что это несколько видоизмененное название Адулиса, куда, как в портовый город, прибывали ромейские купцы. Следующее объяснение сирийского писателя более отчетливо: „царств индийских и кушитских — семь: три индийских и четыре кушитских. Они находятся во внешних и внутренних [областях] южных земель и по берегам великого моря, что окружает всю вселенную и называется великим океаном".³¹ Кушитскими царствами считались не только государство Аксума, но и известные Козьме Индикоплову Барбария, „Ладоносная" земля и земля Сасу.³² Три индусских царства, вероятно, находятся в собственно Индии, за океаном, „в южных землях и по берегам великого моря".

Географическое положение химьяритского государства в южной Аравии ставило в зависимость от него торговые связи кушитов с Византией. „Ромейские купцы" ездили в Аксум „через химьяритов", чтобы вести торговлю. Но Димн (Δίμνος), царь химьяритов (των Ἀμειρίτων), убил их и отобрал все, что у них было. Действия эти повторялись, „так были убиты многие, так что объял ужас многих и они воздерживались ездить, и прекратилась торговля царств внутренних индусских и кушитских".³³ Падение торговли, ослабление торговых сношений не могло не отразиться на выгодах и прибылях, которые получали от торговли эфиопские цари. Царь аксумитов (по Малале) или кушитов (по Иоанну Ефесскому у псевдо-Дионисия) послал сказать царю химьяритов:

„Ты плохо сделал, что убивал торговцев-христиан ромейских, ты прекратил торговлю и задержал пошлины () моего царства и других царств. Особенно же ты повредил моему царству".³⁴ Эта экономическая причина породила „большую вражду" между Аксумом и Химьяром, которая затем обратилась в „войну против друг друга".³⁵ На вопрос — как мог царь химьяритов, т. е. южных и юго-западных областей Аравии, через которые проходили караванные пути из ромейских пределов, прекратить торговлю, которая приносила ему богатые доходы, — источники дают исчерпывающий ответ. У византийских купцов в государстве химьяритов были конкуренты и соперники, в пользу которых клонились эти меры, — это были иудейские и персидские купцы, за которыми стоял мощный Иран сасанидов.

Колонизация областей Аравии, лежащих вдоль караванного пути по ее западному побережью, была тесно связана с торговыми интересами Палестины. Наряду с набатейскими ко-

лониями, иудейские издревле были известны в Аравии. Иудейские колонии имели вековую давность, они распространялись на отдельные острова Персидского залива и Красного моря, как, например, остров Йотабу.³⁶

Характерная черта истории древнего и средневекового периода может быть отмечена и в этом случае. С товарами, по наземным и водным путям, привозили новую религию. Подобно общему языку, общая вера делала экономические отношения более тесными, связывала участников обмена, купли и продажи, новыми, крепкими узами. Иудейские колонии и иудейские купцы были известны государству Саба, и традиционные связи с ними перешли и к государству химьяритов. О приобщении химьяритов к иудейской религии говорит целый ряд источников, в которых не может быть никакого сомнения. Прежде всего — это сабейские и химьяритские надписи, принадлежащие „к серии монотеистических надписей“.³⁷ Для примера можно привести надпись из Катабана, высеченную на скале близ Низаба, сообщающую о больших работах, произведенных авторами надписи, и завершённую указанием на помощь „милостивого господина неба и земли“ (строка II).³⁸ Слова, несомненно, принадлежащие монотеисту, как и надпись, упоминающая „милосердного“ (Rahman).³⁹ Можно привести и другой пример. Постройка, возведённая Абдкулалом „с помощью милостивого“ (بِرِيسَا رَحْمَنِن) — строка 3-ья надписи № 153), отмечена надписью, датированной 573 г. по эре химьяритов (458 г. н. э.). Следует указать, что надпись эта монотеистическая, но не христианская. Издатели надписи отмечают, что Абдкулал II переписывался с „пророком“ и был тайно обращен в христианство.⁴⁰ В настоящее время бесспорно установлено наличие большого количества иудеев в городах юго-западной Аравии. В Ятрибе большинство населения было иудейским, и арабы — язычники рода Аус и Хазрадж — вели с ними борьбу, стремясь занять господствующее положение.⁴¹ Их колонии имели стройную организацию, которая среди разрозненных арабских племен и общей анархии имела несомненные преимущества.⁴² В Таифе большая иудейская колония была связана с земледельческим трудом. Виноделие и продажа вина были в руках иудеев.⁴³

Следует указать еще на некоторые данные, в связи с которыми наличие иудаизма в верхах химьяритского общества можно отнести ко временам, значительно более ранним, чем кушитско-химьяритские войны первой четверти VI в. Как и монотеистические надписи, эти данные свидетельствуют о предшествующих столетиях. Арабские историки позднего времени — Хамза Исфаханский и Абу-л-фида — располагали списками царей Йемена.⁴⁴ Относительно одного из царей сообщается, что он обратился в иудейство задолго до Зу Нуваса, царя химьяритов, при котором происходила борьба с эфиопским царем. В таблице царей Химьяра у Абу-л-фиды Зу Нувас занимает восьмое место после царя Харита ибн Амру, который царствовал в качестве племянника своего предшественника, „сына сестры“... „и обратился в иудейство Харит“.⁴⁵ Обращение царя химьяритов в иудейство могло осуществиться лишь при достаточном его распространении в высших слоях химьяритского общества, засвидетельствованном, следовательно, задолго до гонений Зу Нуваса. Но обращение Харита не прошло безболезненно для государства химьяритов. После царствования его преемника Морсида ибн Келали „разделилось после него царство Химьяр“, ⁴⁶ т. е. распалось, что следует отнести за счет внутренней неустойчивости и борьбы, быть может и на почве решительного внедрения иудаизма. Распадение на отдельные мелкие княжества могло произойти как следствие несогласий с царем, очевидно покровительствовавшим иудейской торговле, а транзитная, караванная торговля была главным источником доходов этих государств. Зу Нувас, царствование которого относится к первой половине VI в., занимает восьмое место после Харита ибн Амру, царствование последнего может быть, следовательно, отнесено к середине V в. с большой вероятностью. Ко всем этим сведениям следует присоединить сообщения „Книги химьяритов“, первая и вторая главы которой посвящены вопросу о проникновении в Химьяр иудейства и христианства. Главы эти до нас не дошли, но сохранилось их оглавление.⁴⁷ „1. Краткий рассказ об иудеях и зле (كُفْرًا) их веры... 2. Рассказ о химьяритах, кто они и как они первоначально приняли иудейство. 3. Объяснение, сообщающее о том, как начало сеяться христианство в земле химьяритов“. Таким образом и памятник, который стоит всецело на христианской точке зрения, признает первоначальное распространение в Химьяре иудаизма.

Кроме того, „Книга химьяритов“ утверждает, что при Масруке Зу Нувасе, царегонителе, состояли лица, бывшие „иудейскими священниками из Тивериады“ (كهنه يهودية).⁴⁸ Эти связи городов Аравии с центром иудеев после разрушения Иерусалима Тивериадой отмечены и Симеоном Бетаршамским. Последний, однако, со свойственным ему темпераментом жалуется на то, что „иудеи, которые живут в Тивериаде, посылают от себя

священников из года в год и от времени до времени и поднимают мятеж против христианского народа химьяритов".⁴⁹ Связи религиозные возникли на почве торговых и экономических сношений. И не случайно талмудический памятник Midrasch Bereschit — толкование на Книгу Бытия (1030) — знает столицу Химьяра Тафар, греческое Ταφαρή, лишний раз подтверждая эти связи, наличие которых отвергать невозможно.⁵⁰

Иудейская торговля имела опору в Иране, о чем говорит целый ряд фактов, ей несомненно покровительствовали сасаниды и в южной Аравии. Персидская дипломатия и международная политика Византии пришли здесь к очередному столкновению, как это и отмечалось.⁵¹ Эта борьба имела много эпизодов на протяжении многих веков и не только в Аравии, но и в Месопотамии, на Кавказе, в Средней Азии.

В этом аспекте следует отметить данные, не привлекавшиеся еще исследователями. Химьяритский царь Масрук Зу Нувас направляет послов к Мундару в Хирту, настаивая на том, чтобы он уничтожил христиан в своем государстве. Масрук обещал ему за гонение дать „вес 3 тысяч динаров" (υποσχόμενος ολκήν διναρίων τρισχιλίων δίδοναι).⁵² Иначе говоря, Масрук был экономически заинтересован в ослаблении арабов-христиан Хирты. Не все представители христиан были единодушны в поддержке своих единоверцев. Несторианство, упрочившее свое положение в Иране, гонимое и признанное еретическим в Византии, заняло позицию защиты интересов Ирана. „Сила, епископ несториан Персии" полемизировал с православными из ромеев и персов, желая задобрить язычников и иудеев".⁵³

Действия этого епископа лишний раз говорят о группировке сил в соответствии с политическими интересами.

В западную и южную Аравию христианство проникло позднее иудаизма, как об этом говорит „Книга химьяритов". Базировались христианские круги химьяритов на поддержке со стороны Абиссинии, как на это неоднократно указывалось.⁵⁴ Наличие христианского влияния в Мекке также связывается с большими и многовековыми колониями эфиопов.⁵⁵ Это совершенно справедливо для VI и VII вв. Можно спорить о том, откуда впервые было принесено христианство в Аравию. На основании данных арабских, сирийских и греческих источников намечаются два направления христианских связей Аравии, кроме Абиссинии, — Сирия приморская и Хирта Нааманова.

Возникновение христианства у химьяритов связано с рассказами, имеющими несколько легендарный характер. Таков агиологический христианский памятник, использованный Табари. Фемион (испорченное ποτήν), христианин из приморской Сирии, ремеслом которого было возведение глинобитных стен, привлек своим образом жизни одного человека, родом из Аравии, который стал его учеником. Затем Фемион попал с караваном купцов в области химьяритов, где его взяли в плен и обратили в рабство. Его купил знатный человек. Он-то (Фемион) и насадил там новое учение.⁵⁶ Распространение христианского учения в Неджране, на основании „Книги химьяритов", связано с именем деда мученицы Хабсы.⁵⁷ Хайан старший (هَيان الأكبر) имел торговые сношения, которые уводили его далеко от родного города. Утерянная часть памятника не дает возможности располагать подробностями; но христианская, арабская Хроника Сеерта почерпнула свои сведения о Неджране в той же „Книге химьяритов".⁵⁸ Она дает возможность восстановить недостающие данные.

Хайан старший ездил по торговым делам в Константинополь, вернулся на родину, затем вновь отправился в Иран и оставался в Хирте Наамановой, где вращался среди христиан. Здесь он был крещен, возвратился домой и склонил к принятию христианства свою семью, а затем и других химьяритов. К нему „прилепились" принявшие христианство люди из „народа страны химьяритов" и другие лица из пролежавших по пути в Химьяр и Абиссинию областей.⁵⁹ В Константинополе Хайан был „в дни Яздегерда", т. е. первого из сасанидских царей, носящих это имя, и царствовавшего с 399—420 гг. Через сто лет происходившая из его рода Хабса стала мученицей. Нет никакой необходимости считать ее внучкой Хайана, как это делает Моберг. Она только происходила из его рода или из его колена, как говорится в тексте о ней и ее отце: они были **هَيان بن حَبَسَة بن حَبَسَة**⁶⁰ — „из рода Хайана старшего". Нет сомнения в том, что со времени христианизации высших слоев общества Неджрана и других химьяритских городов, как, например, Тафара, усилилось влияние и оживились торговые сношения с Византией и эфиопами. Неизбежен был и антагонизм между химьяритами одной ориентации и другой, оставшейся языческой и иудейской, антагонизм, приводивший к неоднократным вспышкам борьбы. За столетие, протекшее между деятельностью Хайана и кушито-химьяритскими войнами (от 420-х до 520-х гг.), произошел ряд столкновений. Хайан, отец Хабсы, из рода Хайана

старшего, сжег в свое время синагогу в Неджране.⁶¹ Табари утверждает, что царь Зу Нувас — гонитель мстил за убийство иудея в Неджране.⁶² Торговле и проезду купцов-ромеев препятствуют химьяриты и убивают некоторых из них.⁶³

Эти явления следует поставить в связь с внешнеполитическим положением Химьяра. Иудейство занимало известное положение среди химьяритов, прозелиты представляли торговые интересы иудеев, в то же время они стремились избавиться от господства кушитов, которые опирались на христианские группы. Как православное христианство, так и монофизитство у химьяритов было связано с сиро-арабскими влияниями, которые шли вместе с торговыми караванами из Сирии и Месопотамии, Эдессы и Хирты. Не меньшее значение имела и Эфиопия.⁶⁴ Организационно эфиопская церковь была подчинена Александрийскому патриарху, который ставил им клириков. Тем самым эта другая струя влияния в южных областях Аравии исходила из Александрии — Аксума. Все эти данные и возможности учитывались и использовались Константинополем, дипломатия которого стремилась здесь укрепить византийские торговые базы.⁶⁵ Опорой кушитов и ромеев были христианские группировки разных слоев общества в Химьяре. Языческие и иудейские группы химьяритов стремились освободиться от влияния эфиопов, что находило активную поддержку со стороны Ирана, стремившегося стать твердой ногой на Аравийском полуострове.

Борьба в южной Аравии была порождена экономическими и политическими интересами и осложнялась глубоким религиозным конфликтом. В этом отношении характерно, что несториане поддерживали политику Ирана в Химьяре и находились в тесных сношениях с Масрукком. Последний, полемизируя с Арефой и требуя его подчинения, упрекал его, говоря: „вы не лучше несториан, которые находятся с нами и поныне...“.⁶⁶ Таким образом, Масрук указывал, что они, будучи христианами, поддерживали с ним отношения, были с ним „и поныне“. В связи с химьяритами, которых поддерживал Иран, был несторианский епископ Сила и другие несториане, в числе которых были персы и сирийцы. Возмущаясь этим, монофизит Симеон Бетаршамский ожесточенно бранит несториан и называет их „христианами по имени“.

Когда по распоряжению императора Юстина и константинопольского патриарха Иоанна был издан приказ захватить еретиков-монофизитов, они бежали в Сирию и в Хирту Нааманову. Но упомянутый Сила поставил условием переход их в несторианство или изгнание. Монофизитов поддержал „Хаджадж ибн Кайс хиртский, еретик, друг (صاحب) Мундара ибн Наамана, царя арабов“. Тем не менее, Мундару пришлось выполнить требование царя Юстина и рассеять монофизитов. Некоторые из них бежали в Неджран, где проповедовали „учение Юлиана, учителя Севера“ Антиохийского.⁶⁷

Таким образом, борьба политических группировок разыгрывалась на всем Ближнем Востоке.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ КУШИТО-ХИМЬЯРИТСКИЕ ВОЙНЫ

Столкновение экономических интересов не могло не вызвать войны. Царь Аксума, столицы кушитов, сделал представление царю химьяритов по поводу убитых и ограбленных ромейских купцов,⁶⁸ которые „проезжали области химьяритов, для того чтобы отправиться в области индусские и торговать в них, как обычно. Царь химьяритов Димианос узнал об этом, захватил их, убил их и захватил все их товары... Так были убиты многие, так что многих объел ужас и они воздерживались ездить и прекратилась торговля царств внутренних индийских и кушитов“.⁶⁹ Упреки кушитского царя, что химьяритский царь „прекратил торговлю“, „задержал пошлины“ и „повредил“ его царству, привели к „великой вражде“. В Абиссинию прибыл епископ Фома и сообщил о притеснениях и гонениях, чинимых христианам в Химьяре.⁷⁰

Вслед за тем был организован поход на Химьяр, причем эфиопский царь — „царь кушитов“ — дал обещание креститься, если он победит.⁷¹ В высших классах общества Эфиопии христианство было уже распространено и условия для того, чтобы и глава государства и династия приняли новую религию, были налицо. После удачного похода, желая найти опору в Византии, опору, необходимую для устойчивого положения в Химьяре, царь закрепил эту связь официальным переходом в христианство. Это должно было способствовать упрочению близких связей с главными городами Египта, игравшими значительную роль в этих сношениях. Царь послал высокопоставленных лиц „сенаторов своих двоих“ (συνκλήτικους αὐτοῦ δύο) вместе с другими в Александрию, откуда он просил прислать ему епископов и клир в Эфиопию.⁷² „Хронограф“ Малалы упоминает имя императора Юстиниана, ко времени которого хроника относит эти события, но их следует отнести к более раннему времени. Одно из многочислен-

ных и далеко не первое появление эфиопов в Аравии должно было вызвать противодействие со стороны языческих и иудействующих групп химьяритов, тем более что и „Книга химьяритов" знает о том, что до событий 522 г. существовала вражда.

Иаков Серугский, умерший в 521 г., оставил стихотворную проповедь, которая свидетельствует о том, что гонения и преследования христиан в Химьяре были вновь в полном разгаре. Они, следовательно, имели место в 520 или 521 г. и, наиболее вероятно, были связаны с воцарением и деятельностью Масрука Зу Нуваса, сместившего химьяритского царя по имени Зу Шанатира в арабской традиции. Зу Шанатир — родовое имя, как большинство химьяритских имен с частицей Зу. (В сирийской традиции его имя Мадикариб).

В 522 г. эфиопы вновь предприняли поход, о котором писал Козьма Индикоплов, находясь в то время в Адулисе. Козьма писал: „Когда я находился в тех местах, лет за 25 до нынешних годов, в начале царствования Юстина, императора ромейского, тамошний царь аксумитов Элесбоа (Ἐλλατ(ζ)βάας) намеревался отправиться войной против химьяритов, что по ту сторону", т. е. по ту сторону Бабэльмандебского пролива.⁷³

Время похода устанавливается на основании указания на 5-й год правления Юстина в 835 г. „по счислению, принятому в Антиохии сирийской", т. е. на 522 г. н. э. Это и есть дата условно называемой первой кушито-химьяритской войны.⁷⁴

В „Книге химьяритов" сохранился заголовок утерянной 5-й главы, который гласит: „Рассказ, сообщающий о первом приходе Хивна [м. б. Хайвана **حايوان**] и кушитов".⁷⁵

Моберг совершенно справедливо указывает на трудность привести к полному согласию все имеющиеся в нашем распоряжении традиции.⁷⁶ Эла Ашбеха (Калеб) — царь-христианин и насадитель христианства — не был еще христианином, отправляясь в первый поход. Малала относит эти события ко времени Юстиниана. Об этом „первом походе" кушитов известно, что царь Элесбоа (или Калеб) послал войско, которое захватило многолюдный город Неджран (Νεγράν) в земле химьяритов, вынудив к бегству царя „химьяритов-иудеев" (των Ὀμηρίτων ιουδαίων βασιλέα).⁷⁷ В этом городе кушиты оставили войско и военачальника, чтобы оберегать всю область — εἰσαντα στρατον καὶ στραταρχην ἐνεκα παραφυλακῆς πάσης τῆς χώρας, после чего удалились в собственную землю.⁷⁸

Из последующих событий можно заключить, что кушиты оставили свое войско и в столице Химьяра — Тафаре, **تافار**. Изгнанный царь химьяритов-иудеев был Зур'а Зу Нувас, — **زرعه زو نوامس**.⁷⁹ Имя его в источниках варьируется, но ранняя традиция — гимн Иоанна Псалтеса и „Книга химьяритов" — называют его Масруком **مسروك**. Все источники сходятся на том, что он обратился в иудейство, о чем знают не только сирийские источники, но и арабская традиция, сообщившая его новое имя — „и он был назван Иосиф" (**وتسمى يوسف**).⁸⁰

Имя Масрук подтверждается и хроникой Сеерта, сообщающей: „и он назывался Масрук" (**يقال له مسروقا**). Его мать была еврейкой из Нисибина, взятой в плен — **اسبيت** **من اهل نسيبين** — и купленной одним царем. Масрук принял иудейство и, став царем, преследовал христиан. Рассказ этот почерпнут хроникой, по ее собственному свидетельству, из истории Бар Сахды.⁸¹

Сообщение Табари о том, как Зу Нувас захватил престол, в свете всей исторической обстановки имеет зерна истины. Зу Шанатир был ставленником эфиопских негусов и стремился уничтожить мужских потомков из династии химьяритов. Возможно, что имя царя этой династии было Мадикариб,⁸² к этой же последней династии химьяритов принадлежал и Зу Нувас, который убил Мадикариба и захватил царство.⁸³ Политика Зу Нуваса Масрука была направлена против византийско-эфиопского, а следовательно, и христианского господства в Химьяре и вызвала вооруженное вмешательство Элесбоа (Калеба) в 522 г. Кушитские войска не смогли захватить царя химьяритов, а только обратили его в бегство, и это дало возможность через некоторое время сконцентрировать силы недовольных. Масрук Зу Нувас „вооружил вновь царство химьяритов" и, пользуясь тем, что зимнее время года препятствовало выступлению войск из Эфиопии, попытался уничтожить оставленные Элесбоа отряды.⁸⁴

Эфиопский гарнизон Тафара, столицы Химьяра, оказал настолько упорное сопротивление, что химьяритское войско не могло взять города силой, „в бою" (**حماكة**). Тогда Масрук послал к представителям эфиопов письмо, в котором он клятвенно обещал не причинять им вреда, если они выйдут к нему добровольно и сдадут ему Тафар.⁸⁵

Письмо Масрука городу передали иудейские священники из Тивериады — **حزقة نقات مع لحنه** — с двумя другими лицами, имена которых не сохранились. Из-

вестно лишь, что оба были христианами, а один из них из Хирты Наамановой.⁸⁶ Если принять во внимание поведение несторианского епископа Силы и резкие выпады монофизита Симеона Бетаршамского, о чем речь была выше, то вполне возможно, что эти „христиане по имени" были несторианами, которые имели своих представителей в Хирте.⁸⁷ В таком случае понятна и их связь с Масруком: несториане, как и иудеи, находили опору в шаханшахе, рука которого направила против эфиопов возглавленных Масруком химьяритов. В послании к эфиопам в Тафар Масрук Зу Нувас клялся, что если они сдадут ему город, он отпустит их „с миром" (صلاحه) к их царю. Характерны клятвы, приписываемые Масруку, „он клялся Адонаем, сводом и торой". Слово Адонай как замена имени бога особенно характерно для иудейства. Свод небесный и священная книга были другими частями этой клятвы.

„В простоте сердца" кушиты поверили ему, 300 человек боеспособных воинов вышли со своим главой Эба Бават (አባ ባወልደ). Ночью они были вероломно перебиты, а на утро их трупы нашли сложенными в одном месте. После этого Зу Нувас послал своих людей в Тафар, и они сожгли там церковь, в которой находилось 280 человек из числа оставленных в городе кушитами.⁸⁸ Эти данные дают некоторое представление о размерах оккупационных войск Эфиопии, которая оставила около 600 человек воинов только в одном Тафаре. Нельзя не считать достоверным распоряжение, посланное Зу Нувасом, повсюду уничтожить христиан. Нет сомнения, что конфискация имущества и всякого рода насильственные меры должны были коснуться всех сторонников эфиопов.

В этой связи стоит и письменное обращение Масрука в Неджран, к Хариту (Арефа греческих источников), с требованием привести к нему всех боеспособных христиан города. Харит, который, следовательно, должен был занимать некое официальное положение, повел их к нему, но когда они были уже недалеко от места своего назначения, они узнали о вероломстве и убийствах Масрука и возвратились обратно.⁸⁹ Судя по тому, что Масрук упрекает жителей Неджрана в восстании против него, очевидно, что, опасаясь его жестокости, они решили оказать ему сопротивление.⁹⁰

Войска, посланные взять Неджран, не смогли захватить его силой, и по их просьбе Масрук прибыл сам со своими военачальниками под стены этого города.⁹¹ Подходя, войска не дали никому возможности спрятаться: и в пригороде, и на полях были захвачены как люди, так и их имущество. Царь химьяритов расправился со всеми, а „рабов раздарил" своим „мегистанам, военачальникам и этнархам".⁹² „Одних", т. е. часть свободных жителей и собственников, он уничтожил (ἀνεῖλε), а рабов (τοὺς δὲ δούλους), которые им принадлежали, он подарил. Город был подвергнут многодневной осаде с применением осадного оружия,⁹³ но безуспешно. Масрук Зу Нувас обратился с новым предложением — дать ему выкуп за город в количестве одной элкады с каждой души.⁹⁴ В другом рукописном списке „Мученичества Арефы" перечислены категории жителей, с которых следует взять эту подать, — мужчины и женщины, рабы и свободные, молодые и старые, земледельцы и ремесленники.⁹⁵ Особенно существенны противопоставления социального характера δούλου καὶ ἐλευθέρου — раба и свободного, и γεωργοῦ καὶ χειροτέχου — земледельца и ремесленника. Эквивалентом общей суммы выкупа являлось 130 талантов золота.⁹⁶

Жители Неджрана предпочли заплатить ему это золото, чем видеть город разрушенным. Мнение это восторжествовало, и поэтому 150 „мужей известных" (ἄριστοι) вышли к Масруку, лагерь которого был расположен за городом.⁹⁷ Масрук принял их, не проявив жестокости, но упрекал их, говоря: „Почему вы восстали против меня? И разве вам неизвестно, что я ваш царь?"⁹⁸ Обвинения в неповиновении повторены им и далее, как и требование принести ему все золото и серебро, которое у них есть. На это пришедшие отвечали, что с первого дня они отдали ему все свое золото и серебро.⁹⁹ Таким образом, одно из требований Масрука касалось имущества и денег, которые он стремился захватить.

Другой вопрос — насколько достоверен был упрек царя относительно восстания неджранитян. Но одно то, что этот упрек имеется в „Книге химьяритов", говорит за его достоверность. Другие данные подтверждают это, как и то, что борьба с Масруком и его иудео-персидской ориентацией поддерживалась со стороны Византии. „Потому что Масрук тайно узнал, что у блаженных [т. е. жителей Неджрана] есть люди из других земель, он сел и выспрашивал относительно каждого из них. Он спрашивал, как его имя, откуда он и откуда происходит его род. И он узнал относительно Моше и Елии — священников, которые были из Хирты Наамановой, и о Саргисе священнике, и Хенане дьяконе, которые были ромеями, и об Аврааме священнике, который был персом, и об Ионе дьяконе, который был кушитом..."¹⁰⁰ В

свете таких сообщений становятся понятными причины, по которым испуганные жители Неджрана не подчинились Масруку, не открыли ворот присланным военачальникам. Среди них были приезжие, о которых расспрашивал Масрук. Они были „из других земель" — ромеи, эфиопы, арабы и персы, прибывшие из Хирты, от лахмидов. Присутствие этих людей придавало Неджрану характер международного торгового города с широкими связями. За такой центр стоило бороться, и царь химьяритов желал им овладеть. Торговые сношения Неджрана велись лишь с христианскими странами и городами, среди которых главное место принадлежало Византии и Эфиопии. Вся верхушка города и тяготевшей к нему области была христианской.

В своем сопротивлении Неджран рассчитывал на Эфиопию, которая должна была двинуть ему на выручку свои войска, но этому помешала зима.¹⁰¹ А „иудейский царь" угрожал παντας τους εαθεντας υπο του βασιλεως των Αιθιοπων εν τη εμη χωρα — „всем оставленным царем эфиопов в моей земле".¹⁰² Угрозы находились в тесной связи с господством эфиопов, ему явно враждебных.

Одно то, что он спрашивает жителей Неджрана: „разве вы не знаете, что я ваш царь?", — говорит за то, что вопрос этот мог быть спорным. Относительно их сопротивления он насмешливо говорит: „достаточно того, что вы кричали, что восстали против меня, и не смогли [этого]" (ⲁⲃⲙⲁⲥⲉⲕ ⲛⲁⲟ). Эти неудачные попытки восстать он связывает с их ориентацией и религией, „заблуждениями которой была особенно охвачена ромейская земля" (ⲕⲁⲓⲟⲓⲧⲁ ⲛⲁⲓⲃⲓⲛ ⲁⲛⲁⲓⲃⲁⲓ).¹⁰³ Неджранитян побудили к восстанию именно эти связи, по мнению Масрука.

Необходимо еще раз отметить и то, что для Масрука экономические причины занимали известное место во всем этом предпринятом гонении, тесно смыкаясь с мотивами политическими.

Можно, однако, обнаружить в источниках, что в Неджране массы не вполне разделяли взгляды и настроения верхушки. Хотя в уста простого народа (ο δε λαος ο εν τη πόλει) и вложена речь, полная благочестия, как это и должно быть в агиологическом памятнике, но из текста очевидно, что по желанию народа были открыты (ανοίξαντες) ворота города и войска Масрука вошли в него.¹⁰⁴ Противоречие между „Книгой химьяритов" и „Мученичеством Арефы" только кажущееся. Несмотря на то, что ворота города были открыты и войска вошли в него, ставка Масрука оставалась за городом и туда должны были явиться представители города для переговоров.

Представителем верхушки города был Харит (Арефа), — „один из благородных" (ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ).¹⁰⁵ Рядом с ним мог быть поставлен только епископ города, но после смерти последнего епископа Павла, которого настойчиво требовал к себе Зу Нувас, главы церкви здесь не было.¹⁰⁶

Харит занимал положение не иерархического главы, „в своей земной жизни он был этнархом города и всей области" (εν τη προσκαίρω ξωη εγγεγόνει της πόλεως και της περιχώρου πάσης εθνάρχης).¹⁰⁷ По возрасту Харит был „старцем" (ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ),¹⁰⁸ он говорил о себе „моя старость" (το γηράς μου)¹⁰⁹ и имел большую, многочисленную семью и род. Его окружение представляло собою знать, „благородных" господ города (οι δε αρχηγοι πάντες της πόλεως), о них говорят, что вместе с Арефой железные оковы были надеты на „бывших с ним начальников города" (τους συν αυτω αρχηγους της πόλεως).¹¹⁰ В сирийском преимущественно употребляется термин ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ — „свободные", или „сыны свободных" — ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ, для определения этого общественного слоя в „Книге химьяритов" следует указать, что ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ — это то же, что azadan в персидском, — „свободные" сасанидской империи, такое же установившееся определение. Повторяется этот термин неоднократно. В другом случае про Масрука говорится, что он „погубил, как того желал, господ (ⲁⲛⲁⲓⲃⲁⲓ) Неджрана".¹¹¹

Греческий термин αρχηγός означает не только главу, ведущего, руководящего, но и основателя, особенно основателя семьи, рода, если это сопоставлено с термином рода (αρχηγός του γένους).¹¹² Этот оттенок соответствует тем родовым отношениям, которые имели место в городах Южной Аравии.

При таком сопоставлении новый смысл приобретает список имен химьяритских мучеников, сохраненный „Книгой химьяритов". Список этот был получен ее автором от химьярита Абдаллаха бар Афу, о котором речь еще впереди. Современник и свидетель гонений, Абдаллах указывает и на социальное положение казненных, называет их „сыновьями свободных" (ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ ⲛⲁⲓⲃⲁⲓ). Самый список имен был сопоставлен Мобергом с химьяритскими именами, известны-

ми из надписей. Подавляющее большинство этих имен было уже известно из химьяритских надписей.¹¹³ Благодаря этому факту, как и благодаря точности традиции, сообщающей о том, как список этот попал в руки автора „Книги химьяритов“, в подлинности списка сомневаться не приходится.

Список, сообщенный Абдаллахом, замечателен еще одной чертой, характерной для общественных отношений, а именно — большинство лиц составляет семьи, они находятся в родстве друг с другом. Упоминается не только первичная ячейка семьи — муж и жена, дети, но обращает на себя внимание тот факт, что родственники эти являются братьями и сестрами, дядьями и племянниками. Таким образом, большая семья, род в целом, занимал определенное положение в городе.¹¹⁴ Масрук вел, следовательно, борьбу с христианской верхушкой города, с богатыми и знатными родами, **حَد مَسْرُوك**, которые представляли собою основную группу, господствующий слой города Неджрана. Для царя Тафара, Масрука, это были восставшие против него, потому что он требует, чтобы к нему привели „жен этих бунтовщиков“ (**لَعْنَتَهُنَّ مَسْرُوكَ حَتَّائِهِنَّ**).¹¹⁵

Масрук уничтожал христиан и главным образом богатые, знатные семьи и роды, которые были экономической силой в городе и поддерживали то направление торговых сношений, которое им было выгодно. Этим определялась и политическая ориентация Неджрана, враждебная Масруку и дружественная Эфиопии и Византии.

Политика Масрука Зу Нуваса была направлена на то, чтобы сменить руководящие круги Неджрана послушными ему. Их можно было сменить, лишь уничтожая семью, в которой были так крепки родовые связи. Уничтожение женщин с детьми было связано с тем, что женщина пользовалась самостоятельностью. В крепком роде она заменяла главу рода в случае его смерти и, безусловно, представляла опасность для Масрука. Родовому строю и его силе соответствовали и внутриплеменные связи. В Неджране греческая терминология знает *ἀρχηγοῦ*, *ἑθνάρχα*, *μεγιστάναι*,¹¹⁶ — термины, соответствующие родоплеменной номенклатуре. В середине V в., в эпоху Шарахбиля Якуфа, „Деяния Азкира“ сообщают, что в то время, когда Азкир проповедовал христианство в Неджране, там было 2 царя: Шеабан и Кефан, которых издатель „Деяний“ склонен связать с наличием двух номов в этом городе.¹¹⁷ Два царя были представителями двух племен, соединившихся в городе. После захвата Химьяра негусом Харит (Арефа) один был его представителем, будучи в то же время этнархом одного из племен.

Уничтожая враждебную ему верхушку Неджрана, Масрук произвел массовое уничтожение жителей города. Его полководец Зу Язан привел к нему 177 женщин, которые вели с собой детей. Их принадлежность к знатым и свободным родам очевидна как из того, что они последовали за своими мужьями, которые были „свободными“ (**حَد مَسْرُوك**), так и из того, что они сами названы дочерьми свободных (**حَد مَسْرُوك**).¹¹⁸ Уничтожая семьями (отец, мать, дети) и родами (братья, сестры, племянники) жителей-христиан и неджранскую знать, Масрук стремился положить предел ее мощи. Однако он был вынужден к известным уступкам и дал разрешение „юноше Абдаллаху“ похоронить казненных. Он мотивирует это тем, что его приближенный, отец Абдаллаха, Афу, „был мужем из знатных глав, но притом был язычником“.¹¹⁹

„Знатные“ или известные главы **أَيُّمَن مَسْرُوك**, шейхи, к которым принадлежал Афу, были приближенными Масрука, причем для них даже не было обязательным придерживаться иудейства. Язычник Афу впоследствии принял христианство, и автор „Книги химьяритов“ присутствовал при его крещении в Хирте,¹²⁰ так что самые факты, сообщаемые им, не подлежат сомнению.

Преследования Масрука уничтожали не только верхушку города, но и жителей-христиан, клириков и монахов, — как мужчин, так и женщин.¹²¹

В ставку Масрука, за городом, приводили всех, часть казненных была заживо сожжена в церквах, другие были казнены за городом. Хотя Моберг и отмечает несогласованность сведений „Книги химьяритов“ и „Мученичества Арефы“ по поводу места казни, называемого Ὀβεδιανός, находившегося за пределами городской стены и толкуемого издателями „Мученичества“ как изменение арабского вади, очевидно, что и „Книга химьяритов“ также имеет в виду ров, **فóσσατον**, который определяется как тот **البحر الحار**, „что за стеной города“.¹²² Речь идет, следовательно, о рве (вади), который окружал город, куда бросили тела убитых, и это отвечает и положению лагеря Масрука, за городом,¹²³ куда приводили лиц, подлежащих казни.

Судя по тому, какое большое место занимает во всех христианских памятниках Не-

джран, это был главный центр политического влияния Абиссинии и Византии. В „Книге химьяритов” пространно рассказано о предпринятых истязаниях и казнях во время пребывания там Масрука (гл. 9— 24, 26—27), продолженных после того, как царь покинул Неджран (гл. 33— 36, 38). Часть этих рассказов, с некоторыми вариантами, повторена и в повествовании об Арефе.

Количество замученных Масруком в Неджране, говорит греческий источник, около 770 человек.¹²⁴ Отдельные эпизоды переданы подробно, но житийный характер материала диктовал преувеличения и чудесные подробности в рассказах. Отсылая к соответствующим частям работы Перейры и Моберга, можно только указать на то, что первыми были подвергнуты казни монашествующие, диакониссы, клирики, затем мужчины из знатных родов и верхов города и, наконец, женщины с их детьми. Приводимые греческим „Мученичеством Арефы” цифры могут быть подвергнуты сомнению, но после открытия „Книги химьяритов” положение этого памятника („Мученичества”) во многих отношениях укрепилось. Поименные списки „Книги химьяритов”, дающие десятки мужских и женских имен, не вызывают никакого сомнения.¹²⁵ Моберг восстанавливает подневную последовательность событий и казней в Неджране, которые осуществлялись ближайшим помощником Масрука (Зу Нуваса) Зу Язаном.¹²⁶

Стремление покончить с господством христианства и влиянием Абиссинии привело Масрука Зу Нуваса и в другие города южной Аравии. „Книга химьяритов” знает город Хадрамаут, в котором была сожжена церковь (главы 29 и 30, от которых сохранились только заголовки), и два других города, в которых имели место преследования и казни, — „Мариб, город земли химьяритов” и, вероятно, Хаджарен, ساجين (главы 31 и 32, от которых также сохранились только заголовки).¹²⁷

Во всяком случае эти данные говорят о том, что военные действия Зу Нуваса имели место во всей области или земле химьяритов, причем характерно, что они были направлены против отдельных городов. Город был центром, опорой, не только стратегической, но и экономической. Город и тяготевавшая к нему область в значительной мере представляли собою город-государство, сохранявший известную самостоятельность, о чем подробнее сказано ниже.

Обращает на себя внимание то, что упомянут город Хадрамаут. Область, известная под общим названием Хадрамаута, имела много городов, развалины которых исследовались археологами. Главный город области мог носить то же название — Хадрамаут.

Все государство химьяритов оказалось в руках Масрука Зу Нуваса, с чем никак не могла примириться Абиссиния. Масрук, со своей стороны, стремился закрепить свое положение в Химьяре дипломатическими действиями, в частности, обращением в Хирту Нааманову.

Связи южноарабских городов с Хиртой Наамановой, государством лахмидов, находившимся под протекторатом Ирана, были уже отмечены. Обращение Масрука в Хирту диктовалось логикой событий и необходимостью создать антивизантийско-эфиопский блок, который должен был охватить лахмидов и Иран.

Во всяком случае есть указания, что Масрук обращался в Персию. „Ибо пишет так называемый второй фараон к царю персов, прося его, чтобы он всех христиан тамошних уничтожил”, так же „как он сам это сделал”,¹²⁸ так как Мундар был и остался язычником, то это обращение к нему не удивительно.¹²⁹ Относительно того, что Масрук обратился и к Мундару (᾽Αλακουνδάρως), „царьку всех, находящихся под властью персов, арабов”, с посольством, известно из нескольких источников. Послание Симеона Бетаршамского приводит текст обращения Масрука к Мундару, но и по его собственному указанию этот текст представляет собою некую переработку. „Книга химьяритов” в 25-й главе приводит содержание письма Масрука, как это известно из сохранившегося заголовка — „Рассказ, сообщающий о содержании (حد سلكه) того, что написал этот Масрук Мундару бар Закика, царю Хирты Наамановой, против христиан”.¹³⁰

В Хирте встретились химьяритское посольство Масрука Зу Нуваса и посольство царя Юстина. Масрук прислал не только письмо „против христиан”, но, как мы помним, и обещание, если Мундар разделается с христианами, находящимися под его властью, дать ему „вес трех тысяч динариев” (ολκήν διναρίων τρισχιλίων δίδοναι).¹³¹ Такое обещание было бы непонятным, если бы действия химьяритского царя не диктовались экономическими интересами, возможностью расстроить торговые связи конкурирующей византийско-христианской группы государств и тяготевавших к ней торговых людей.

Послом Юстина I был „пресвитер Абрамий”, т. е. Авраам, отец Нонна, и сын Еупора. Это была целая „династия”, служившая толмачами, послами, — выполнявшая дипломатиче-

ские поручения Византии в трех поколениях. Посылались они специально в страны Ближнего Востока, к мелким арабским царькам и шейхам, в Эфиопию, в Иран. На этот раз Аврааму было поручено „побудить его (Мундара) заключить мир с находящимися под его властью христианами“.

У Византии были с Мундаром свои счеты, так как он держал в плену двух ромейских военачальников — Тимострата и Иоанна. Константинополю было желательно, чтобы Авраам выговорил им освобождение, но Мундар отпустил их лишь впоследствии за большой выкуп.¹³² Письмо Масрука к Мундару читалось в присутствии различных лиц, присланных к его двору, так как вопрос о его политике интересовал различные государства и разные политические партии этих государств. В числе присутствующих, кроме упомянутого Авраама, находился присланный „из Персии“ „царем персов“ Симеон Бетаршамский, „апокризиарий православных христиан Персии“, который сообщил в своем „Послании“ подробности относительно того, чему был очевидцем. С ним был иподиакон Иоанн, называемый Мандин. Присутствовал также „комит Аггей, сын Зета, состоявший этнархом христианским всего военного лагеря“ (παρόντος κομίτου Ἀγγαίου, υἱοῦ Ζητ, ἐθνάρχου οὐτοῦ χριστιανοῦ τῆς λάσης παρεμβολῆς).¹³³ Παρεμβολή — военный лагерь *colonia militaris*, как переводит эти слова ученый болландист Карпентье, вероятно, охватывал совокупность городов, крепостей, фрурий в пограничной между Византией и Ираном полосе.¹³⁴

Аггей был этнархом арабских христиан этих фрурий и городов, которые имели и своего епископа, следовательно, какую-то объединяющую их организацию.¹³⁵

Наконец, присутствовал и Сила, епископ несторианский из Персии, который, „желая угодить язычникам и иудеям“, спорил и противоречил ромейским и персидским „православным“. Термин „православный“ мог попасть в „Мученичество Арефы“ из монофизитского источника, и поэтому за ним следует искать не только мелкитов и сторонников халкедонского вероисповедания. Так, Симеон Бетаршамский, горячий сторонник монофизитов, назван несколькими строками выше апокризиарием „православных“, т. е. монофизитов.¹³⁶ Находился здесь и епископ Русафы Саргис, который, может быть, был автором „Книги химьяритов“.¹³⁷ Все эти собравшиеся у Мундара с официальными и неофициальными полномочиями лица представляли как бы дипломатический корпус Хирты.

Симеон Бетаршамский сохранил красочные подробности своего пребывания у лахмидов, где решался вопрос первостепенной важности для всего Ближнего Востока. Некоторые из этих подробностей были приведены выше в доказательство подлинности послания. Преобладание на торговых путях было одинаково существенным и для Византии, и для Ирана и не могло не задевать Абиссинии и Химьяра. В государстве Хирты сошлись представители разных политических направлений, стремясь воздействовать и перетянуть на свою сторону царя Мундара.

Авраам бар Еупорос, посланный Юстином, вместе с Симеоном Бетаршамским выехал двадцатого числа месяца Кануна второго 835 г., т. е. 20 января 524 г., из Хирты Наамановой ввиду того, что они не застали в ней царя Мундара, расположившегося в лагере далеко от города. Через 10 дней пути по пустыне на восток они достигли лагеря царя, расположенного против „гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах“.¹³⁸

Приехавшие не успели вступить в лагерь, как к ним подступили „арабы-язычники и маадеи“, т. е. арабы племени маадеев, которые обидели и оскорбили их своими речами. „Они сказали нам: Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов!“ — жалуется Симеон Бетаршамский.¹³⁹ Эти слова имели оскорбительный смысл потому, что они указывали на преследования, которым подвергались от времени до времени монофизиты в Византии и Иране. И Химьяр находился под влиянием монофизитства, которым была охвачена и Абиссиния, поддерживавшая связи с монофизитским Египтом (особенно Александрией).

Навстречу Аврааму и Симеону вслед за тем вышел „посол царя химьяритов к Мундарю, царю Хирты“, который привез от него „полное гордости письмо“.¹⁴⁰ Характеристика этого документа была уже приведена выше, как было отмечено и то, что не все его части автентичны. Но какая-то часть его, содержащая данные, которые известны и по другим источникам, соответствовала сообщаемым ими фактам, как это ясно из сравнения. Письмо это читалось вслух, не только в присутствии различных лиц, прибывших к Мундару из других государств,¹⁴¹ но и в присутствии войска арабского, находившегося с Мундаром в лагере.

„Когда мы прибыли туда, — пишет Симеон, — он [Мундар] собрал свое войско и про-

чел пред ним послание, а посол рассказал, как убивали христиан и как они были гонимы у химьяритов".¹⁴²

Как говорит распространенный текст послания Симеона, Мундар после чтения письма разгневался и позвал „всех знатных христиан своей державы" (**من اجلهم حتى** **ἄλλοις κληρωτοῖς κίκω**) и обратился к ним со словами: „Вот вы слышали, что случилось? Отрекайтесь теперь от Христа, потому что я не лучше, чем цари, преследующие христиан".¹⁴³

Но Мундару резко возразил один из этих знатных: „Не подобает тебе говорить так, царь, не в твои годы стали мы христианами, что ты советуешь нам покинуть Христа и отречься от нашего христианства, потому что мы христиане, как и наши отцы, и отцы наших отцов".¹⁴⁴ В Хирте были, следовательно, лица, которые были связаны с христианскими кругами Ближнего Востока. Возмущенный возражениями, Мундар ответил: „Ты осмеливаешься говорить передо мною?". Но демократические начала в арабском войске жили, и родовые связи имели еще очень большое значение, поэтому Мундар получил отпор. „Из-за страха Божия я не боюсь говорить, ибо меч мой не короче, чем [мечи] других, и я не боюсь биться до смерти",¹⁴⁵ — ответил ему этот знатный муж. Царь лахмидов не мог принять против него мер „из-за его рода" (**ἰσχυρῶν ἄσπ**), т. е. опасаясь сильного рода, который постоял бы за своего представителя, а также потому, что он был „знатный, известный и храбрый в бою".¹⁴⁶

Войско лахмидов могло, следовательно, и не оказать поддержки Мундару, и он не решился действовать круто, в соответствии с пожеланиями Масрука Зу Нуваса, хотя ему и были обещаны этим последним три тысячи динариев за поддержку.¹⁴⁷

В Хирту Нааманову Симеон возвратился в „первую субботу поста", т. е. в конце февраля или в начале марта того же года, и здесь он застал посла, который только что прибыл из Неджрана, куда он был специально послан из Хирты, для получения более точной информации относительно всего случившегося в Неджране. Рассказ этого посла был устным источником, использованным Симеоном.

Таким образом, связь между Химьяром и Хиртой была живой и постоянно поддерживалась ввиду общих интересов. Не безинтересно и то, что в государстве лахмидов нашли возможным вести спор представители несториан и монофизитов, с тем чтобы склонить арабов в ту или другую сторону, к несторианско-иранской или монофизитско-византийской ориентации. Монофизитство было распространено, главным образом, в восточных провинциях Византии. В горячем спора каждая сторона отстаивала свою точку зрения, и не случайно несторианину Силе ставили в упрек, что он старался понравиться „язычникам и иудеям".¹⁴⁸

Византийскому послу Аврааму все же удалось заключить мир с Мундаром. От него в Константинополе узнали или получили подтверждение сведений относительно уничтожения кушитских войск в Химьяре, христиан и той химьяритской верхушки, которая действовала в интересах Абиссинии, признав ее господство.

Юстин I обратился с письмом к Элесбоа (Калебу), царю Абиссинии, считая необходимым побудить его к военным действиям. Византия несла тяжелый урон с утерей торгового пути и считала необходимым обещать Абиссинии свою поддержку в ее выступлении против нового царя Химьяра, без которой Элесбоа, видимо, не решался действовать. Во всяком случае и к Тимофею, монофизитскому епископу Александрии,¹⁴⁹ с которым была связана церковь Абиссинии, Юстин обратился с просьбой написать и поддержать его обращение к Элесбоа. Политические соображения заставляли императора не принимать административных мер против монофизитов, и потому монофизит Тимофей сохранил епископскую кафедру и мог быть использован как его орудие.

В послании к Элесбоа (Калебу) Юстин особенно ставил в вину Зу Нувасу то, что он обратился к персам и к арабам-лахмидам, предлагая последовать его, Зу Нуваса, примеру и поддерживать направление его политики — Γεωράφηκε δε εις Περσίδα και Αλαμουνδάρω Σακίκα εξαιτούμενος τα όμοια διαπράξασθαί εις τους εκείσε όντας χριστιανους.¹⁵⁰ Он просил срочно оказать помощь Химьяру, выступив туда морем на кораблях или сухопутно — εξελθειν ειτε πλοη, ειτε πεζη. Со своей стороны, Юстин — ημεϊς δε — якобы обещал послать множество войск — πληθος στρατευμάτων εκπέψαντες, — которые он хотел направить через области коптов, Беренику, порт на Красном море, блеммиев и кочевые племена, чтобы они достигли пределов Абиссинии и прошли через нее.¹⁵¹ Указанный путь из Египта по Африканскому материка считался обычно очень тяжелым, так как проходил пустынными и безводными областями. Едва ли

он и мог быть использован византийскими войсками, так как из дальнейшего очевидно, что послан был флот для поддержки кушитских войск. Известное воздействие было оказано и со стороны епископа Тимофея, приславшего царю Элесбоа серебряный сосуд и благословения отцов Нитрийской и Скитской пустыни.¹⁵² Непосредственно из Химьяра также была обращена просьба о помощи, так как охваченный „рвением“ и усердием „благородный Аумейах“ (ⲙⲟⲩⲁⲕ ⲕⲓⲕⲱ ⲓⲃ) отправился в Абиссинию (ⲛⲁⲃⲥⲓⲛⲓⲛⲓ) и „поведал благочестивому епископу Евпрепию и Калебу, верующему царю Куша, обо всем, что сделал Масрук, распинатель, с христианами“.¹⁵³

Аумейах привез с собой просьбу или прошение (ⲕⲃⲁⲥⲥ), исходившее, повидимому, от химьяритских христиан; эту просьбу он представил двум упомянутым лицам. Арабской традиции также известно обращение химьяритов как в Абиссинию, так и в Византию. В доказательство злодеяний, произведенных Зу Нувасом, к кушитам с прошением было доставлено полуобгоревшее Евангелие. Царь Абиссинии не решался выступить, не имея достаточного количества судов, за которыми он обратился в Константинополь, переслав туда и обгоревшее Евангелие. Царь ромеев дал ему необходимые корабли.¹⁵⁴

По другой традиции, химьярит Даус Зу Таалабан отправился к царю ромеев и сообщил обо всем происшедшем в Химьяре. Кесарь, не имея возможности послать войска, сам обратился с соответствующей просьбой „к негусу, господину Хабеша“,¹⁵⁵ который и послал войско, чтобы защитить химьяритов.

У Табари использованы традиции Хишама и Ибн Исхака, обе опираются на сообщения, вышедшие из христианской среды. Из сообщений источников очевидно, что Эфиопия и Византия заключили соглашение для восстановления своих интересов в Химьяре. Все это и особенно обещанная поддержка Византии побудили Калеба (Элесбоа) выступить. Часть войск прибыла в Химьяр под предводительством самого Калеба, „чтобы вести войну“, ⲕⲁⲗⲉⲃⲁ. Другую часть возглавлял военачальник Заунас; ⲛⲁⲃⲥⲓⲛⲓⲛⲓ ⲓⲃⲟⲩⲁⲛⲥⲁⲥⲁⲛⲓ¹⁵⁶ по прибытии „в землю химьяритов“ он обратился к своим войскам с речью, содержание которой не сохранилось.¹⁵⁷ Флот представлял большую силу и был необходим кушитам для их военных действий. Предоставление Византией кораблей имело значение и делало выступление кушитов особенно серьезным. Для сведений о гаванях Красного моря и островах, которые играли роль в торговле, эти данные также весьма существенны. Корабли собрались из различных „гаваней ромейских, персидских и эфиопских и с острова Фарсан“. Количество войска — 15 тысяч, — якобы выставленного Элесбоа, никак не может считаться правдоподобным, так как 70 кораблей, которыми он располагал, не могли бы вместить столько людей. Само число, к тому же, слишком велико для эфиопской армии вообще.

Из текста нельзя определить, принадлежали ли собравшиеся корабли Византии или Эфиопии. Автор „Мученичества Арефы“ вообще считает их сбор чудом. На основании некоторых сведений можно говорить о помощи Византии, оказанной Эфиопии кораблями. Но часть флота, несомненно, должна была принадлежать последней, как, например, индийские суда. Во всяком случае „Книга химьяритов“ умалчивает об участии Византии во втором походе Калеба (главы 41, 42, 43). Названное число кораблей, однако, правдоподобно, тем более что сообщается, из какого порта они прибывали¹⁵⁸ и где именно стали на якорь в Адулисе. Всего прибыло 70 кораблей, из которых 9 прибыло из Индии. Их количество распределялось следующим образом.¹⁵⁹ Из гаваней Красного моря прибыл 61 корабль. В том числе из Аила прибыло 15 кораблей. Аил, расположенный в северо-восточном (Эланском, теперь Акабском) заливе Красного моря, был ближайшим приморским пунктом для Петры и сохранял свое значение и в византийский период. Клисма, по положению своему на западном, египетском берегу Суэцкого залива, была значительным портом, из которого в Эфиопию вернулось 20 ее кораблей. С острова Иотабы, расположенного у выхода из Эланского залива, прибыло 7 кораблей. Издревле на Иотабе (древний Диа, ныне остров Тиран) существовала иудейская колония. В V в. здесь находился имперский гарнизон.¹⁶⁰ Туда проникло к этому времени христианство. Так, на актах Халкедонского собора 451 г. была подпись епископа этого острова, имевшего звание „епископа Герара“.¹⁶¹ С острова Фарзана, находящегося в Красном море под 16.50° северной широты,¹⁶² прибыло 7 кораблей. Характерно, что два корабля, т. е. наименьшее число кораблей из всех, пришло из Береники, что едва ли случайно, если это сопоставить с тем, что о ней не упоминает и Козьма Индикоплов. Даже географическое положение Левке Коме ему не известно, так как в комментарии к греческой надписи Адула, где упомянута эта гавань, он дает совсем неверную справку. Автор „Топографии“ ошибочно считает Левке Коме селением Левкоген в

области блеммиев — Εἰς τα μέρη τῶν Βλεμμύων ἐστὶν κώμη καλούμενη το Λευκόγην.¹⁶³ Очевидно, что к этому времени путь от Нила по суше к Беренике и от нее по Красному морю к Левке Коме уже потерял значение.

Все эти корабли из гаваней Красного моря составили число 61, и девять кораблей индийских, следовательно, всего к Элесбоа прибыло 70 кораблей. Из этого перечня видно, что эфиопские корабли посещали не только наиболее оживленные порты Красного моря, какими были Клизма и Аил, но заходили в гавани островов этого моря, принимавших большое участие в транзитной торговле. Упомянутые гавани если и не принадлежали Византийской империи, то, несомненно, находились в сфере ее влияния, как находилась и Йотаба.

Девять индийских кораблей (Ἰνδικὰ πλοῖα) были кораблями, ходившими в собственно Индию, к Малабарскому побережью или на остров Тапробан (Цейлон).

Приморский город Эфиопии, Адулис, имел гавань, о которой сообщает тот же источник. „Все корабли собрал Элесбоа в некоей гавани Габазе (ο ὄρμος Γαβαζα) в пределах города Адулиса приморского и приказал вытащить их на землю".¹⁶⁴ Элесбоа также приказал произвести набор войска из „эфиопов-варваров", которые должны были двинуться из внутренних частей африканского материка к морскому берегу. Но предприятие это не имело успеха, так как засуха, безводные пространства и тяжелый горный подъем погубили большинство войск.¹⁶⁵ При морском переезде часть кораблей потерпела крушение.

Войска высадились, по всей вероятности, в двух местах берега химьяритов, как это выясняется из сопоставления нескольких источников.¹⁶⁶ Эфиопским воинам, чтобы пристать к берегу, пришлось с кораблей пересаживаться в лодки, этим моментом воспользовались войска Масрука, стремясь не допустить лодки к берегу. Как именно происходило сражение, трудно сказать, во всяком случае и „Книга химьяритов" знает о сражении, происходившем на берегу моря, в котором химьяриты принимали участие в конном строю.¹⁶⁷ Возможно, что часть войск, желая помешать высадке десанта эфиопов, спустилась на лошадях в море.¹⁶⁸ Результатом сражения была победа эфиопских войск и гибель царя химьяритов Масрука.¹⁶⁹

Арабская традиция подтверждает гибель Зу Нуваса (Масрука) в борьбе с эфиопами. Хишам (у Табари) сохранил интересную подробность: на попытку Зу Нуваса объединить и поднять на борьбу химьяритских „князей", для чего он им написал, они ответили ему отказом в помощи.¹⁷⁰ Это повторяет и другая традиция, гласящая, что Зу Нувас собрал при приближении эфиопских войск химьяритов и подчиненные ему роды и племена Йемена. Они собрались к нему, но среди них был разброд и развал, что не могло способствовать успешным военным действиям.¹⁷¹

Не найдя поддержки, Масрук Зу Нувас взялся все же за оружие и погиб в этой борьбе.

Царь Калев (Элесбоа) двинулся после победы в морском сражении далее, к столице Химьяра, куда его повел — οδῆγοῦντα αὐτον — „родственник царя химьяритов" (τον συγγενέα τοῦ βασιλέως τῶν Ὀμηριτῶν), убедившийся, что уже никакое сопротивление не возможно, и перешедший на сторону эфиопов. Калев достиг Тафара (Тафар), „захватил его, и цариц, и множество имущества" (καὶ παρέλαβεν αὐτὴν καὶ τὰς βασιλίδας, καὶ τὴν δύναμιν τῶν χρημάτων).¹⁷² В смутной арабской традиции имеются сведения и о том, что кушитов в столицу привел химьяритский царь, но столица названа старым именем Санаа, тогда как действительной столицей был Тафар. Смерть Зу Нуваса, якобы бросившегося в море на своем доне, является отзвуком того, что рассказывают более ранние источники.¹⁷³ Таким образом, Химьяр оказался вновь в руках Эфиопии.

Следует еще раз напомнить одну дефектную химьяритскую надпись, упомянутую в главе об источниках. В ней идет речь о походах и военных действиях, которые могут быть с большим вероятием отнесены к событиям этого времени. В ней упомянуто имя Харита (Арефы, строка 5-я; حارث — حرثم). Званию „царя в Тафаре" (ملكن بظفر) в 10-й строке предшествует не понятное издателями слово в 9-й строке, которое они читают как منذرعم.¹⁷⁴ Это имя, может быть, следует читать как Mzr'[uq], Мазрук, которое в сирийском имеет транскрипцию Masruk. Намек на это имя находится в арабском тексте Табари в форме زرعۃ, которую Нельдеке читает как Zur'a,¹⁷⁵ что частично созвучно имени Мазрук.

Во всяком случае, не настаивая на таком чтении этого последнего имени, а имея бесспорную часть надписи с именем Харита, предложенным к чтению издателями, — чтение в 10-й строке слов „царь Тафара", сообщение о том, что были „приведены мужи" (أجابس) и „его князья" (أقولهو), что нечто было окружено стенами и валами (строка 6-я надписи), следует прийти к выводу, что речь в этой надписи могла идти об этих событиях. В таком случае можно

нившихся от имени этого царя в „Книге химьяритов“.¹⁸⁷

Прокопий Кесарийский сообщает, что после победы Элисфеей (Ἐλλισθεαῖος, = Эла Ашбеха = Калев) поставил „над этим народом“ другого царя, христианина, „родом химьярита“ (Ὀμπρίτων μὲν γένος), по имени Эсимфей, Ἐσιμφαῖος.¹⁸⁸ По условию, он должен был ежегодно платить подать эфиопскому царю. С ним остались и эфиопские войска, что подтверждает и „Книга Химьяритов“. Через некоторое время восстание эфиопских войск, к которым присоединились „другие“, лишило его престола. Его „заперли в одной из тамошних крепостей“. Вместо него царем был поставлен Абраха (Авраам).

Имя Эсимфея засвидетельствовано двумя датированными южноарабскими надписями. В надписи Хусн ал Гураб сообщается, что Сумайфа (سميعة) Ашва, его сыновья Якмил и Мадикариб и другие поименованные лица воздвигли надпись, чтобы отметить восстановление крепости Муит (Muit), ее стен, ворот, цистерн и прочего, после того как они вернулись из земли эфиопов. Последние предприняли нападение на землю химьяритов, убили их царя и „князей“ (qail) в месяце dhgth 640 г.¹⁸⁹

Эта надпись принята за исходный пункт для определения эры химьяритов, так как события, о которых идет речь, т. е. убийство царя Химьяра и его знатных, относятся к 525 г. н. э., соответствующему 640 г. химьяритов, эра которых, следовательно, начиналась в 115 г. до н. э. Месяц, указанный в надписи, принадлежит к числу осенних.¹⁹⁰ Глазер высказывал некоторые сомнения, предполагая, что надпись можно отнести и к 522 г., тогда эра химьяритов начиналась бы в 118 г. до н. э.¹⁹¹ В настоящее время указанная выше дата — 115 г. до н. э. — принята как начало химьяритской эры.¹⁹²

На основании этой надписи следует считать, что Сумайфа (Эсимфей) со своими сыновьями и с другими сторонниками habeš (эфиопов) вернулся из их страны, так как эфиопы одержали победу над Зу Нувасом. Сумайфа, следовательно, сторонник Эфиопии, поддерживавший ее завоевательную политику в Химьяре, но нет никаких оснований считать его христианином, в надписи для этого никаких указаний нет. Эти сведения прекрасно сочетаются с теми новыми данными, которые стали известны лишь с опубликованием „Книги химьяритов“. Ведь этот сирийский источник говорит, что царь Калев (Элисфеей, Элесбоа греческих источников) поставил царем химьярита, который был язычником, но тяготел к „кушитами“ (habeš, эфиопы). Калев его окрестил и сделал своим ставленником, царем Химьяра.¹⁹³ О том же говорит и Прокопий Кесарийский. Надпись Хусн ал Гураб относится ко времени, когда Сумайфа (Эсимфей) еще не занимал этого высокого поста. Известно, что Калев оставался в Химьяре семь месяцев, пытаясь окончательно подчинить его; к этому времени и относится, по всей вероятности, эта надпись.

Так, сопоставления имени Сумайфа (Эсимфея) и данных греческого, сирийского и химьяритского источников позволяют неопровержимо установить новые факты.

В надписи Глазера 618 вторично встречается имя „Мадикариба, сына Сумайфы“, принимавшего участие в коалиции группы сабейских знатных „князей“,¹⁹⁴ вступивших в борьбу с Абрахой в 542 г. н. э. Так как Абраха захватил власть в Химьяре после свержения Сумайфы (Эсимфея), то участие сына последнего в коалиции против Абрахи вполне понятно. О восстании эфиопских войск и „других“, присоединившихся к ним, сообщает приведенный выше текст Прокопия Кесарийского, так же как и о заточении Сумайфы (Эсимфея). Последний вызвал недовольство эфиопского царя еще и тем, что требуемые царем подати выплачивались в недостаточном количестве. Всем этим и воспользовался Абраха, чтобы захватить власть в свои руки.

ЭФИОПИЯ И ИЕМЕН ПОСЛЕ ВТОРОЙ КУШИТО-ХИМЬЯРИТСКОЙ ВОЙНЫ

Восстановление господства эфиопов (habeš) по другую сторону Бабэльмандебского пролива должно было привести к укреплению византийского влияния в Йемене. Действительно, Эфиопия и Химьяр не выходили из поля зрения Византии в течение ряда десятилетий, они были одним из опорных пунктов ее политики на Ближнем Востоке.

В 531 г. Юстинианом было направлено посольство в Эфиопию и Химьяр.¹⁹⁵ Посол Юлиан должен был убедить царя Эсимфея (Сумайфа, Альфазра-Альфарна сирийских источников) принять участие в войне Византии против Ирана. Вовлечение в войну южной Аравии могло создать некоторую опору Византии для сопротивления Персии, активно наступавшей на империю в Месопотамии и одержавшей блестящую победу в битве на берегах Евфрата.¹⁹⁶ По замыслу византийской дипломатии, войска химьяритов должны были перейти „пустыню“,

проделать „продолжительную дорогу" и начать наступление на персов. Еще Прокопий понимал, что „им представлялось трудным"... „напасть на народ, который был гораздо воинственнее их". Путь сушей, о котором он говорит, — древний путь через Иемаму, которым пользовались наряду с караванной дорогой, пролежавшей вдоль западного берега Аравии. Предложения Византии были непосильны для Йемена, химьяриты были неизмеримо слабее персов, а после тяжелого, многодневного пути не могли быть боеспособными и вести войну. Византия приняла меры, чтобы им была оказана поддержка воинственными и сильными войсками бедуинов-кочевников. Выступить должны были племена „маденов" (Μαδδῆνοι). Маадеи , упоминаемые и в послании Симеона Бетаршамского, были арабы-язычники, поддерживавшие связи с государством лахмидов.¹⁹⁷ Кайс „из рода филархов", правивший маадеями, воинственный и мужественный человек, вынужден был в это время оставить свою филархию. Как сказано выше, он убил одного из родственников химьяритского царя Эсимфея.¹⁹⁸ Опасения кровавой родовой мести загнали его в „безлюдную пустыню". Византия стремилась вернуть изгнанника и, примирив его с Эсимфеем, вновь поставить Кайса филархом маадеев, а затем побудить его участвовать в совместном с химьяритами походе против персов. Таково было первое поручение, данное послу Юлиану в Константинополе.

Юлиан имел также второе дипломатическое поручение — в Эфиопию, в котором особенно отчетливо выступали экономические интересы Византии. Правительство Юстиниана желало, чтобы Эфиопия приняла более активное участие в торговых сношениях с Индией и чтобы ее купцы приобретали там шелк-сырец, метаксу. Этим путем они стали бы „господами большого богатства", так как те большие суммы, которые тратили ромеи, покупая шелк „у своих врагов" — персов, были бы получены ими.¹⁹⁹ Но это оказалось неосуществимым, так как „эфиопам приобретать метаксу у индов было невозможно". Персы в качестве наиболее близких соседей первыми скупали у „индов" все товары, которые те привозили в свои гавани, так как прибывала туда раньше других. Иначе говоря, торговля с Индостаном и Цейлоном находилась в руках персидских купцов, которые господствовали в Персидском заливе и Индийском океане. Они не допускали участия эфиопских торговцев, и через последних Сирия, Египет и Константинополь получали лишь ничтожное количество приобретаемых ими товаров. Среди этих товаров одно из первых мест принадлежало шелку-сырцу.²⁰⁰

Эфиопия не могла выдержать конкуренции Ирана также и потому, что ее торговый и военный флот был незначителен. Выше было сказано, что для похода против Химьяра Эла-Ашбеха (Калеху) потребовались византийские корабли, без которых он не мог переправить свои войска. Часть эфиопского флота была также отвлечена торговлей с племенами, населявшими восточное побережье Африки, южнее Эфиопии. Примитивно построенные эфиопские корабли вообще были мало пригодны для далеких плаваний. Отсталые технические приемы строительства кораблей без гвоздей и железа вызывали пренебрежительное удивление греков.²⁰¹

Таким образом планы византийской дипломатии потерпели неудачу. Юстиниан и впоследствии неоднократно побуждал химьяритов к походам против персов, но они этих походов не предпринимали.

Сведения о посольствах в Эфиопию и Йемен сохранились в греческой историографии. Особенно интересны донесения посла Нонна (Nonnosius), отрывки которого сохранились и свидетельствуют о том, что он делал сообщения в первом лице. Фрагменты его донесений были известны из сочинений позднейших византийских писателей и хронистов. Сохранились и другие сообщения, относящиеся к посольству Юлиана, направленного в 531 г. императором Юстинианом. У Малалы сведения об этих посольствах слиты вместе. Мордтманн приводил в пользу такого взгляда веские соображения, например употребление двух написаний имени 'Αμερτα и 'Ομερτα, φακίολιν для головного платка и другие.²⁰²

Упомянутое посольство 531 г. было вызвано донесением патрикия Руфина, указавшего Юстиниану на „криводушие царя персов Кавада" (τὴν παρακωάδων βασιλέως Περσῶν παραβάσιν). Представлялось необходимым парализовать „лукавые" действия Кавада и противопоставить Ирану новые силы. Так как дата смерти Кавада — 531 г. — известна точно, то, следовательно, и упоминаемые в хронике Малалы в связи с этим посольством царь Эфиопии Элессбоа (Эла-Ашбеха) и Эсимфей (Сумайфа), царь химьяритов, еще царствовали в этом году.

Большой интерес представляют сообщения о том, как следовал посол из Александрии. Путь его шел по Нилу, затем по „Индийскому морю". Очевидно, что путь этот должен был иметь и промежуточные звенья на Африканском материке — одну из гаваней Красного „Ин-

дийского" моря. Одной из таких общепринятых дорог „был путь из Копта на Ниле в Беренику на Красном море". Эта дорога была устроена еще Птолемеями и на всем своем протяжении была снабжена колодцами и цистернами.²⁰³ Только внеся такую поправку, т. е. что часть пути была сделана по матерiku, можно принять сообщение Малалы о пути из Александрии по Нилу и „Индийскому" морю в страну эфиопов.

По прибытии ромейский посол побывал на торжественном приеме у царя Эфиопии, который „давно был удостоен вести дружбу с ромейским императором" (οτι δια πολλων χρονων ηξιωθη μετα του βασιλεως Ρωμαίων κτήσασθαι φιλιάν).²⁰⁴ „Этикет" и обычаи, принятые у „царей Индии", т. е. Эфиопии, описаны подробно. Кроме золотых украшений и драгоценных камней, на обнаженном теле царя был лишь набедренный из льняной с золотом ткани (εις τας ψύας αυτοῦ λινόχρυσα ἱμάτια). Голова его была покрыта таким же платом, или тюрбаном, имевшим с обеих сторон четыре шнура (εν δε τη κεφαλη αυτοῦ λινόχρυσον φακίολιν εσφενδονισμένον, ἔχον εἰς ἀμφοτερον των μερων σειρας τεσσαρας).²⁰⁵ В золоченую его повозку были впряжены слоны. В руках царь держал позолоченный щит и два позолоченных дротика (δύο λαγκίδια). Все его придворные также стояли вооруженными (καί οὕτως ἵστατο πασα η σύγκλητος αυτοῦ μεθ' οπλων) и пели песни (μέλη μουσικά).²⁰⁶

Дальше Малала передает рассказ в первом лице, без сомнения позаимствованный из донесений Нонна, против чего настойчиво, но без достаточных оснований, возражал Фелл, считая, что и посол Юлиан оставил письменные записи о своем посольстве.²⁰⁷ Но доводы, приведенные Мордтманом, считающим это место, как и предшествующий рассказ Малалы, заимствованием из донесений Нонна, вполне убедительны.²⁰⁸

Когда ромейского посла ввели, он поклонился, преклонив колено; царь приказал ему подняться, принял грамоту (σάκρα) ромейского царя, поцеловав ее печать (κατεφίλησε την σφραγίδα). Он принял также поднесенные ему подарки от императора. Из переведенной ему грамоты царь узнал, что византийский император желал, чтобы он выступил против Кавада и впредь прекратил с ним обмен, και του λοιπού μηκέτι συνάλλαγμα ποιῆσαι μετ' αυτοῦ, но вел бы торговлю с Александрией, пользуясь дорогой по Нилу.²⁰⁹

Сообщение Малалы о немедленном выступлении Эфиопии против персов следует считать ложным. Надо отдать преимущество сообщению Прокопия как современника и достоверного историка, который утверждает, что, несмотря на неоднократные представления и побуждения из Константинополя, Аксум наступления на Персию и войны с ней не повел.²¹⁰ Несомненно, однако, что находившиеся под властью эфиопов, как и химьяриты, арабы-бедуины разоряли персидские области по настоянию царя Элесбоа (Калеба). К их числу принадлежали мадены (маадеи), которые считались „сарацинами", подчиненными „царю Индов" (τους υπ' αυτον Ἰνδους Σαρακηνοῦς).²¹¹ Тесно связанные с Химьяром, они имели связи и в государстве лахмидов. Набеги арабских племен на государство сасанидов, которые провоцировал Аксум, дали возможность потребовать и „голову ромейского посла", которую с другими дарами царь Элесбоа послал императору.²¹²

К тому же, к 531 г., или к году позднее, следует отнести смещение первого ставленника эфиопского царя в Химьяре. Эфиопские войска, остававшиеся в плодоносной и „счастливой" Аравии, чтобы „оберегать царя", восстали, получив поддержку местных людей, они свергли Эсимфея (Сумайфа), заключили его в крепость и „поставили царем другого, по имени Аврама".²¹³ Что царство досталось ему после борьбы с предшественником, известно и арабским источникам.²¹⁴ Абраха, Ἀβρααμος, был „христианином, рабом мужа ромея", который жил в Адудлисе, где имел свое торговое дело.

Положение Абрахи оказалось настолько прочным, что присланное из Эфиопии для „наведения порядка" трехтысячное войско присоединилось к нему, убив своего военачальника, и смешалось с войском Абрахи. Новая карательная экспедиция эфиопов вновь была разбита его войсками, и дальнейших попыток Эла-Ашбеха больше не делал. В течение некоторого времени Абраха сохранил самостоятельность Химьяра.²¹⁵ Арабские источники сильно разукрасили это повествование и внесли много легендарных подробностей об Ариате, по происхождению эфиопе, военачальнике,²¹⁶ возглавлявшем войска негуса в борьбе с Абрахой, но они остаются верными основным фактам, подтверждая, что в течение известного времени Абраха оставался независимым от Эфиопии. Попытки разбить его не удалась.²¹⁷

Переворот в пользу Абрахи не привел, однако, ни к восстановлению иудействующей группировки химьяритов, ни к преобладанию химьяритов языческой ориентации. Абраха был христианином и, как можно заключить из ряда данных, продолжал сохранять ориентацию на

Византию, несмотря на то что вышел из повиновения Эфиопии. Относительная независимость Химьяра не надолго могла быть желательна как для Византии, так и для Ирана. Византию удовлетворяло то, что там оставались верными ромейско-христианской ориентации, Иран — то, что Химьяр, не связанный протекторатом эфиопов, был для него менее опасным.

О значении Византии и ее влиянии на Химьяр говорят как ряд литературных произведений, так и сообщения о памятниках материальной культуры, возникших с помощью византийских мастеров. Иметь опору в Иемене для стремившейся с давних времен к господству в Красном море империи было более чем желательно. Отношения с Химьяром были одним из эпизодов международной экономической политики Византии, традиции которой сложились еще в эпоху Римской империи.

И в греческой литературе с именем Абрахи (Авраама) связаны законодательный и апологетический клерикальные памятники, автором которых назван епископ Грегентий. Если откинуть легендарные подробности жития Грегентия, то остаются сухие факты, не могущие вызвать сомнений в их исторической правдивости, а именно, что епископ Грегентий был прислан из Византии к химьяритам. Он поддерживал тесную связь с царем Эфиопии Элесбоа (Калобом) и помогал политическим мероприятиям Абрахи (Авраама).²¹⁸ С именем Грегентия связаны упомянутые „Законы химьяритов" и „Спор" Грегентия с иудеем Эрбаном. Даже если оба эти памятника и являются псевдоэпиграфами, то составлены они были во всяком случае в VI в. В предисловии к Νόμοι τῶν Ὀμηριτῶν Грегентий описан как лицо, принимавшее участие во внутренней организации государства химьяритов после воцарения Абрахи (Авраама). Из греческих источников только Прокопий сохранил верную традицию, по которой Авраам является вторым царем химьяритов, после победы над ними Элесбоа в 525 г. Для „Законов химьяритов", как и для „Мученичества Арефы", Авраам — ставленник Элесбоа, первый царь химьяритов, поставленный им.²¹⁹ Местом действий Грегентия является Тафар, столица Авраама. Возможно, что большой храм, построенный в Тафаре, о котором говорит житие Грегентия и где он был похоронен,²²⁰ — тот самый храм, построение которого описывает Табари.²²¹ Византийский посланец и клирик занимался не только духовными делами, но, видимо, принял живое участие в государственных и экономических вопросах, которые играли первостепенную роль.

О связях Иемена с Византией свидетельствует и сообщение о построении христианского храма, отличавшегося особенной красотой и великолепием. Материал и мастера — строители этого здания — прибыли из Константинополя, как сообщает Табари, пользовавшийся христианским источником. По всей вероятности, это тот же самый источник, из которого он почерпнул сведения об обращении в христианство Неджрана. Восторженные слова, которыми Табари описывает эту церковь, это подтверждают. Она была построена в Санаа — старой столице Сабейского царства.²²² На всем протяжении сообщений о Химьяре у Табари в качестве столицы фигурирует именно Санаа, а не Тафар, который считается столицей Химьяра на основании других источников. Самый факт постройки церкви сомнению не подлежит, в арабском тексте ей даны два названия: *ἐκκλησία* *القليس* или канисатун *كنيسة*. В первом случае это искажение греческого названия, во втором случае — каниса, кенесет, представляет собою иудейский эквивалент для слова „синагога" и с этой точки зрения представляет интерес, так как говорит о том, что этот термин проник в южную Аравию с иудейской религией. Позднейшими представлениями и влиянием мусульманства следует объяснить легендарные слова Абрахи в письме к негаша, что он не успокоится, пока не заставит арабов совершать хадж *اصرف اليها حاج العرب* к этому храму.²²³ Самый мотив этих слов внушен намерениями Абрахи двинуться на Мекку, его общими объединительными тенденциями, в которых должны были быть приняты в расчет и идеологические факторы.

Постройка осуществлялась под руководством византийских мастеров, и были доставлены различные строительные материалы. Этот факт не может возбуждать недоверия не только потому, что он передан надежной традицией, но и потому, что он не выходит из ряда подобных же действий византийского правительства.

Строительная техника в южной Аравии стояла на большой высоте, об этом свидетельствуют памятники материальной культуры и данные надписей, как, например, надписи Глазера 618. Последняя сообщает, что для починки дамбы подвозили камни различных пород и металл для их скрепления. Камни просверливались и затем скреплялись литым металлом (строки 58—61).²²⁴ Доставленные для постройки церкви мрамор и материал для выполнения мозаичных работ, *الفَسْفَسَا*, объясняют, однако, почему в строительстве должны были принимать участие опытные и обученные сложному искусству такого рода работ мастера, которых не было в чис-

ле местных людей.²²⁵

В программу византийской дипломатии входила христианизация варварских народов — повсюду, где этого требовали ее экономические и политические интересы. Обращение в христианство и присоединение к господствующему вероисповеданию Византии обставлялось ею со всевозможной торжественностью, пышностью, посылались дары и приношения, приезжали клирики, привозили книги, утварь, одежду — примеров этому можно привести много. Поэтому и сообщения Табари не могут вызывать сомнений.

В первый период правления Абраха смог отстоять свое независимое положение, отбить две повторных экспедиции эфиопов и утвердиться на престоле. Он несомненно пользовался поддержкой Константинополя, посольства которого неоднократно направлялись в Йемен. Но политика Абрахи не удовлетворяла и не могла удовлетворить всех. Химьяриты-язычники и круги, ориентировавшиеся на иудейские торговые связи и на Иран, были склонны к другому направлению и выражали свое недовольство, а затем объединились для восстания, о чем свидетельствует датированный эпиграфический памятник.

К числу самых замечательных памятников южноарабской эпиграфики принадлежат надписи, связанные с восстановлением дамбы в Марибе.²²⁶ Одна из них (Глазер 618) содержит важные сообщения относительно времени царствования Авраама (Абрахи) и датирована 657 и 653 гг. эры химьяритов. Благодаря надписи Хусн ал Гураб, связанной с именем Сумайфы, или Симайфы (Эсимфая), датированной 610 г. химьяритской эры, соответствующим 525 г. н. э., как выше было указано, надпись из Мариба может быть датирована 542 и 543 гг. н. э.

К этому времени Абраха занимал положение „царя Саба, Райдана, Хадрамаута, Йеманата и арабов гор и долин“. Но он находился в подчинении царя Эфиопии, был его сторонником и, вероятно, данником. Надпись называет Абраху **افضلى** „царя гезов“, т. е. эфиопского царя Рамхизи Забиамана. Термин **عضلى** Преториус читает как **اضجى** и переводит его как *vir fortis* или *imperator*.²²⁷ Совершенно правильным следует считать, что Абраха находился в подчинении у названного „гезского“ царя.²²⁸ Надпись сообщает о восстании „нашего наместника“ (**اخلفتهمو**) — корень **خلف** и plur. majestatis местоименного суффикса, текст, строка 11) по имени Язида.²²⁹ Факт восстания вообще не удивителен в этот сложный и смутный для Йемена период.

Абраха, в первый период захвата власти, хоть и не подчинился эфиопскому царю Калебу (Эла-Ашбеха), но тем не менее официально признавал и покровительствовал христианству. Это говорит о том, что направление его политики было благоприятно для Византии. Затем он был вынужден признать господство Эфиопии. В Йемене оставались в силе группировки, для которых ориентация на Иран представляла больше интереса. Сабейская знать, представители которой поименно перечислены в надписи как принадлежавшие к этой группировке, была объединена Язидом. Ими была осаждена и захвачена крепость Кидар (строки 20 и 21). С новыми, примкнувшими к нему силами Язид напал на Хадрамаут — **او حرب حضرموت** (строка 22).²³⁰

Когда тревожные вести дошли до царя Абрахи, он двинулся, чтобы вернуть принадлежавшие ему области (строка 24).²³¹ „Он собрал свои войска“, состоявшие из эфиопов и химьяритов — **وجمعوا جيشهمو اخبشت وحميمهم** (в строках 25 и 26 множественное число глагола **جمع** и местоименный суффикс при слове „войска“ следует отнести за счет pluralis majestatis). Поход этот был начат в весеннем месяце 657 г. эры химьяритов (строки 26 и 27), следовательно, весной 542 г. н. э.²³² Но войска не вступили в бой, так как оказалась разрушенной дамба Мариба, вследствие чего резко изменилось положение войск Язида и он предпочел подчиниться Абрахе. В надписи события изложены в таком порядке: Язид, прибыв в Набат, просил о соглашении с царем Абрахой, — и он „вновь протянул ему свою руку“ (**وهعدهمو يدهو**) — строки 39 и 40). Между тем пришла весть о прорыве дамбы летом того же 657 г. эры химьяритов. Царь Абраха простил другие племена (строки 49 и 50). Но некоторые военачальники Абрахи продолжали еще военные действия у Кидара, так как часть „князей“ **اقول** оказывали там сопротивление (строки 53—55), несмотря на то что Язид покинул их ряды.

Очень вероятным является предположение, что разрушение дамбы было произведено по распоряжению царя Абрахи.²³³ Это было решительной, жестокой мерой, но мерой, которая немедленно дала желанные результаты — подчинение непокорных. Но вслед за этим встала новая задача — восстановление дамбы, и царь Абраха отдал распоряжение подвести необходимые материалы — песок, камни, глыбы скал (строки 57—60), чтобы восстановить дамбу и стены Мариба. Срок для этого был установлен в несколько месяцев.²³⁴ В ожидании подвоза строительных материалов и завершения военных действий, Абраха направился в Мариб, где

была освящена церковь, — факт, к которому еще придется вернуться.

Между тем, предпринятые работы были тяжелыми и привели к тому, что и арабское население, и войско Абрахи, принимавшие участие в работах, были утомлены. Кроме того, необходимость поставлять провиант для войска и нести всю тяготу повинности постоя солдат привели к недовольству населения. „И когда они (царь) увидели, что пришла тягота на племена" *و احمهم و كل رايو كخنو اضلن على اشعبن اذنو لهمو لاحبشهمو* — строки 73 и 75), то дали им, т. е. племенам, эфиопам и химьяритам, отдых или отпуск (строки 74 и 75). Под влиянием их недовольства Абраха отпустил „племена" и вероятно распустил часть своих войск. Преториус предлагает толковать „тяготу" или „несчастье", жертвой которых стали войска Абрахи, как эпидемию и поэтому перевел это слово как „чума".²³⁵ Возможно, что роспуск части войск был условием, выставленным восставшими сабейскими „князьями", которые до этого оказывали сопротивление в Кидаре (строки 76—80).

Примирение и победа, которых достиг Абраха, отразились, по свидетельству надписи, соответствующим образом на международных отношениях. К царю химьяритов в Мариб съехались владетели и „князья", оставшиеся ему верными, и прибыли послы ряда государств Ближнего Востока. Перечисленные в надписи названия городов и областей прежде всего относятся к Йемену (строки 83—87).

Перечисляя прибывшие посольства, текст надписи делает терминологические различия в звании послов Византии и Эфиопии, с одной стороны, Ирана, с другой, мелких княжеств и царьков, с третьей. Так, дружественным посольством — *محشكت* — названы представители Византии и Эфиопии, *تنبلت* — посольство Ирана и, наконец, *رسل* — посланными названы лица, представлявшие арабские княжества (строки 90—91).²³⁶ То, что в Марибе в 543 г. находился представитель негуса *نغشى*, говорит о той поддержке, которую оказывала Эфиопия царю Йемена. Подчинение Абрахи было осуществлено не при Эла-Ашбеха, а позднее, в царствование царя, получившего престол после него.²³⁷ Марибская надпись называет „царя гезов" Рамхизи Забиаман, от которого, надо думать, и был прислан посол.

Различие в применении терминов и порядок, в котором расположены государства в надписи, говорят о более тесной связи царства химьяритов с двумя первыми державами: Эфиопией и Византией. Иран и лахмиды Хирты заняли второстепенное положение. Направление политики Абрахи подтверждает это положение. Стремясь занять независимое от Эфиопии положение, он вел дружественную политику в отношении Византии и, несомненно, пошел на соглашения и даже подчинился кушитам, когда это оказалось необходимым. Экономические интересы Йемена были связаны с бассейном Красного моря и государствами, царившими в нем. Тем не менее поддерживались и связи с Ираном, с государством Хирты, поэтому вслед за „представительством" царя Ирана *تنبلت ملك فرس* назван „посланец" (*رسل*) от Мундара, царя Хирты, с которым поддерживались сношения и предшествующими царями Химьяра. Затем следуют имена Харита ибн Джабала и Абукариба ибн Джабала, также пославших своих представителей к Абрахе.

История Харита бар Габала, „Арефы" греческих источников, хорошо известна. Это был один из блестящих представителей рода Гассанидов, он состоял на службе у Византии в качестве филарха арабов Сирии (центр Дамаск), находившихся под ее протекторатом.²³⁸

Что касается Абукариба ибн Джабала (строки 91 и 92), то речь идет об Абохарабосе (*Αβοκάραβος*), филархе областей, принадлежавших в прошлом Набатейскому государству и отошедших к Риму. По свидетельству Прокопия, Абукариб „подарил" Финикон (*ο Φοινικων*), большой оазис финиковых пальм, издревле населенный арабами, императору Юстиниану. Так как этот оазис находился среди материка (*ἔστι δε ο Φοινικων εν τη μεσογεια*) и, чтобы достигнуть его, нужно было пройти десятидневный путь по безводной и безлюдной пустыне,²³⁹ то Юстиниан лишь на словах, условно, мог считать Финикон своим (*τω μεν ουν λογω του Φοινικωνα βασιλευς εχει*). Юстиниан, следовательно, владел Финиконом лишь номинально, этот оазис находился как бы под протекторатом Византии. О сарацинах Финикона упоминает и Нонн.²⁴⁰ Военные таланты Абукариба делали его страшным для врагов, и в течение своей жизни он сохранил свои владения неприкосновенными. Константинополь использовал его воинственность, поставив „филархом сарацинов Палестины" и сделав своим союзником. На юго-восток от владений Абукариба Прокопий называет племена маадеев, „подчиненных химьяритам". В качестве филарха Палестины Абукариб должен был оберегать границы от маадеев, воинственность которых и связь с арабскими племенами Хирты не могли не представлять опасности для византийских владений. Необходимо отметить, что Кайс, бывший в течение некото-

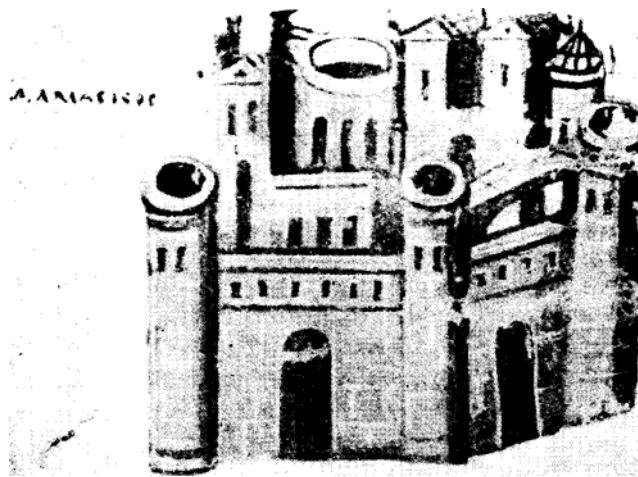

рого времени филархом палестинских арабов,²⁴¹ — в 543 г. им уже не был, так как надпись Мариба о нем не упоминает.²⁴² Судьба Кайса тесно связана со вмешательством Византии в дела химьяритов и арабских племен. Между 525 г., годом победы Эла-Ашбеха в Йемене, и 543 г., годом Марибской надписи Абрахи, Византия поддерживала самые тесные сношения с государствами, расположенными по „пути благовоний" и берегам Красного моря. Это было частью ее политики на всем Ближнем Востоке и на Кавказе и в Крыму, где она стремилась утвердить свое влияние.

К границам Палестинской филархии примыкал Финикон, а далее шли области арабов-маадеев, которые были подчинены химьяритам.²⁴³ Некоторое время филархом маадейских племен был Кайс, но, как известно, он убил одного из родственников царя Эсимфея (Сумайфы) и бежал в пустыню, опасаясь кровавой мести. Юстиниану же было выгодно, чтобы химьяриты восстановили Кайса в качестве филарха маадеев.²⁴⁴

Посол Юстиниана, Юлиан, должен был побудить эфиопов и химьяритов к активным действиям против персов. Кайс, поставленный вновь во главе маадейских арабов как принадлежавший по рождению к „роду филархов" и обладая воинским талантом, должен был принести большую пользу. В Константинополе считали желательным, чтобы нападение на Иран было произведено совместными силами химьяритских и маадейских войск. Первое посольство Юлиана должно было иметь место в период между 525 г., годом победы Эла-Ашбеха, и 531 г., годом смерти царя Кавада. Посольство Юлиана в Эфиопию было обращено к Эла-Ашбеха, к химьяритам — к Эсимфею (Сумайфа). Так как после этого известно еще три византийских посольства, отправленных до 531 г., которые имели отношение к Кайсу, то первое посольство Юлиана следует отнести к 526 или 527 г.

Следует помнить, что упомянутый в послании Симеона Бетаршамского Авраам, отец Нонна, был направлен к Кайсу, когда последний был восстановлен в качестве филарха арабов, племен кинди и маадеев. Желая обеспечить спокойствие византийских областей от их воинственных набегов, Аврааму было поручено привести в качестве заложника сына Кайса Мавию, Μαύιας, что он и выполнил.²⁴⁵ Следующее дипломатическое поручение было дано сыну Авраама Нонну, который должен был доставить в Византию самого Кайса. Но филарх арабов не согласился выполнить это пожелание империи.²⁴⁶ Между тем, учитывая достоинства Кайса, Византии было желательно иметь его на службе у себя, сделав его филархом Палестины. Фи-

Дамаск, вокруг которого группировались арабские племена, подвластные Византии. Условное изображение города. (Илл. древнейшей рукописи „Топографии" Козьмы Индикоплова).

лархию племен кинди и маадеев Кайс должен был передать своим братьям Амру и Язиду, а сам стать филархом Палестины. Имя Язида упомянуто в Марибской надписи как главы восставших против Абрахи племен. Никакого противоречия между тем, что Язид был поставлен на место Кайса самим Кайсом, и тем, что он был назначен на него Абрахой, — нет, как это напрасно думает Глазер.²⁴⁷ Арабские племена, о которых идет речь, находились под властью химьяритов, и, в конечном счете, филархи утверждались царем Химьяра, о согласии которого и приезжали просить византийские послы. Но филархат был наследственным для определенного рода.

Некоторое время Кайс пробыл филархом Палестины, но он не был им в 543 г., когда Марибская надпись упоминает Абукариба бар Джабала, брата Харита бар Джабала. Выше уже была речь о том, что Абукариб получил звание филарха Палестины.

Благодаря данным Прокопия можно указать на продолжавшиеся попытки Византии втянуть в войну с Ираном Эфиопию и Химьяр. Перед тем как начать военные действия против Византии весной 540 г., Хосров I искал повода разорвать заключенный в 532 г. „вечный мир“.

Одним из поводов для этого был спор арабских племен за „страту“. Несколько южнее Пальмиры (Тадмора) проходила вымощенная дорога „страта“, годная как для передвижения торговых караванов, так и для стратегических целей. Царь Хирты и филарх гассанидов спорили между собой относительно прав на нее. Опасаясь конфликта, Юстиниан направил к ним Стратегия, патрикия и „архонта царской казны“, и Сумма, „брата Юлиана, который незадолго перед тем был направлен послом к эфиопам и химьяритам“ (ο δε Σοῦμμος Ἰουλιανοῦ ἀδελφός ην ὁς ολίγω ἐμπροσθεν ἐς Αἰθιοπίας τε καὶ Ὀμηρίτας ἐπρέσβευσε).²⁴⁸ Так как спор за „страту“ происходил непосредственно до весны 540 г., когда Хосровом была начата война против Византии, то и посольство Юлиана должно было быть незадолго до этого, следовательно, в 30-х годах VI в. Это второе посольство Юлиана не могло относиться ко времени, когда Эла-Ашбеха и Эсимфей были царями.²⁴⁹ Прокопию, очевидно, были известны два посольства, в которых участвовал Юлиан. Целью второго посольства должно было быть все то же стремление найти союзников в войне против Ирана, вызвать Эфиопию и Химьяр на выступление против державы сасанидов.

К 543 г., году надписи Мариба, относится еще одно посольство от византийского императора к химьяритам, засвидетельствованное этой надписью. Таким образом, в период между 525 г., годом победы над Зу Нувасом эфиопских войск, и 543 г., годом надписи Абрахи, достоверно известно пять посольств Византии к отдельным арабским племенам (маадеям и кинди), к государствам химьяритов и эфиопов, которые обычно объезжал один и тот же посол. Это были арабские племена и государства Иемена, а также государство Аксума, т. е. страны, географически связанные с выходом из Красного моря и путем в Индию. Возможно, что число посольств было гораздо больше, так как в датах большинства из них нет уверенности.

Вопрос о христианстве в Иемене уже неоднократно затрагивался выше. Для Абрахи христианство осталось в силе, а вместе с этим восторжествовали группировки, связи с которыми поддерживались Эфиопией и Византией.

Если Табари сохранил сообщение о построении церкви в Санаа, то и надпись Мариба говорит о построении другой церкви в Марибе. Можно было бы предположить, что речь идет об одном и том же факте и что Табари лишь заменил Мариб именем Санаа. Но это не так. Храм в Санаа строился долго, к строительству были привлечены мастера из Византии. В Марибской же надписи говорится, что храм был освящен (وقد نشؤ بعث مرب) — в нем было возобновлено богослужение, т. е. он был построен раньше, тем более, что сделать это успели до того, как был подвезен материал для починки дамбы.²⁵⁰ В Марибскую церковь были поставлены священники для того, чтобы в ней служить كيهو قسيس نبهسته.²⁵¹ Слово اقسيس (сирийское **ܩܨܝܣܝܐ** — священник) ведет к глубоким терминологическим связям, говорит еще раз о сирийских влияниях, торговых и культурных сношениях сирийцев с Иеменом и подтверждает, что христианство пришло к химьяритам из сироязычных стран. Замечательно, что памятники химьяритской эпиграфики подтверждают факты, сообщенные сирийской „Книгой химьяритов“.

Ко времени Абрахи относится еще одно событие, дата которого точно не известна, — поход химьяритов на Мекку. Этот поход следует рассматривать как попытку присоединить к Иемену крупнейшие караванные города, стоявшие на „пути благовоний“. Но едва ли можно говорить о его намерении через Хиджаз и пустыню достигнуть Месопотамии, чтобы разделиться с врагами Византии — сасанидами.²⁵² Такое предположение о цели похода можно сделать лишь на основании намека Прокопия.²⁵³

Из легендарных рассказов арабских источников о походе на Мекку можно все же убедиться в одном — что такой поход состоялся, но не принес Абрахе победы. Табари привел разные легенды о походе Абрахи на Мекку.²⁵⁴ 105-я сура Корана вспоминает об этом событии как об особенно несчастной и претенциозной попытке, не давшей результатов.²⁵⁵ Поход этот отнюдь не имел тех, чисто легендарных, причин, о которых говорит арабская традиция и которая напрасно все еще повторяется некоторыми историками. Укрепившись в химьяритском государстве, расправившись с восставшими к 543 г., Абраха стал сильным правителем. С Эфиопией еще до этого года было достигнуто соглашение,²⁵⁶ по которому Иемен признал себя подчиненным. Представитель негази был в числе прибывших в Мариб к Абрахе послов.

При Абрахе химьяритское государство пользовалось известной независимостью, со-

глашение, заключенное с Эфиопией, после смерти Эла-Ашбеха сводилось к обязательству выплачивать определенную дань. Дружественная поддержка, которую оказывала Византия Йемену, имела целью вызвать активные военные действия против Ирана и обеспечить спокойствие караванного пути из Сирии в южную Аравию. Но от войны с сасанидами Эфиопия и Химьяр уклонялись при Абрахе, как и при его предшественниках. Все же, пользуясь известной свободой действий, навести порядок на всем протяжении караванной дороги было, несомненно, в интересах царя химьяритов, и держать Хиджаз под контролем было выполнимой задачей для Абрахи. Возможно, что целью его была не только Мекка, но и города и оазисы, где находились иудейские колонии. Эти колонии имели связь с Ираном, и Византия рассматривала их как враждебные. Все сложное международное положение и напряжение экономической борьбы можно проследить и на истории острова Йотабы.²⁵⁷

Движение на Хиджаз было связано с общим положением и значением торговли в экономике страны, охарактеризованными и 34-й сурой Корана, данные которого вполне соответствуют сообщениям других, греческих и сирийских источников. В представлении Корана, Саба расположена между садами, приносящими богатые плоды, т. е. между плодоносными областями. Для ее жителей насущной необходимостью было пользоваться дорогами, о которых сказано: „путешествуйте там безопасно и по ночам, и по дням“, т. е. ночью и днем.²⁵⁸ Если это изречение и относится к более позднему времени и отражает отношение памятника, сложившегося после хиджры, то историческое значение этих слов давно и верно раскрыто исследователями.²⁵⁹ Караванная торговля была пульсом жизни Йемена, и при Абрахе была сделана попытка вынудить арабов Мекки к известному соглашению и подчинению, а также наложить руку на ближайшие иудейские колонии. Полустолетием позже, в эпоху возникновения ислама, Хиджаз занял иное положение и сам стал претендовать на право контроля караванных дорог всего полуострова.

Армия Абрахи в значительной части состояла из эфиопов, с которыми были и вооруженные слоны. Среди войск началась эпидемия оспы, которая была тогда впервые занесена в Аравию, по свидетельству Ибн Исхака.²⁶⁰ Вероятнее всего, что она была занесена эфиопскими войсками. Неудачные военные действия и эпидемия привели к отступлению остальной части армии.²⁶¹ Но и до общего отступления из войска Абрахи началось бегство. На обратном своем пути Абраха, однако, увел заложников из племен, которые брали в плен беглецов из войска.²⁶² Из похода Абраха возвратился.²⁶³ Свидетельство об этих событиях сохранил и Прокопий, который утверждает, что, по настоянию Византии, Абраха однажды выступил в поход, но возвратился обратно и с тех пор никаких походов больше не предпринимал.²⁶⁴

По преданию, год экспедиции Абрахи в Мекку носит название „года слона“, который считается и годом рождения Мухаммеда, — 570/571 г. н. э.²⁶⁵ Некоторые исследователи склонны перенести дату похода Абрахи, вопреки арабской традиции, на время между 540—562 гг., в самый разгар персо-византийских войн.²⁶⁶ Нельзя отрицать значения арабской традиции, в которой год рождения Мухаммеда, вероятно, держался твердо и сопоставлялся с „годом слона“. Но раздвигать период царствования Абрахи с 30-х годов до 571 г. — значит делать его чрезвычайно длительным. Хронологическое сопоставление действий Абрахи с персо-византийскими войнами дает более отчетливые мотивы для его похода.

Когда Абраха — авторитетная и сильная личность — сошел в могилу, его престол последовательно перешел к двум его сыновьям — Яксуму и Масруку.²⁶⁷ Такой способ наследования говорит о родовых связях, крепко державшихся в Йемене, как и о том, что, сумев заручиться поддержкой Эфиопии и Византии, Абраха занял настолько прочное положение, что смог передать свою власть сыновьям по наследству. В то же время оба брата являлись ставленниками Эфиопии, пребывание войск которой было особенно тягостно для населения Йемена при Яксуме.

Нельзя не отметить те исключительные трудности и сопротивление, которое встречали попытки объединения племен. Достаточно вспомнить отказ „князей“ (kail) поддержать Зу Нуваса, восстание, которое было ими поднято против Абрахи. И теперь его наследники и правители не смогли продолжать его политику, поэтому и притеснения эфиопских войск давали себя чувствовать сильнее. Длительный оккупационный режим оказался до последней степени разорительным для богатого Йемена.

Арабская традиция исчисляет срок пребывания эфиопов в Йемене в 70 лет,²⁶⁸ фактически он был меньше, так как с 526 г. он простирался до 570—575 гг., к которым относится, примерно, его завоевание персами.²⁶⁹

Стесненное положение химьяритской знати было очевидным, и часть ее решила искать защиты от Эфиопии не в объединении своих сил, а у мощных держав Востока. Несмотря на связи империи с Эфиопией, можно было рассчитывать на независимые и самостоятельные действия Византии. Поэтому химьярит Абу Мурра ибн Зу Язан был направлен в Константинополь, где он обратился к императору с просьбой освободить Химьяр от эфиопов, захватить его и прислать туда своего представителя, с тем чтобы Иемен находился в его власти.²⁷⁰ В Константинополе предложение представителей родовой знати химьяритов было отклонено. Юстин II был мало склонен вести военные действия в столь отдаленной стране, в этом было слишком много неопределенного, авантюрного. Безопаснее было поддерживать старые, установившиеся связи с Эфиопией.

Тогда химьяритская знать обратилась за избавлением к персам. Неудачный опыт с Византией побудил к большей осторожности, обращение не было направлено непосредственно к владыке Ирана. В качестве посредника был использован царь Хирты, дружественные отношения которого с языческими и иудейскими группировками Химьяра были известны. Ибн Зу Язан вступил в переговоры с Амром ибн Хинд, т. е. сыном царя Мундара и Хинд, о которой достаточно известно из сирийских летописей и арабской поэзии.²⁷¹

Лахмиды были обязаны ежегодно являться ко двору сасанидов, и потому сообщение о химьяритских делах было приурочено к этому личному свиданию. Амр сообщил Хосрову об Ибн Зу Язане, которому была назначена аудиенция. Последний поставил персидского царя в известность о положении Иемена, жаловался на притеснения и просил военной помощи у Ирана. Но Хосров затягивал свой ответ. Ибн Зу Язан остался при дворе и даже сочинил в честь Хосрова касиду „на химьяритском языке“, которую ему перевели.²⁷² Стихи понравились, но посылать войска в рискованную экспедицию Хосров не хотел.

Абу Мурра ибн Зу Язан так и умер при сасанидском дворе, не дождавшись, чтобы царь выполнил данное ему обещание помочь Иемени. Его сын Мадикариб пытался продолжить дело, начатое его отцом. Рассказ о том, что он натолкнулся на отказ со стороны Византии отнять у Эфиопии ее господствующее положение в Иемени, едва ли правилен. Это, по всей вероятности, дублет сообщения об Ибн Зу Язане. Едва ли Мадикариб мог обратиться вновь за помощью в Византию, отвергнув его отца.²⁷³ Но Хосрову Мадикариб напомнил о данном обещании, а решение было вновь отложено. Не соглашаясь послать регулярные войска, Хосров, по предложению мобеда, дал в качестве войска находившихся в тюрьме преступников. Потеря их ни с какой стороны не могла вызвать опасений.²⁷⁴ Во главе войска был поставлен старый и опытный персидский полководец Вахриз. Весь рассказ Хишама, приведенный у Табари, написан в благоприятном для персов освещении и во враждебных тонах относительно эфиопов. Мадикариб совершенно вытеснен из дальнейших сообщений о ходе военных действий, которые велись под предводительством Вахриза. К персам примкнула часть местного населения. Но войска Масрука, сына Абрахи, в необычайно большом количестве превосходили силы персов.

Источники дают некоторые численные сведения о персидском войске. Было оснащено восемь кораблей, из которых каждый вмещал 100 человек воинов. Два корабля погибли, а шесть пристали на побережье Хадрамаута, очевидно буря помешала им двинуться дальше.²⁷⁵ Путь из Ирана был проделан по Тигру и Персидскому заливу. Поддержка, которая была оказана Мадикарибу его соотечественниками, усилила войска персов. Откинув легендарные подробности, можно выделить некоторые факты.

В бою Масрук, сын Абрахи, царь химьяритов, был убит, после чего его войска не выдержали сопротивления и были разбиты. Персы взяли огромное количество военнопленных. Один всадник уводил до 50, 60 человек, утверждает Хишам,²⁷⁶ кроме того, было захвачено бесчисленное количество добычи. Вахриз дошел до Санаа, оттуда он послал Хосрову самую драгоценную часть добычи — деньги — и сообщение, что Иемен покорен, а эфиопы изгнаны.²⁷⁷

По распоряжению Хосрова, во главе Иемена был поставлен Мадикариб. Выбор пал на него как на инициатора похода и дружественного сасанидам представителя знати. Значение имело и то, что род его был царским. В старой столице Иемена, Санаа, в знаменитом дворце Гумдан,²⁷⁸ новый царь — представитель химьяритской династии — принимал посланных от племен, выражавших радость по поводу избавления от эфиопского ига. Вахриз вернулся в Иран, но часть персидских войск была оставлена в Иемени, который обязан был персидскому царю податью. „И назначил Кисра“... „джизью и харадж чтобы он выплачивал ему в условное

время и посылал ему" (في كل علم معلوم يبعث اليه | وروض كسرى على | سيف بن ذي يزن جزية وخرجا) (يؤديه اليه).²⁷⁹

Взяв на себя эти обязательства, Мадикариб в то же время жестоко расправился с эфиопами (habeš), уничтожая их поголовно.²⁸⁰ Однако он имел неосторожность держать вокруг себя вооруженную стражу из числа тех же эфиопов, которые воспользовались этим; однажды они окружили и убили его. Хосров решил покончить с восстанием, Вахриз был вновь послан с персидским войском в Йемен, правителем которого он стал по распоряжению Хосрова и выплачивал ему подати.²⁸¹

После этого персидского полководца правителями назначались различные представители персов. Традиция, сохраненная у Табари, что Вахризу наследовали его сын и внук, едва ли справедлива. Самое имя сына Вахриза, Марзбан, المرزبان, наводит на мысль, что Йемен был организован в качестве пограничной провинции и имел правителя со званием марзбана.

Воцарение Мадикариба принято относить к 575 г., а вторичную экспедицию Вахриза — к 597 г.,²⁸² но даты эти лишь относительно верны. Персидское владычество в Йемене сменилось уже мусульманским завоеванием.

Захват Ираном Йемена следует рассматривать в связи со всей его экспансией на запад. Активная внешняя политика Хосрова I и его внука Хосрова II была направлена на Кавказ, Месопотамию, Сирию, Египет и, наконец, Йемен. Во всех этих случаях за спиной мелких государств, княжеств и народов стояла Византия, ее интересы были в одинаковой мере затронуты на побережье Черного моря, в горах Кавказа, в гаванях Красного моря, в караванных городах Аравии. Путь в Индию был важнейшим ее интересом в южных областях, победа же Ирана над Эфиопией в Йемене была уничтожением там византийского влияния. Покончить с эфиопским владычеством в Йемене было для Ирана не трудно, так как часть химьяритской знати поддерживала с ним связь, в которой экономические интересы играли преобладающую роль. И здесь победа иранского оружия принесла разорение и способствовала последующему переходу власти в руки арабов, как это имело место в Месопотамии, Сирии и Египте.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕДЖРАНЕ В НАЧАЛЕ VI в. н. э.

Вопрос об общественном строе города Неджрана, расположенного на скрещении сухопутных дорог Аравии, представляет интерес как по общей связи с караванными городами вообще, так и потому, что это вопрос об общественном строе одного из древних городов южной Аравии за целый век до хиджры.

Возможность поставить эту проблему обусловлена использованием нарративных греческих и сирийских источников этого времени. В соотношении с эпиграфическими памятниками, с сообщениями арабских хроник, правда, значительно более позднего времени, они дают всему комплексу явлений новую оценку. Иначе рассматриваются уже известные факты, и ряд до этого времени не обращавших на себя внимания данных приобретает новое значение.

Караванный город-государство рос в особых экономических условиях, так как торговля, наличие денежных отношений и ростовщичество создавали благоприятные условия для его развития. Одной из основ благосостояния такого города было рабовладение. В общественном строе Неджрана можно узнать тип античного города-государства в период, когда происходило объединение нескольких городов-государств в более мощное государство.

Большое значение имеет то, что анализ структуры общественных отношений Неджрана можно дать на основании современных указанному периоду источников, на век предшествующих проповеди пророка. Грандиозные события мусульманских завоеваний, оставившие глубокий след в арабских источниках, не потемнили традиции, сохраненной греческими и сирийскими историками. В этой связи имеет значение и привлечение большого числа химьяритских надписей, изданных в последние десятилетия, которые также дают новый, современный событиям, материал. Но краткость надписей, небольшое число исторических среди них, отсутствие датированного материала и неустановленность хронологии в значительной степени затрудняло их анализ и не приводило к отчетливым представлениям. В сопоставлении с новыми данными и эти свидетельства оживают и дают возможность делать новые выводы.

Не случайно в своей книге, выдержавшей четвертое издание в 1949 г., Хитти пишет: „Социальная организация сабео-химьяритского общества, как она вскрывается в надписях,

представляет любопытную смесь старой племенной системы, кастовых расслоений, феодальной аристократии и монархии, являясь феноменами, многие из которых могут быть найдены в других местах, но которые в своих агрегатах представляются единственными".¹ Но такое разнообразие форм отношений, однако, только кажущееся. Текстуальный анализ и привлечение сравнительного материала позволяют разобраться в хаосе этих отношений, которые только представляются единственными и любопытными. Историк-марксист ищет и находит типичное в изучаемых общественных отношениях, с тем чтобы определить общественно-экономическую формацию, к которой принадлежит данное общество.

Характеристика общественных отношений Неджрана как одного из крупных городских центров южной Аравии может быть обобщена. Эти отношения рассматриваются как тип отношений на определенной стадии хозяйственного и социального развития караванных городов. В таком аспекте история Неджрана и его общественная структура приобретают особый интерес.

Характеристика общественных отношений Неджрана складывается из нескольких основных моментов, — вопроса о родовых отношениях, о социальном расслоении, об экономической основе господствующего класса, о характере власти.

Значение родовых отношений и связей для кочевых арабских племен, бедуинов, общеизвестно. Существенно отметить, что и оседлое, городское население южной Аравии не порвало с традициями рода, как об этом свидетельствуют химьяритские надписи и арабские исторические более позднего времени. Достаточно напомнить о больших родах, которые образовали целые племенные объединения, как киндиты, гассаниды, лахмиды. Они вышли из южных областей полуострова, где вели оседлый образ жизни в городах и имели собственную многовековую культуру.

Придя в соприкосновение с большими государствами, с Византией и Ираном, цивилизация которых стояла высоко, гассаниды и лахмиды быстро освоились в новом положении.

Родовые отношения подчеркиваются знанием и значением, которое арабы придавали генеалогиям, о них говорят все традиции устной поэзии и письменных, прозаических источников. Известно, какое место занимают межплеменные войны и родовая месть в жизни арабов-бедуинов, о чем свидетельствует та же поэзия.² В городах южной Аравии, где оседлая и культурная жизнь дала новые формы общественных отношений, родовые связи и значение рода остались в силе, но приобрели и новые черты. В самих именах арабских племен сохранились следы тотемизма, так как „сыны льва" и „сыны голубя" — племена, тотемом которых был голубь или лев.³ Надписи и сообщения нарративных источников о химьяритах свидетельствуют о наличии у них больших семей и родов. Действующие лица, упоминаемые надписями, — члены одной большой семьи, не только отец и сыновья, но также братья и племянники. Этот тип родовых отношений засвидетельствован сообщениями о знатных родах в „Книге химьяритов". При перечислении лиц, убитых Зу Нувасом Масруком, дается целый список „имен благородных" или „свободных" (عزّة، حنة، كنانة)، которые уничтожались целым родом (отец, его братья, сыновья и племянники).⁴ Богатая и знатная неджранитянка Рума гордо говорит: „Вы знаете мое племя (الحميري)، мой род (الحميري)، кто я и чья я дочь".⁵ Род объединялся общими экономическими интересами, нажитое благосостояние было имуществом, переходившим по наследству в пределах рода. Отсюда возникла мощь, сила, политическая значительность старых, „свободных" и „благородных" родов. Наследственно роду принадлежали должности этнархов или кабиров.

В дальнейшем, ряд отдельных черт подтвердит это общее положение, которое хорошо известно и по истории Мекки в VII в., судьбы которой вершили знатные роды.

„Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды...", — указывал Маркс и подчеркивал, что явление это возрастает под влиянием „смешения победителей с покоренными племенами и т. д."⁶

Знатные, богатые роды занимали в городе Неджране господствующее положение, они были причастны к управлению города, составляли его верхушку.

Ранее упоминавшийся Харит, Арефа греческих источников, „один из знатных", из „сыновей свободных" (بنو الحرة)، занимал высокое положение в Неджране и, в частности, он назван главой (إمام) всех христиан города.⁷ Занимаемое им положение определяется как положение „этнарха города и его пригорода" (εγεγόνει των πάντων και της πόλεως και της περιχώρου αυτής εθνάρχης).⁸ Город представлял собою самостоятельную единицу и вместе с прилегавшей к нему областью, тяготевшей к нему, имел самоуправление. Господствующим

слоем были „свободные" и „благородные", которые неоднократно упоминаются в текстах. Они представляли собою высший слой; правящей верхушкой города были наиболее состоятельные и наиболее знатные лица.

В качестве этнарха Неджрана и области Харит действовал как главное лицо, как представитель города, но он не был единоличным распорядителем его судьбы. Рядом с ним очень часто упоминаются „свободные" (حَدَّ سَهَابِي)⁹ и „вожди города" (αρχηγοί της πόλεως).¹⁰ Харит являлся как бы первым среди равных, наиболее видным членом богатой и аристократической верхушки. Когда царь Масрук Зу Нувас, осадив Неджран, расположился под ним лагерем и потребовал, чтобы к нему пришли для переговоров, то из города с Харитом вышло 150 человек „благородных".¹¹ Для решения вопроса о сдаче города и условиях выкупа его свободы было недостаточно мнения одного этнарха. Полтораستا человек, вышедшие с ним, должны были сказать свое слово, их решение и заключалось в том, чтобы заплатить требуемое „золото" (كوكبا), т. е. деньги, и сохранить город неразрушенным, — „такое мнение преобладало в городе".¹² Наряду с этим мнением, очевидно, в городе было и другое. Так как царь Масрук требовал „с души" определенную сумму, народу было тяжело откупаться. Низшие слои не были заинтересованы в сохранении прежней власти, им было нечего терять, и они могли предпочитать царя-химьярита ставленникам „царя кушитов".

Сообщения „Книги химьяритов", „Мученичества Арефы" (Харита), послание Симеона Бетаршамского позволяют дать характеристику господствующего класса, рассмотреть общество в его отдельных слоях, в живом действии.

Один из эпизодов борьбы знати Неджрана с царем Масруком дает особенно живой и яркий материал, — это эпизод с Румой. Знать сохраняла тесные семейные связи и крепкие родовые отношения, поэтому сильные роды пользовались большим влиянием и были состоятельны. К числу таких родов в Неджране принадлежал род Гау (Гав), из которого вышла знатная и очень богатая неджранитянка, история которой дается несколькими источниками.

Рума كوكبا (имя это имеет несколько написаний كوكبا, كوكبا, كوكبا), дочь Азмы, كوكبا, принадлежала к роду Гау (غاو — Гав). Термин كوكبا обозначает род, большую семью, а термин كوكبا соответствует понятию „племя". Род этот был мощным, сильным, с большими связями. Рума была в родстве с Харитом — „славным старцем", этнархом, о котором была речь выше.¹³ Она была замужем, имела детей и внуков. Муж ее был убит царем Масруком. Она и в замужестве, и во вдовстве занимала независимое положение, самостоятельно владела своим большим богатством, недвижимой и движимой собственностью. Такое положение и права женщины в большой семье, в роде, необходимо отметить как характерное для оседлого населения Аравии.¹⁴ О сыне Румы говорится: „Нуман, сын Румы, дочери Азмы", т. е. он отмечен как ее сын, без указаний имени его отца.¹⁵ Это встречается и в других случаях, в именах лахмидских царей, среди которых некоторые упоминаются с именем их матери, а не отца, таковы „Мундар бар Закика", „Нуман ибн Хинд".¹⁶ Выше были приведены слова Румы, которыми она подчеркивала свою связь с родом и со своей отцовской семьей, а не с мужем. После того как он был убит, она могла воспользоваться правом выйти замуж вторично, она говорила: „Если бы я пожелала иметь мужа, мне не недоставало мужа", т. е. она имела возможность и могла бы легко найти себе другого мужа.¹⁷ Самостоятельное положение женщины сказывалось также в том, что она могла занимать имущественно независимое положение. Рума имела собственные средства, она во всеуслышание кричала в городе: „Вот, в этот день, сегодня, у меня есть 40 000 дариков, которые отчеканены и положены в мою сокровищницу, помимо сокровищницы моего мужа, помимо золота, серебра, меди, жемчугов, яхонтов — моих украшений".¹⁸ Эти большие средства достались ей по наследству от ее семьи и рода. Если драгоценности, которые она перечисляла, могли ей достаться как исключительно богатые, но все же носильные вещи, украшения, утварь, т. е. как то, что давалось невесте в качестве приданого, то большое количество денег, о которых она говорит, носит уже другой характер — характер родового или семейного имущества. Кроме денег, Рума перечислила „рабов и рабынь, деревни и доходы" и добавила: „и ничто мне не недоставало".¹⁹ Греческий текст в качестве ее имущества называет имения (κτηματα), т. е. земли, недвижимое имущество и стада (αγέλαι),²⁰ а сирийский — деревни (كوكبا).²¹ Таким образом, в руках знатных родов было сосредоточено большое недвижимое имущество — имения, земли, деревни, которые составляли одну из основ их имущественного благополучия. К городу примыкала и тяготела область, где находились эти деревни и имения (τα περὶ ὄρα), которую жестоко разорил Масрук Зу Нувас при своем наступлении.²² При наличии орошения земли давали прекрасный доход и были материальной базой

землевладельцев. Население области занималось земледельческим трудом, обрабатывая землю, поддерживая ирригационную систему. Зу Нувас „увел всех находящихся в предместьях и на полях города (εν τοῖς προτείοις καὶ ἀγροῖς) и в имениях (καὶ κτημασι), одних он убил (ἀνεΐλε), рабов же раздарил (εὐχαρίσατο) своим мегистанам, полководцам и этнархам".²³ Деревни и имения за чертой города принадлежали богатой верхушке, которая распорядилась и занимала видное положение в Неджране. Караванная торговля требовала большого количества вьючных и верховых животных, поэтому и табуны скота, перечисленные Румой, также составляли ее богатство.

Существенно отметить, что Рума располагала большим количеством золота и серебра в виде чеканной монеты. Греческий и сирийский источники расходятся только в числе тысяч, но оба влагают в уста Румы почти дословно тот же текст. „Вот в этот день, сегодня, у меня есть 40 000 дариков, которые отчеканены (سكنتهم) и положены в мою сокровищницу, помимо сокровищницы моего мужа".²⁴ „И вот я говорю вам, что в сегодняшний день целых 10 000 золота и серебра имеется у меня отчеканенными (εσφραγισμένα)".²⁵ Такое понимание этого выражения греческого текста было уже отмечено его ученым комментатором Карпентье, — plusquam decem millia nummorum signatorum auri et argenti.²⁶ Так же недвусмысленно выражение сирийского текста. Корень سكت — печатать или прикладывать печать, чеканить — также достаточно отчетлив. Форма سكتهم — причастие множ. числа — с относительной частицей ۛ означает „которые вычеканены" или „чеканенные". Сведения о чеканной монете химьяритов имеются в историческом введении к греческому тексту „Мученичества Арефы", возможно позаимствованному из „Книги химьяритов". В этой последней эта вводная часть отсутствует, так как единственная дошедшая рукопись — дефектная. Греческий текст гласит: „Эта, так называемая, элкас (ἐλκας, οἰκίδος) есть царская химьяритская монета, имеющая вес ромейского золотого, двадцать два кератона".²⁷ Сохранились серебряные сабийские монеты, которые повторяют классические греческие образцы, таковы монеты III и II вв. до н. э., с головой Афины. Есть монеты и другого образца с изображением мужской головы и надписями.²⁸ Известно, что если мера веса или монета получает дополнительное название — царской, двойной, большой и т. д., как это было, например, с модием или с локтем, то это признак того, что такие меры были различны. Название монеты „царской" может говорить о том, что чеканка могла производиться не только царем.

Возможно, что огромное количество чеканной монеты, сосредоточенной в сокровищнице Румы, говорит о том, что чеканка производилась здесь же, на месте.

Караванная и морская торговля южной Аравии способствовала широкому развитию денежных отношений. В связи с этим находится накопление чеканной монеты, золотой и серебряной. Задолго до новой эры в самой Аравии были известны золотые копи,²⁹ а средневековые арабские писатели, аль-Макдизи и аль-Хамдани, также упоминают о наличии золота в Аравии. Денежное обращение порождало ростовщичество, допускало большие долговые и заемные операции, благодаря которым росло богатство больших и сильных родов.

Род Гау, к которому принадлежала Рума, имел большое состояние, и его представительница продолжала производить накопления, так как широко предоставляла деньги в долг. Свидетельства об этом недвусмысленны. После того как Рума была казнена царем Масруком, некоторые из знатных, бывших с ним, приблизились и сказали ему: „Эта женщина Рума, дочь Азмы, великая. Многочисленное добро было ею сделано в отношении многих, в отношении царей, которые предшествовали тебе, в отношении богатых и в отношении бедных. Так, во времена Мадикарима, царя, бывшего до тебя, который нуждался и просил у нее одолжить 12 000 динаров, она дала ему в долг. Через некоторое время она услышала, что ему недостает, и она почтила его [подарком]... и многие принимали ее благодеяния"». ³⁰

Богатство знатной Румы было настолько велико, что она могла давать в долг царю Мадикариму, предшественнику Масрука Зу Нуваса, и другим царям — لتخلصه. Знать занимала в Химьяре и по своему имущественному положению значительное место, а не только по признаку происхождения. То, что Рума предоставила царю в качестве дара, могло носить характер подарка, который можно было не выплачивать обратно, не возвращать. Иначе обстояло дело с предоставлением больших сумм в долг. 12 000 динаров составляли целое состояние, которое она смогла дать царю в долг. Но такого рода одолжения обычно делались с процентными начислениями на предоставленную сумму. Деятельность Румы, о которой идет речь, в отношении царей, богатых и бедных людей заключалась в том, что она предоставляла в заем деньги, производила долговые операции, была займодавцем. Для торговых оборотов, больших заку-

пок, которые производились для караванной и морской торговли в Аравии, такого рода займы имели большое значение. Выражения текста заставляют предполагать, что Рума и при жизни мужа управляла своим имуществом самостоятельно, так как в заем предоставляла деньги она сама.

Для VII в. о торговых оборотах и долговых обязательствах говорят более поздние мусульманские источники.³¹

Экономическая поддержка, которую знать оказывала царю, несомненно отражалась на его положении, к чему придется еще вернуться в дальнейшем.

В перечислении имущества Румы во всех редакциях неоднократно упоминаются рабы и рабыни.³² Как один из видов собственности они занимают место вслед за перечислением золота и серебра в сирийском источнике и предшествуют имениям и садам в греческом памятнике. Следовательно, по удельному весу, по значению, с экономической точки зрения, рабовладение занимало важное место, рабы и рабыни (παῖδες, παιδικαί — ܩܘܕܝܢܐ, ܩܘܕܝܢܐܝܬܐ) составляли значительное имущество. Их руками обрабатывались те имения и земли, которые составляли имущество знати и принадлежали „благородным". На социальной лестнице рабы занимали самую последнюю ступень. При перечислении групп населения в иерархическом порядке источника называют их последними.

Данные, которые могут быть почерпнуты из упомянутых источников, дают живую картину жизни общества Неджрана.

Интересны экономические сведения, сообщения о социально-политическом строе и семейно-родовом быте. В условиях караванного города, не только в среде кочевых и полукочевых бедуинов, женщина занимала самостоятельное положение. Она наследовала имущество, производила торговые и займовые операции, распоряжалась своим богатством. Будучи вдовой, она пользовалась свободой заключать новый брак и не заключать его, самостоятельно вести дела своей семьи и своего дома.

На экономические и социальные причины этого явления указал акад. Б. Д. Греков, который нашел, что в Киевской Руси были „вдовы, продолжающие представлять свои знатные фамилии и после смерти мужей, подобно тому, как Ольга не потеряла своего главенствующего положения после смерти своего мужа Игоря. Это говорит об устойчивости знатных фамилий, т. е. о прочности их материальной базы".³³

В такой прочности материальной базы рода Гау не приходится сомневаться, зная богатство Румы.

Эти сведения могут быть еще дополнены данными об имуществе Харита (Арефы). Умирая, он завещает все свое богатство детям или родственникам, которые останутся верными христианству, они „будут моими наследниками" (ἔστωσαν μοι κληρονόμοι), — говорит он. Но и в этом случае три лучших имения должны быть переданы в собственность церкви — τρία δὲ κτήματα καλλιστεύοντα πάντων τῶν κτημάτων μου βούλομαι δοθῆναι τῇ αὐτῇ ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ.³⁴ Дословно это пожелание передано и в сирийском тексте Симеона Бетаршамского.³⁵ В случае, если все его дети и родственники откажутся от христианства, то все имущество Харита должно перейти церкви. Церковь, о которой идет речь, была затем сожжена Масруком Зу Нувасом, и Харит как бы предсказывает ее восстановление. Это предсказание является указанием на построение церкви, осуществленное при Абрахе. В греческом памятнике „Законы химваритов" ее построение относится в Неджран, а у Табари — в Санаа.³⁶

Таким образом, если Харит имел возможность пожертвовать церкви „три лучших имения" (κτήματα) или „деревни" (ܩܘܕܝܢܐ), то как велика должна была быть вся недвижимая собственность, которую он оставлял родственникам. Как Рума, так и Харит принадлежали к числу богатейших людей, причем имущество их заключалось и в земельных угодиях. Знать не потеряла связи с землей. Интересно отметить факт передачи недвижимости, дарения земли церкви, которая таким путем получала материальную опору в государстве.

Для выяснения вопроса об общественном строе Неджрана, а тем самым и других городов южной Аравии в VI в., необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о положении как низов, так и родовитых, богатых семей, городской головки, ее взаимоотношений с „царем", с этнархом или князем. Для этого могут быть с успехом использованы южноарабские надписи, дополняющие нарративный материал.

Данные о низших слоях общества не дают возможности развернуть во всей полноте представление об условиях их труда и жизни, но наличие рабства как уклада может быть бесспорно установлено.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

Как ни скудны данные о низших слоях общества в государстве химьяритов, некоторое количество материала может быть почерпнуто из упомянутых нарративных источников и эпиграфических данных.

Различные группы населения перечислены в сообщении о том, как царь Масрук Зу Нувас обратил в рабство и роздал своим приближенным мальчиков и девочек различного происхождения.

„Собрав же всю молодежь от 15 лет и ниже, мужского и женского пола, из благородных, горожан, земледельцев, ремесленников и рабов", царь „подарил их в рабство (εις δουλείαν) мегистанам и прочим своим приспешникам" (Συνάξας δε πάντα τα παῖδια τα ἀπο δεκαπέντε ἐτῶν καὶ κατωτέρω εἴτε ἀρσενικά, εἴτε θηλυκά τῶν ευγενῶν, καὶ πολιτῶν, καὶ τῶν γεωργῶν, καὶ χειροτέχνων, καὶ δούλων εὐχαρίσατο εἰς δουλείαν πασι τοῖς μεγιστασι αὐτοῦ...).³⁷

Текст перечисляет „благородных, горожан, земледельцев, ремесленников и рабов" в порядке социальной иерархии. „Благородные" принадлежали к господствующему классу, из которого выделялся высший, особенно состоятельный слой знати. Их положение должно быть охарактеризовано особо. Городские жители — „горожане" и „ремесленники", разделенные в перечислении земледельцами (γεωργοί), принадлежали к эксплуатируемым средним и низшим слоям общества, которые составляли опору благосостояния знати и благородных. Горожане включали многочисленных купцов и торговцев, мелких и крупных, людей, связанных тем или иным образом с караванной торговлей. Ремесленники (χειροτέχνοι) в социальной иерархии стояли на одну ступень выше рабов. В условиях раннего средневековья это закономерное явление, их положение обычно было тяжелым, а кабальная экономическая зависимость часто приводила их к рабству.

Для положения ремесла в Неджране характерно следующее сообщение. Когда город был взят мусульманами, Мухаммед оставил жителям их имущество — золото, серебро, утварь, рабов (رقیق). Но за это жители Неджрана должны были поставлять ежегодно 200 платьев, **أحذية**, определенной цены. Одно платье должно было стоить аукях, что соответствует 40 диргемам. Если одежда была дороже — это должно было быть принято во внимание; если она была дешевле, то мусульмане были согласны получить доплату лошадьми, верблюдами и другими ценностями. Особо была оговорена в случае войны поставка лошадей и верблюдов.³⁸ Тот же Беладзори приводит текст письменного договора Мухаммеда с „народом Неджрана" (اهل نجدوان).³⁹ Специальное обязательство поставки платья говорит о том, что этот вид ремесла был широко развит в Неджране.

Группы сельского населения — οἱ γεωργοί или οἱ ἀγροικοί, т. е. земледельцев или крестьян, — составляли общины свободных оседлых земледельцев, руками которых возделывались пальмовые рощи, сады, проводились каналы, строились плотины и поддерживалась вся сложная ирригационная система, без которой земледелие было невозможно. Эти общины не потеряли своего родового единства и в надписях они известны как **بنو**, — „сыновья" определенного племени или как **شعب** — племя (la tribu = der Stamm). Их возглавлял кабир племени, их представитель.⁴⁰ **شعب** — термин, который принято переводить как племя, — приобретает, однако, новые черты, которые роднят его с представлением об общине. Определен термин **شعب** — „как группы сельского или городского населения, которые объединены оседлым местом жительства и общим заработком (Erwerb) — земледелием, торговлей, индустрией".⁴¹ На основании изучения надписей ясно, что на определенном этапе развития племя приобретает уже все характерные черты общины оседлого населения. Его объединяют общее место жительства и общий способ заработка. Кочевым состоянием племени бедуинов от них отличались, а также существовало множество переходных ступеней от кочевого к полуоседлому и оседлому состоянию. **شعب** — это те γεωργοί, о которых упоминает греческий источник. В монотеистической надписи, происходящей из Катабана (Рикманс 63 = Боскавен 13), упоминается племя сайбан, в котором особо выделены его „благородные" или „свободные" (**أولاد شعبهمو**).⁴² т. е. намечается социальная дифференциация в пределах племени, Общая собственность на землю требовала общей работы и была основой объединения племени, но внутри племени происходила дифференциация, засвидетельствованная терминологией надписей. К числу последних принадлежит и надпись, приведенная нами выше.

Участие свободного населения в работе по обновлению оросительной системы, проведении новых ее ответвлений, каналов, участие его в работах по восстановлению и постройке

городских стен или плотины засвидетельствовано надписями. Подробности сообщает известная надпись (Глазер 618), которая говорит о размерах восстановленной „с помощью племен" стены, длиной в 45 локтей, 35 локтей в высоту и 14 локтей в ширину, помимо плотины, ее укрепленной части и ложа для протока (строки 105—114). Надпись эта датирована и относится к 543 г. н. э., ко времени царя Абрахи, который восстановил стены и плотину Мариба, разрушенные во время военных действий. „Племена" (أشعبين), как и в первом случае, во множественном числе, строки 96 и 97) чрезвычайно тяготились тяжелой работой, и царь был вынужден их отпустить, так как, повидимому, среди них возникли волнения.⁴³

Кроме того, следует отметить, что в надписях, кроме термина بنو „сыновья", в значении сыновья определенного племени, употребительно и понятие „люди" (باش), множественное (أباش), как в надписи 43 (VA 3819) Государственного музея в Берлине. В этой надписи упоминаются и главы „людей", т. е. населения, представлявшего собою те же „племена".⁴⁴

На основании углубленного исследования Родоканакиса⁴⁵ можно указать на то, что и к городу Марибу тяготела известная территория, составлявшая ее хозяйственную базу и административно ей подчиненная. В противоположность гражданам Мариба, другое положение занимали „бедуины Мариба".⁴⁶

Таким образом, наличие свободного сельского населения, состоявшего из племенных или общинных объединений, засвидетельствовано нарративными памятниками и надписями.

В приведенном выше тексте дети различных слоев населения были отданы в рабство приспешникам царя. Самый факт отдачи в рабство говорит о том, что рабство имело глубокие корни и играло значительную роль. Известно, что Аравия вела торговлю рабами, поставляя их на рынки Византии и Ирана. Если можно было предполагать, что при этом в самой Аравии не пользовались или мало использовали рабский труд, то археологические памятники начала VI в. дают новые и ценные данные. Купцы Йемена и Хиджаза не только перевозили, перегоняли и перепродавали рабов, но труд рабов применялся на месте и был одной из основ экономического благосостояния верхов общества. Обработка земли имений, полей, садов, уход за скотом лежал на рабах, которые, выполняя эти работы, принадлежали к числу непосредственных производителей на земле. Межплеменная война, столкновения между городами создавали возможность брать в плен и обращать в рабство людей, имевших общий язык с завоевателями.

Царь Масрук обращает в рабство юношей и девушек моложе 15 лет, принадлежащих к разным слоям населения, из которых последней сословной группой являются οι δοῦλοι (рабы).⁴⁷ Когда знатная жительница Неджрана и ее дочери выходят из своего дома на казнь, их „плачем сопровождают домочадицы и рабы" (صاحبة البيت وبناتهن وبناتهن).⁴⁸ Перечисляя свои богатства, Рума называет рабов и рабынь (حقتهم وبناتهن).⁴⁹ Изданная Рикмансом надпись № 3 сообщает особый приказ о продаже раба, рабыни أمتم، عبداء — и скота (строка 3-я).⁵⁰ Известно различное применение термина „раб" (عبد)، оно входит в состав теофорных имен, выражает состояние подчинения. Но нет сомнения в том, что в ряде надписей термин этот действительно представляет рабов, достигших известного доверенного положения, как „раб Сумху'ала", который был поставлен ведать насаждениями, находившимися в собственности племени Зу Иахар, и в качестве такового воздвиг надпись.⁵¹

Достаточно вспомнить, что Табари считает рабом проповедника христианства в Йемене Фемииона (πο'μίων), который был куплен и привезен туда. Известно, что мать царя Абрахи была рабыней, и т. д. Все это говорит о большом числе рабов, принимавших участие в домашней жизни и хозяйстве.

О большом количестве рабов и о их участии в сельском хозяйстве, т. е. о рабах, посаженных на землю, говорят другие данные, например текст „Мученичества Арефы". Выше было приведено свидетельство источника о том, как Масрук Зу Нувас, захватив поля, земельные угодья, имения, находившиеся в окрестностях города Неджрана, взял в плен всех находившихся на полях, одних он „убил" (ἀνεῖλε), „рабов же (τους δε δοῦλους) раздарил своим мегистанам, начальникам и этнархам".⁵² Каково же было количество рабов, если их можно было так раздавать?

Для более позднего времени, времени Мухаммеда и Корана, сведения о рабах приводились исследователями, но данными о рабах, посаженных на землю, до настоящего исследования не располагали.

Наряду с принадлежавшими знати большими поместьями, где, как указывают приведенные выше материалы, сидели рабы, часть земли не находилась в частной собственности.

Древние южноарабские надписи указывают на то, что племена, объединявшие несколько родов, сидели на земле, которую они обрабатывали совместно и считали ее собственностью племени. Старейшины племен, кабиры, распоряжались ирригационными и строительными работами. Племенные организации, „племена“, как их называют надписи, переносили свои коллективные навыки на отношение к земле, которая становилась их коллективной собственностью; „к земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к собственности коллектива, причем коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде“.⁵³ Племена и их общины являлись владельцами земли и притом наследственными, что ни в какой мере не находится в противоречии с тем, что существовала государственная власть. Правительству, которое возвышалось „над мелкими общинами“,⁵⁴ принадлежала вся земля, т. е. она была его собственностью, а чаще всего собственностью царя. Такое положение не является чем-нибудь особенным или исключительным, оно может быть отмечено во всех рабовладельческих государствах. Земля государства и часто „государева земля“ оставалась в собственности племен и их общин, тогда как другая часть земли уже отошла к частному владельцу, чаще всего рабовладельцу, который обрабатывал ее руками принадлежащих ему рабов, посаженных на землю.

В характеристике общественных отношений южной Аравии VI в. (а есть много оснований полагать, что она вполне применима и к положению Хиджаза) необходимо принять во внимание силу и значимость родоплеменного уклада в античном рабовладельческом обществе, каким оно было в то время. Наличие рабовладельческих отношений, рабовладельческого уклада, разных форм рабства засвидетельствовано источниками, приведенными выше. Это явление с полной ясностью раскрыто Марксом, который указал, что „Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе“.⁵⁵ В Химьяре имеется эта последующая фаза развития общества. Как было указано выше, рабовладельческое общество развивалось в южной Аравии на основе родоплеменного строя. Последний оставался в силе длительное время. Известно, что и в период завоеваний арабы сохраняли свою традиционную племенную организацию в войске, измененную лишь впоследствии.

Основой кочевого быта арабов-бедуинов был племенной строй. В городах, у оседлого населения наличие больших семей, сильных родов является также характерной чертой еще и для того времени, когда рабовладельческий характер общественных отношений не вызывает сомнения.

Высшие слои общества Неджрана могут быть дифференцированы на „благородных“ (οι ευγενεῖς, حنة بك آي), „сыновей свободных“, т. е. привилегированный класс вообще, верхушку которого составляла родовитая и богатая знать: „главы“ (آي بك или آي بك), „богатые“, „большие“ (οι μεγιστάνες).

Благородные и знать занимали видное положение в городе и решали его судьбу. Они вышли с Харитом в количестве 150 человек к царю Масруку для переговоров, но не все из них занимали такое видное положение, как Харит или Рума. Но можно указать рядом с родом Гау, из которого происходила Рума, знатный род, к которому принадлежал Абдаллах ибн Афу. Благодаря тому что Афу, отец Абдаллаха, пользовался влиянием при дворе Масрука и был язычником, Абдаллаху было разрешено царем подобрать тела мучеников. Абдаллах „приготовил мужей (человек) сорок, из своего рода (آي حنة بك) и из своих друзей (آي حنة بك)“.⁵⁶ Им же были составлены списки казненных „благородных“ мужчин и женщин, использованные и приведенные в „Книге химьяритов“.⁵⁷ Если Абдаллах бар Афу мог собрать 40 человек родственников и друзей, то очевидно, что род его пользовался влиянием и был многочисленным. Из знати вербовались „главы“ (آي بك), которые играли роль правителей и ведали всеми делами города и прилегавшей к нему области.

Знать накапливала большие богатства как в виде недвижимой собственности, так и деньгами, чеканной монетой. Торговля требовала денег, и это порождало ростовщичество, предоставление денег в заем.

Денежные операции производились Румой в широких масштабах, она предоставляла деньги в долг как богатым, так и бедным.

Ростовые операции приносили с собою проценты, притекая обратно в сокровищницу богача и накапливая все больше его богатство. Брак между представителями богатых семей приводил к тому, что в одних руках сосредоточивалось имущество двух больших сокровищниц, и Рума могла говорить о своем богатстве „помимо сокровищницы“ своего мужа. Гордясь своей древней родословной, знатный род, в отдельных случаях, считал себя выше царского рода,

особенно если последний был недостаточно древним или не имел древней родословной.

Царь Масрук Зу Нувас, желая привлечь на свою сторону Руму, обещал ей сохранить жизнь и „прежнюю честь“, если она перейдет в иудейство. „Я дам тебе в мужа богатого и известного из моих глав, **بم تمنتك دمل**“.⁵⁸ Отказываясь от всего, что ей обещал Масрук, Рума говорит: „...а что вы говорите мне, что ваш царь-злодей даст мне в мужа знатного (**كنا**) из своих глав... то и вы знаете, что нет никого из его глав, который был бы достоин в своей знатности (**كنا**) взять меня в жены. Да и нечестивый царь ваш не может быть мне мужем...“.⁵⁹ Как бы ни толковать сирийское слово *gaba*, и его дериватив *gabuta* — большой, великий, знатный, — равноценные по значению для этого термина, по любому из этих признаков Рума отвергала претендентов и самого царя Масрука. Обращение к жителям Неджрана — „вы это знаете“ — указывает на то, что несоответствие такого брака было очевидно не только ей, но и ее соотечественникам, знавшим ее. Знатный род как бы замыкался в себе, получал некоторые признаки касты. В отношении Масрука ответ Румы мог быть продиктован тем, что мать его была рабой и только отец принадлежал к царскому роду,⁶⁰ следовательно, Масрук был недостаточно знатным для нее.

Знать и благородные дифференцировались, и существовала градация как в их богатстве и благосостоянии, так и в положении и чинах. Соответственно и занимаемое положение было выше, значительнее, роль в управлении государством больше. Это находит отражение в терминологии, применяемой к „благородным“, „сынам свободных“ и к „знати“, „главам“.

Иемен в эпоху господства химьяритов возглавлялся царем, ближайшими к нему лицами были „князья“, их было ограниченное число, есть основания считать, что они занимали положение правителей областей. Царь на них опирался, но он должен был и в наибольшей степени считаться с ними. Когда Масрук Зу Нувас потерпел ряд военных неудач, он начал высказывать опасения, чтобы ему не изменили его „семь родственников“ (**συγγενεῖς**).⁶¹ Это выражение давно привлекало внимание исследователей, сопоставивших их с термином *qail, kail*. В химьяритских надписях имеется этот термин, важный для определения социальной структуры общества. Термин **قائل** встречается в надписях в различном написании, как **قول**, **قائل** множ. **اقول**. Надписи Иемена, относящиеся к старшему периоду, этого термина не дают, в надписях последнего периода и в текстах *kail, kaul* употребляется как звание знатного, высокопоставленного лица. Обычным его переводом является „князь“. „Химьяритский князь называется кайль“, — писал Нёльдеке,⁶² комментируя текст Табари. Так называемая „Химьяритская касыда“, составленная в XII в. (автор ее Нешван аль-Химьяри умер около 1177 г.), упоминает восемь химьяритских князей в словах „Где восемь князей и их царство?“.

أَيِّنَ الْمَثَامِنَةِ الْمُلُوكُ وَمَلِكُهُمْ⁶³

К числу восьми „князей“ принадлежал и некий Зу Таалабан. От Зу Нуваса он бежал к эфиопскому царю Эла-Ашбеха (Элесбоа), поэтому „князей“ в Химьяре осталось только семеро.⁶⁴ Мордтманн и Нёльдеке ставят это в связь с сообщением „Мученичества Арефы“ о семи родственниках, **συγγενεῖς**, Зу Нуваса. Восемь „родственников“ царя, „князья“, — это высший титул, исторически сложившийся быть может оттого, что княжеские роды были и действительно родственными царю. Этот титул мог возникнуть и как почетное звание. Мордтманн, сопоставляя греческий и арабский термины, пишет:

„8 **συγγενεῖς** — кайль химьяритов“, — и ставит между ними знак равенства,⁶⁵ как и Нёльдеке.

Упоминания в надписях **اقول** или **اقيل** обычно переводимые как „графы, князья, васальные князья“, имеют место и в двух надписях, из которых одна, приведенная выше, является известной надписью из Хусн ал Гураб, „Вороньего замка“. Надпись эту воздвигли Сумайфа и его сыновья в память того, что в 640 г. (дата химьяритской эры) эфиопы (**الحبشن**), проникнув в землю Химьяр, убили царя Химьяра, **ملك حمير** и его „князей Химьяра и Рхаба“ (**واقولوهو احمرم وارحبين**). Текст этот привлек внимание многих исследователей, так как события, о которых идет речь, относятся к 525 г. н. э., когда царь Масрук Зу Нувас был убит эфиопами. Имя Сумайфа соответствует греческому **Ἐσιφραοῦς**, которое дает Прокопий Кесарийский первому ставленнику эфиопского царя Эла-Ашбеха.⁶⁶

Упомянутый в надписи месяц **dhgth** позволяет уточнить время надписи, так как это осенний месяц.⁶⁷

Другая надпись (Мордтманн и Митвох, 43), которая не поддается чтению в целом, отнесена ее издателями к новой эре и по содержанию своему, несомненно, трактует события

523—525 гг., на что указано выше. В ней также упоминаются „князья" — *kail* — как знатные люди.⁶⁸ Занимая видное положение в государстве, эти „князья" жили в замках и богатых дворцах, которые для них строили, расширяли и улучшали. Эти богатые замки носили каждый свое название.⁶⁹ Термин *kail* неоднократно упоминается и в надписи царя Абрахи, относящейся к 543 г. н. э., в их числе были восставшие против него и оставшиеся ему верными „князья" (Надпись Глазера 618, строки 14, 16, 54, 81 и др.).⁷⁰ Несомненно правильно наблюдение исследователей, что надписи Йемена, относящиеся к старшему периоду, не знают этого термина, для понятия господин применялось общесемитское *мар*, *мара* — *مرا*, множественное число *امراء*. Термин *kail* рожден более поздним временем и относится к более развитым формам общественных отношений, тогда как древние надписи называют рядом с царем только кабиров, связь которых с племенной организацией очевидна.

Таким образом, для первой четверти VI в. в Неджране, как и во всем Йемене, имеются развитые формы общественных отношений. Высший слой общества дифференцирован. „Благородные" или „сыны свободных" составляют его основу и являются наиболее многочисленными. Высший слой, знать, гордившаяся своей генеалогией и древностью рода, была в то же время наиболее состоятельной, располагая недвижимой собственностью и большими денежными запасами. Из знати выделялись „князья" — *kail*, занимавшие положение правителей областей и по своей знатности и значению получавшие наименование „родственников" царя.

Оседлое население Йемена, с незапамятных библейских времен осевшее в городах, на земле, приносившей плоды при условии искусственного орошения, имело государственное устройство и развитые формы общественных отношений. Сохранившиеся надписи, с их своеобразным алфавитом, свидетельствуют о высокой культуре этого общества, развивавшегося в течение длительного времени.

Примитивный родовой строй кочевых арабов-бедуинов, носящий все черты варварства, остался далеко позади, был давно пройденным этапом для населения, жившего в условиях земледельческой жизни, и в городах, связанных с караванной торговлей. Южноарабские надписи свидетельствуют об этой жизни, дают о ней сведения, не известные другим источникам. В южноарабских государствах значительную роль играла царская власть. Надписи рассказывают также о древних сабейских мукаррибах, которые не только выполняли функции государственных, но, повидимому, объединяли в одном лице и жреческие обязанности. Известно, например, что носившие звание царей правители Мариба были современниками сабейских мукаррибов, как об этом свидетельствует надпись Глазера 418—419. Мукаррибы захватили Мариб, а затем перенесли туда и свою столицу. Объединение Сабы и Катабана составило обширную область, с присоединением к ним области Зу Райдана образовалось единое, мощное государство в Южной Аравии, которое занимало значительную площадь. Царская власть объединила отдельные племена и заняла высокое положение. Однако, как было указано выше, оседлое население и жители городов сохраняли большие семьи, сохраняли свой быт, оставаясь верными связям кровного родства. Это тем более справедливо и для кочевых племен арабов-бедуинов. Последние неизбежно должны были тяготеть и тяготели к городским центрам. Царь южноарабских государств уже не имел функций жреца, как мукаррибы, а был военачальником, правителем, к нему стекались подати и налоги. Такое положение и занимал царь в Химьяре, о чем свидетельствуют различные источники.

Опубликование надписей и их детальное изучение было осуществлено целым рядом ученых в многочисленных трудах, в том числе таким выдающимся исследователем, как акад. И. Ю. Крачковский. Можно указать на тщательные аналитические труды, которые раскрыли многие детали и разработали дополнительно новые материалы. Но немногие работы ставили себе целью дать полное и детальное представления об общественной жизни этих государств.

Между тем терминология надписей помогает установить характер общества в Йемене и судить, как он изменялся на протяжении веков и каков он был к началу VI в., к тому времени, когда о государстве химьяритов сохранились известия в нарративных источниках.

Известно, какие затруднения связаны с датировкой южноарабских надписей. В настоящее время для них установлено как бы три хронологических периода. Первый, с IX в. до н. э., кончается началом новой эры, в течение которого цари называли себя царями Мариба, Ма'ина, Катабана и Хадрамаута.

Во второй период цари носят титул царей Саба и Райдана. Этот период кончается серединой III в. н. э., когда появились химьяриты и столица из более внутренних областей, где расположен Мариб, была перенесена несколько южнее, в город Тафар.

В третий и последний период, с которым связано господство Химьяра, цари называли себя царями Саба, Райдана, Хадрамаута и Йеманата, т. е. всего Йемена. Этот период кончается завоеваниями абиссинцев в VI в.⁷¹ Эта схема в настоящее время принята в науке, и примерно в этих пределах можно говорить о периодах в истории Йемена.

Нарративные источники также позволяют войти в некоторые особенности характера царской власти в начале VI в.

Царский род имел право на престол, поэтому, когда Зу Шанатир захватил престол химьяритских царей, он стремился обесчестить всех юношей, принадлежавших к царскому роду, чтобы лишить их права наследовать престол. Имеется ряд указаний на то, что престол переходил от брата к брату или что два брата правили одновременно, — это признак силы родовых связей, как это было и в Киевской Руси. В качестве примера можно привести правление двух братьев, сыновей „царя Саба и Райдана" Фари'м Янхуба, как об этом гласит надпись.⁷² В другой надписи приведены имена этих двух братьев — царей Ильшарах Яхбиб и Я'зиль Байджин. Что их было двое, повторно упоминается в 4-й строке той же надписи.⁷³ Как один из многочисленных примеров разделения царства между сыновьями, этот факт подтверждает и силу родового строя, и наличие представления о царстве как о родовом достоянии. О том же говорит и последовательное наследование престола братьями до самых последних лет существования химьяритского государства, как, например, Яксума и Масрука, сыновей Абрахи.⁷⁴

Можно привести очень много примеров, чтобы доказать, что родовые отношения были чрезвычайно прочными, не только у арабов-бедуинов, но и в древних городах южной Аравии, живших культурной жизнью в течение многих веков.

Но можно указать и на одновременное правление двух царей или князей, не состоявших в кровном родстве. В том же „царстве Саба и Зу Райдана" в надписи 403, опубликованной в *Corpus inscriptionum Himjariticarum*, названы два царя — Итр и Хиу'ттр, которые не являлись братьями. Имеется новый перевод и толкование этой надписи.⁷⁵

Когда бы ни был составлен эфиопский агиологический памятник „Деяния Азкира", им использованы древние традиции и исторические факты. Время жизни Азкира, проповедовавшего христианство в Неджране, определяется временем царя Шарахбиль Якуфа, которое может быть установлено благодаря датированной надписи с именем некоего Абу Кулала, относящейся ко времени этого царя. Надпись имеет дату 573 г. химьяритской эры, т. е. относится к 458 г. н. э.⁷⁶ Шарахбиль Якуф царствовал еще в 467 г. н. э., как об этом свидетельствует другая надпись.⁷⁷ Во время пребывания Азкира в Неджране, во времена Шарахбиль Якуфа, там правили два „князя" или „мегистана" (*i maggiorenti*), Зу Таалабан и Зу Кайфан (*Se'eban, Qefan*). Наличие в Неджране одновременно двух правителей, „князей" или „царьков", дало повод Конти Россини сделать краткое примечание: „*Indichero fra breve la probabile spiegazione dei due nomi*",⁷⁸ т. е. высказать предположение, что население Неджрана делилось на 2 нома, из которых каждый имел своего представителя — „князя" или правителя. Такой факт указывает на наличие мощной родовой организации, на последовательное развитие родового строя в Неджране.

Из других источников известно, что царь имел поддержку родовитой знати, их объединяли общие земледельческие и торговые интересы. Знатные роды благодаря своему богатству и мощи могли оказывать царю и экономическую поддержку, как это видно из сообщения о Руме. Предприятия царей поддерживались и субсидировались „богатыми", которые предоставляли им деньги в долг или в качестве „дара", способствуя торговым оборотам или военной охране государства. Но при таком положении царь, правитель, оказывался не только в связи со знатью, но и в зависимости от знати, которая занимала видное положение. Царь, как в Риме, занимал положение первого среди равных. Харит (Арефа), занимая положение главы города и области Неджрана, непосредственно опирался и был в постоянной связи с другими „главами" и „знатными". О „совете господ" или „сенате" придется еще говорить в другой связи.

Не случайно царь Масрук Зу Нувас так опасался своих „родственников" — *kail* („князей"). Власть царя-военачальника не имела абсолютного характера. Насколько независимо существовали отдельные области и города, можно судить на основании характера переговоров Масрука со знатью Неджрана. Он обратился к ним с вопросом — „Почему вы восстали против меня? Разве вам не известно, что я ваш царь?"⁷⁹ — тем самым подчеркивая то, что город мог претендовать на независимое, самостоятельное положение. И Харита (Арефу) царь упрекал в том, что он не захотел остаться в чести, как его предшественник — отец, а стал претендовать на независимое положение „тирана" и на единоличное управление.⁸⁰ Это и было одним из мо-

тивов осады и сурового гонения, которое учинил затем Масрук Зу Нувас в Неджране.

Большой интерес представляет случайно оброненное в „Мученичестве Арефы" выражение об одном из них — ο συγκαθέδρος τοῦ βασιλέως („сопрестольник", „сокафедренник царя"), т. е. соправитель царя, лицо, соучаствующее в правлении царя, его везир. Об этом „сопрестольнике" говорится, что он вел допрос Харита (Арефы) и вступил с ним в спор. Обращаясь к нему, Харит называет его „господин патрикий" (κύρι ο πατρίκιος),⁸¹ т. е. дает ему одно из очень высоких званий Византийской империи, тем самым указывая на его высокое положение. Имя этого лица не названо. Но в „Книге химьяритов" первая роль, и притом весьма активная, принадлежала „одному из военачальников его (Масрука) войска, имя которого было Зу Язан".⁸² Возможно, что это одно и то же лицо и что сирийский источник утерял ту особенность его звания, которую сохранил греческий.

Окружающие царя высокопоставленные и близкие ему люди представляют три категории, — это мегистаны, начальники и этнархи (μεγιστάνοι, αρχηγοί, εθνάρχη).⁸³ Наиболее ясно положение с „начальниками" (αρχηγοί), которые упоминаются тем же источником и в применении к „вождям города", распорядившимся его судьбой, — οἱ δὲ αρχηγοὶ πάντες τῆς πόλεως — говорится о них. Как „вожди" они могли быть и „военачальниками".

Знакомый греческий термин „этнарх", которым источники обычно определяют племенных вождей, царьков небольших варварских государств, они применяют к вождям арабовскинитов или гассанидов. Среди окружавшей царя Зу Нуваса знати не могли не быть и такие начальники племенных групп, этнархи. Возможно, что понятиям этнарха и начальника (ο αρχηγός) соответствовало и арабское „кабир".

Мегистаны стояли на наиболее высокой ступени иерархической лестницы, их положение было наиболее высокое. Выше термин kail „князь" уже был сопоставлен с термином συγγενής — „родственник" царя. Но если число лиц, носивших звание kail, не ограничивалось числом восьми и, кроме этих правителей областей, и другие представители знати носили это звание — в том смысле, что были „князья" и „великие князья", то возможно, что и мегистаны принадлежали к числу лиц, носивших звание kail.

Близкая царю знать выполняла административные обязанности, в частности, „князья" выполняли роль правителей.⁸⁴

При перечислении званий жителей Неджрана и его сословий наивысшие из них было — αρχηγός „воевода" в греческом и **رأس** „голова" в сирийском. Это указывает на то, что лиц, носящих наивысшие звания, в этом городе не было. Сам Харит (Арефа) не был „князем" kail, а имел не столь высокое звание этнарха. Те „благородные" и „главы", которые ему сопутствуют, составляли как бы совет города и области, как на это указывают некоторые данные.

Вопрос о том, какое же официальное положение занимал Харит и каков был характер управления городом и областью, отчасти может быть разрешен.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Южноарабские надписи с древнейших времен упоминают лиц, имеющих звание кабира. Обычное значение „кабир" **كبير** — „быть тяжелым" — получило новое значение. Звание кабира, как об этом можно судить на основании надписей, налагало на него определенный круг обязанностей по управлению и руководству. В ряде надписей кабир связывается с именем племени и называется кабир такого-то племени. Постепенно звание, а с ним и обязанности, становятся наследственными. Одной из главных функций кабира было руководство распределением воды по оросительным каналам, починкой акведуков, плотин. Часто кабир упоминаются в надписях, говорящих об исправлении и обновлении, о постройке новых домов.⁸⁵ Опубликованные в новейшее время надписи дополняют и иллюстрируют это положение. При обновлении водопровода для орошения пальмовых насаждений на кабира падала руководящая роль, как это видно из недавно опубликованной надписи.⁸⁶ Работы по орошению осуществлялись кабиром племени Рима (ریمان), как это явствует из другой надписи.⁸⁷

Большой и новый интерес представляет надпись Рикманс 63 (Боскавен 13). Она происходит из юго-западного Катабана, высечена на скале близ Низаба и содержит монотеистическое обращение к „милостивому" Рахману, „господину неба и земли". Эта надпись воздвигнута в связи с восстановлением ирригационной системы, в ней поименованы лица, принимавшие участие в этом предприятии, причем они переименованы группами, по нисходящей иерархической лестнице. Первыми переименованы лица, принадлежащие к роду или клану Язан. Род этот упоминается и в других случаях как очень знатный, в числе принадлежащих к нему лиц

упомянут Сумиафи Асва и другие. Следующую группу составляют имена Гаданум, Иалгаб, Иамбур, принадлежащие к племени **شعبين**, Дайфатан. Они принадлежат к числу „свободных их племени" (**اولاد شعبينمو**). Термин „свободные" должен быть сопоставлен с сирийским **حدو سبائهم** „сыновья свободных и с греческим „благородные" (*ευγενοι*). Списки имен „благородных", убитых Масруком Зу Нувасом в Неджране, даны в „Книге химьяритов". Род Зу Язан, или Язан, был знатный род, известный и из других источников, и к нему принадлежало несколько лиц, переименованных в надписи. Три же названных выше лица занимали положение рангом ниже, они были „свободными племени" Дайфатан. Наконец, на третьем месте после рода (клана) Язан и „свободных племени" Дайфатан упомянут „кабир племени Сайбан" (**كبير شعبين تسيبين**).⁸⁸ В данном случае кабиры связаны с племенем и являются его представителями.

Правление кабира упоминалось как известная дата в некоторых надписях, как, например, в надписи царя Ма'ина по поводу построения города Карну из отесанных камней или больших блоков, при кабире Хн'ф'мн.⁸⁹ В другом случае „кабир всего племени Ариам" (**كبير كل شعبين اريم**) вел работы по восстановлению частей оросительной системы, возведению дамбы, шлюзов, а также насаждению пальмовых деревьев в царском саду. Исправленное чтение надписи следует считать правильным.⁹⁰

Неоднократно отмечалось, что звание и должность кабира были наследственными. Обращает на себя внимание и тот факт, что должность эта в пределах племени принадлежала нескольким семьям, лучше сказать родам, поэтому термин „кабир" упоминается в некоторых случаях во множественном числе или с именем племени **بنو**, т. е. „сыновья такого-то".

Кабиры соответствуют в греческом понятию *πρεσβυτεροι*, „старосты", под их руководством племенем производились и всякие сельскохозяйственные работы.⁹¹ Связь кабира с племенем изначальная. Понятие племени выражалось термином **شعب** (*der Stamm = la tribu*). Род, или клан, подразумевает кровное родство, происхождение от единого праотца, что и находит свое выражение в формуле „сыны такого-то". По мнению Хартмана, в южноарабском языке слова, выражающего понятие рода, нет. Понятие рода заменяют термины „сыны" или „люди" **اهل**.⁹² В „Книге химьяритов" соответствующая сирийская терминология применяется к „роду, называемому Гау" (**القبيلة الحوامية**), это именно „род",⁹³ тогда как понятию племени отвечает другой сирийский термин — **قبيلة**.⁹⁴

Кабир как должностное лицо имел звание, выросшее из родового строя, став представителем племени, с течением времени он приобретает новые функции. Он не только „староста" (*πρεσβυτερος*) племени, его деятельность связывается с известной областью, с определенной географической единицей. Он выполняет те же функции, но не только для своего племени, а для некоторой области. Этот факт подтверждается многочисленными надписями, и его отметил еще Хартманн.⁹⁵

В дальнейшем термин кабир стал применяться и к представителю определенной социальной группы жречества или административных лиц, как указал на это Родоканакис. Им было сделано и другое наблюдение, а именно — определенные роды сохраняли за собой право выставлять своих членов на должности административного характера, и у таких родов был свой представитель, свой кабир. „Как коллегия жрецов какого-нибудь божества, подчиненные царских доменов, сборщики первинки урожая, так и категория служащих [каста] Акиан имела своего представителя [старшего]".⁹⁶ Кабират занимал, таким образом, высокое положение и представлял собою некую автономную группу. Кабир возглавлял как представитель племени или провинции группы социально различные, понуждая их действовать в интересах или собственника земли, или владельца дома, башни и т. п.⁹⁷ Известно также, что в племени Халил был свой род кабиров.⁹⁸ Эти данные надписей объясняют то, что сообщают и нарративные источники начала VI в. Положение Харита (Арефы) и Румы наследственно, оба как бы принадлежат к высокой, замкнутой касте, которая была обособлена в смысле возможности заключения брака. Таково положение Румы и ее знатного рода Гау.

Наследственна была и должность Харита (Арефы), который был о *αρχηγός* города и области, что в наибольшей степени отвечает термину кабир. В подчинении у него были как самый город Неджран, так и тяготевавшая к нему область, он был их представителем и как таковой в свою очередь должен был подчиняться царю.

В свете этих данных становится понятным, когда Масрук Зу Нувас, царь-иудей химьяритов, с возмущением говорит Хариту (Арефе): „Тебе говорю, Арефа, сквернейший и древ-

нейший злыми днями, почему ты не подражал своему отцу, правившему городом и всей округой (τον άρξαντα. της πόλεως και πάσης της περιχώρου), который был в чести у бывших до меня царей, но ты пожелал быть тираном и монархом города Неджрана и окрестностей..." (αλλ' εβουλήθη τυραννησαι και μονάρχησαι Νεγραν την πόλιν και την ταυτην περιοκίδα).⁹⁹ В качестве кабира Неджрана Харит занимал место своего отца, а впоследствии это место занял его сын. Отец Харита действовал в согласии, т. е. подчинялся царям Химьяра, предшественникам Зу Нуваса, и за это был у них „в чести“.

С течением времени кабир занял настолько высокое положение, что термин **عقب** означающий майордома, к нему не мог прилагаться.¹⁰⁰

Следует упомянуть еще об одном термине, значение которого близко к значению главы племени, шейха. В надписи 43 (А 3819) Государственного Музея Берлина, наряду с „князьями“ — **kail** и „людьми“ (**إباش**, множественное число **إباش**), упомянуты **عقل**. Издатели надписи сопоставили это слово с **عقال**,¹⁰¹ термином, приведенным известным исследователем южноарабских диалектов Ландбергом, указавшим, что вне Хадрамаута слово **عقل** — **عاقِل** имеет значение главы племени и соответствует термину **إشِيخ** шейх, **عاقِل** сохраняет вне Хадрамаута и другое, обычное и для классического языка значение — мудрый, разумный.¹⁰²

Термин этот в надписи не вполне отчетливо сохранился, он встречается редко и потому требует известной осторожности. Но существенно, что еще один родовой термин может быть зарегистрирован в южноарабских надписях.

Для выяснения структуры общества в Неджране в первой четверти VI в. необходимо привести некоторые данные об общественных отношениях в предшествующий период государства Йемена.

Структура государств южной Аравии с начала новой эры и до половины III в. н. э., — времени образования государства химьяритов, — может быть охарактеризована на основании надписей, относимых ко второму периоду по хронологической схеме, которая была выше указана.

Во главе государства находился царь, **ملك**, малик. Рядом с царем надписи этого и даже предшествующего периода называют **مِسْوَد** мисвад, в котором Глазер и Хартман видят „совет господ“, т. е. совет, собрание представителей знати. „Совет господ..., который стоит рядом с царем и одновременно его ограничивает“.¹⁰³ Такое собрание представляет не что иное, как совет (βουλή) греческих городов. Надписи Ма'ина — одной из северных областей Сабейского царства — особенно часто упоминают это „собрание“. Обычной формулой надписей является **ملك معن ومِسْوَد معن**, царь Ма'ина и мисвад (βουλη) Ма'ина.¹⁰⁴ Термин мисвад (мсуд) встречается и в надписях Катабана, но в надписях Сабы его уже нет. В позднейших химьяритских надписях мисвад означает собрание, совет, collegium, а к середине VI в. — место собрания, зал.¹⁰⁵ Мисвад — это собрание знати, представителей знатных родов, имеющих власть, сильных своим положением и фигурирующих рядом с царем, в известной степени и ограничивая его.

Наряду с собранием знати, в тех же надписях встречается термин **طبنن**, как бы противоположаемое знати представительство более широкого и демократического слоя. Корень **طبن** имеет значение ударять, а **اطبين** — господин, патрон, хозяин, в классическом языке **اطبن** — быть очень умным, быть опытным.¹⁰⁶ Отсюда значение этого слова в надписях могло быть — собрание „знающих“, „опытных“ людей. В надписи Глазера 1606 оба представительства названы одновременно **مِسْوَدن وقْتبِنن طبنن** — „мисвад Катабана и табнан Катабана. Анализируя эту надпись, Родоканакис дает более подробную характеристику этих терминов. По его мнению, msud или miswad являлся советом „господ“, высшего слоя, знати. Что касается „табнана“, то это собрание собственников, или арендаторов, исходя из того, что **اطبين** — это патрон, хозяин, а следовательно, и землевладелец. Правильнее будет считать, что земледельцы, входившие в „табнан“, являлись представителями главной массы племени, из которой в особую группу выделялись „господа“, составлявшие „мисвад“. В таком порядке „табнан“ противопоставлялся „мисваду“.¹⁰⁷

Законодательным органом государства Катабана, его государственным советом были царь и господа всех племен Катабана. Рядовые земледельцы и арендаторы, как можно полагать, составляли второй, как бы дополнительный совет, „табнан“, при участии которого принимались окончательные решения. Вопросы эти главным образом касались податного обложения, так как именно эти земледельцы обеспечивали государство „работой и податями“.¹⁰⁸ Не-

брежное отношение к работе и невыполнение обязательных налогов карались денежным штрафом или телесным наказанием.¹⁰⁹ В законодательстве за царем признавался верховный авторитет.

Таким образом, в Катабане, в Марине, наряду с советом знати, в делах участвовали представители свободных масс, составлявших собрание племени, вернее его старост, „опытных“, „знающих“ людей. Не встречая мисвад в государстве Сабы, Хартман сделал вывод, что это указывает на ослабление знати, так как о народе надписи продолжают упоминать.¹¹⁰ Такое мнение Хартмана, однако, нельзя распространить на государство химьяритов, где происходило усиление знати. Об этом свидетельствуют нарративные источники, которые сообщают о богатейших представителях знатной верхушки, которые вершили всеми делами города и области. Химьяритские надписи последнего, третьего периода южноарабской эпиграфики упоминают рядом с царем „князей“, магнатов (кайль). Дополняя друг друга, эти данные приводят нас к другому, новому выводу.

Мисвад был вытеснен из своего положения совета при царе тем, что богатые и знатные, выделившиеся в „князей“, ослабили положение „совета господ“ (мисвад), как βουλή, охватывавшего более широкий слой, из числа „благородных“, „сынов свободных“. „Цари Саба и Райдана“ имели опору в „князьях“ (кайль), которые постоянно упоминаются в их надписях, как это было указано выше, в том числе в надписи 543 г. н. э. (Глазер 618). Выделение богатой верхушки можно себе представить по приведенным выше данным о богатстве неджранитянки Румы.

Мисвад перестал упоминаться рядом с именем царя, потому что его опорой был уже не „совет господ“, а более узкий круг знати, которая требовала себе особого, исключительного места.¹¹¹ „Князья“ (кайль) получали в управление отдельные области, как это видно из ряда надписей. Они занимают автономное положение, часто отказывая в повиновении царю (надпись Глазера 618, строка 81 и след.).

Замечательно, что наряду с термином „кайль“ продолжает встречаться старый термин „кабир“. В числе правителей, оставшихся верными Абрахе, упомянут „и кабир Хадрамаута“ (كبير حضرموت), как об этом свидетельствуют надписи.¹¹²

Кабират пережил мисвад. Глубоко коренясь в родовом строе племен, этот институт сохранился, сохранив и многие из тех функций, которые он имел в прошлом. За ним остаются управление делами племени, а позднее области, распределение земли и воды.

Кабирьы играли роль и занимали видное положение еще в период, когда мисвад занимал известное положение в жизни и место в надписях.¹¹³

Есть сведения, что кабира ставили на три года, как об этом сообщают надписи Галеви 150 и 151.¹¹⁴ В других случаях кабир занимал место рядом с царем данного государства и был перед ним ответствен.¹¹⁵

Кабир был представителем племени, а с течением времени стал занимать это положение на географически более обширной, не только принадлежащей племени области, его административные функции таким путем расширялись. „Князь“ (кайль) был больше связан с растущей силой царской власти, хотя нередко противопоставлял себя ей. Кабир был связан с организацией племени и был выделен из нее для выполнения более широкого круга обязанностей. Здесь имел место как бы двойной процесс — представитель племенной организации становился администратором, а правители вербовались из знати. Все эти данные разъясняют и формы общественных отношений в Неджране в VI в.

Высокая материальная культура древнего Йемена засвидетельствована многочисленными раскопками, остатками городов и замков, описанных еще аль-Хамдани. Этот замечательный арабский ученый, умерший в 945/946 г. н. э., оставил подробное описание архитектурных памятников и гробниц, которые он видел.¹¹⁶ Крепости, города и огражденные селения могли появиться лишь в зависимости от грандиозной системы искусственного орошения, создававшего культурную площадь и плодородие этим областям, в древности получившим название Arabia felix. С первой четверти VI в. повторные нападения вражеских войск и взрывы междоусобной борьбы привели к нарушению ирригационной системы, разрушениям сооружений. В 70-х годах того же века персы только завершили этот разгром. Когда карательная экспедиция, направленная Эла-Ашбеха (Элесбоа) под начальством Ариата против Абрахи, жестоко расправилась с жителями, Табари говорит и о разрушениях, произведенных войсками, специально упоминая „замки Йемена“ (حصون اليمن), разрушенные ими, замки, „небывалые у людей“, т. е. особенно замечательные.¹¹⁷ О том, как грандиозны были сооружения и насколько в

них было заинтересовано государство, можно судить на основании, например, известных надписей в Марибе, которые сообщают о восстановлении его плотины. Первая надпись относится к 449/450 г., вторая к 542/543 г. (Глазер 554 и 618). Вторая надпись сообщает о том, что исправление плотины потребовало затраты больших средств и множества рабочей силы. В восстановительных работах приняли участие „племена“, т. е. население химьяритского государства.

Поддержание ирригационной системы в Аравии было несомненно связано с тем, что в известный исторический период в ее государствах и городах земля и вода считались государственной собственностью. Такое положение в значительной степени сохранялось арабами и в эпоху ислама.

В древних арабских государствах распределение и наблюдение за оросительной системой было делом представителя племенной или государственной власти. Возможно, что это была одна из главных функций реиса.¹¹⁸ Завоеванная земля точно так же считалась государственной собственностью. На основании источников может быть сделан вывод о наличии коллективной общинной, позднее государственной, собственности на землю.

В таком аспекте становятся совершенно понятными сложные формы отношений, о которых сообщают разнообразные источники по истории Химьяра. На сходство и различия в реализации, т. е. в конкретных исторических условиях, в которых развивалась коллективная собственность на землю, указывает также Маркс. Поэтому явлениям, охарактеризованным в южной Аравии, параллелью могут служить правовые нормы классического периода древней Греции и эллинистических государств. Земля как собственность города-государства, государственная собственность на землю как правовая норма пережила длинную эволюцию, в течение которой совершались изменения в формах собственности на землю. В связи с этим она получала новые наименования и их различные варианты: *ἡ βασιλική*, *ἡ κληρουχική*, *ἡ ιδιωτική*.

Основоположники марксизма совершенно справедливо придавали особое значение системе орошения на Востоке, которая была делом государства. „Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами“.¹¹⁹ Живая, орошенная земля и была собственностью этого правительства и государства, владеть которой могли отдельные общины и даже частные лица.

Сопоставления в этом отношении очень поучительны, особенно со времени опубликования новых материалов, которые дали раскопки в Дуре Еуропосе. В южноарабской эпиграфике имеются сведения о расширении городской территории, присоединении к ней новых орошенных и возделанных территорий, как, например, в известной надписи Галеви 349. Не случайно напрашивается сравнение с явлениями того же порядка, получившими широкое распространение в государстве селевкидов на всем протяжении захваченных греками территорий Азии. Городские земельные угодья увеличивались в своей площади за счет присоединения новых участков, освоенных и культивируемых. Присоединение новых участков было особенно благоприятным для собственников, которые стремились и успевали в том, чтобы приобрести эти земли путем покупки или получения их в дар. В условиях широко распространенной аренды земли, в Египте при птолемах, этот процесс перехода *χώρα βασιλική*, т. е. по существу государственной земли, в частные руки был более медленным. Характер этого процесса, известный в государстве селевкидов, может быть с полным правом отмечен и в химьяритском государстве.¹²⁰ Процесс этот имел общие черты, проходил в сходных условиях освоения новых участков, присоединяемых к городской территории. В связи с этим *λαοὶ βασιλικοῦ* переходили на положение крестьян, обязанных податью городу, что, по существу, мало меняло их тяжелое положение.¹²¹

Можно указать и на другое явление, которое возникает со времени господства птолемеев в Египте и получает широкое распространение в римский и византийский период как „надбавка“ (*ἐπιβολή*). На основании изучения папирусов отмечали, что принудительная обработка соседней данному собственнику земли имела место в птолемеевскую и римскую эпохи. *Possessores* — владельцы (*ἡ ιδιωτική*) — должны были принимать на себя обязанности по обработке соседней, не имевшей владельца, земли и платить за нее подати. Это положение имеет параллели в южноарабской эпиграфике (надписи Галеви, №№ 360—362), где собственники земли являются в то же время арендаторами новых кусков земли, которые давались или „прикидывались“ им царем в порядке принудительной аренды.¹²² Одна из надписей свидетельству-

ет о том, что новые земли переданы знатной семье, ее слугам и рабам.¹²³

Приведенные данные говорят об изменениях, о динамике общественных отношений, о том, что процессы, протекавшие в разных государствах, имели общие черты, указывающие на то, что они отвечают стадияльно одному и тому же периоду развития общества.

В первой четверти VI в. нарративные источники дают возможность отчетливее охарактеризовать общественные отношения в Неджране как одном из центров Йемена.

Неджран по своему внутреннему устройству был городом-государством, который имел большое количество земли тяготевшей к нему области. Пятая надпись из числа опубликованных Рикмансом сообщает о нападении, предпринятом из города Мухамира „на Неджран и все его города”.¹²⁴ Название область носила то же, что и ее главный город, — Неджран. В области находилось, кроме того, большое число „городов”, т. е. укрепленных селений или крепостей. Земля находилась в собственности крупных частных владельцев, имевших деревни, именья, стада. Эта земельная аристократия была в то же время родовитой, знатной верхушкой города. Часть земли оставалась в руках упоминаемых источниками земледельцев (γυεοργουί), которые могли быть арендаторами и членами общин племени. Источники дают представление о крепких родовых связях богатых, знатных родов, составлявших олигархическую верхушку города. Эта знать вершила всеми делами города. „Благородные”, „сыны свободных” составляли состоятельный, но более многочисленный слой, имевший также свои привилегии. Эксплуатируемый народ, на труде которого держалось благосостояние города, поддерживал его уплатой больших податей. Свободные земледельцы, городские ремесленники, торговцы составляли этот слой, о котором упоминают как нарративные источники, так и надписи.

Ирригационные каналы, дамбы, а также ремесленные и всякого другого рода изделия производились не только трудом многочисленных рабов, но и свободным населением. Ими выполнялись домашние работы, они составляли челядь и домочадцев господствующих классов.

Особенностью рабовладельческого строя химьяритского общества, как и многих других обществ, было наличие длительно сохранявшегося родоплеменного уклада, существовавшего наряду с рабовладельческими отношениями. Рабство „неизбежно” изменяет формы племенного строя, как и в данном случае, но в течение некоторого времени родовые и племенные связи оставались в достаточной степени крепкими.

Возникновение городов на Востоке, „там, где место особенно благоприятно для внешней торговли”,¹²⁵ отвечает и всему тому, что известно об истории Неджрана — города-государства, общественные отношения которого характеризуются в основе своей как рабовладельческие.

Таким образом, все кажущееся разнообразие форм общественных отношений в Химьяре VI в. заключается в том, что это было общество на той стадии развития рабовладельческой формации, когда в рабовладельческом обществе сохранялся сильный родоплеменной уклад. Учение основоположников марксизма об общественно-экономических формациях и их укладах позволило сделать общие выводы на основании конкретного исторического материала, относящегося к южноарабским государствам в домусульманское время, и охарактеризовать их общественный строй как рабовладельческий, с сохранением уклада предшествующего периода.

Так, может быть дана социально-общественная характеристика Неджрана на основании источников первой четверти VI в.

Задолго до движения, связанного с именем Мухаммеда, необходимость новых устоев политической и социальной жизни в южноарабских городах стала ощутительной. Причин для этого было много, все они были связаны между собою, но основной было то, что развитие производительных сил было приглушено, связывалось старыми устоями общества.

Государственные объединения в форме царств Сабейского, затем Химьяритского, были несомненно прогрессивным явлением, — объединениями, противопоставлявшими себя родоплеменному устройству. В условиях оседлой жизни задолго до новой эры, в „библейские времена” возникли в южной Аравии города. Строительство городов и крепостей было связано, в первую очередь, с торговым караванным путем, соединявшим эти области с сиропалестинским побережьем и через Йемену с Междуречьем. Города образовались здесь потому, что эти области были особенно удобны для внешней торговли.¹²⁶ Здесь разложение племенного строя могло проходить быстрее, в более благоприятных условиях „...благодаря сношениям с чужеземцами, благодаря рабам, стремлению обменивать свой прибавочный продукт и т. д.”.¹²⁷

Чтобы характеризовать общественный строй древнего периода, нет достаточно четких данных.

С началом VI в. н. э. события в Неджране и появившиеся в связи с ними сообщения и документы дают возможность сделать некоторые выводы. Избегая обобщений слишком широкого характера, можно в выводах ограничиться характеристикой городов на примере Неджрана, о котором сообщили много подробностей эти источники.

В общественном строе города Неджрана в первой половине VI в. н. э. было много черт, роднивших его со строем города-государства. Во главе его находилась олигархическая верхушка, состоявшая из глав или ἀρχηγοί „вождей“, первое место среди которых занимал Харит (Арефа). Все важнейшие решения принимались этой верхушкой, в которой следует видеть закономерных и фактических распорядителей судеб города. В городе и тяготевшей к нему области эта знать имела недвижимую собственность — дома, угодья, крупные имения и деревни. Эта же знать имела и большое количество денег, золота и серебра, которые она получала благодаря участию в торговле и в крупных заемных операциях.

Свободные, „сыны свободных“, благородные составляли также привилегированный слой, более многочисленный, но и менее достаточный, чем знать („главы“). Ремесленники составляли часть свободного населения города, его трудовые массы. Земля области обрабатывалась земледельческим населением, представлявшим общины, а наряду с ними — многочисленными рабами.

Арефа (Харит) — представитель знатного рода, в котором главенствующее положение его как кабира было наследственным, — считался первым лицом в городе. Государственное объединение, известное как Сабейское, а затем с половины III в. н. э. как Химьяритское царство, объединяло ряд областей и городов-государств. Цари стремились объединить все части южной Аравии, в том числе и город Неджран, расположенный на северной границе Сабейского царства, несколько юго-восточнее бывшей столицы Минейского царства Карнана.¹²⁸

Отец Харита, кабир Неджрана, подчинился царю химьяритов, что, однако, мало меняло внутреннюю жизнь города-государства. Это подчинение ограничивалось выплатой известных денежных сумм, которые Масрук вновь потребовал от города, когда его осадил, и которые „знатные“ поторопились ему выплатить. Царь Масрук обвинял Харита в том, что он не захотел ему подчиниться, а пожелал стать „тираном“ и „единодержцем“; т. е. что город-государство откололся, занял свое исходное, самостоятельное положение.

Одной из побудительных причин, вызвавших это, было то, что состоятельные круги Неджрана были связаны с торговыми интересами Византии и Абиссинии — двух христианских стран. Народ и неджранитская знать приняли христианство. Рвать давно сложившиеся торговые связи, менять ориентацию было для них невыгодно и невозможно. Между тем ориентация царя Зу Нуваса была направлена на иудейские колонии, многочисленные и сильные, которые поддерживали связь с Палестиной и имели опору в Иране.

Переход Масрука Зу Нуваса в иудейство также был явлением не случайным. Государственное объединение Сабы, Райдана, Химьяра и Иеманата было слабым. Общая идеология — религия должна была действовать как мощное объединяющее начало. Объединение арабских городов, областей и племен, осуществленное мусульманскими племенами еще за век до хиджры, ощущалось как потребность, как необходимость. Цари и правители в своей политической ориентации искали опору в религии, экономические связи рождали идеологические.

Царь химьяритов Масрук Зу Нувас был представителем интересов химьяритов, их самостоятельности и независимости, объединяя их против господства Эфиопии, которая имела в отдельных городах, в том числе и в Неджране, свои опорные пункты. В своем управлении Масрук опирался на близких ему представителей знати, в значительной степени подчиненной ему. „Князья“ были уже наместниками. Для Неджрана характерно, что господствующее положение сохранилось за крупными, родовитыми фамилиями, что его главой оставался кабир. Причиной борьбы между Неджраном и царем Тафара, выразившейся в преследовании христиан царем-иудеем, была не только одна религия. Значение имело столкновение объединительных стремлений царской власти с относительной независимостью города-государства, в котором мощные, экономически сильные роды отстаивали свою самостоятельность, свое положение вне государства Сабы и Райдана, ценою связи с Эфиопией, с торговыми интересами Византии.

Насколько трудно проходило объединение, как часто отпадали отдельные области, свидетельствует и происшедшее в 542 г. при царе Абрахе восстание „князей“, победа над которыми занесена в замечательной 136-строчной надписи в Марибе (Глазер 618, относящейся к

543 г. н. э.).

Военные столкновения после 525 г., повторные нападения эфиопов, восстание и отпадение областей и городов, стремление вновь их объединить — все это подрывало экономическое положение Неджрана. Разорение Неджрана, разрушение плотины и всей замечательной ирригационной системы Мариба, постоянная угроза прибрежным городам от Эфиопии, — все это вместе прекрасно иллюстрирует слова Энгельса: „плодородие земли“, о котором так подробно свидетельствуют многочисленные южноарабские надписи, „достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок“. „Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет“. ¹²⁹ После 543 г. сохранилось мало эпиграфических свидетельств из южной Аравии и ее государств; остаются лишь легендарные сообщения арабских источников.

Новейшие историки отрицательно относятся к приурочению похода Абрахи к 70 г. VI в., году рождения Мухаммеда. Этот поход предположительно относят к 40-м годам. После царствования сыновей Абрахи Эфиопия вынуждена была уступить господство в южной Аравии персидским войскам. А затем доминирующее положение там было занято мусульманами.

Главной действующей силой завоевательной политики арабов были внутренние социальные изменения в их государственном строе. Города-государства южной Аравии подчинились объединительной политике царей, которая соединяла их в мало прочный союз, где интересы местные превалировали над интересами всего комплекса областей южной Аравии.

Даже энергичный Абраха ценой больших жертв не надолго вновь объединил отпавшие области. Но объединение, которое повела Мекка, имело глубокую экономическую и социальную основу, что облегчало этот процесс, а демократическая основа в устройстве войска и государства, характер царской власти халифа — были чертами молодого, полуварварского государства.

Что касается идеологических основ, то путь к ним был намечен единобожным культом Рахмана, попытками связаться то с христианством, то с иудейством, но обретенны они были исламом. Государство арабов включило и древние города южной Аравии, но центр халифата оказался гораздо севернее и его культурное преемство в большей степени было связано с этими новыми областями, чем со старой колыбелью арабской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В IV в. центр империи был решительно перенесен на восток. И до этого восточные области империи лишь условно составляли единое целое с западными областями. Восток продолжал жить и под римским владычеством своей жизнью, говорить на своих языках и развивать свою культуру.

Несмотря на большую экономическую значимость Египта и выдающееся положение такого древнего мирового центра, каким была Александрия, не она стала новым центром мировой державы. Временным было колебание в пользу Никомерии, затем Антиохии, но Византия — Константинополь, связавший у Босфора европейский и азиатский материка, занял положение столицы. Со времени основания Константинополя до арабских завоеваний империя географически охватывала области европейского материка, Азии и Африки. Полуостров, принадлежавший эллинам и македонцам, а затем славянам, и Малая Азия надолго оставались за ней, но Египет и Сирия отошли к арабам, чтобы позднее сменять одно владычество за другим.

В период, когда Византия располагалась на трех материках, объединяя управление провинций грандиозным государственным аппаратом, — в недрах империи, в ее глубоких прослойках, происходила длительная перестройка — разрушение рабовладельческой системы эксплуатации и значительное распространение колоната. Рабовладельческие производственные отношения в это время стали уступать свое доминирующее положение новым отношениям характера феодального. Тем не менее во всех государствах Ближнего Востока, включая и Византийскую империю, надолго сохранился рабовладельческий уклад. Рабовладельческий уклад является характерным для многих государств Востока и более позднего периода средневековья. В зависимости от завоеваний и захвата военнопленных в рабство — количество рабов могло возрастать, а следовательно, приобретать временно несколько большее значение в хо-

зяйственной жизни. Но наличие и развитие производственных отношений феодального характера со времени арабского завоевания несомненно для всего Ближнего Востока, где складывались государства раннефеодального типа.

Законодательство IV и V вв. не оставляет сомнения в широком распространении колоната во всех областях восточной империи. Перестройка происходила постепенно, тем более, что рабовладельческие отношения не получили на востоке того особенно широкого распространения, которое они получили на западе империи. Несомненно имела значение и другая особенность — наличие свободных крестьянских общин, которые были в различное время препятствием как для безудержного развития рабства, так и для распространения колоната. Непосредственные производители на земле не представляли полного единообразия по своему имущественному и юридическому положению, как об этом говорит законодательство. Наличие свободного крестьянства, несомненно, имело значение для стойкости и равновесия, которые сохраняла империя на востоке, чему большое внимание было уделено в работах советских исследователей. Особенности в характере общественных отношений делали Византийскую империю устойчивой, и не случайно именно она стала новой силой средневекового мира. Классовая борьба на рубеже VI и VII вв., выразившаяся в восстаниях демов, прокатившихся по всем восточным провинциям Византии, особенно острой была в Александрии и Антиохии. Эти классовые бои были связаны со сменой социально-экономической формации, с изменениями в общественном производстве.

Восточные области империи имели еще одну особенность по сравнению с западными — наличие многочисленных городов. Возникновение одних относилось к древнейшим временам, другие вели свое основание от времени Александра и диадохов. В городах развитие ремесла порождало торговый обмен. основоположники марксизма придавали большое значение развитию городов, развитию ремесла и торговли. К. Маркс в своем важнейшем труде уделил место глубокому анализу развития ремесла и торговли в античном и средневековом городе. „Связь торговли с городским развитием, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны, таким образом, сами собой".¹ Развитие торговли является побуждающей причиной усиленного развития ремесла; оно увеличивает количество, приводит к разнообразию и улучшению качества производимых продуктов. „Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным...".²

Глубокие причины создали устойчивость Восточноримской империи, благодаря которой она не перестала существовать, пережив тяжелый кризис рабовладельческой системы и непрерывные нападения славян и аваров. Наличие в ней древних городов, их богатство, высокий уровень развития ремесла, сохранение известного числа свободных крестьянских общин создавали здесь экономически более благоприятное положение. Посредническая торговля, несомненно, способствовала развитию ремесла. Достаточно указать на сведения источников о разнообразных товарах, которые продавались на рынках Египта, Сирии, Малой Азии, вспомнить о памятниках материальной культуры IV—VI вв., чтобы вся реальная действительность этого времени подтвердила формулированные Марксом положения. Читая страницы „Полного описания мира" или „Христианской топографии", которые писались купцами, становится особенно очевидным, что вся продукция „проходит через руки купцов", так как „купец покупает и продает для многих" и обслуживает „обмен товаров".³ Обмен в восточных областях империи возник в древнейшее время, и результатом его было развитие рабовладельческого хозяйства, которое могло давать повышение прибавочной стоимости.

Египет эпохи птолемеев, Сирия времени селевкидов, области Ближнего Востока, объединенные под властью Рима, характеризуются общественными отношениями рабовладельческого типа. Географическое положение наследницы Рима — Византии было таково, что границы ее соприкасались с народами, жившими кочевым или полукочевым образом. Маркс отмечал, что развитие торговли „часто свойственно как раз неоседлым, кочевым народам".⁴ Поэтому можно с уверенностью указать на то обстоятельство, что близость к кочевым и полукочевым арабам, особенно же сношения с оседлыми славянами, в которые вступила Византия, несомненно, сыграли свою роль в развитии ее экономики. На северной и северо-восточной границе империи происходил усиленный обмен. Известно, что различные предметы, вырабатываемые в сирийских и египетских городах империи, проделывали длинный путь, переходя из рук в руки разных народов и племен, пока не достигали Китайской стены. И, наоборот, шелк-сырец, шелковая нить и шелковые изделия подвергались обработке в мастерских в гинекеях

империи, привозимые как драгоценный товар из Китая караванными и морскими путями.

Торговые города империи, как задолго до этого мелкие государства Передней Азии, вели посредническую торговлю и использовали все преимущества, которые давало им их положение в отношении тех народов, с которыми они вступили в обмен. Достаточно привести такой пример, как торговля византийских купцов с центральными областями Африки, с государствами, расположенными по ее восточному побережью, о которых сообщает Козьма Индикоплов, чтобы вспомнить всю справедливость слов, что эта чисто посредническая торговля „основывалась на варварстве производящих народов“, для которых купцы „играли роль посредников“.⁵ Торговля приводила к тому, что система рабства патриархального типа, которая была направлена на производство непосредственных, жизненных средств, становилась рабовладельческой системой. Эта последняя имела уже другую, более сложную цель, так как была направлена „на производство прибавочной стоимости“.⁶ Это явление отмечено Марксом в древнем Риме, где, по его мнению, еще в республиканский период купеческий капитал достиг особенно высокого уровня. В то же время торговля всегда влияет разлагающим образом на „те организации производства, которые она застаёт“.⁷ Но какие именно новые формы возникают, „какой новый способ производства становится на место старого — это зависит не от торговли, а от характера самого производства“.⁸ Это последнее указание особенно важно для представления о значении самого характера производства. Торговля, которую Рим застал в птолемеевском Египте и селевкидской Сирии, продолжала широко развиваться. Рабовладельческие формы отношений подвергались дальнейшим изменениям. Колонат и зачатки феодальных отношений являются характерным явлением в ранневизантийском обществе.

Соответствующим образом это имеет место и в положении непосредственных производителей в городах — ремесленников.

Отдельные отрасли ремесла в ранней Византии, несомненно, говорят о „высоком развитии промыслов“. Достаточно взять мозаики дворца Феодосия, изумительное, новое разрешение ряда архитектурных задач в храме Софии, новые образцы текстильных изделий, в частности из шелка, такие замечательные образцы металлических изделий, как антиохийская чаша, — все это говорит о том, что производство получило новые импульсы, что технически оно было поднято на новую высоту.

Ремесло имело большое значение в истории экономических и социальных отношений Византии, так как его удельный вес в городах был велик. Каждой общественно-экономической формации соответствует определенного типа ремесленная организация. В данном случае это были преимущественно самостоятельные мелкие ремесленники и небольшие мастерские, в которых тут же сбывался товар потребителю или купцу-посреднику. Известны также более крупные царские мастерские, например гинекеи, в которых по преимуществу работали рабы.

Торговля вызывала более широкое распространение и качественное улучшение ремесла. Рост производительных сил способствовал возникновению новых форм общественных отношений, которые в большей степени соответствовали развитию этих производительных сил. „Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя“.⁹

Имея представление о высоком уровне ремесленной продукции Византии, ее совершенстве и разнообразии, можно понять и те широкие возможности обмена и распространения, которые получала эта продукция. Об этом достаточно красноречиво говорит такой памятник IV в., как „Полное описание мира“, недаром названное исследователями экономической географией империи.

Широкие торговые связи и оживленная торговля были порождены условиями, еще существовавшими и господствовавшими в рабовладельческом обществе. К. Маркс указывал, что в Риме развитие торговли „сопровождалось высоким развитием промыслов“ — это в значительной степени относится и к раннему периоду истории Византии. Техническое усовершенствование орудий производства, замена их новыми, более совершенными, соответствующим образом требовали и нового, более тщательного и тонкого отношения к производству. Таким образом, распространение более усовершенствованных орудий приводило к перестройке производственных отношений. В этом лежала основная причина того, что раб был покинут как инициативный работник. Это изменение производственных отношений прослеживается в сельском хозяйстве ранневизантийского общества, где колон и свободный крестьянин являются ведущими непосредственными производителями на земле. То же явление находит себе место и в ремесленном труде, где оно имеет сложный характер. Ряд памятников материальной культу-

ры от архитектурных сооружений до украшений и монет носят печать высокого художественного творчества.

„Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде".¹⁰ Этим и вызвана перестройка общественных отношений и появление новых кадров работников в ремесле.

Обширная торговля, которую вели Византия и Иран с варварскими странами, была посреднической и, конечно, „основывалась на варварстве производящих народов". Это положение, высказанное Марксом, объясняет ряд фактов в истории торговли этих стран. Конкретный материал, который дает исследование, реальная историческая действительность, воссозданная на основании источников, являются живой иллюстрацией гениальных высказываний основоположников марксизма-ленинизма. Только вооруженная этими идеями научная мысль может пытаться дать ответ на важный и сложный вопрос о том, чем был экономический и социальный комплекс — Ближний Восток в раннем средневековье.

Торговые интересы азиатских провинций империи имели многовековые традиции. Архаическая Греция связывала себя с Малой Азией. Александр Македонский осуществил „глубокую разведку", открывшую новый мир, который стал для стран средиземноморского бассейна целью устремлений. Этот мир приобретал все большую экономическую значимость в торговле. Но греко-македонское господство на Востоке не было длительным. Средняя Азия, Иран, северная Индия быстро восстановили свои силы. Аршакидский и сасанидский Иран представляли уже грозную силу даже для Рима, тем не менее продвигавшего свои завоевания все дальше. Последовательно были захвачены Египет, приморская Сирия, Междуречье. Шаг за шагом отбивал Рим караванные дороги в Азию, где персидская держава ставила решительные преграды его продвижению. Мелкие эллинистические княжества и государства не могли оказывать сопротивления и вынуждены были сдаваться, но Иран мог противостоять Риму и удачно отражал его нападения, неоднократно переходя в наступление. Торговля с Востоком вообще, особенно же торговля с Индией и Китаем, для Рима, а затем и для его преемницы Византии была важным экономическим фактором. Достаточно вспомнить высказывания основоположников марксизма о положении, которое заняла Византия в качестве „золотого моста между Востоком и Западом", и том значении, которое они ей придавали до открытия прямого пути в Индию. Торговые пути в течение веков, по широтам пересекая Азию, вели от побережья Средиземного моря до Китая. Пути эти не проходились, однако, одними и теми же людьми от начала до конца. Посредническая торговля велась греками и сирийцами, персами и евреями, согдийцами и тюрками, индусами и китайцами.

В Передней Азии — приморской Сирии, Палестине, Набатее, северной Месопотамии — торговые дороги были захвачены еще Римом. Византия стремилась удержать и укрепить свою границу по Евфрату. Завоевательные тенденции сасанидского Ирана, как и активная внешняя политика Византии, приводили к постоянным столкновениям. Военные действия препятствовали свободным торговым сношениям Византии со странами Востока через Среднюю Азию, между тем, эти сухопутные дороги делали доступными различные дальневосточные товары, изделия, продукты и особенно драгоценный для Византии китайский шелк-сырец и шелковые изделия. Стремясь получить эти товары иначе, Византия искала других путей, тем более что и в мирное время персидские купцы старались получить возможно больше прибыли и подымали цены на шелк вдвое и втрое. Попытки Константинополя наладить обходный путь в Среднюю Азию через Кавказ и северные области Каспия, чтобы получать товар непосредственно из рук согдийцев, не увенчались успехом. Препятствия чинили персы; путь был труден по своим географическим особенностям и значительно длиннее обычного. Это и было одной из причин того, что морские пути на Восток не были забыты. Известные в период господства Рима, они продолжали осваиваться Византией.

Водный путь по Красному морю и Индийскому океану приобретал все большее значение, особенно с того времени, как Гиппалом был открыт закон муссонов. Константинополь еще в большей степени подчеркивал значение моря для империи, она была морской державой, ее столица — гаванью. Захват Пальмиры, Петры и Эдессы лишь приблизил империю к границам Ирана, сохранявшего сношения со Средней Азией и контроль над караванными путями. Морской путь, лежавший по Красному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану, требовал дружественных гаваней и закрепленных торговых пунктов, которые были постоянной заботой империи. В государственных интересах было укрепление гаваней и колоний по Красному морю, судоходство которого было в руках жителей Египта, особенно Александрии. По-

этому дипломатия Византии сосредоточила свои интересы на Эфиопии и южной Аравии. Византийские моряки и купцы заплывали и много дальше.

Древняя колонизация арабами Эфиопии и последующие периоды захватов эфиопами областей южной Аравии способствовали тому, что сабейцы, а затем химьяриты сносились с эфиопами, торговля которых в индийских гаванях была обширна. Стесняла их только конкуренция персов. Через Эфиопию поддерживались сношения с Цейлоном и Индией, откуда вывозились самые разнообразные товары, в том числе всякого рода пряности, ароматы, краски, драгоценные камни и тот же шелк — индийский и привозный китайский. Эфиопия вела торговлю и с областями Центральной Африки и ее восточного побережья, откуда вывозились, между прочим, золотой песок, золотые самородные слитки и слоновая кость.

Для Византии торговые сношения по караванному пути Аравийского полуострова и сношения с Эфиопией имели большое значение, поэтому она стремилась сохранить благоприятные отношения с Химьяритским государством и с мелкими арабскими княжествами, чтобы обеспечить благополучное прохождение караванов и получение товаров из рук южноарабских и эфиопских купцов. С эфиопами поддерживались отношения особенно интенсивно; их Византия стремилась связать с собой общей идеологией — христианством, и это ей удалось. Учитывая значение официальных государственных связей с Аравией и Эфиопией, Византия обменивалась с ними посольствами, о которых сохранились известия в источниках.

Значение южной Аравии и ее торговые преимущества отмечали и в IV в., указывая на ее богатство, изобилие плодов, винограда, скота и благовоний. Этому способствовало хорошее орошение, „множество ручьев и рек“, которые там протекали, и „здоровый климат“. Берега имели много бухт и хороших безопасных гаваней. Торговые города были расположены как в прибрежной части, так и в глубине материка, как Неджран (Nagara) и Тафар (Taphra).

Путь, который лежал для империи в Индию морем, упирался в экономический узел, который составляли города южной Аравии и Эфиопии, тесно связанные между собою общими интересами торговли. Наряду с вывозом своего местного сырья и некоторых видов изделий, они были участниками транзитной торговли с Индией и Цейлоном. Императорский Рим прекрасно учитывал значение Красного моря как пути в Индийский океан; об этом свидетельствует такой памятник, как „Перипл Эритрейского моря“. В IV и последующих веках интерес к узлу гаваней у Бабельмандебского пролива и ближайших областей возрастает. Не случайно Химьяритское государство получает название Малой Индии. Не случайно было и то, что, благодаря исключительному значению приморской Сирии, куда сходились караванные пути и где были важные гавани Средиземного моря, Антиохия получила значение, равное столице. Достаточно вспомнить сообщения письменных источников и царственную виньетку Антиохии на карте Кастория.

Приморские города Сирии были центром средоточия ряда ремесел, в том числе здесь производилось стекло и особенно ценное цветное стекло, здесь нанимались ткацким ремеслом, о чем свидетельствуют византийские источники ряда столетий. Добыча пурпура, производившаяся на побережье, делала возможной окраску пряжи и тканей с наименьшей затратой в наиболее часто употреблявшиеся и любимые цвета. Пурпур давал все оттенки красного, розового и фиолетового цветов.

Нет сомнения, что и здесь торговый обмен, местный и зарубежный, который шел по караванным и морским путям, развивал производство, увеличивал его размеры, делал его более разнообразным.¹¹

Другим крупнейшим центром на Востоке была Александрия. Египет был главным поставщиком хлеба столицы, сначала Рима, потом Константинополя. В нем было большое количество текстильных ремесленных мастерских, как об этом свидетельствуют папирусы и памятники материальной культуры из Атиной. Ахмима и других селений и городов. Александрия была переполнена товарами, привозными и местными. В ней производился и единственный в своем роде товар, имевший большое культурное значение, — папирус. Папирус расходился по всему Средиземноморью, и без него действительно не могло иметь место „ни правосудие“, ни управление государством, так как такого рода записи делались на папирусе, — как справедливо утверждает один из источников.

Для империи был доступен не только караванный путь на Восток, но и морской. На последнем, при выходе из Красного моря, находился экономический комплекс: Эфиопия и южная Аравия. Сюда посылала Византия посольство за посольством, чтобы обеспечить себе торговые связи и возможности получения товаров для обширной средиземноморской торговли,

которая находилась в ее руках. Путь в Индию лежал через гавани этих стран, без их поддержки обеспечить себе доставку товаров морским путем было невозможно. Кроме того, Эфиопия поставляла еще много товаров, доставляемых из центральной Африки и с ее восточных берегов. Византия христианизировала Эфиопию, связав ее с собою общей идеологией, поставив ее клир в зависимость от александрийской патриархии. Православие проникло в Аравию из Эфиопии; сирийское христианство пришло с караванами; обе его группировки — несторианская и монофизитская — боролись за господство, стремясь утвердиться в стране, где были распространены иудейство и языческие верования арабов. Но и здесь византийское православие стремилось отстоять для себя возможности утвердиться в южноарабских городах. В главнейших пунктах, посещаемых византийскими купцами, как Тафар, Неджран, Персеполискон, строились храмы, для которых мрамор, смальта для мозаики, утварь доставлялись „от щедрот" императора Юстиниана. Этот идеологически скрепленный союз был, однако, весьма непрочен, слишком часто византийской дипломатии препятствовали послы сасанидского Ирана, который вел активную внешнюю политику.

Государство Химьяра сделалось новым пунктом настойчивой борьбы между империей и Ираном. Империя поддерживала старые претензии своей единомышленницы Эфиопии на Химьяр, которая замещала его престол своими ставленниками. Иран в свою очередь поддерживал местную династию царей Химьяра. Особенно ожесточенные столкновения между Эфиопией и Химьяром происходили в начале VI в., это были не первые столкновения, но на этот раз эфиопам пришлось покинуть „счастливую Аравию", которой они долго владели. В победе химьяритов уже чувствовались новые стремления, одна из попыток к самостоятельности, подавленная лишь персидским походом при Хосрове. На Аравийском полуострове начинали ощущаться все затруднения, связанные с тем, что здесь распоряжались другие государства, подчинявшие его своим интересам. Нарастала потребность в независимости, и назревала необходимость взять в свои руки торговые пути, чтобы распоряжаться ими по-своему. В пределах самой Аравии арабы начали задыхаться.

До настоящего времени имеется не много работ, целью которых было бы определение характера арабского общества в период, предшествующий арабским завоеваниям. Между тем, только рассмотрение этого вопроса с позиций марксизма-ленинизма может решить проблему возникновения ислама, вопрос о его предпосылках, о той общественно-экономической формации, в которой родился ислам, вернее, о тех изменениях в общественных отношениях, которые породили это идеологическое явление.

Исследование торговых отношений с Востоком ставит вопрос об общественных отношениях тех государств и стран, с которыми велся торговый обмен. Только рассмотрение всех исторических явлений в их внутренней связи и взаимозависимости подводит исследователя к исторической правде.

В этом отношении особое положение занимает Аравия, так как именно в ней происходили процессы, породившие веком позднее то самобытное и большой значимости явление, каким является ислам и арабское завоевание, „магометанская революция", как называли это движение Маркс и Энгельс.

Исследование общественного строя арабов оказалось возможным на основании новых материалов, почерпнутых из неизвестных или не привлекавшихся источников. К нарративной литературе на сирийском и греческом языках привлечен и специальный южноарабский материал — надписи, которые позволили прийти к новым выводам. Для характеристики южноарабского общества того периода, который было принято называть химьяритским, исключительное значение имеют взгляды, высказанные основоположниками марксизма об особенностях развития общественных отношений на стадиях, предшествующих капиталистическому производству. В „счастливой Аравии" земледелие было занятием и свободных земледельцев, составлявших племенные организации. Химьяритские надписи упоминают „племена", которые составляли массы населения, занимавшиеся производительным трудом. Родоплеменной уклад как один из укладов рабовладельческого общества Химьяра играл в нем большую роль и несомненно имел значение в представлении о собственности на землю как племенной коллективной собственности. Характер общественных отношений в южной Аравии VI в. имел общие черты с характером общества Хиджаза. Наличие родовых отношений и связей засвидетельствовано здесь арабскими памятниками. Общество государства Химьяр было античным, рабовладельческим обществом, в котором родоплеменной уклад имел большой удельный вес, но основным было наличие рабовладельческих отношений, разных форм рабства, засвидетельст-

вованных источниками, анализ которых дан в исследовании. Такой характер общественных отношений не является исключительным, в античных рабовладельческих обществах Греции и Рима встречаются те же явления, то же длительное сохранение родовых отношений при рабовладельческом строе. Южноарабское общество в VI в. находилось в той фазе своего развития, когда рабство занимало значительное место в производстве, об этом говорят многочисленные данные источников, традиция которых неоспорима.

Закономерны и понятны сообщения источников о родоплеменных отношениях, об общинах свободных земледельцев, о „племенах". Данные разноязычных нарративных и эпиграфических памятников говорят об этом в одинаковой мере. Таковы сведения сирийской „Книги химьяритов", таковы данные большой надписи из Мариба, в которой упоминаются „племена". Наряду с этим источники сообщают о наличии рабов, разных форм рабовладения, которые не вызывают сомнения в том, что Химьяр в этот период был государством рабовладельческим.

Вопрос о переходе к рабовладельческому строю находит ясные указания в трудах И. В. Сталина. С появлением скотоводства, земледелия и ремесла наступило „разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих".¹² Это приводит к тому, что „нет уже общего и свободного труда всех членов общества",¹³ что было признаком первобытнообщинного строя, от которого немного уцелело, как и от „общей собственности на средства производства" в Химьяре VI в. С принудительным трудом рабов пришла частная собственность и все вытекающие отсюда последствия.

В структуре обществ, из которых вышел ислам, большое значение имела система ирригации, которой основоположники марксизма справедливо придавали большое значение. На Востоке оросительная система была делом государственным, она находилась в руках правительства. Надпись из Мариба подробно рассказывает о том, как в восстановлении разрушенной плотины должны были принять участие „племена", созданные для этого. Работа была тяжелой, поднялся ропот, и царь Абраха был вынужден „отпустить племена", чтобы не вызвать еще более решительных действий с их стороны. Необходимость орошения земли породила на Востоке замечательную поговорку — „где кончается вода, кончается земля", так как неорошенная земля не может давать плодов и, следовательно, перестает быть землей в этом смысле. Плотины в Марибе были необходима для орошения земель и была собственностью государства, которое в данной конкретной исторической обстановке представлял царь Абраха, созвавший „племена". Наряду с этим источники сообщают о наличии рабов, разных форм рабовладения, которые не вызывают сомнения в том, что Химьяр в этот период был государством рабовладельческим.

Вопрос о переходе к рабовладельческому строю находит ясные указания в трудах И. В. Сталина. С появлением скотоводства, земледелия и ремесла наступило „разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих".¹⁴ Это приводит к тому, что „нет уже общего и свободного труда всех членов общества",¹⁵ что было признаком первобытнообщинного строя, от которого немного уцелело, как и от „общей собственности на средства производства" в Химьяре VI в. С принудительным трудом рабов пришла частная собственность и все вытекающие отсюда последствия.

В структуре обществ, из которых вышел ислам, большое значение имела система ирригации, которой основоположники марксизма справедливо придавали большое значение. На Востоке оросительная система была делом государственным, она находилась в руках правительства. Надпись из Мариба подробно рассказывает о том, как в восстановлении разрушенной плотины должны были принять участие „племена", созданные для этого. Работа была тяжелой, поднялся ропот, и царь Абраха был вынужден „отпустить племена", чтобы не вызвать еще более решительных действий с их стороны. Необходимость орошения земли породила на Востоке замечательную поговорку — „где кончается вода, кончается земля", так как неорошенная земля не может давать плодов и, следовательно, перестает быть землей в этом смысле. Плотины в Марибе были необходима для орошения земель и была собственностью государства, которое в данной конкретной исторической обстановке представлял царь Абраха, созвавший „племена" для восстановления стен города и разрушенной системы орошения — плотины в первую очередь. Положение, которое занимал царь в южноарабских государствах в VI в., в общих чертах соответствовало положению, охарактеризованному выше.

На пути развития общества были различные конкретные, исторические особенности,

которые порождали своеобразные формы отношений.

Вопрос об общественных отношениях является решающим для затронутой монографией проблемы.

Рабовладельческое общество на Востоке имело свои особенности, что можно было видеть на приведенном выше историческом материале, на примере конкретного общества — Химьяра.

Указания И. В. Сталина, развитые им положения о законах развития общественных отношений¹⁶ покончили со всякой возможностью неправильного истолкования отдельных явлений и утверждения особого развития общества на Востоке, в Азии.

Для понимания и правильной оценки общественных отношений рабовладельческого периода и разнообразия форм государства необходимо помнить, в первую очередь, об оценке этих явлений, данных В. И. Лениным, отметившим, что различные формы государственности „возникли в эпоху рабства". „Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика, аристократическая или демократическая".¹⁷ Развивая эту мысль, В. И. Ленин устанавливает непререкаемый признак для определения характера общества, формации, к которой оно принадлежит: „В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей".¹⁸ Исходя из этих положений и решается вопрос об общественно-экономических особенностях государств Ближнего Востока, которые участвовали в торговом обмене в раннем средневековье.

Вопросы общественного строя, его изменения и развития неразрывно связаны с историей торговли и торговых путей на суше и на море. О значении сухопутных караванных путей Азии говорят многочисленные работы академика В. В. Бартольда, значение которых для истории средневекового Востока остается и до настоящего времени большим. Значительны данные о дорогах Армении, сообщаемые академиком Я. А. Манандяном в специальных работах, посвященных торговле, торговым городам и дорогам средневекового Закавказья. Дороги, соединявшие Ближний Восток через Среднюю Азию с государствами Среднего и Дальнего Востока, могут быть выяснены на основании немногочисленных письменных источников, но, главным образом, на основании археологических данных — результата блестящих раскопок наших отечественных ученых. В трудах С. П. Толстова имеются данные, свидетельствующие о широких связях Хорезма с Китаем и Индией. Пути кочевых обществ гуннов и тюрок проследил А. Н. Бернштам. А. Ю. Якубовскому и А. Е. Масону наука обязана сведениями об областях Средней Азии и ее выдающейся культурной роли.

Все эти данные позволили не только наметить направление торговых путей на основании письменных памятников, но и найти этому подтверждение в сведениях о вещественных памятниках, находимых на протяжении этих путей, в городских центрах, которые соединяли эти пути.

Только учитывая весь размах зарубежной торговли Византии, можно прийти к правильному выводу, к верным представлениям о том, какую устойчивость создавали эти глубокие экономические связи для восточных провинций Византии, принимавших наибольшее участие в торговле. Приморская Сирия, Междуречье, Египет были постоянными поставщиками одних товаров и покупателями других. Страницы всех разнообразных источников, привлеченных к исследованию, — на латинском, греческом, сирийском, арабском языках — говорят об этом внятно, полным голосом, а археологические находки согласно обнаруживают сирийскую и египетскую продукцию на всем протяжении караванных дорог Азии.

Империя, только потеряв всякую надежду на возможность продержаться или сохранить за собой положение в Эфиопии и Аравии, направила свое усиленное внимание на путь к тюнкам помимо Ирана — трудный путь, о котором известно лишь из сообщений послов у Менандра.

Развитие торговли в IV—V вв. связано с наличием городов и обмена, выросшего еще на почве рабовладения, на основе рабских устоев общества. К концу VI в. препятствия к торговле с южноарабскими городами возросли до непреодолимости. Если в начале века можно было надеяться на изменения, связывая их с временными явлениями, каким могли казаться кушито-химьяритские войны, то к концу века стало очевидным, что Иран, утвердившись в южноарабских городах, делал всякие попытки Византии вернуть себе здесь базу бесплодными. Завоевания, осуществленные персидскими полчищами в начале VII в., поколебали положение

сирийских провинций и в Междуречье, и на побережье, участие которых в торговле имело большой удельный вес. Захват Египта еще больше подорвал возможности ведения торговли Византией. Этот момент, несомненно, нанес удар торговле по Красному морю, ослабил положение Эфиопии, жившей транзитной торговлей, и, наконец, поставил южную Аравию перед необходимостью искать выхода. Создавшееся положение сыграло и не могло не сыграть роль в ориентации южноарабских городов на Хиджаз, на Мекку, Медину, Таиф, на „колыбель ислама“, в которой зарождались новые отношения, вызвавшие к жизни и новую идеологию.

В Хиджазе родилась идеологическая система, которая смогла покорить Восток. Ислам появился как идеология, вызванная разложением общественной формации рабовладельческого типа, с ярко выраженными пережитками родового строя и элементами кочевого быта. Эти особенности общественно-экономических отношений наложили свою печать на характер учения ислама и дали ему те черты, которые способствовали распространению ислама в Азии, в государствах и у народов, где были сильны как пережитки родового строя, так и элементы кочевничества. Ислам появился как идеология нового нарождающегося феодального строя, новых форм общественных отношений, которые назревали в недрах отживающего рабовладельческого общества. В халифате сохранились уклады предшествующих формаций — рабство, родоплеменной уклад, но по основному способу производства это было государство раннефеодального типа. Пережитки общинно-родового строя сохранялись у арабов длительное время, как это может быть отмечено у тюрков, монголов и других народов Азии. Эти черты сближали последних с арабским обществом. Идеология этого общества и получила распространение в близкой ему общественной среде азиатских государств и народов.

Последовательное изучение социальной и экономической истории Византии и Ирана до завоеваний арабов приводит к выводу, что V—VI вв. н. э. являются здесь периодом рождения феодального общества. Процесс этот происходил значительно медленнее, чем на Западе. Особенности развития этого общества в условиях Ближнего Востока препятствовали быстрому поступательному ходу этих процессов. Обострение классовой борьбы произошло в конце VI и начале VII в. в крупных центрах Византийской империи, что было следствием экономического кризиса и разложения рабовладельческой системы. При изучении самой восточной сироязычной провинции Византии оказалось возможным охарактеризовать ее аграрное положение в связи с общими данными о земельной собственности и податном обложении. Изучение варварской периферии дало возможность указать на связи и зависимость жизни империи от ее грозных соседей славян, от народов Кавказа и указать на ее стремление к сближению со Средней Азией. Экономический кризис был вызван не только тяжелым налоговым гнетом, непосильными для государства военными походами, дорогостоящей роскошью времени Юстиниана, но и той перестройкой социальной среды и отношений непосредственных производителей к господствующему классу, которые были вызваны развитием производительных сил. В деревне и в городе, в сельском хозяйстве и ремесле рабский труд был вытеснен трудом колона, арендатора и неимущего ремесленника.

Классовая борьба выражалась в различных формах. В Египте в ней принимали участие сельское население и „разбойники“. В Антиохии и Константинополе были восстания демов, городского населения. На северной границе Балканского полуострова и на восточной границе мятежи охватили войска, которые отказывались повиноваться своим военачальникам. Все эти действия вместе были проявлением классовых противоречий, сказавшихся в острой борьбе, характерной для периода, когда происходит смена общественной формации.

Общее разорение усугубилось нападением Ирана при Хосрове II на Византию. Походы Ираклия потребовали напряжения всех сил, и хотя они и оказались победоносными, но успехи быстро уступили поражению от надвигавшихся арабских полчищ.

Иран, в свою очередь, был ослаблен неустойчивостью внутренних отношений. Маздакитское движение значительно поколебало положение части могущественных и сильных родов. Вызванные этим движением реформы Хосрова I были направлены на то, чтобы укрепить часть знатных семей, поставив их в известную феодальную зависимость от престола, в связи с оказанной им материальной поддержкой.

Самое движение было сложным социальным явлением, связанным с изменениями в общественно-экономической формации. В нем проявилось глубокое недовольство свободных крестьян-общинников попытками высших слоев прикрепить их к земле. Окрашенный своеобразной идеологией, близкой манихейству, маздакизм многими своими тенденциями был обращен к старым общинным и семейно-бытовым традициям.

Как социальное движение маздакизм получил отклик в городах Ирана. Так проявилось недовольство ремесленного населения, в составе которого были значительные группы христианского сирязычного населения, участвовавшего в восстании в Хузистане при Хосрове I. И в Иране V и VI вв. — время глубокой перестройки общественных отношений.

Активная внешняя политика, успешная война с Византией дали пополнение казне, но завоевания оказались непрочными. Империя сасанидов понесла поражение от войск Ираклия и не была в силах оправиться, подточенная своей внутренней слабостью.

В начале лишь грабительские набеги арабов сменились походами, с сохранением захваченных территорий. Захват, врезавшись в самое сердце Ирана, стал завоеванием, в котором на новых основаниях сложилось феодальное государство — халифат.

В раннем средневековье на Ближнем Востоке торговля являлась важным фактором экономики, объединяя и втягивая в обмен различные государства и народы. Широкие размеры приняла посредническая торговля, которую византийские и персидские купцы вели с неразвитыми в торговом и вообще экономическом отношении странами. Такими были Эфиопия, Индия, Цейлон, отдельные области Аравийского полуострова, развитие которых было несравненно чиже уровня развития могущественных империй — Византии и Ирана. Борьба между последними в значительной мере шла за торговые пути, за преобладание, за „монополию посреднической торговли“, дававшей значительные преимущества.

И в этом случае торговля несомненно оказывала „большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется“. ¹⁹ Обширный фактический материал, приведенный выше, указывает на живое денежное обращение на Ближнем и Среднем Востоке — об этом говорит скопление чеканной монеты в руках знати южноарабских городов, клады на западном побережье Индостана, ценность византийской монеты, признанная за ней государствами Цейлона.

Торговля несомненно вызывала к жизни новые явления в способе производства, способствовала росту товарной продукции, подчиняла ее требованиям рынка. Глубокие социальные сдвиги меняли внутреннюю структуру втянутых в отношения обмена городов-государств и свободных родоплеменных общин. Об этом говорит вся история южной Аравии в V—VI вв., где имеются развитые классовые отношения и города-государства.

В Византии рабовладельческий способ производства уступил место способу производства феодального характера. В Иране свободные общины крестьян пришли в движение при попытках осуществить их прикрепление. В южной Аравии города-государства и племенные образования переходили к новым формам государственного объединения, в которых основа производства и формы эксплуатации менялись.

Торговые пути перерезали весь Ближний Восток и уходили далеко в Среднюю Азию. Многочисленные области, государства и народы были втянуты в обмен. Все они были затронуты в той или иной степени длительным кризисом, в основе которого лежало разложение рабовладельческой формации в нарождение феодальной. Рабовладение имело свои особенности, и процесс изменения его форм осложнялся на периферии глубокими и мощными пережитками родоплеменных отношений, своеобразием социальной структуры полукочевых и кочевых обществ.

В бурях военных походов, восстаний, мятежей, кровавых междоусобиц рождалось на Ближнем Востоке новое общество, в котором рабовладельческая форма эксплуатации отступила на второе место, уступая свое место феодальной. Развитие производительных сил требовало этого, и неудержимый ход истории властно вызвал к жизни новые отношения, новые формы эксплуатации человека человеком, новую социальную структуру. Длительным был этот кризис, надолго и глубоко в новом обществе оставались пережитки предшествующих формаций, родоплеменной и рабовладельческой уклады, но переход к новому, феодальному обществу на Ближнем Востоке совершился.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Греческая рукопись № 252 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Дата рукописи дана на обороте 36 л. — 7169 г., т. е. 1661 г. н. э.

Λист 67⁶ Περὶ οδοιπορίας τῆς Ἑδεμ τοῦ παραδείσου.

Рукопись написана четким, хорошо читаемым скорописным почерком, чернилами густого черного цвета. Заголовки, прописные буквы и заставки сделаны киноварью. Листов в рукописи 112. Поля широкие. Число строк — 18 на каждой странице. Сборник содержит различные постановления и сведения о патриарших и епископских кафедрах.

Л. 66^а, строка 8-я. Ἑτέρα ενθύμιση περὶ τῶν τεσσάρων, лист 67⁶, со строки 12 текст „Подорожных“, непосредственно следующий за заставкой.

Перевод

Λист 67⁶ Ο подорожных райского Эдема.

От Адама до Драгнана колеблется [количество] перегонов (μοναί) вдоль реки, называемой Фисон; от Драгнана до Эбилата перегонов 70, там сеют и жнут, имеют все общим и нераздельным. Люди же [там] христиане. От Эбилата до Эрмена перегонов 40, от Эрмена до Некуса перегонов 32; от Некуса до Дисиманейса перегонов 2; досюда же [расстояние] не исчислено. Орошает их землю река Фисон, идолов у них не имеется, они ни за Христа и ни со Христом, но все богобоязненны и праведны; от Дисиманейса [далее живет] народ, называемый хонай, народ этот великий, [занимает пространство протяженностью] пути в 8 месяцев. Имеет же и безводные места [=пустыни] [протяженностью пути в] месяцев 29. От Аба [Диаба] плывут вдоль побережья и прибывают в великую Индию, плавания месяцев 7, [они суть] христиане и греки. От Индии в Аксум плывут месяцев 7, а от Аксума переплывают Эритрейское море, прибывают в Индию большую через месяцев 5, они суть эллины и христиане. От Индии плавают до Персиды месяца 3;..... они [персы] беззаконные маги и отравители. От Персиды до Сарацинии перегонов 2. От Сарацинии плывут в Эвилат Эритрейского моря в гавань Персиды индийской, и от Египта (в Эвилат) перегонов 7, они суть эллины и христиане. От Эвилата в Элам перегонов 9. От Элама до Антиохии перегонов 20. От Антиохии в Константинополь перегонов 32. От Константинополя до Рима перегонов 86. От Рима до Галлии перегонов 27. Перегон содержит 7 миль. Тягота всего (пути) 109 тысяч миль и 500, то есть сто девять тысяч пятьсот.

Конец подорожной райского Эдема.

Рукопись Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, греческая, № 252

(Текст печатается по неизданной рукописи № 252 с разночтениями издания „Подорожных“. Klotz. Ὀδοπορία ἀπο Ἑδεμ. Rheinisches Museum für Philologie (1910) N. F. 65 B. H. 4, p. 608—610) (Л. 67 б). Περὶ οδοιπορίας τῆς Ἑδεμ τοῦ παραδείσου.¹

Ἄπο Ἀδαμ² ἕως Δραγμα³ μοναί, ἐν δομηντα⁴ παρα τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Φυσῶν καὶ ἀπὸ Δραγμα⁵ ἕως Ἐβηλατ⁶ μοναί ὃ ἐχει σπέρνον⁷ (л. 68-а) καὶ δερίζουν· ἔχουσιν δὲ τὰ πάντα κοῖνα καὶ ἀμέρισται δὲ ἀν[θρώπ]οι⁸ οἱ χριστιανοί· ἀπο Ἐβηλατ ἕως Ἑρμην⁹, μοναί μ ἀπο Ἑρμην¹⁰ ἕως Νέκου^ς, μοναί λβ ἀπο Νέκου^ς ἕως Δισιμάνεις¹¹ μοναί β¹² ἕως ὧδε ἀμέριστα· ποτήζεται δὲ ἡ γῆ αὐτῶν τοῦ Φυσῶν ποταποῦ¹³ εἰδολα ἐν αὐτοῖς οὐ κέκτηνται· οὔτε¹⁴ про τοῦ Χ[ριστο]ῦ οὔτε¹⁵ μετα τοῦ Χριστοῦ· ἀλλὰ πάντα¹⁶ θεοσεβεῖς καὶ ἀγαθεῖς· ἀπο Δισιμάνεις ἔθνος λεγόμενον Χῶνα· τὸ δὲ ἔθνος τοῦτο μέγα· ἔχων¹⁷ οδοιποροίαν μην[ων] ἡ¹⁸ ἐχει δὲ καὶ τόποις ἀνήδροις μηνῶν κθ· ἀπο Ἀβα παραπλέν τὸν αἰγυαλῶν· καὶ¹⁹ ἔρχεται εἰς τὴν Ἰνδιάν τὴν μεγάλην· πλέον μῆνας ζ εἶδε²⁰ Χριστιανοὶ καὶ Ἑλληναί· ἀπο Ἰνδίας εἰς Ἀξομίαν παραπλέε· μῆνας ζ²¹ καὶ ἀπο Ἀξομί^ς²² (л. 68-б) παραπλέει τὴν Ἑρυθρὰν θάλασσαν²³ ἔρχεται εἰς τὴν Ἰνδιάν τὴν μακρὰν²⁴ δια μηνῶν ε εἰσιν δὲ καὶ Ἑλληναὶ καὶ Χριστιανοί.²⁵ ἀπο Ἰνδίας παραπλέει ἕως Περσίδος μῆνας γ· νυ...η^ς²⁶ οἱ ἀνομοὶ μάγοι καὶ φάρμακοί· ἀπο Περσίδος εἰς Σαρακηνίαν²⁷ μοναί β· ἀπο Σαρακηνήν πλέει εἰς τὴν Ἐβηλατ²⁸ τὴν Ἑρυθρὰν θάλασσαν εἰς τὴν²⁹ λιμένα τῆς Περσίδος Ἰνδίας³⁰ καὶ ἀπο Αἰγύπτου μοναί ζ Ἑλληναὶ καὶ Χριστιανοὶ εἰσιν·³¹ ἀπο Ἐβηλατ εἰς Ἐλαμη³², μοναί θ· ἀπο Ἐλαμη ἕως Ἀντιοχεί^ς μοναί κ ἀπο Ἀντιοχεί^ς εἰς Κωνσταντινούπολιν³³ μοναί λβ ἀπὸ Κωνσταντινούπολιν³⁴ ἕως Ῥώμης μοναί πς ἀπο Ῥώμης εἰς Χαλίαν³⁵ μοναί κς³⁶

Ἡ μονὴ ἐχει μῆλια ζ καμουν ὦλα μύλια χιλιάδες ρθ καὶ φ ηγουν χίλι [л. 69-а] ἀδες· ἑκατὸν ἐννέα καὶ πεντακόσια.

Τέλος τῆς οδοιπορίας τῆς Ἑδεμ τοῦ παραδείσου.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 561.
- ² К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. I, гл. 20. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, ч. I, стр. 358.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 488.
- ⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 488.
- ⁵ Там же, стр. 489.
- ⁶ Там же, стр. 484.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИЗАНТИИ IV—VI вв. н. э.

- ¹ *Expositio tolius mundi et gentium*. Geographi graeci minores ed. Mullerus. Parisiis. v. 2. 1861, p. 520. (В дальнейшем: *Expositio*).
- ² *Codex Justinianus*, 11, 48, § 7; 11, 53, 1; 11, 51. Editio stereotypa. Recens. Krueger. Berolini, 1906. — *Codex Theodosianus*, 5, 9, 1; 5, 9, 2.
- ³ *Codex Justinianus*, 11, 48, 23, § 1.
- ⁴ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, стр. 39.
- ⁵ Там же, стр. 40.
- ⁶ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-римской империи V—VI вв. Византийский сборник 1945, стр. 12—95.
- ⁷ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-римской империи. Визант. врем., т. 2/27/ 1949, стр. 11—59.
- ⁸ *Novellae*. 15(7). Ed. Schoell-Kroll, Berolini, 1904, p. 75.
- ⁹ А. Е. Р. Вок. Early byzantine papyri, №№ 13, 17, 20. *Etudes de papyrologie*, t. 3. Le Caire, 1936, pp. 27—29, 39—40, 44—45.
- ¹⁰ Н. Пигулевская. Месопотамия. . . , стр. 50—51.
- ¹¹ *Novellae*, 21(17), p. 137; 152(128), p. 276.
- ¹² Вок, *Papyri*, № 17, pp. 39—40.
- ¹³ *Novellae*, 96, p. 529.
- ¹⁴ Н. Пигулевская. Месопотамия..., стр. 59—61.
- ¹⁵ Там же, стр. 75—81.
- ¹⁶ *Novellae*, 152, p. 279. — *Procopius Caesarensis. Anecdota (Historia arcana) 23*_{15—19}, ed. Haury. Berlin, 1905, v. 3. Пер. С. Кондратьева. Вестник древней истории, 1938, № 4.
- ¹⁷ *Novellae*, 15(7), p. 75.
- ¹⁸ *Expositio*, §§ 34, 35, 33, 31.
- ¹⁹ Евагрий. Церковная история. СПб., 1853, стр. 177—180.
- ²⁰ Иешу Стилит, § 31. — Н. Пигулевская. Месопотамия. . . , стр. 140.
- ²¹ *Procopius Caesarensis. Anecdota 25*_{13—26}. — Н. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком. Визант. врем., т. I, 1947, стр. 194—195.
- ²² Н. Пигулевская. Месопотамия. . . , стр. 61—63.
- ²³ Ф. И. Успенский. Партии цирка и демы в Константинополе. Визант. врем., т. I, 1894, стр. 1—16.
- ²⁴ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. Визант. сборн.. Л., 1945, стр. 155—162.
- ²⁵ Там же, стр. 190, 191, 195. — А. П. Дьяконов ошибочно употребляет термин „рабочий“.
- ²⁶ Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1947, стр. 135, сл. — Дальше излагаются положения и выводы соответствующих глав этой монографии.
- ²⁷ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 554.
- ²⁸ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 561.
- ²⁹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 412.

“ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ МИРА И НАРОДОВ” И ЕГО АВТОР

- ¹ *Geographi graeci minores* ed. C. Mullerus. Parisiis, v. 2, 1861. — Дальше текст цитируется по этому изданию как *Expositio*.
- ² L. Hahn. *Die Sprache der sogenannten Expositio totius mundi et gentium*. Bayreuth, 1898, p. 14, сл.
- ³ G. Lumbroso. *Expositio totius mundi et gentium* annotata. *Atti della R. Academia dei Lincei*, 1898, Ser. V. *Clas. scien. morali, stor. e. philol.*, v. VI, parte 1. *Memor.* Roma, pp. 124—168. Edit. 2, Roma, 1903, pp. 1—90. — T. Sinko. *Die Descriptio orbis terrae, eine Handelsgeographie aus dem IV Jahrhundert*. *Arch. f. lat. Lexikogr. und. Gramm.*, XIII (1904), pp. 531—533, 535.
- ⁴ A. A. Vasiliev. *Expositio totius mundi*. An anonymous geographic treatise of the fourth century A. D. (1936), p. 31. — L. Hahn. *Die Sprache der sogenannten Expositio totius mundi et gentium*, pp. 95—96.

- ⁵ А. Васильев. *Expositio...*, pp. 32, 33.
- ⁶ *Expositio*, p. 526. — Th. Sinko. *Die Descriptio...*, § XV, p. 566.
- ⁷ А. Klotz. *Odoiporiai apo Edem*. *Rheinisches Museum für Philologie*, N. F., т. 65 (1910), p. 606. — А. Васильев. *Expositio...*, p. 36. — Мюллер считает, что трактат был составлен между 350 и 353 гг.
- ⁸ А. Klotz. *Odoiporiai...*, p. 611.
- ⁹ Z. Avalishvili. *Géographie et légende dans un récit apocryphe de St. Basile*. *Revue de l'Orient chrétien*. 3 série, v. 6 (26), 1927—1928, Pp. 279—304. (В дальнейшем: Авалишвили).
- ¹⁰ Burg. *History of the later Roman Empire*, t. 2 (1923), p. 316 (2). — А. Васильев. *Expositio...*, p. 37.
- ¹¹ *Expositio...* § 34, p. 519.
- ¹² *Expositio*, §§ 23—33, pp. 517—519.
- ¹³ Там же, §§ 34—37, стр. 519—521.
- ¹⁴ Th. Sinko. *Die Descriptio...*, p. 531.
- ¹⁵ G. Lombroso. *Expositio...*, pp. 126—168.
- ¹⁶ *Expositio*, § 23, p. 517.

ТОРГОВЛЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- ¹ *Expositio*, § 50, p. 523.
- ² Там же, § 32, стр. 519.
- ³ Там же, §§ 55, 56, стр. 524—525.
- ⁴ Там же, § 59, стр. 526. — G. Lombroso. *Expositio...*, p. 163; примеч. 364—365.
- ⁵ *Expositio*, § 60, стр. 526. — G. Lombroso, *Expositio...*, p. 164; примеч. 372.
- ⁶ *Expositio*, § 57, pp. 525—526. — В тексте „Описания" названы сарматы, что указывает на использование сведений, относящихся к предшествующим векам.
- ⁷ Там же, § 57, стр. 525.
- ⁸ Н. Пигулевская. *Мар Аба 1*. *Сов. востоковед*, т. 5, стр. 75.
- ⁹ *Expositio*, § 52, p. 524.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ G. Lombroso. *Expositio...*, p. 150; примеч. 221—222.
- ¹² *Expositio*, § 41, p. 521.
- ¹³ Там же, § 42, стр. 522.
- ¹⁴ Там же, § 47, стр. 522.
- ¹⁵ Там же, § 44, стр. 522.
- ¹⁶ Там же, стр. 519, 520.
- ¹⁷ Там же, § 34, стр. 520.
- ¹⁸ Н. Пигулевская. *Месопотамия...*, стр. 58—59.
- ¹⁹ Н. Пигулевская. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л.*, 1946, стр. 187.
- ²⁰ *Expositio*, § 35, p. 520.
- ²¹ Там же, § 34, стр. 520. — G. Lombroso. *Expositio...*, p. 145. примеч. 168.
- ²² *Expositio*, § 37, p. 521.
- ²³ Там же, § 34, p. 519.
- ²⁴ *Ammianus Marcellinus*, 22, 16_{12—13}.
- ²⁵ *Expositio*, § 36, p. 520.
- ²⁶ *Expositio*, § 36, стр. 520.
- ²⁷ М. Хвостов. *Восточная торговля греко-римского Египта*. Казань, 1908.
- ²⁸ G. Lombroso. *Expositio...*, p. 166, nota 394.
- ²⁹ *Expositio*, § 61, p. 527.
- ³⁰ Там же, § 31, стр. 519.
- ³¹ Там же, § 29, стр. 518.
- ³² Там же, § 31, стр. 518.
- ³³ *Procopius. Anecdota*. Пер. С. Кондратьева. *ВДИ*, 1938, № 4, стр. 341—343.
- ³⁴ *Expositio*, § 32, p. 519.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, § 30, стр. 518.
- ³⁷ *Des byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft*, 315, ed. Köchly und Rüstow. Leipzig, 1855, p. 55.
- ³⁸ *Expositio*, § 26, p. 517.
- ³⁹ Там же, § 28, стр. 518.
- ⁴⁰ Там же, § 25, стр. 517.
- ⁴¹ P. Colinet. *Histoire de l'école de droit de Beyrouth*. Paris, 1925. — P. Colinet. *Études historiques sur le droit de Justinien*. Paris, 1912.
- ⁴² *Ammianus Marcellinus* 14, 89—11; Аммиан Марцеллин, пер. с латинского Ю. А. Кулаковско-го и А. Сонни. Киев, 1906, вып. 1, стр. 37—38.
- ⁴³ Там же, 14, 8, 13; пер., вып. 2, стр. 38.
- ⁴⁴ *Expositio*, § 22, p. 516. — G. Lombroso. *Expositio...*, p. 137.

⁴⁵ Н. Пигулевская. Месопотамия... , стр. 93—122.

⁴⁶ Ammianus Marcellinus 14, 83; Аммиан Марцеллин. Русск. пер., вып. 1, Киев, 1906, стр. 16.

⁴⁷ Expositio, § 20, p. 516.

⁴⁸ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, ч. I, стр. 359.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

¹ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. I; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, ч. I, стр. 360.

² Там же, стр. 359.

³ А. А. Васильев. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, стр. 21—43. — Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина. ВДИ, № 1, 1939, стр. 355.

⁴ Codex Justinianus, 11, 8 (7) 6. Edit. stér., rec. Krueger, Berolini, 1906, p. 430. (В дальнейшем страницы кодекса даны по этому изданию).

⁵ Там же, 11, 10 (9) 3; p. 432.

⁶ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, ч. I, стр. 353.

⁷ Codex Justinianus, 4, 63, 1; p. 188.

⁸ Там же, 4, 63, 3; стр. 188.

⁹ Novellae, 160, p. 744.

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, ч. I, стр. 359.

¹¹ Joannes Moschos. Pratum spirituale. Cap. 185. Patrologie Graeca, v. 87, pars 3, col. 3060.

¹² Papyrus grecs d'époque byzantine, éd. par J. Maspero. Le Caire, 1913, t. II, pars 2, pp. 2—3.

¹³ Там же, стр. 4.

¹⁴ Codex Justinianus, 4, 32, 26, § 2; p. 173.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Mickwitz. Un problème d'influence: Byzance et l'économie de l'Occident médiéval. Ann. d'hist. écon. et soc., t. 8 (1936), Janvier, p. 23₍₆₎.

¹⁷ Codex Justinianus, 4, 33, 2 (1); p. 173. Закон Диоклетиана и Максимиана.

¹⁸ Codex Justinianus, 4, 33, 3 (2); p. 173.

¹⁹ Papyrus, v. II, pars 2, p. 125.

²⁰ Там же, стр. 124—125.

²¹ Там же, стр. 122.

²² Codex Justinianus, 4, 34, 12; p. 174.

²³ Там же, 4, 44, 1—11; pp. 179—180.

²⁴ В. С. Сергеев. История Рима, т. II, М., 1938, стр. 656—667.

²⁵ Joannes Moschos, col. 3064.

²⁶ Joannes Moschos, col. 2940.

²⁷ Н. Пигулевская. Месопотамия... , стр. 73, 77. — Я. А. Манандян. Римско-византийские хлебные меры. Визант. врем., т. II, 1949, стр. 71.

²⁸ Joannes Moschos, col. 3069.

²⁹ Paladius. Apophthegmata patrum. Patrol. gr., 65, col. 209.

³⁰ Sinaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, pp. 720—721.

³¹ Codex Justinianus, 4, 59, 2 (1); p. 186.

³² Там же.

³³ Codex Justinianus, 4, 60, 1; pp. 186—187.

³⁴ Codex Justinianus, 4, 63, 5; p. 188.

³⁵ М. Я. Сюзюмов. Книга епарха. Свердловск, 1949.

³⁶ Н. Пигулевская. Месопотамия... , стр. 41—44, 65.

³⁷ Codex Justinianus, 4, 41, 1; p. 178.

³⁸ Там же, 2; стр. 179.

О ТОРГОВЛЕ С ВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ В IV—V вв. н. э.

¹ W. Kroll. Kallistenes. Real-Encyclopädie. B. 20 (1919), col. 1720—1721.

² Priaux. On the Indian embassies to Rome, from the reign of Claudius to the death of Justinian. Journ. of Asiat. soc., 1863, vol. 20, p. 277.

³ Mc Crindle. Ancient India. Westminster, 1901, p. 179. — Pseudo-Kallisthenes, III; Anabasis, Indica, ed. C. Muller, 1846.

⁴ H. G. Rawlinson. Intercourse between India and the Western World. Cambridge, 1926, p. 174.

⁵ Wecker. India 6. Indien und der Westen: gegenseitige Beeinflussung. Real-Encyclopädie, B. 9, p. 1917.

⁶ Philostorgius, ed. Bidez. Leipzig, 1913. Einleitung, p. CVI, CXXXII.

⁷ Philostorgius. Historia ecclesiastica, 34. Ed. Bidez, Leipzig, 1913, p. 32.

⁸ Там же, 311, стр. 42.

⁹ Там же, 34, стр. 33.

¹⁰ Там же, 34, стр. 33.

¹¹ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. II. СПб. 1910, стр. 264. — Тсаџ. Sokotra, Encyclopédie de l'Islam, t. 4, pp. 497—503.

¹² Cosmas Indicopleustes. The Christian topography (greek text), ed. by Winstedt. Cambridge, 1909, p. 119. (Дальше ссылки на греческий текст по этому изданию).

¹³ Перипл Эритрейского моря, 26. Русск. пер. Кондратьева, ВДИ, 1940, № 2, стр.271. — М. Хвостов. История восточной торговли, стр. 263, 216 (2).

¹⁴ J. Tsatsch. Zafar. Encyclopédie de l'Islam, v. 4, pp. 1251—1257.

¹⁵ Philostorgius, 34, p. 34.

¹⁶ Там же, 35, стр. 35.

¹⁷ Там же, 310, стр. 39.

¹⁸ Там же, 31, стр. 42.

¹⁹ Там же, 39, стр. 37—38.

²⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 119.

²¹ Перипл Эритрейского моря, 30. ВДИ, 1940, № 2, стр. 272.

²² Philostorgius, 36, p. 35.

²³ Подробнее см. главу „Гавани и товары“.

²⁴ Philostorgius, 311, p. 41.

²⁵ Перипл Эритрейского моря, 63. Русск. пер. Кондратьева, ВДИ, 1940, № 2, стр. 280.

²⁶ Philostorgius, 311, стр. 42.

ЗАМОРСКИЕ ТОВАРЫ В ИМПЕРИИ

¹ Corpus juris civilis, v. I. Institutiones Digesta recognovit Th. Mommsen. Berolini, 1905, p 606; Digestae 39, 4, 16, § 7.

² Philostorgius, 310, p. 39.

³ Codex Justinianus, 11, 11.

⁴ Там же.

⁵ Codex Theodosianus, l. 16, § 7. D. de publicanis, 39, 4. Государственный Эрмитаж. Путеводитель по залам Отдела Востока. Л., 1939, стр. 95, иллюстр., стр. 33.

⁶ Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, p. 4.

⁷ Seminarium Kondakovianum, t. 5, 1932, p. 300.

⁸ Там же, т. 9, 1937, стр. 18.

⁹ Falke. Kunstgeschichte, Fig. № 39.

¹⁰ Procopius Caesarensis. Anecdota (Historia arcana). Cap. 25, ed. Haury, Berlin, 1905, v. III, p. 155.

¹¹ Seminarium Kondakovianum, t. 9, 1937, pp. 10, 20.

¹² J. Strzygowsky. Seidenstoffe aus Aegypten. Jahrbuch der k. Preussischen Kunstsammlungen, Bd. 24, Berlin, 1903, p. 153.

¹³ Falke. Kunstgeschichte, p. 10; Abbildungen, №№ 45, 52.

¹⁴ Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 585, illustr. — Strzygowsky. Seidenstoffe, p. 153.

¹⁵ Lopez. Silk industry in the Byzantine empire. Speculum, 20, № 1, p. 11. (Со ссылкой на Theophanes, p. 184. Chronicon pascale, p. 623).

¹⁶ Codex Justinianus, 4, 10, 1.

¹⁷ Zachariae von Lingenthal. Eine Verordnung Justinianus über den Seidenhandel. Memoirs de l'Ac. imp. des Sciences de St.-Petersbourg. VII ser., t. IX, N (1865), p. 6.

¹⁸ Codex Justinianus, 4, 61, 7.

¹⁹ Procopius. Anecdota, cap. 25, ed. Haury, v. III; p. 156.

²⁰ Zachariae. v. Lingenthal. Eine Verordnung . . . , p. 6.

²¹ Codex Justinianus, 4, 40, 2.

²² Там же, 4, 40, 2; 4, 43, 6.

²³ Procopius. Anecdota, cap. 25, p. 154.

²⁴ Zachariae v. Lingenthal. Eine Verordnung, pp. 13—14.

²⁵ Ф. М. Рассейкин. Вопросы истории, 1948, № 3, стр. 132.

²⁶ Malalas. Chronographia, Bonn, 1831, 286, 19.

²⁷ Procopius. Anecdota, cap. 25, p. 157.

²⁸ Там же.

²⁹ Codex Justinianus, 11, 7, 6; 11, 7, 5.

КАРТА КАСТОРИЯ

¹ Plinius, Naturalis historia, 3, 313. ed. Detlefsen. Berolini, 1866, p. 132.

² Ammianus Marcellinus, 23, 6, 13. Пер. Кулаковского и Сонни, т. II, стр. 177.

³ См. карту в конце книги.

⁴ Konrad Miller. Die Weltkarte des Castorius. Ravensburg, 1888, p. 50.

⁵ Я. А. Манандян. Главные пути Армении по Пейтингеровой карте. Ереван, 1936. — С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху сасанидов. ВДИ, 1939, № 1, стр. 79.

⁶ Перипл Эритрейского моря, §53, ВДИ, 1940, № 2, стр. 278 и карта.

⁷ Там же, § 52. ВДИ, стр. 278. — Cosmas Indicopleustes, стр. 324.

⁸ Перипл Эритрейского моря, §§ 53, 54, ВДИ, стр. 278; правильное написание последнего названия — Му-

зирис.

⁹ Музирис — речной порт около города Кранганора (Кондунгалур) на юго-западном побережье Индии. Нелкинда (Мелкинда) находится в 120 стадиях вверх по реке Пампа, на карте Кастория — Нелкиндон, рынок государства Пандии. — Т. К. Joseph. Ports and marts of Malabar (a. D. 50—150). Journal of Indian history, 1948, t. 26, p. 2 (N 77), pp. 121—123.

¹⁰ Дамирака — правильная форма этого имени, от северо-индийской пракритической формы Damila — иногда неправильно передается, как Ламираке. — Т. К. Joseph. Ports and marts of Malabar (a. D. 50—150). Journal of Indian history, 1948, t. 26, p. 2 (N 77), pp. 122—123.

¹¹ Перипл Эритрейского моря, §§ 38, 41; ВДИ, стр. 274, 275.

¹² Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М., 1948.

¹³ Перипл Эритрейского моря, § 47; ВДИ, стр. 277.

¹⁴ Conrad Miller. Die Weltkarte des Castorius, p. 96.

¹⁵ Бертельс. Роман об Александре..., стр. 31.

¹⁶ Перипл Эритрейского моря, § 37, ВДИ, 1940, № 2, стр. 274.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Philostorgius, 34, p. 34.

²⁰ Арриан. Индия 29; 105—7. ВДИ, 1940, № 2, стр. 231, 238. — Палимботра была известна Мегасфену и Эратосфену.

²¹ R. Ghirshman. Fouilles de Begram (Afganistan). Journ. asiat., t. 234, 1943—1945, p. 63.

²² Наиболее вероятно, что это — хребет Гиндукуша (Перипл 23,4. ВДИ, 1940, № 2, стр. 231, 235).

²³ A. Fouchet. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Paris, 1942, t. I, p. 12.

²⁴ J. Charpentier. The Indian travels of Apollonius of Tyana. Upsala, 1934, p. 49.

²⁵ Mélanges offerts à Dussaud. Paris, 1939, v. II, pp. 941—945. 4 U. Monnert de Villard. Le monete dei Kushana e l'Impero romano. Orientalia, 17, N. S., fasc. 2, pp. 218, 219, 244.

„ПОДОРОЖНЫЕ" И „ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ МИРА"

¹ A. Klotz. Odoiporiai apo Edem. Rheinisches Museum für Philologie, t. 65 (1910), pp. 608—610. — В Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, в греческой рукописи № 252, датированной 1661 г., имеется текст „Подорожных", до настоящего времени оставшийся неизвестным. В Приложении публикуется этот текст с указанием разночтений по сравнению с изданным Клотцем и русский перевод памятника.

² Z. Avalichvili. Géographie et legende. Revue de l'Orient chrétien, 26 (1928), pp. 280—283; далее цитируется З. Авалишвили.

³ Expositio (B), § 4, pp. 513—514.

⁴ T. Sinko. Die Descriptio orbis terrae, pp. 540—541.

⁵ A. Klotz. Odoiporiai..., p. 608.

⁶ Expositio, §§ 5—6, p. 514.

⁷ З. Авалишвили, стр. 282—283,

⁸ Там же, стр. 286.

⁹ A. Klotz. Odoiporiai..., pp. 614—615. — З. Авалишвили, стр. 285.

¹⁰ Expositio, § 8, p. 515. — A. Klotz. Odoiporiai..., p. 608.

¹¹ Там же, §§ 8, 9, 10, стр. 515.

¹² Expositio totius mundi ..., ed. Mullerus, comment., p. 515.

¹³ Карта Кастория, XII сегмент.

¹⁴ Cosmas Indicopleustes, p. 325.

¹⁵ Expositio, § 11, p. 515.

¹⁶ A. Klotz. Odoiporiai..., p. 609.

¹⁷ Там же, стр. 616.

¹⁸ Expositio, § 16, p. 516.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, § 16, стр. 516. — G. Lombroso. Expositio ..., p. 134.

²¹ A. Klotz. Odoiporiai..., pp. 608, 616. — В форме „Аксомиа" это имя дается и в рукописи Публичной Библиотеки в Ленинграде (№ 252), см. приложение.

²² Там же, стр. 616.

²³ Tsač, Saba. Real-Encyclopädie, 2 Reihe, 2 Halbband, col. 1420—1421.

²⁴ A. Klotz. Odoiporiai..., p. 609. — З. Авалишвили, стр. 281.

²⁵ Expositio, § 19, p. 516.

²⁶ Там же.

²⁷ Cosmas Indicopleustes, p. 68.

КОЗЬМА ИНДИКОПЛОВ ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 1, стр. 552. — Wecker. Kosmas Indikopleustes. Realencyclopädie, B. XI (1922), col. 1487—1490.

- ² Cosmas Indicopleustes. The topography of Cosmas Indicopleustes, grec text, edit. by Winsted, p. 51 (далее страницы даны по этому изданию).
- ³ Там же, стр. 52.
- ⁴ Там же, стр. 62.
- ⁵ Там же, стр. 72.
- ⁶ Там же, стр. 319.
- ⁷ Там же, стр. 62, 70.
- ⁸ Там же, стр. 70—71.
- ⁹ Там же, стр. 154.
- ¹⁰ Там же, стр. 73; стр. 139.
- ¹¹ Geizer. Kosmas der Indienfahrer. Jahrbücher für protestantische Theologie (IX), 1883, pp. 117—118.
- ¹² Б. А. Тураев. История древнего Востока. Ч. II, Пгр., 1914, стр. 352—353. — Mc Crindle. The Christian Topography, p. 65.
- ¹³ Там же, стр. 38 (кн. 1). — Н. Gelzer. Kosmas der Indienfahrer, p. 113. — Анализ надписей и библиографию см.: Тсаџ. Saba. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (1920), 2 Reihe, 2 Halbband, col. 1476—1488.
- ¹⁴ Cosmas Indicopleustes, p. 38.
- ¹⁵ Е. Уинстедт [Е. О. Winstedt. Introduction, p. 5(2)] датирует „Топографию“ 550 г.
- ¹⁶ Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковед., т. 5 (1949), стр. 73—84.
- ¹⁷ По мнению Леклерка, который не отождествляет, однако, Патрикия с мар Абой, система Козьмы позаимствована изустно у Патрикия (Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. VIII, 1. Paris, 1928, vol. 829). Ф. И. Успенский (История Византийской империи, т. I, стр. 553) считает Патрикия (мар Абу) не только „автором всей системы мироздания, но и рисунков“, внесенных Козьмой в „Топографию“. — Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковед., т. 5, стр. 76.
- ¹⁸ Н. Kihn. Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus. Freiburg, 1880, pp. 157—158.
- ¹⁹ Там же, стр. 273.
- ²⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 119.
- ²¹ R. Baezly. The dawn of modern geography. London, 1897, p. 280.
- ²² Photius. Bibliotheca, cod. 36, Patrologia graeca, t. 103, col. 69. — В этом тексте в издании Патрологии пропущены слова *σφαιρικῶς οὐδὲ*; верный текст см. Photius, Myriobiblon, ed. D. Hoeschelius. Rothomagi, 1653, col. 24.
- ²³ К. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der physischen Erdkunde. Inaugural-Dissertation. Wien und Olmütz, 1889, p. 20.
- ²⁴ К. Kretschmer. Geschichte der Geographie, Berlin, 1912, p. 23.
- ²⁵ К. Kretschmer. Einleitung, p. 20.
- ²⁶ Milton Anastos. The Alexandrian Origin of the Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, *Dumbarton Oaks Papers*, № 3 (1946), стр. 76—80 [на основании рецензии журнала *Church history*, 15, № 4 (1946), стр. 318].
- ²⁷ Kroll. Paul-Wissowa Realencyclopädie, IX, 2, col. 1771. — Ioannis Philoponi de officio mundi, libri VII, ed. Reichardt. Lipsiae, 1897 Praefatio, p. XI.
- ²⁸ Там же, I, стр. 4; VI, 21, стр. 273.
- ²⁹ Там же, I, 7, стр. 16; IV, 5, стр. 169.
- ³⁰ Там же, I, стр. 17 и др.
- ³¹ Там же, IV, 5, стр. 168.
- ³² Н. Пигулевская. Сергей Решайнский. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, № 1, стр. 43—64.
- ³³ А. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 246.
- ³⁴ А. Hjelst. Études sur l'Hexameron de Jaques d'Edesse. Helsingfors, 1892, p. 19.
- ³⁵ Я. А. Манандян. Когда и кем составлена Армянская География. Визант. врем., т. I (26), 1947, стр. 130, 135.
- ³⁶ Ammianus Marcellinus, 22, 15, 4—7; пер. Ю. А. Кулаковского, вып. 2, стр. 139—140.
- ³⁷ Там же, 22, 15, 14—24, вып. 2, стр. 142—144.
- ³⁸ Cosmas Indicopleustes, p. 318.
- ³⁹ Philostorgius, III₁₁, p. 39.
- ⁴⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 318.
- ⁴¹ Philostorgius, III₁₁, p. 39.
- ⁴² Cosmas Indicopleustes, p. 319. — Philostorgius III₁₁, p. 39.
- ⁴³ Philostorgius. III₁₁, pp. 39—42.
- ⁴⁴ Там же, стр. 39.
- ⁴⁵ Там же, стр. 42.
- ⁴⁶ Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. — Bauer und Strzygowski. Eine alexandrinische Weltchronik. Denkschrift der K. Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, B. 51. Wien, 1906, p. 16.
- ⁴⁷ С. Stornajolo. La miniatura della topografia christiana, Codex Vaticanus 699. Milano, 1908.
- ⁴⁸ Н. Kondakoff. Histoire de l'art byzantin, t. I. Paris, 1886, pp. 139—140. — Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, стр. 559. — Проф. Д. В. Айналов считал, что Козьма Индикоплов рисовал иллюстрации к „Топографии“ с натуры. „Эллинистические основы византийского искусства“. Зап. Русск. археол. общ., т. XI, вып. 3 и 4, стр. 34—35.

- ⁴⁹ Cosmas Indicopleustes, p. 319.
1916. ⁵⁰ Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916.
835. ⁵¹ Leclercq. Kosmas Indicopleustes. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. 8. Paris, 1928, col. 835.
- ⁵² Д. Ч. Дестунис. Извлечение из книги Козьмы Индикоплова. Этногр. сб., вып. 5, СПб., 1862, стр. 26.
- 1867, стр. 5. ⁵³ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I — XL, СПб., 1867, стр. 5.
- ⁵⁴ А. Klotz. Odoiporial..., p. 610.
- ⁵⁵ З. Авалишвили, стр. 281.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Cosmas Indicopleustes, pp. 68—69.
- ⁵⁸ Там же, стр. 68.
- ⁵⁹ Там же, стр. 83.
- ⁶⁰ См. главу „Гавани и товары“, где приведены сведения о Китае.
- ⁶¹ З. Авалишвили, стр. 281.
- ⁶² Geuer. Itineraria Hierosolymitana, p. 67.
2360. ⁶³ W. Kubitschek. Mansio. Pauly-Wissowa, Realencyclopädie, t. 27, col. 1232—1233, 1243—1244; t. 9, Supplementband, VI, col. 54.
- ⁶⁴ Cosmas Indicopleustes, p. 69. — W. Kubitschek. Erdmessung. Pauly-Wlssowa, Realencyclopedia.
- ⁶⁵ Там же, стр. 69.
- ⁶⁶ Там же, стр. 335; примеч. к стр. 69.
- ⁶⁷ Там же, стр. 68.
- ⁶⁸ Н. Пигулевская. Мар Абба I. Сов. востоковед., т. 5, стр. 73—84.

АРМЯНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПСЕВДО-МОИСЕЯ ХОРЕНСКОГО

132. ¹ Я. А. Манандян. Когда и кем составлена Армянская география. Визант. врем., т. I, 1947, стр. 130—132.
- ² Там же, стр. 130.
- ³ М. Абемян. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 323—325.
- ⁴ Я. А. Манандян, там же, стр. 135, 141.
- ⁵ Mosis Chorenensis. Geographia. Ed. Whiston, London, 1836, p. 363.
- ⁶ Там же, стр. 365.
- ⁷ Там же, стр. 366.
- ⁸ Там же, стр. 367.
- ⁹ Там же, стр. 366.

ГАВАНИ И ТОВАРЫ

- ¹ Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1946, стр. 150—151.
- ² Cosmas Indicopleustes, p. 336. — R. Hennig. Terrae incognitae. Leiden, 1937, t. II, p. 45. — Ф. И. Успенский (История Византийской империи, т. 1, стр. 554) считает, что страна Сасу находилась „по соседству с Занзибаром“.
- ³ Cosmas Indicopleustes, p. 70; Mc Crindle, pp. 51—52.
- ⁴ Cosmas Indicopleustes, pp. 70, 337.
- ⁵ Там же, стр. 71.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Philostratus. Vita Apollonii Thian. 6, 21. — М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта, стр. 47.
- ⁹ Примечания: Cosmas Indicopleustes, ed. Winstedt, p. 337; Mc Crindle, p. 52 (1).
- ¹⁰ Sophoclees. Greek Lexicon, p. 1067.
- ¹¹ Cosmas Indicopleustes, p. 71.
- ¹² Malalas. Chronographia. Bonn, 1831, p. 433.
- ¹³ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 187⁽²⁾, 357⁽³⁾.
- ¹⁴ Cosmas Indicopleustes, стр. 371(2). Там же, стр. [Страница в книге не указана — Ю. Шардыкин]
- ¹⁵ Там же, стр. 325.
- ¹⁶ Там же, стр. 324.
- ¹⁷ Там же, стр. 320.
- ¹⁸ Там же, стр. 62.
- ¹⁹ Mc Crindle, p. 38 (4).
- ²⁰ Cosmas Indicopleustes. Topographia Christiana. Praefatio Monfoconi, col. 38. Patr. graeca, 88, col. 87
- (6). ²¹ Cosmas Indicopleustes, p. 62.

- ²² Там же, стр. 62. — Mc Crindle, p. 39—40
- ²³ Cosmas Indicopleustes, ed. Winstedt. Introduction, p. XIII.
- ²⁴ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 90. — Ptolemaeus, 4, 7, 10, Рапты.
- ²⁵ В связи с тем, что общий подсчет 200 монай не соответствует правильному итогу и самое расстояние от Александрии до катаракт меньше указанного, Мэж Криндль (стр. 50) предлагает читать не λ', а κ', т. е. 20 монай.
- ²⁶ Cosmas Indicopleustes, p. 70. — Mc Crindle, p. 50.
- ²⁷ Cosmas Indicopleustes, p. 62, 69, 70. — Mc Crindle, pp. 38, 51.
- ²⁸ Перипл, § 12. ВДИ, 940, № 2, стр. 268.
- ²⁹ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 96.
- ³⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 70.
- ³¹ Там же.
- ³² Theophanes. Chronographia, t. 1, ed. Classen, Bonn, 1839, p. 494.
- ³³ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 92—93.
- ³⁴ Перипл, § 57; ВДИ, стр. 279. — Датой открытия Гиппала считалась обычно середина I в. н. э. В настоящее время установлено, что открытие Гиппала было сделано около 100 г. до н. э. — Hennig. Terrae incognitae, v. 1. Leiden, 1936, p. 228.
- ³⁵ Warmington. The commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928, pp. 192—193.
- ³⁶ Cosmas Indicopleustes, ed. Winstedt, p. 70.
- ³⁷ См. выше сравнительный анализ этих текстов.
- ³⁸ Cosmas Indicopleustes, p. 70.
- ³⁹ А. Васильев, Expositio..., pp. 30, 33.
- ⁴⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 324.
- ⁴¹ R. Beazley. The dawn of modern geography. London, 1897, p. 193.
- ⁴² Cosmas Indicopleustes, p. 81.
- ⁴³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, стр. 554.
- ⁴⁴ Cosmas Indicopleustes, p. 322; Mc Crindle, p. 366.
- ⁴⁵ Cosmas Indicopleustes, p. 354; Mc Crindle, p. 3066. — Jule. p. 247.
- ⁴⁶ С. П. Кондратьев. Перипл... ВДИ, 1940, № 2, стр. 275, примеч. 6.
- ⁴⁷ Перипл, §§ 52, 53.
- ⁴⁸ С. П. Кондратьев. Перипл, стр. 278, примеч. 2.
- ⁴⁹ Cosmas Indicopleustes, p. 322.
- ⁵⁰ Cosmas Indicopleustes, pp. 322, 354.
- ⁵¹ Warmington. The commerce between Roman Empire and India, p. 206.
- ⁵² М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 1182.
- ⁵³ Там же, стр. 243.
- ⁵⁴ „Cloth for making dresses" (Mc Crindle, p. 366).
- ⁵⁵ Cosmas Indicopleustes, p. 354.
- ⁵⁶ Там же, стр. 322.
- ⁵⁷ Mc Crindle, p. 367, примеч. 2.
- ⁵⁸ Jule. Cathay and the way thither. CLXXXVIII, 227. — Cosmas Indicopleustes, pp. 354—355.
- ⁵⁹ С. П. Кондратьев. Перипл . . . , стр. 278, примеч. 5.
- ⁶⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 321.
- ⁶¹ Там же, стр. 322.
- ⁶² Там же, стр. 320.
- ⁶³ Там же, стр. 318.
- ⁶⁴ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 227, 228, 229.
- ⁶⁵ Cosmas Indicopleustes, p. 322.
- ⁶⁶ Cosmas Indicopleustes, p. 322.
- ⁶⁷ Jule. Cathay and the way thither. London, 1866, I, 178.
- ⁶⁸ Cosmas Indicopleustes, p. 322.
- ⁶⁹ Hennig. Terrae incognitae. Leiden, 1936, v. 1, pp. 323, 328.
- ⁷⁰ Cosmas Indicopleustes, p. 68.
- ⁷¹ Там же, стр. 69.
- ⁷² Там же, стр. 68.
- ⁷³ Там же, стр. 69.
- ⁷⁴ Jule. Cathay and the way thither. London, 1866, t. I, § 20, p. XLVII.
- ⁷⁵ Там же, t. I, § 23, p. XLIX.
- ⁷⁶ Schaefer. Iranica. Abhandlungen der Ges. d. Wissensch. zu Göttingen, III Folge (1934), № 10, p. 45.
- ⁷⁷ Hudud al Alem. The regions of the world, a persian geography, 372 a. h.; 982 A. D. transl. by Minorsky. London, 1937, § 7, № 1, p. 79; § 9, p. 83.
- ⁷⁸ Cosmas Indicopleustes, p. 364.
- ⁷⁹ Там же, стр. 370, 373.
- ⁸⁰ Там же, стр. 322.
- ⁸¹ „The famous great ruby". Там же, стр. 354

- ⁸² Там же, стр. 325.
⁸³ Там же, стр. 322.
⁸⁴ *Gildenmeister*. Die aetherischen Öle. Miltiz, 1928, I, p. 215.
⁸⁵ *Cosmas Indicopleustes*, p. 322; *Mc Crindle*, p. 366; сравнить: *Перипл*, § 14. — *М Хвостов*. История восточной торговли, стр. 118 (2), 245.
⁸⁶ При фунте, равном $400 \text{ г} \times 400 = 160\,000 \text{ г}$, т. е. 160 килограмм, $\frac{4}{5}$ которых составляют 128 килограмм, равных одному бахару. 20 бахар составляют, следовательно, около 2560 килограмм. — *Tomás Pires*. *Suma orientalis*, t. I. London, 1944, pp. 82, 83.
⁸⁷ *Cosmas Indicopleustes*, p. 321.
⁸⁸ Там же, стр. 322.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ *Cosmas Indicopleustes*. *Patrol. Gr.*, col. 449 (примечание).
⁹¹ *Cosmas Indicopleustes*, p. 324.
⁹² Там же.
⁹³ *Марко Поло* Путешествие. Перевод И. П. Минаева, под редакцией В. В. Бартольда. СПб, 1902, стр. 261.

ТОРГОВЛЯ ШЕЛКОМ И КАРАВАННЫЕ ДОРОГИ

- ¹ История шелка неоднократно была предметом исследования: *Mahudel*. De l'origine de la soye. *Mémoires de littérature de l'Académie des inscriptions et de belles lettres*. Amsterdam, 1731, v. 7, pp. 354—356. — *E. Pariset*. *Histoire de la soie*. 2-me édition, Paris, I, 1862; II, 1865. — *Silbermann*. Die Seide. B. I, Dresden, 1879. — *O. Falke*. *Geschichte der Seidenweberei*, I, II. Berlin, 1927.
² *Аммиан Марцеллин*, 23, 6, 57.
³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Традиционная политика России. Соч., т. IX, стр. 441.
⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Действительно спорный пункт в Турции. Соч., т. IX, стр. 382.
⁵ *Stein*. *Innermost Asia*. Oxford, 1928, I, pp. 227, 229, 230. — *A. Hermann*. Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Berlin, 1910, pp. 80, 91.
⁶ *Petri Patricii*. *Fragmentum 14*. *Fragmenta histor. graec.*, ed. Müller, Parisiis, 1884, IV, p. 189.
⁷ *Я. А. Манандян*. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930, стр. 40—41.
⁸ *Menander*. *Fragmenta histor. graec.*, IV, p. 292; *Excerpta historica iussu imp. Const. Porphyrog.* *Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor., Berolini, 1903, v. I, pars I, p. 180. (В дальнейшем: *Menander*, *Excerpta*. . .).
⁹ Там же, стр. 181—182.
¹⁰ Там же, стр. 180. — *K. Güterbock*. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch — völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berlin, 1906, pp. 77—80.
¹¹ *Codex Justinianus*, 4, 63, 4.
¹² *Menander*. *Fragmente histor. graec.*, IV, pp. 213—214; — *Const. Porphyrog.*; *Excerpta*, v. I, pars I, pp. 182—183.
¹³ Там же.
¹⁴ *Codex Justinianus*, 4, 63, 4.
¹⁵ *С. Т. Еремян*. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. ВДИ, 1939, № 1(6), стр. 83.
¹⁶ *Я. А. Манандян*. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань, 1930; Древние пути Армении (на арм. языке). Ереван, 1932; Главные пути Армении по Пейтингеровой карте. Ереван, 1936.
¹⁷ *Я. А. Манандян*. О торговле и городах Армении..., стр. 80—81.
¹⁸ Там же, стр. 149.
¹⁹ *Н. Я. Марр*. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Изв. ГАИМК, вып. 105.
²⁰ *Н. Пигулевская*. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, стр. 85—87.
²¹ *Theophanes Byzantius*. *Excerpta*, ed. Dindorf, Bonn, p. 484.
²² *Procopii*. De bello Gothico, 4, 17, ed. Haury, II, pp. 576—577.
²³ *Chavannes*. Documents sur les Turcs occidentaux, p. 233 (1). (Труды Орхонтской экспедиции, т. VI).
²⁴ *Procopii*. De bello Gothico, 4, 17, ed. Haury, II, pp. 576—577.
²⁵ *R. Henning*. Die Einfuhrung der Seidenraupenzucht im Byzantinerreich. *Byz. Z.*, 1933, B. 33, pp. 309—310.
²⁶ *С. П. Толстов*. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. Изв. АН СССР. Серия отд. ист. и философия, т. 6, № 3, стр. 257—258.
²⁷ *А. Ю. Якубовский*. Работы согдийско-таджикской археологической экспедиции. Краткие сообщения ИИМК, 48, 1949, стр. 48—53.
²⁸ *А. Н. Бернштам*. Краткие сообщения ИИМК, 1946, 13, стр. 115.
²⁹ *R. Girshman*. Fouilles de Bégram (Afganistan). *Journ. asiat.*, t. 234 (1943—1945), pp. 63, 67—68, 70.
³⁰ *Mélanges offerts à Dussaud*. Paris, 1939, II, pp. 941—945.
³¹ *Mannert de Villard*. Le monete dei Kushana e l'impero romano. *Orientalia*, 17, N. S. 2. pp. 218—219.
³² *J. Charpentier*. The Indian travels of Apollonius of Tyana. Upsala, 1934, p. 49.
³³ *Stein*. *Serindia*. Oxford, 1921, v. II, pp. 907—909; *Innermost Asia*, p. 241.
³⁴ *Stein*. *Innermost Asia*, pp. 242, 244.
³⁵ Там же, стр. 79—80.

- ³⁶ Там же, стр. 647, 993—994; т. III, табл. 119, № 3.
- ³⁷ Там же, т. III, табл. 120.
- ³⁸ Migeon, *Les arts de tissu*, p. 9.
- ³⁹ Тюркское происхождение эфталитов отстаивают Фрей и Сайили (Fray and Sayili. *Turks in the middle east before the Saljuqs. Journ. of the Amer. orient. soc.*, 1943, v. 63, № 3, pp. 195—196).
- ⁴⁰ Mani и ah (сирийское — брат).
- ⁴¹ Menander. *Excerpta*, II, 450.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Н. Пигулевская. *Византия и Иран*, стр. 211—212.
- ⁴⁴ Menander. *Excerpta*, II, 451.
- ⁴⁵ Menander, *Excerpta*, I, pp. 193—194.
- ⁴⁶ Там же, стр. 195.
- ⁴⁷ Холиаты — хвалисы — хорезмийцы (В. В. Бартольд. *Сведения об Аральском море*. Ташкент, 1902, стр. 29—30).
- ⁴⁸ Menander. *Excerpta*, II, 452.
- ⁴⁹ Там же, II, 454.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ В. В. Бартольд. *Сведения об Аральском море*, стр. 29. — R. Henning. *Terrae incognitae*, V, II, p. 62. — Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники по истории народов СССР*, стр. 76.
- ⁵² Menander. *Excerpta*, II, 459.
- ⁵³ Там же, I, стр. 203—204.
- ⁵⁴ Moravcsik. *Byzantinoturcica*, I. *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. Budapest, 1942, I, pp. 40—43.
- ⁵⁵ Menander, *Excerpta*. . . , I, 206.
- ⁵⁶ Там же, I, 207.
- ⁵⁷ Там же, I, 205. — В. В. Бартольд. *Сведения об Аральском море*, стр. 29.
- ⁵⁸ Дата считается общепринятой. — Schaeder. *Iranica*, *Abhandl. d. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen. Philhistor. Kl.*, III, Folge, 1934, № 10, p. 42. (В дальнейшем: Schaeder. *Iranica*). — Moravcsik. *Byzantinoturcica*. Budapest, 1942, I, pp. 41—43.
- ⁵⁹ Theophilactos Symocatta, 7, 7, 7—8; ed. De Boor, p. 257.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же, стр. 257.
- ⁶² Там же, стр. 261.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, стр. 260—261.
- ⁶⁵ J. A. Woodberg. *Theophylactus Simocatta on China*. *Harvard Journ. of Asiat. Stud.* (1938), 3, pp. 223—243. — F. Dölger. Рецензия. *Byz. Zeitschr.* (1939), 392, p. 511.
- ⁶⁶ Schaeder. *Iranica*, pp. 44—45.
- ⁶⁷ Там же, стр. 47.
- ⁶⁸ Heyd. *Histoire du commerce de Levant*. 1885, p. 165. — Schaeder. *Iranica*, p. 45.
- ⁶⁹ J. A. Woodberg, pp. 223—243.
- ⁷⁰ Schaeder. *Iranica*, p. 47.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ХИМЬЯРА

- ¹ Caussin de Perseval. *Essai sur l'Histoire des Arabes*. Paris, t. I, 1847, pp. 61—160. — Mordtmann. *Miscellen zur himjarischen Altertumskunde. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.*, B. 31, 1877, pp. 61—90. — A. Dillmann. *Über die Anfänge des Axumitischen Reiches. Abhandl. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin*. Berlin, 1879. — A. Dillmann. *Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im IV bis VI Jahrhundert. Abhandl. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin*, 1880. — Mordtmann. *Die himjarisch-äthiopischen Kriege noch einmal. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.*, B. 35, 1881, pp. 693—710. — Fell. *Christenverfolgung in Sudarabien. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.*, B. 35, 1881, pp. 1—74. — E. Glaser. *Skizzen der Geschichte und Geographie Arabiens*, B. II. Berlin, 1890, pp. 532—564. — E. Glaser. *Die Abessinier in Arabien und Afrika*. München, 1895. — Winkler. *Altorientalische Forschungen*. B. I, Leipzig, 1893, pp. 310—328, 329—337. — F. M. R. Pereira. *Historia dos Martyres de Negran*. Lisboa, 1899. Рецензия: Th. Nöldeke. *Getting, gelehrte Anzeigen* 161 Jahrg., 1899, pp. 825—830. — A. Kammerer. *Essai sur l'histoire antique de l'Abyssinie*. Paris, 1926. — Hitti. *History of the Arabs*. 4-th edit., London, 1949.
- ² А. Васильев. *Житие Грегентия, епископа Омиритского. Визант. врем.*, т. XIV, 1907, стр. 23—67. — А. А. Васильев. *Kaiser Justin I (518—527) und Abyssinien. Byz. Ztschr.*, 1933, B. 33, H. I, pp. 67—77.
- ³ Hartmann. *Der Islamische Orient*, II. *Die arabische Frage*. Leipzig. — F. Hommel. *L'Arabie avant l'Islam. Encyclopédie de l'Islam*, t. I, pp. 382—386. — A. Grohmann. *Minaioi. Real-Encyclopädie, Supplementband*, 6(1935), col. 461—488. — Mordtmann. *Himyar. Encyclopédie de l'Islam*, t. 3, pp. 329—331. — Тсаџ. *Homeritae. Real-Encyclopädie*, t. VIII, col. 2182—2188. — Тсаџ. *Saba. Real-Encyclopädie*, 2 Reihe, 2 Halbband, col. 1298—1515. — Ryckmans. *Les noms propres sud-sémitique*, t. I—III. Louvain, 1934—1935.
- ⁴ И. Ю. Крачковский. *Две южно-арабские надписи в Ленинграде* *Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук*. 1931, стр. 427—453.
- ⁵ Rhodokanakis. *Das öffentliche Leben in den alten sudarabischen Staaten*. — D. Nielsen. *Handbuch der altarabischen Altertumskunde*. Kopenhagen, 1927, pp. 109—142. — Последующие работы печатались Родоканакисом и

- его учениками в Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands, tt. 38, 40, 41, 42, 43, 45, и др. — Ценным для библиографических справок является список надписей, собранных Глазером, с указанием изданий и подробной библиографией. — Höfner, Maria. Die Sammlung Eduard Sachau. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philol.-historische Klasse, B. 222, Abh. 5, Wien, 1944.
- ⁶ Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti, v. 3. Storia dell' Arabia preislamica. Roma, 1941. — Hitti. History of the Arabs. 4-th edit., 1949 — O' Leary. Arabia before Muhammad. 1927.
- ⁷ Ryckmans. Les noms propres sud-sémitiques, t. II.—Répertoire alphabétique. Louvain, 1934, стр. 123.
- ⁸ Mordtmann u. Mittwoch. Sabaische Inschriften. Hamburg, 1931, № 153, г. 3, pp. 192—193.
- ⁹ Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, t. 45, 1932, pp. 290—295.
- ¹⁰ Revue des études juives, v. 23, 1891, p. 122. — Winkler. Zur Geschichte des Judentume in Jemen. Altoriental. Forsch., B. I, p. 335. — Hirschberg. Jüdische und christliche Lehren im vor-und frühislamischen Arabien. Krakow, 1939, p. 39.
- ¹¹ Hirschberg, pp. 69—70.
- ¹² Mordtmann u. Mittwoch. Himjarische Inschriften, № 43, p. 54.
- ¹³ E. Glaser. Zwei Inschriften über den Dambruch von Märib. Mitteilungen d. Vorderasiat. Ges., 1897, 6, pp. 8, 11, 22.
- ¹⁴ Там же, стр. 31—53, 66.
- ¹⁵ Conti Rossini считает это имя испорченным: — ποιήν — пастырь. (Conti Rossini. Un documento sui christianesimo nello Jemen ai tempi del re Šarahbil Jakkuf. Romae, 1911, p. 12).
- ¹⁶ At-Tabari. Annales, ed. De Goeje. Prima series, v. II, pp. ٩١٧ — ٩٥٨; — Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden, übers, v. Th. Nöldeke. Leyden, 1879, pp. 172—237.
- ¹⁷ Abulfeda. Historia anteislamica, arabice, ed. Fleischer. Lipsiae, 1831.
- ¹⁸ Glaser. Skizzen..., pp. 40—41. — Winkler. Altorientalische Forschungen, B. I, pp.329—337. — Conti Rossini. Un documento..., pp. 1—48.
- ¹⁹ Conti Rossini, pp. 19—44.
- ²⁰ Pereira. Historia dos martyres..., pp. XXXIV—XXXVI.
- ²¹ Там же, стр. XXXVII—XXXVIII.
- ²² Cosmas Indicopleustes. The Christian topography (grec text), ed. by Winstedt. Cambridge, 1909, p. 72. — The Christian topography of Cosmas, translated by J. W. Mc Crindle. London. 1897, p. 55.
- ²³ Acta sanctorum (Martyrium St. Arethae et sociorum), Octobris., v. 10, p. 721.
- ²⁴ Fragmenta historicorum graecorum, IV, ed. C. Mullerus, Parisiis, 1851, pp. 178—180.
- ²⁵ Malalas. Chronographia. Bonn, 1831, p. 433.
- ²⁶ Malalas, p. 433. — Nonnosius. Fragm. historic. graec., IV, p. 179.
- ²⁷ Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35, 1881, pp. 693—710.
- ²⁸ Chronicon Pseudo Dionysianum vulgo dictam, ed. Chabot. C. S. C. O. Scriptores syri, series tertia, t. II, textus. Parisiis, 1933.
- ²⁹ Malalas, p. 433.
- ³⁰ Chronicon Pseudo Dionysianum, t. II, 54.
- ³¹ Halévy. Examen critique des sources relatives a la persécution des chrétiens de Nedjran. Revue des études juives, v. 18, 1889, p. 169.
- ³² Theophanes. Chronographia. Ed. De Boor. Lipsiae, 1883, pp. 222—223.
- ³³ Halévy. Examen critique. ..., p. 169.
- ³⁴ Chronicon pseudo Dionysianum, t. II, p. 54.
- ³⁵ Halévy. Examen critique. ..., p. 172.
- ³⁶ Там же, стр. 178.
- ³⁷ Procopius Caesarensis. Ed. Haury, Lipsiae, 1905; De bello persico, I, 19—20; 100—110.
- ³⁸ Там же, стр. 102, 108, 109.
- ³⁹ Там же, стр. 107—108.
- ⁴⁰ Schröter. Trostschriften Jacob s von Serug an die himjarischen Christen. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 31, 1877, pp. 400—405.
- ⁴¹ Halévy. Examen critique..., p. 26.
- ⁴² Schröter. Trostschriften... , pp. 360—399.
- ⁴³ Там же, стр. 270, 286.
- ⁴⁴ Guidi. La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam sopra i martiri omeriti. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 3-e, v. VII, Roma, 1881, pp. 1—32.
- ⁴⁵ A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924.
- ⁴⁶ Martyrium st. Arethae et sociorum, pp. 721—760.
- ⁴⁷ John of Ephesus. Lives of the eastern saints. Patrologia Orientalis. XVII, f. I, pp. 138—139.
- ⁴⁸ Там же, стр. 154.
- ⁴⁹ Там же, стр. 155.
- ⁵⁰ Pereira. Historia dos martyres de Nagran. Lisboa, 1899, pp. XXIII—XXIX.
- ⁵¹ John of Ephesus, pp. 138, 155, 157.
- ⁵² Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 145.
- ⁵³ John of Ephesus., p. 140.

- ⁵⁴ Simeon Betharš., p.
- ⁵⁵ Nonnosius. *Fragmenta historicorum graecorum*, IV, ed. Mullerus. Parisiis, 1851, p. 173.
- ⁵⁶ Simeon Betharš., p. ; Pseudo Dionysius, 58.
- ⁵⁷ Nonnosius. *F. H. G.*, IV, p. 174.
- ⁵⁸ A. Moberg. *The book of Himyarites*, pp. 5, CIII.
- ⁵⁹ Simeon Betharš., p.
- ⁶⁰ Там же, стр. ; — Pseudo Dionysius, p. 57.
- ⁶¹ Там же, стр.
- ⁶² Simeon Betharš., p. ; Pseudo Dionysius, p. 63.
- ⁶³ Т. е. православного вероисповедания, утвержденного Халкидонским вселенским собором.
- ⁶⁴ Simeon Betharš., p.
- ⁶⁵ Там же, стр.
- ⁶⁶ A. Moberg. *The book of Himyarites*, pp. XXVI—XXXVI.
- ⁶⁷ *The book of Himyarites*, p. 56 b.
- ⁶⁸ Там же, стр. 23 b.
- ⁶⁹ Там же, стр. 24 a.
- ⁷⁰ Там же, стр. 23 b.
- ⁷¹ Там же, стр. 23 a.
- ⁷² Там же, стр. 35 b.
- ⁷³ Там же, стр. 23 b.
- ⁷⁴ Там же, стр. LXVI.
- ⁷⁵ Там же, стр. LXV.
- ⁷⁶ H. Snanner u. S. Guyer. *Rusafa, die Wallfahrtsstadt des heiligen Sergios*. Berlin, 1926. — Dussaud. *Topographie historique de la Syrie antique et médiévale*. Paris, 1927, pp. 253—254. — J. Sauvaget. *Les Gassanides et Sergiopolis*. *Byzantion*, v. XIV, f. I, 1939, pp. 115—130.
- ⁷⁷ Иоанн Ефесский. *История*, III, кн. 6, гл. 4. — Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники по истории народов СССР*. Л., 1941, стр. 121—122 (в русск. пер. с сирийского).
- ⁷⁸ Boissonade. *Anecdota graeca*, v. 5, Parisiis. 1833, pp. 1—62; *Acta sanctorum*. Oktobr, t. X, 661—762. Parisiis et Romae, 1869.
- ⁷⁹ Pereira. *Historia dos Martyres de Negran*. Lisboa, 1899.
- ⁸⁰ *Acta sanctorum*, Octobr., t. X, p. 743, § 27.
- ⁸¹ Там же, стр. 747, § 29.
- ⁸² *Fragmenta historicorum*, v. 4, ed. Muller, Parisiis, 1851, pp. 178—180.
- ⁸³ Simeon Betharš., p.
- ⁸⁴ Там же, стр.

„ЗАКОНЫ ХИМЪЯРИТОВ“

- ¹ *Chronique de Seert.*, cap. LXXIII, ed. Addai Scher. *Patrologia Orientalis* v. 5, pp. 330—331.
- ² Michelle Syrien. *Chronique*, ed. par J. B. Chabot. Texte, p. 274b, trad. p. 185.
- ³ *History of the patriarchs of the Coptic church of Alexandria*, arabic text edit. et transl. by B. Evetts. *Patrologia Orientalis*, I, p. 451.
- ⁴ Hitti. *History of the arabs*. 3-th edit., 1946, p. 66.
- ⁵ Nöldcke. *Geschichte der Perser und Araber*. Leiden, 1879, pp. 175—201.
- ⁶ А. Васильев. *Житие св. Грегентия, еп. Омиритского*. *Визант. врем.*, 14 (1907), стр. 25.
- ⁷ Nallino. *Raccolta di scritti editi e inediti*. Roma, 1941, p. 126 (4).
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Anecdota graeca* ed. Boissonade. Parisiis, 1833, v. 5, pp. 63—116. *Patrologia graeca*, 86, I, col. 567.
- ¹⁰ *Patrologia graeca*, 86 I, col. 581.
- ¹¹ Там же, кол. 620, 576—577.
- ¹² Там же, кол. 621—784.
- ¹³ А. Васильев. *Житие Грегентия, еп. Омиритского*. *Визант. врем.*, 14 (1907), стр. 25; со ссылкой на: Mordtmann. *Miscellen z. himj. Altertumskunde*. *Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.*, V. 31 (1877) p. 69.
- ¹⁴ В статье „Византийские димы и факции“ проф. А. П. Дьяконов указал на наличие кварталов как территориальных объединений в византийских городах (Византийский сборник. Л., 1945, стр. 155, 160).
- ¹⁵ *Patrologia graeca*, 86, I, col. 577
- ¹⁶ Там же, кол. 577.
- ¹⁷ Там же, кол. 580.
- ¹⁸ Там же, кол. 580. — Чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, любезно согласившийся просмотреть это неясное место, подтвердил правильность перевода и толкования термина *ρόγα*, данного мною [*Sophocles. Greek lexicon of the roman and byzantine periods* (New York, 1893). P. 971 — *ρόγα* = *erogatio, largitio*; p. 1146 — *φιλοτιμία* = *largess, magnificence*].
- ¹⁹ *Patrologia graeca*, 86 I, § 1, col. 581. — В дальнейшем ссылки в тексте делаются на номера параграфов „Законов химьяритов“.
- ²⁰ *Patrologia graeca*, 86 I, col. 607—608, nota 8.

²¹ Menandri Protectoris Fragmenta. Fragmenta historicorum graecorum, v. 4, ed. Mullerus, Parisiis, 1851, p. 227.

²² Al-Beladzori. Liber expugnationis regionum, text. arab. ed. De Goeje. Lugduni Botavorum. 1866, p. 65. — Baladhuri. Kitab futuh al-buldan. transl. by P. Hitti. New York, 1916, I, p. 100.

ЭФИОПИЯ И ХИМЬЯР В V—VI ВВ. Н. Э.

¹ Tsač. Saba, § 8. Kultur, Handel, Reichtum. Pauly — Wissowa, Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (1920), 2 Reihe, 2 Halbband, col. 1418—1420, 1426. — N. Rhodokanakis. Das öffentliche Leben in den alten sudarabischen Staaten. Ditlef Nielsen. Handbuch der altarabischen Altertumskunde, Kopenhagen, 1927, I Band, pp. 110—112.

² Henning. Terrae incognitae. Leiden, 1936, t. I, pp. 321.— O'Leary de Lacy. Arabia before Muhammad. London, 1927, pp. 93, 105. — Nallino. Raccolta di Scritti editi e inediti, v. III. Roma, 1941, p. 19.

³ Mordtmann und Mittwoch. Sabäische Inschriften. Hamburg, 1931, p. 10.

⁴ O'Leary de Lacy, p. 102, Nielsen. Handbuch, pp. 104, 114—115.

⁵ Winkler. Zur alten Geschichte Jemens und Abessinien. Orientalische Skizzen, B. I, p. 312.

⁶ A. Kammerer. Essai sur l'histoire antique d'Abyssinie. Paris, 1926, p. 106.

⁷ Littmann, Enno. Sabäische, griechische und altabessinische Inschriften. Deutsche Aksum Expedition, B. 4, Berlin, 1913, №№ 8, 9, 10, 11, pp. 18—20, 24—25, 32—36.

⁸ Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. II. Пгр., 1914, стр. 354—355; ср. Литман, стр. 32—35.

⁹ Winkler. Zur alten Geschichte... , B. I, pp. 312—314.

¹⁰ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. II. СПб., 1910, стр. 271.

¹¹ Там же, стр. 274.

¹² Там же, стр. 266—272, 275—276. — Dillmann. Zur Geschichte des Axumitischen Reichs im IV bis zum VI Jahrhundert. Berlin, 1880, pp. 6—13. — Glaser. Skizze, pp. 528—532. — F. Hommel ошибочно считает, что в 350 г. в христианство перешел Эла Амида — покровитель Химьяра. Nielsen. Handbuch, p. 104.

¹³ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1917. — Warmington. The commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928.

¹⁴ Ibn-Khaldun. Miscellen zur himjarischen Altertumskunde. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 31, pp. 71, 80.

¹⁵ Ibn - Khaldun, p. 71.

¹⁶ Ibn - Khaldun, pp. 77—80.

¹⁷ Tabari — Nöldeke, pp. 230, 237. — Tabari, textus arabicus, p. ٩٥٨.

¹⁸ Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35 (1891), pp. 693—710.

¹⁹ Halévy. Examen critique des sources relatives à la persécution des chrétiens de Nedjran par le roi juif des Himyarites. Revue des études juives, 1889, t. 18, pp. 16—42, 161—178.

²⁰ Там же, стр. 178. — Pereira. Historia dos martyres de Negran. Lisboa. 1899, pp. XVII—XXV.

²¹ Malalas. Chronographia, p. 433.

²² Cosmas Indicopleustes, pp. 69—70.

²³ Halévy. Examen critique..., p. 169.

²⁴ Там же, стр. 72; Part. Gr., 88, col. 101.

²⁵ Chronicon Pseudo Dionysianum, ed. Chabot. C. S. C. O. Scriptorum Syri. Series tertia. Paris, 1933. Textus, t. II, p. 54.

²⁶ Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., 1881, B. 35. p. 703.

²⁷ Malalas, p. 433. — Ps. Dionysius. Chronicon, p. 54.

²⁸ Malalas, p. 433.

²⁹ Nonnosius, F. H. G., pp. 178—179.

³⁰ Ps. Dionysius. Chronicon, pp. 54—55.

³¹ Ps. Dionysius. Chronicon, p. 55.

³² Cosmas Indicopleustes, pp. 70—71. — Malalas, p. 433.

³³ Ps. Dionysius. Chronicon, p. 55.

³⁴ Там же, стр. 55. — Malalas, p. 433.

³⁵ Там же, стр. 434.

³⁶ Excerpta de legationibus Constantini Porphyrog., ed. C. de Boor. Berolini, 1903, pars II, Excerpta e Malcho, pp. 568—569.

³⁷ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Museon, 1932, t. 45, p. 290. — Mordtmann u. Mittwoch. Sabäische Inschriften, p. 3, note 2.

³⁸ Там же, pp. 290, 295.

³⁹ Mordtmann u. Müller. Eine monotheistische Sabäische Inschrift. Wien. Z. r. d. Kunde d. Morgl., 1896, B. 10, pp. 285—292.

⁴⁰ Mordtmann u. Mittwoch. Sabäische Inschriften. Hamburg, 1931, pp. 192—193.

⁴¹ Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des arabes. Paris, 1847, t. I. p. 122.

⁴² Lammens. L'Arabie occidentale avant l'hégire. Beyrouth, 1928 p. 53.

⁴³ Там же, стр. 55. — Lammens. La Mecque à la veille de l'hégire. Beirut, 1924, p. 23 (119).

⁴⁴ Hamza Ispahanensis, Annalium libri X ed. I. M. Gottwald t. I. textus arabicus. Petropoli 1844, p.

- ١٣٢—١٣٧. — Abulfeda. Historia anteislamica arabice edid. c. versione latina. H. Fleischer. Lipsiae, 1831, pp. 114—121.
- ⁴⁵ Там же, стр. 118.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924, p. 3. Fragm. 1, transl., p. CI.
- ⁴⁸ Там же, стр. 7a.
- ⁴⁹ Guidi. La lettera di Simeone vescovo di Beth Arsam. R. accad. dei Lincei. Memor. d. cl. sci. morali. Séries 3, v. VII, Roma, 1881, p. 3.
- ⁵⁰ Halévy. Examen critique, p. 163. — Pereira. Historia dos martyres de Negran, p. 29. — J. Teatsch. Zafar. Encyclopédie de l'Islam, v. 4, pp. 1251—1257.
- ⁵¹ E. Glaser. Die Abessinier in Arabien und Afrika. München, 1895, pp. 181. — Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti, v. III. Storia dell'Arabia preislamica. Roma, 1941, pp. 108, 111—114.
- ⁵² Martyrium Arethae, p. 742.
- ⁵³ Там же, стр. 742.
- ⁵⁴ The book of Himyarites, pp. 1, LII.
- ⁵⁵ Lammens. L'Arabie occidentale, pp. 10—11.
- ⁵⁶ Tabari—Nöldeke, pp. 178, 181.
- ⁵⁷ The book of Himyarites, pp. 31a.
- ⁵⁸ Там же, стр. XLIX.
- ⁵⁹ Chronique de Seert, pars I, p. 218, Patrologia orientalis, t. 4. — В тексте имя Hannan было исправлено Захау на Haууан (Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissensch., 1919, Phil.-hist. Kl., I, 1).
- ⁶⁰ A. Moberg. The book of Himyarites, p. L.
- ⁶¹ The book of Himyarites, p. 32b.
- ⁶² Tabari — Nöldeke. pp. 175—178.
- ⁶³ Ioanes Malalas. Chronographia, p. 433.
- ⁶⁴ The book of Himyarites, cap. XXXIX, XL, XXV.
- ⁶⁵ Malalas, p. 434.
- ⁶⁶ Martyrium Arethae, p. 728.
- ⁶⁷ Chronique de Séert, publ. et trad. par Addai Scher. Seconde partie, XXII. Patrologia Orientalis, vol. 7, pp. 142—144, Paris, 1911.
- ⁶⁸ Malalas, p. 433.
- ⁶⁹ Ps. Dionysius. Chronicon, p. 55.
- ⁷⁰ The book of Himyarites, p. 3b.
- ⁷¹ Malalas, p. 434.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Cosmas Indicopleustes, p. 72.
- ⁷⁴ Martyrium Arethae, p. 721. — J. M. Mc Crindle. The Christian topography of Cosmas, an Egyptian monk. London, 1887. Introduct. p. x. — Vasiliev. Justin I und Abyssinia. Byzant. Zeitschr., 1933, B. 33, pp. 70—71.
- ⁷⁵ A. Moberg. The book of Himyarites, p. 3. — Заголовок ошибочно стоит под 6-м параграфом и исправлен переписчиком рукописи.
- ⁷⁶ Там же, стр. LXXI.
- ⁷⁷ Martyrium Arethae, p. 722.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Tabari — Nöldeke, p. 174. — Tabari, textus arabicus, p. ٩١٨.
- ⁸⁰ Tabari — Nöldeke, pp. 174—176. — Tabari, textus arabicus, pp. ٩١٩.
- ⁸¹ Chronique de Seert, ed. par Mgr. Addai Scher. Première partie LXXIII. Patrologia Orientalis, v. 5, pp. 330—331.
- ⁸² A. Moberg. The book of Himyarites, p. LXXIV.
- ⁸³ Tabari — Nöldeke, pp. 174—176. — Tabari, textus arabicus, pp. ٩١٩.
- ⁸⁴ Martyrium Arethae, p. 722.
- ⁸⁵ The book of Himyarites, p. 7a.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же, pp. 7b, 19a.
- ⁸⁹ Там же, стр. 8b. Термин **حقتو منك**, восстановленный Мoberгом, и выше, стр. 7b., в буквальном переводе означает „делающие войну“, т. е. „боеспособные“, или носящие оружие. Слово **حقتو** (делающие) находится в сопряженном состоянии относительно слова **منك** (войну).
- ⁹⁰ Там же, стр. 8b.
- ⁹¹ Там же, стр. 9b—10a.
- ⁹² Martyrium Arethae, p. 723.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же, стр. 727, nota nn. — Boissonade. Anecdota graeca, v. 5. Parisiis, 1833, p. 8.
- ⁹⁶ Martyrium Arethae, p. 723.
- ⁹⁷ The book of Himyarites, p. 11a.

- ⁹⁸ Там же, стр. 11а.
- ⁹⁹ Там же, стр. 12b.
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 14b.
- ¹⁰¹ Martyrium Arethae, p. 722.
- ¹⁰² Там же, стр. 722—723, по другой рукописи — „εν τη πολει”.
- ¹⁰³ The book of Himyarites, p. 13а.
- ¹⁰⁴ Martyrium Arethae, p. 724.
- ¹⁰⁵ The book of Himyarites, p. 8а.
- ¹⁰⁶ Martyrium Arethae, p. 724.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 728.
- ¹⁰⁸ The book of Himyarites, p. 36b.
- ¹⁰⁹ Martyrium Arethae, p. 735.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 724, 728.
- ¹¹¹ The book of Himyarites, p. 25b.
- ¹¹² A Greek-english lexicon by Liddell and Scott, p. 252. — Passow. Griechisch-deutsches Wörterbuch, p. 407.
- ¹¹³ The book of Himyarites, pp. LXXXIV—XCVII.
- ¹¹⁴ Там же, стр. 24b—25b.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 26b.
- ¹¹⁶ Martyrium Arethae, p. 723.
- ¹¹⁷ Conti Rossini, p. 19.
- ¹¹⁸ The book of Himyarites, p. 26а.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 23b.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же, стр. 4а, 4b, 5b, §§ 13, 17, 33; стр. 22а, § 17. — Martyrium Arethae, pp. 728—730.
- ¹²² A. Moberg. The book of Himyarites, p. XXVIII.
- ¹²³ Там же, стр. XXXI, p. 30а, 48а. — Martyrium Arethae, p. 738q.
- ¹²⁴ Martyrium Arethae, pp. 728а, 734.
- ¹²⁵ The book of Himyarites, pp. 24b—25b; 30b.
- ¹²⁶ Там же, стр. LVII—LVIII.
- ¹²⁷ Там же, стр. 5b; см. стр. LVI о названии „Хаджарен” от южноарабского hajar — город.
- ¹²⁸ Martyrium Arethae, p. 742.
- ¹²⁹ L. Guidi. Mundhir III und die Leiden monophysitischen Bischöfe. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., 1881, B. 35, p. 145.
- ¹³⁰ The book of Himyarites, p. 5.
- ¹³¹ Martyrium Arethae, p. 742.
- ¹³² Procopius. De bello persico. I, 17, ed. Haury, Lipsiae, 1905, pp. 89—90. — O’Leary de Lacy, p. 159.
- ¹³³ Martyrium Arethae, p. 742.
- ¹³⁴ Там же, стр. 681.
- ¹³⁵ Там же, стр. 742.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ A. Moberg. The book of Himyarites, p. LXVI. — La lettera di Simeon Betharš., ed. Guidi, p. 1.
- ¹³⁸ Simeon Betharš., — Chronicon Pseudo Dionysianum, pars II, pp. 57—58.
- ¹³⁹ Simeon Betharš., p. — Chronicon Pseudo Dionysianum, p. 58.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Martyrium Arethae, p. 742.
- ¹⁴² Chronicon Pseudo Dionysianum, p. 62.
- ¹⁴³ Simeon Betharš., p. 1.
- ¹⁴⁴ Там же, p. .
- ¹⁴⁵ Chronicon pseudo Dionysianum, p. 63. — В ответе есть игра слов, так как „страх Божий” и религия выражаются в сирийском теми же словами.
- ¹⁴⁶ Там же, p. 63. — Lettere di Simeone di Betharš., p. .
- ¹⁴⁷ Martyrium Arethae, p. 742.
- ¹⁴⁸ Martyrium Arethae, p. 742. — J. Guidi. Kaiser Mundhir III und die beiden monophysitischen Bischöfe. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35, p. 145.
- ¹⁴⁹ Martyrium Arethae, p. 743; там же комментарий. (Carpentier, p. 710, § 169).
- ¹⁵⁰ Martyrium Arethae, p. 743.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ The book of Himyarites, p. 6а (сохранились лишь заголовки этой л следующих глав).
- ¹⁵⁴ Tabari — Nöldeke, p. 188; Tabari, textus arabicus, p. .
- ¹⁵⁵ Tabari — Nöldeke, p. 189; Tabari, textus arabicus, p. .
- ¹⁵⁶ The book of Himyarites, p. 6а.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Carpentier. Commentarius praevius. Acta sanctorum. Octobris, t. X, p. 711. — Martyrium Arethae. „Longe

facilius admittendus numerus navium septuaginta, quae instructae fuisse dicuntur (n. 29) siquidem ab institoribus Romanis. Persis et Aethiopicibus eas coemit Elesbaan: et portus indicatur ex quibus sunt adductae".

- ¹⁵⁹ Martyrium Arethae, § 29. Acta sanctorum. Octobris, t. X, p. 747.
- ¹⁶⁰ Fragmenta historicorum graecorum ed. C. Mullerus. Parisiis 18, v. 4, p. 113. — Procopius. De bello persico I, 19.
- ¹⁶¹ A. Alt. Zur Kirchengeschichte Palästinas. Ztschr. d. Deutsch, Palästina-Vereins. B. 67, 1 (1944), p. 91.
- ¹⁶² М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 194, 199.
- ¹⁶³ Cosmas Indicopleustes, p. 75.
- ¹⁶⁴ Martyrium Arethae, p. 747.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Moberg. The book of the Himyarites, p. XXXV. — Martyrium Arethae, p. 754.
- ¹⁶⁷ The book of Himyarites, p. 46a.
- ¹⁶⁸ Martyrium Arethae, p. 755.
- ¹⁶⁹ The book of Himyarites, p. 45b.
- ¹⁷⁰ Tabari, textus arabicus, p. ۹۲۹. — Nöldeke, Tabari, p. 194.
- ¹⁷¹ Tabari, textus arabicus, p. ۹۲۷. — Nöldeke — Tabari, p. 191.
- ¹⁷² Martyrium Arethae, p. 755.
- ¹⁷³ Tabari, textus arabicus, pp. ۹۲۷, ۹۳۰. — Tabari — Nöldeke, pp. 191, 195.
- ¹⁷⁴ Mordtmann u. Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig. Mitt. d. Vorderasiat.-Aegypt. Ges., B. 37, H. 1, № 43, pp. 55—56.
- ¹⁷⁵ Tabari, textus arabicus, p. ۹۱۸. — Tabari — Nöldeke, p. 174.
- ¹⁷⁶ The book of Himyarites, pp. 49a, 56b.
- ¹⁷⁷ Там же, стр. 56a.
- ¹⁷⁸ Procopius Caesarensis. De bello persico, I, 20, p. 107.
- ¹⁷⁹ Martyrium Arethae, p. 758.
- ¹⁸⁰ The book of Himyarites, pp. 52a, 54b—56a.
- ¹⁸¹ Theophylactos Symocatta. V, 10, 13—15, ed. De Boor. Lipsiae, 1887, p. 208.
- ¹⁸² The book of Himyarites, p. 55b.
- ¹⁸³ Moberg. The book of Himyarites, p. LXII.
- ¹⁸⁴ Там же, p. 54a, b.
- ¹⁸⁵ Tabari, textus arabicus, pp. ۹۲۱. — ۹۲۱. — Tabari — Nöldeke, pp. 196—197.
- ¹⁸⁶ Simeon Betharš., p. ۳۱.
- ¹⁸⁷ Moberg. The book of Himyarites, pp. LXII — LXIII, p. 54a, I. 23.
- ¹⁸⁸ Procopius. De bello persico I, 20, ed. Haury. Lipsiae, 1905, p. 107. — Fell. Die Christenverfolgung in Sudarabien. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., 35 (1881), pp. 33—34.
- ¹⁸⁹ Praetorius. Himjarische Inschriften. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges. 26 (1872), p. 440. — K. Mlaker. Die Inschrift von Husn al-Gurab. Wien. Ztschr. f. d. Kunde d. Morgl., 34 (1927), pp. 56—57.
- ¹⁹⁰ Fell. Die Christenverfolgung in Südarabien. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., 35 (1881), p. 37. — Mlaker. Die Inschrift von Husn al-Gurab. Wien. Ztschr. f. d. Kunde d. Morgl., 34 (1927), p. 60.
- ¹⁹¹ Glaser. Zwei Inschriften..., Mitteil. d. Vorderas. Ges., 1897, H. 6, pp. 448, 483.
- ¹⁹² Сомнения в верности химьяритской эры высказывал Млакер (там же, стр. 75). — Началом царства химьяритов и их эры Хитти считает 115 г. до н. э. — Hitti. History of the arabs. 4 ed., London, 1949, p. 55.
- ¹⁹³ The book of Himyarites, p. 54a, b.
- ¹⁹⁴ Glaser. Zwei Inschriften..., p. 391, Zeilen 14, 17. — Corpus inscriptionum semiticarum. Pars IV, t. II, fasc. 3, p. 288.
- ¹⁹⁵ Прокопий. История войн римлян с персами. Пер. Дестуниса, I. СПб., 1876, стр. 275—278, примеч. 10. — Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35 (1881), p. 708.
- ¹⁹⁶ Procopius Caesarensis. De bello persico, I, 18, I, 21, pp. 95—100, 110.
- ¹⁹⁷ Simeon Betharš., p. ۳۱.
- ¹⁹⁸ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 109.
- ¹⁹⁹ Там же, I, 20, стр. 108—109. 310
- ²⁰⁰ Там же, I, 20, стр. 110.
- ²⁰¹ Там же, I, 19, стр. 108.
- ²⁰² Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege... Zfschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35 (1881), p. 702.
- ²⁰³ М. Хвостов. История восточной торговли..., стр. 301.
- ²⁰⁴ Malalas. Chronographia, p. 457.
- ²⁰⁵ Malalas, там же, стр. 457. — Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege, p. 702. — Dieterich, I, 76.
- ²⁰⁶ Malalas. Chronographia, p. 458.
- ²⁰⁷ Fell. Die Christenverfolgung in Südarabien. Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35 (1881), pp. 35—36.
- ²⁰⁸ Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege, p. 702.
- ²⁰⁹ Malalas. Chronographia, p. 458.
- ²¹⁰ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 109.
- ²¹¹ Malalas. Chronographia, p. 458.

- ²¹² Там же, стр. 459.
- ²¹³ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 107. — Mordtmann. Die himjarisch-äthiopische Kriege, p. 708.
- ²¹⁴ Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤ — Tabari — Nöldeke, p. 197.
- ²¹⁵ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 108.
- ²¹⁶ Tabari — Nöldeke, pp. 200—201 (4).
- ²¹⁷ Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤ — ٩٢٥ — Nöldeke — Tabari, pp. 195—197, 197—199. — Fell. Die Christenverfolgung..., Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35 (1881), pp. 40—43.
- ²¹⁸ А. Васильев. Житие св. Грегентия, стр. 35—37.
- ²¹⁹ Martyrium Arethae, p. 753.
- ²²⁰ А. Васильев. Житие св. Грегентия, стр. 63, 36.
- ²²¹ Возможно, что Абраха считал своей столицей не Тафар, а Санаа. Это не вполне ясно и из надписи Глазера (Glaser, 618). Глазер сомневается в том, какая именно из столиц была опорой Абрахи, так как столица не названа (Zwei Inschriften über den Dambruch von Marib. Mitteil. d. Vorderasiat Ges., 1897, H. 6, p. 417). Из традиции Хишама известно, что христианский храм был построен Абрахой после примирения с негази, когда Абраха занял положение эфиопского наместника (Tabari—Nöldeke, p. 205). Это подтверждают и первые строки Марибской надписи, из которых явствует, что Абраха был подчинен негази (Марийская надпись, строки 4—5. C. I. S. Pars IV, t. II, fasc. 3, pp. 278, 293).
- ²²² Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤. — Tabari — Nöldeke, p. 201. — Хитти считает это утверждение правильным (History of the arabs. 4-th ed., 1949, p. 62).
- ²²³ Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤. — Tabari — Nöldeke, p. 201.
- ²²⁴ Glaser. Zwei Inschriften..., pp. 405—406.
- ²²⁵ Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٥. — Tabari — Nöldeke, p. 205.
- ²²⁶ E. Glaser. Zwei Inschriften..., p. 391. — Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV. Inscriptioes Himyariticas et sabaeas continens, t. II, fasc. 3. Parisiis, 1920, pp. 262—277, 540 (Glaser 554). — Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV. Inscriptioes himyaritices et sabaeas continens, t. II, fasc. 3. Parisiis, 1920, pp. 278—296, 541 (Glaser 618). — A. Grohmann. Marib. Encyclopédie de l'Islam (1930), livr. 41, pp. 296—311.
- ²²⁷ Corp. inscript, sem., pars IV, t. II, fasc. 3, p. 287. (Далее цитируется как C. I. S.). — Praetorius. Bemerkungen den beiden grossen Inschriften vom Dambruch Marib. Ztschr. d. Deutsch. Mrgl. Ges., B. 53 (1899), p. 15.
- ²²⁸ C. I. S., p. 287.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Glaser. Zwei Inschriften..., p. 415₁.
- ²³² Там же, pp. 418, 427.
- ²³³ Там же, стр. 420.
- ²³⁴ Там же, стр. 418—419.
- ²³⁵ Там же, стр. 420; C. I. S., p. 280. — Praetorius, Ztschr. d. Deutsch. Mrgl. Ges., B. 53 (1899), p. 22.
- ²³⁶ C. I. S., p. 281.
- ²³⁷ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 108.
- ²³⁸ Nöldeke. Die Gassanidischen Furste aus dem Hause Gafna's. Abh. d. Akad. d. Wiss., Berlin, 1887. — Н. Пигулевская. Арабы VI в., по сирийским источникам. Тр. 2-й сессии арабистов. Л., 1941, стр. 60.
- ²³⁹ Procopius. De bello persico, I, 19, pp. 101—102.
- ²⁴⁰ Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, v. IV, p. 179.
- ²⁴¹ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 109.
- ²⁴² Glaser. Zwei Inschriften..., p. 440. — Нельзя считать Кайса и Абукариба одновременно филархами двух различных частей Палестины, как это ошибочно делает Глазер.
- ²⁴³ Procopius. De bello persico, I, 19, p. 102.
- ²⁴⁴ Там же, стр. 109.
- ²⁴⁵ Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV, p. 179.
- ²⁴⁶ Там же, стр. 179.
- ²⁴⁷ Glaser. Zwei Inschriften..., p. 436.
- ²⁴⁸ Procopius. De bello persico, II, 1, p. 149.
- ²⁴⁹ Там же, I, 20, p. 108.
- ²⁵⁰ Glaser. Zwei Inschriften..., pp. 418—419 (надпись 618, строки 66 и 67). — C. I. S., p. 284.
- ²⁵¹ Там же, строка 67.
- ²⁵² Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti. Roma, 1941, p. 27.
- ²⁵³ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 110.
- ²⁵⁴ Tabari — Nöldeke, p. 208 (l).
- ²⁵⁵ Corani textus arabicus, ed. G. Fluegel, Lipsiae, 1858, p. 334; Коран, сура 105, пер. Г. Саблукова, Казань, 1895, стр. 530.
- ²⁵⁶ Procopius. De bello persico, I, 20, p. 108.
- ²⁵⁷ Abel. L'île de Iotabé. Revue biblique, t. 47 (1938), pp. 510—538. Рецензия. Analecta Bollandiana, t. 57 (1939), III—IV, p. 415.
- ²⁵⁸ Corani textus arabicus, ed. G. Fluegel, Lipsiae, 1858, p. 229; Коран, сура 34, 14—17, пер. Г. Саблукова, Казань, 1895, стр. 366.
- ²⁵⁹ Hitty. History of the arabs, p. 64.

- 260 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٠. — Tabari — Nöldeke, p. 219.
- 261 Коран, сура 105. Пер. Г. Саблукова, стр. 530.
- 262 Tabari — Nöldeke, p. 218 (4).
- 263 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٠. — Tabari — Nöldeke, p. 220.
- 264 Procopius. De bello persico, I, 20, p. 110.
- 265 Hitty. History of the arabs, p. 64.
- 266 Glaser. Zwei Inschriften..., pp. 475—476. — Kammerer. Essai sur l'histoire d'Abyssinie. Paris, 1924, p. 115.
- 267 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢١. — Tabari — Nöldeke, p. 220.
- 268 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢١ (496). — Tabari — Nöldeke, p. 220 (3).
- 269 Caussin de Perceval. Essai..., I, pp. 146—148. — Хитти (Hitty. History, p. 66) относит падение власти эфиопов к 575 г.
- 270 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢١. — Tabari — Nöldeke, pp. 220—221.
- 271 Rothstein. Geschichte der Lahmidien von al-Hira. Berlin, 1899, pp. 23, 46.
- 272 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢١. — Tabari — Nöldeke, p. 228.
- 273 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٢. — Tabari — Nöldeke, p. 229.
- 274 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤. — Tabari — Nöldeke, p. 230. — Caussin de Perceval. Essai..., Paris, 1847, I, p. 149.
- 275 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٣. — Tabari — Nöldeke, p. 230 (2).
- 276 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٤. — Tabari — Nöldeke, p. 234.
- 277 Tabari, textus arabicus, pp. ٩٢٤, ٩٢٦. — Tabari — Nöldeke, pp. 226, 234.
- 278 The Antiquities of South Arabia being a translation... of the eight book of al Hamdani's al-Iklil, by Nabih Amin Faris. Princeton. 1938, p. 71. — В. А. Крачковская. Историческое значение южноарабской архитектуры. Сов. востоковед., т. 4, стр. 114, 123.
- 279 Tabari, textus arabicus, pp. ٩٢٤ — ٩٢٥. — Nöldeke, Tabari, p. 227. — Упоминание в тексте имени Сейфа ошибочно, так как другая традиция, известная тому же Табари, Масуди и другим, сообщает о смерти Сейфа при дворе Хосрова. Эта ошибка была отмечена еще у Caussin de Perceval. Essai, I, p. 153.
- 280 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٧. — Tabari — Nöldeke, p. 236.
- 281 Tabari, textus arabicus, p. ٩٢٨. — Tabari — Nöldeke, p. 238.
- 282 Caussin de Perceval. Essai..., I, pp. 154, 157. — Nallino. Raccolta dei scritti editi e inediti, 1941. v. 3, p. 27. — Hitty. History of the arabs, p. 66.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕДЖРАНЕ В НАЧАЛЕ VI в. н. э.

- ¹ Hitti. History of the arabs. 4-th edit., 1949, pp. 57—85. — N. Rhodokanakis. Das öffentliche Leben in den alten sudarabischen Staaten. — D. Nielsen. Handbuch der altarabischen Altertumskunde. Kopenhagen, 1927, p. 119.
- ² Lyaill. Translations of ancient arabian poetry. New York, 1930, p. XXIII.
- ³ A. Nallino. Raccolta di scritti editi et inediti. Roma, 1941, III, p. 80.
- ⁴ A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924, p. 24b—25b.
- ⁵ La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam sopra i martiri omeriti, pubblicata e tradotta dal Ignazio Guidi. Reale Accademia dei Lincei. Seria 3, Mem. della Cl. di sci. mor., stor. e filol., v. VII, Roma, 1881, p. 7.
- ⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестн. др. ист., 1940, № 1, стр. 12.
- ⁷ The book of Himyarites, 8a, pp. 36b.
- ⁸ Martyrium Arethae. Acta sanctorum. Octobris, t. X, p. 728.
- ⁹ The book of Himyarites, p. 8a.
- ¹⁰ Martyrium Arethae, pp. 724, 728.
- ¹¹ The book of Himyarites, p. 11a.
- ¹² Там же.
- ¹³ The book of Himyarites, p. 36b.
- ¹⁴ О следах матриархата у арабов см.: Nallino. Raccolta di scritti, III, pp. 83—86.
- ¹⁵ The book of Himyarites, p. 25a.
- ¹⁶ Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien von al-Hira. Berlin, 1899, p. 76.
- ¹⁷ Simeon Betharš., p. 7.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Martyrium Arethae, p. 732.
- ²¹ Simeon Betharš., pp. 7, 8.
- ²² Martyrium Arethae, p. 723.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Simeon Betharš., p. 7.
- ²⁵ Martyrium Arethae, p. 732.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, стр. 723.
- ²⁸ Schlumberger. Monnaies des Ethiopiens et des Homérites. Revue numismatique. 1886, p. 356. — Hitti.

History of the arabs, pp. 56, 58.

- ²⁹ Diodorus Sicil., II, 50, 1.
- ³⁰ The book of Himyarites, pp. 43b—44a.
- ³¹ Lammens. Le berceau de l'islam. L'Arabie occidentale à la veille de l'hégire. Romae, 1914. — Lammens. La Mecque à la veille de l'hégire. Beyrouth, 1924. — Lammens. L'Arabie occidentale avant l'hégire. Beyrouth, 1923.
- ³² Simeon Betharš., p. ٣. — Martyrium Arethae, p. 732.
- ³³ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1943, стр. 43.
- ³⁴ Martyrium Arethae, pp. 736, 758.
- ³⁵ Simeon Betharš., p. ٤.
- ³⁶ Tabari — Nöldeke, pp. 200—201, 216.
- ³⁷ Martyrium Arethae, p. 739.
- ³⁸ Al-Beladsori. Liber expugnationis regionum. Lugduni Botavorum, 1866, p. 64. — Murgotten and Hitti. Kitab futuh al-buldan, t. I. New York, 1916, стр. 98.
- ³⁹ Al - Beladsori, p. 65. — Murgotten and Hitti, pp. 100—101.
- ⁴⁰ Hartmann. Der Islamische Orient, II. Die arabische Frage. Leipzig, 1909, pp. 212, 219 — Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 40 (1927), p. 177. — Le Muséon, v. 45 (1932), pp. 190, 294.
- ⁴¹ Hartmann. Die arabische Frage, p. 450. — Rhodokanakis. Das öffentliche Leben in den alten sudarabischen Staaten. — D. Nielsen. Handbuch, pp. 120—122.
- ⁴² Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, v. 45 (1932), pp. 290, 294—295.
- ⁴³ Glaser. Zwei Inschriften..., p. 420. — C. I. S. P VI, t. II, f. 3, p. 281.
- ⁴⁴ Mordtmann und Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig, 1932, p. 55.
- ⁴⁵ Rhodokanakis. Katabanische Texte, zur Bodenwirtschaft, II, 14.
- ⁴⁶ Grohmann. Marib. Encyclopédie de l'islam (1930), livr. 41. p. 309.
- ⁴⁷ Martyrium Arethae, p. 729.
- ⁴⁸ The book of Himyarites, p. 38a.
- ⁴⁹ Там же, стр. 38b. — Guidi. Lettera di Simeone di Beth Arsam, p. ٣.
- ⁵⁰ Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Museon, v. 40, 1927, pp. 165, 168.
- ⁵¹ Hartmann. Die Aralische Frage, pp. 410—411.
- ⁵² Martyrium Arethae, p. 723.
- ⁵³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 10.
- ⁵⁴ Там же, стр. 11.
- ⁵⁵ Там же, стр. 22.
- ⁵⁶ The book of Himyarites, p. 24a.
- ⁵⁷ Там же, стр. 24b, 30b.
- ⁵⁸ Там же, стр. 37a.
- ⁵⁹ Там же, стр. 38b.
- ⁶⁰ Chronique de Seert, LXXIII. Texte arabe par A. Scheer. Patrologia Orientalis, t. 5, p. 331.
- ⁶¹ Martyrium Arethae, pp. 755, 756.
- ⁶² Tabari. Annales. Series I, t. 2, p. ٩٢٩ — Tabari — Nöldeke, pp. 194—195.
- ⁶³ А. Кремер. Die himjarische Kasideh. Leipzig, 1865, pp. 20—21, I. 95. В данном контексте следует считать правильным перевод Кремером слова ал-мулуку как „князья", а не „цари". — Encyclopädie des Islam, t. III, p. 924.
- ⁶⁴ Tabari — Nöldeke, p. 186 (I).
- ⁶⁵ Mordtmann. Die himjarisch-äthiopischen Kriege noch einmal. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges., t. 35 (1881), p. 697 (I).
- ⁶⁶ Praetorius. Himjarische Inschriften. Z. D. M. G., 26 (1872), pp. 36—440. — Fell. Christenverfolgung in Arabien. Z. D. M. G., 35 (1881), pp. 37—39. — Glaser. Die Abessinier in Arabien und Afrika. München, 1895, pp. 131—132. — Winkler. Altorientalische Forschungen. Leipzig, 1893, I, pp. 326—327.
- ⁶⁷ К. Млакер. Die Inschrift von Husn al-Gurab. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands, 34 (1927), pp. 59—60. — Млакер напрасно отрицает значение данных „Книги химьяритов" для этой надписи. — К. Млакер. Zur Inschrift von Husn al-Gurab. Zeitschr. für Semitistik, 7, 1929, p. 64.
- ⁶⁸ Mordtmann und Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig, 1932, p. 55, № 43.
- ⁶⁹ М. Höfner. Zur Interpretation altsüdarabischer Inschriften. II. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands., 43 (1936), p. 91.
- ⁷⁰ Glaser. Zwei Inschriften..., pp. 394, 408.
- ⁷¹ Mordtmann und Mittwoch. Sabäische Inschriften. Hamburg., 1931, p. 3. — Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 4S (1932), p. 290.
- ⁷² Mordtmann und Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig, 1932, pp. 17—19, № 16.
- ⁷³ Там же, стр. 7—8, № 2, строки 1, 4.
- ⁷⁴ Tabari — Nöldeke, p. 120.
- ⁷⁵ Rhodokanakis. Zur Interpretation altsüdarabischer Inschriften I. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands, 43 (1936), p. 75.
- ⁷⁶ Conti Rossini. Un documento sul christianesimo Roma, 1911. Reale Accademia dei Lincei. Estratto dei rendiconti, t. 19, pars. II, pp. 18—19.
- ⁷⁷ Winkler. Orientalische Forschungen, I, p. 329. — На основании надписи, изданной Деренбургом

(Derenbourg. *Études épigraphiques*, № 13).

- ⁷⁸ Conti Rossini. *Un documento...*, p. 191.
- ⁷⁹ The book of Himyarites, p. 11a.
- ⁸⁰ *Martyrium Arethae*, p. 734.
- ⁸¹ Там же, p. 735.
- ⁸² The book of Himyarites, p. 25b.
- ⁸³ *Martyrium Arethae*, p. 723.
- ⁸⁴ Hartmann. *Die arabische Frage*, pp. 30, 446—447.
- ⁸⁵ Там же, стр. 434.
- ⁸⁶ Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes*. *Le Muséon*, 40 (1927), p. 177.
- ⁸⁷ Grimme. *Aus inedierten südarabischen Inschriften des Berliner Staatsmuseums*. *Le Muséon*, 45 (1932), pp. 96, 98.
- ⁸⁸ Ryckmans. *Inscriptions...* *Le Muséon*, 45 (1932) pp. 290, 294—295.
- ⁸⁹ Höfner. *Zur Interpretation altsüdarabischer Inschriften II Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands*, 43 (1930), p. 78.
- ⁹⁰ Mordtmann und Mittwoch. *Himyarische Inschriften*. Leipzig, 1932, pp. 7—8, № 2.
- ⁹¹ Rhodokanakis. *Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen*, II. Wien, 1917, pp. 149—150.
- ⁹² Hartmann. *Die arabische Frage*, pp. 212, 218, 219. — Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes*. *Le Muséon*, 45 (1932), pp. 290, 294.
- ⁹³ A. Moberg. *The book of Himyarites*, p. 36b, LXXXVII. — Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 355.
- ⁹⁴ Simeon Betharš., p. 7.
- ⁹⁵ Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 434.
- ⁹⁶ N. Rhodokanakis. *Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen*, II. Wien, 1917, p. 150.
- ⁹⁷ Там же, стр. 150—151.
- ⁹⁸ Там же, стр. 151₂.
- ⁹⁹ *Martyrium Arethae*, p. 734.
- ¹⁰⁰ Höfner, *Zer. Interpretation altsüdarabischer Inschriften*. *Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands*, 43 (1936), pp. 91₁, 95—96.
- ¹⁰¹ Mordtmann und Mittwoch. *Himyarische Inschriften*, p. 55.
- ¹⁰² Landberg. *Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale*, v. I Hadramout. Leide, 1901, pp. 97, 660.
- ¹⁰³ N. Rhodokanakis. *Das öffentliche Leben*. — Nielsen. *Handbuch*, p. 122. — Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 431.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 429—430, примеры 1—4.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 432.
- ¹⁰⁶ Landberg. *Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale*, p. 643.
- ¹⁰⁷ Nielsen. *Handbuch*, pp. 122—123, 125. — Rhodokanakis. *Die Katabanische Bodenverfassungs-Kunde*. *Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands*, 31 (1924), pp. 33, 35—36.
- ¹⁰⁸ Родоканакис считает членами табнана земледельцев. — Там же, стр. 40.
- ¹⁰⁹ Там же, стр. 43.
- ¹¹⁰ Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 433.
- ¹¹¹ Усиление знати признает и Родоканакис. — Nielsen. *Handbuch*, p. 129.
- ¹¹² Glaser. *Zwei Inschriften*, pp. 394, 408. — Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 221.
- ¹¹³ Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 429. (Glaser, 1571).
- ¹¹⁴ Glaser. *Altjemenische Nachrichten*. München, 1906, p. 391.
- ¹¹⁵ Hartmann. *Die arabische Frage*, p. 437. — Rhodokanakis. *Das öffentliche Leben*. — Nielsen. *Handbuch*, p. 130.
- ¹¹⁶ Al Hamdanis al Iklil. *The antiquities of south Arabia*. Princeton, 1938, p. 71. — *The Encyclopædia of Islam* II, p. 247.
- ¹¹⁷ Tabari, *textus arabicus*, p. 97₁ — Tabari — Nöldeke, p. 192.
- ¹¹⁸ Tabari — Nöldeke, p. 158—159. — Glaser. *Altjemenische Nachrichten*, p. 156.
- ¹¹⁹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.
- ¹²⁰ N. Rhodokanakis. *Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen*. Wien, 1917, H. 2, p. 127.
- ¹²¹ Там же, стр. 127.
- ¹²² Там же, стр. 137—138.
- ¹²³ Halévy. *Études sabéennes*, p. 167.
- ¹²⁴ Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes*. *Le Muséon*, 45 (1932), pp. 104—105.
- ¹²⁵ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.
- ¹²⁶ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.
- ¹²⁷ Там же, стр. 24.
- ¹²⁸ A. Kammerer. *Essai sur l'histoire antique d'Abyssinie*. Paris, 1926, c. № 3.
- ¹²⁹ Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу, 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Избранные письма*. 1947, стр. 75.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 19, ч. I, стр. 360.
- ² Там же, стр. 359.
- ³ Там же, стр. 353.
- ⁴ Там же, стр. 360.
- ⁵ Там же, стр. 358.
- ⁶ Там же, стр. 360.
- ⁷ Там же, стр. 359.
- ⁸ Там же, стр. 360.
- ⁹ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 552—553.
- ¹⁰ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 556.
- ¹¹ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, ч. 1. стр. 359.
- ¹² И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 555.
- ¹³ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 555.
- ¹⁴ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 555.
- ¹⁵ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 555.
- ¹⁶ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1947, стр. 552, 554—555.
- ¹⁷ В. И. Ленин. О государстве (Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.). Соч., т. 29, стр. 442.
- ¹⁸ В. И. Ленин. О государстве. (Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.). Соч., т. 29, стр. 443.
- ¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 358.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ добавлено *ἀχρι των Ῥωμαίων*. ² Ἐδεμ. ³ Δραχμαν. ⁴ отсутствует, имеет σ. ⁵ Δραχμαν. ⁶ Εὐίλατ. ⁷ σπέρον. ⁸ добавлено *κατοικοῦντες εν αυτη εισι*. ⁹ Ἰεμηρ. ¹⁰ Ἰεμηρ. ¹¹ Δισιμανεῖς ¹² добавлено *αυται γαρ αι χωραι και οι τόποι* ¹³ *απο τοῦ ποταμοῦ Φισών* ¹⁴ *ουδε* ¹⁵ *ουδε* ¹⁶ *πάντες*. ¹⁷ пропущено *το... μέγα*, имеет *μεγάλην ἔχοντα*. ¹⁸ *οχτω. πάντες δε Χριστιανο: οι τοῦ τουιούτου τόπου· απο δε Χωναίων εως Διαβα όπου εισηλθεν Αλέξανδρος των Μακεδόνων βασιλευς και εποίησεν θησαυρούς και εστησεν ανδρίαντα εικόνα, οδος μηνων τεσσάρων και αυτοι Χριστιανοι*. ¹⁹ *Διαβα παραπλέων τον αιγιαλόν*. ²⁰ *εισι δε*. ²¹ *εισι δε Χριστιανοι και Ἕλληνες οι τοιούτοι*. ²² *απο Ἀξομίαν*. ²³ *τη Ἐρυθρα θαλασση*. ²⁴ *μικραν*. ²⁵ *εισιν Χριστιανοι και Ἕλληνες*. ²⁶ *άνθρωποι*. ²⁷ *Σαρακηνην*. ²⁸ *αποπλέει εις Εὐίλατον*. ²⁹ *τον*. ³⁰ *και Ἰνδικης*. ³¹ отсутствует *εισιν* ³² *Ευίλατ εις Ἐλαμην* ³³ *Ἐλαμην εις Ἀντιόχειαν* ³⁴ *Κοσταντίνου πολιν*. ³⁵ *Κοσταντίνου πόλεως*. ³⁶ *Γαλλίαν* ³⁷ В дальнейшем текст не совпадает с нашей рукописью: *ομοῦ μοναι χίλιαι τετρακόσια κε η μονη ἔχει μίλια ἐξήκοντα: εισιν αμφότερα μιλια χιλιάδες ἐξήκοντα τρεῖς κοι εννακόσια οδοιπορίαι απο Ἐδεμ τοῦ παραδείσου ἀχρι των Ῥωμαίων*.